

М 106
56

А. Ламартинъ.

ИСТОРИЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1906.

А. Ламартинъ.

ИСТОРИЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга.	стр.
LI. Казни продолжаютъ въ Парижѣ.—Госпожа Роланъ въ тюрьмѣ пишетъ мемуары.—Ея осужденіе и казнь.—Самоубійство Ролана.	1
LII. Коммисары Конвента Изабо и Таліенъ въ Бордо.—Судьба жирондистовъ Бюзо, Барбару, Петіона, Луве, Валади, Салла, Гранжева, Бирото, Гаде, Бэкъ д'Амбеса, Барнава, Дюпона и Балли.—Казнь г-жи дю-Барри, Вирона и супруговъ д'Аллерай.—Конвентъ смѣняетъ коммуну.—Посмертныя записки Робеспьера.—Филантропическія мѣры.—Республиканскій календарь.—Вѣроотступничество духовенства.—Геберъ и Шометтъ.—Профанація католической религіи и основаніе религіи разума.—Разореніе могилъ королей въ Сенъ-Дени и оскверненіе ихъ смертныхъ останковъ.	12
LIII. Терроръ въ департаментахъ.—Дѣйствія Карріера, Ж. Лебона и Талліена.—Г-жа де Фонтеней (Тереза Кабаррюсъ) укрощаетъ Талліена.—Робеспьеръ младшій въ Везулѣ.	41
LIV. Сенъ-Жюстъ и Леба при арміи отъ Конвента.—Терроръ въ Страсбургѣ подавленъ.—Борьба могущества Робеспьера и Дантона.—Женскіе клубы и ихъ судьба.—Вязальщицы Робеспьера.—Листки „Отецъ Дюенъ“ и „Старый Сапожникъ“.—Камиллъ Демуленъ.—Защита Робеспьеромъ религіозной свободы Дантона и Камилла Демулена и нападки на Анахарзиса Клоотца.—Попытка къ сближенію Гебера съ Робеспьеромъ и къ образованію тріумvirата не удается.—Геберъ пытается поднять бунтъ, но его соумышленники арестованы и казнены.—Друзья Дантона заключены въ тюрьму.	52
LV. Свиданіе Робеспьера съ Дантономъ.—Бездѣйствіе Дантона.—Тайныя засѣданія Комитетовъ.—Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Филиппо, Лакруа и Вестерманъ арестованы.—Засѣданіе Конвента, единогласное постановленіе относительно Дантона и его сторонниковъ и ихъ заключеніе въ тюрьму.—Судъ надъ ними.—Ихъ казнь.—Характеристика Дантона.	84
LVI. Терроръ распространяется.—Владычество Комитета общественнаго спасенія.—Сенъ-Жюстъ въ арміи.—Силы и планъ союзныхъ державъ въ 1794 году и силы французской арміи.—Военачальники и ихъ дѣйствія.—Побѣда при Тюркуанѣ.—Взятіе Шарлеруа.—Битва при Флери.—Обсервационный воздушный шаръ.—Планы вторженія въ Голландію.—Дѣйствія австрійцевъ и пруссаковъ.—Арестъ Гоша.—Защита границъ.—Брестскій флотъ.—Встрѣча французскаго флота съ англійскимъ.—„Le Vengeur“ („Мститель“).—Терроръ и казни усиливаются.—Публичныя оскорбительницы.—Сынъ Кюстина осужденъ и казнень.—Самоубійство Клавьера.—Казнь Ламурета, епископа ліонскаго.—Судьба Кондорсе, Луве, Ларевельеръ-Лепо, Ле-Малерба и его семьи, Лукифа, Дюваль-Депремениля и лицъ съ громкими именами временъ монархіи.—Гильотина съ площади Людовика XV перенесена къ заставѣ Трона.—Казнь аббата Фенелона.	116

Книга.

стр.

LVII.	Обзоръ тюремъ. — Руше, Андре-Шенье. — Кармелиты. — Г-жи Эгильонъ, де Богарне, де-Кабаррюсь. — Тамплъ. — Принцесса Елизавета, ея осужденіе и казнь. — Робеспьеръ царитъ въ Коммунѣ и въ Конвентѣ. — Его друзья и тайные враги. — Разногласія въ Комитетѣ. — Перевезеніе смертныхъ останковъ Ж.-Ж. Руссовъ въ Пантеонъ.	142
LVIII.	Покушеніе на убійство Колло д'Эрбуа. — Покушеніе Сесиль Рено. — Празднество въ честь Верховнаго Существа. — Триумфъ Робеспьера. — Волненія въ Комитетахъ. — Филантропическіе законы Конвента. — Распри въ Комитетѣ общественнаго спасенія. — Секретныя записки Робеспьера о нѣкоторыхъ членахъ Конвента. — Глухое недовольство имъ	167
LIX.	Термидорцы. — Терроръ усиливается. — Барерь „Анакреонъ гильотины“. — Катерина Тео. — Де Сентъ-Амарантъ и ея судьба. — Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ. — Попытка къ примиренію между членами Комитетовъ	192
LX.	Призрачное примиреніе. — Якобинцами и секціонерами Робеспьеръ избранъ главой и знаменемъ, но онъ держится въ сторонѣ. — 7-е и 8-е Термидора. — Рѣчи Робеспьера въ Конвентѣ. — Его предсмертное завѣщаніе. — Волненія. — Заговоръ противъ Робеспьера, Терезы Кабаррюсь и Талліена. — 9-е Термидора. — Засѣданіе Конвента. — Нападеніе Билло-Варенна на Робеспьера, намѣревающагося возражать. — Талліенъ лишаетъ его слова и требуетъ арестованія Генріо и продолженія засѣданія. — Барерь и Вадье говорятъ противъ Робеспьера. — Принятъ обвинительный декретъ противъ Робеспьера. — Его участь раздѣляютъ Робеспьеръ младшій, Кутонъ, Сентъ-Жюстъ и Леба. — Ихъ отправляютъ въ тюрьму. — Казни наканунѣ и въ этотъ день. — Руше, Андре-Шенье.	207
LXI.	Тюрьмы отказываютъ въ приемъ обвиненныхъ. — Они освобождены и отнесены въ Коммуну. — Ратуша — очагъ возстанія. — Генріо арестованъ именемъ Конвента. — Робеспьеръ изъ депо муниципалитета переходитъ въ ратушу. — Генріо освобожденъ. — Засѣданіе Конвента возобновляется. — Генріо объявленъ внѣ закона. — Робеспьеръ продолжаетъ бездѣйствовать. — Генріо покинуть войсками. — Переполохъ въ ратушѣ. — Робеспьера и его сторонниковъ отводятъ въ Конвентъ, затѣмъ въ Консержери. — Они объявлены внѣ закона. — Обвиненные на эшафотѣ. — Поведеніе Робеспьера на эшафотѣ. — Его смерть. — Судъ надъ Робеспьеромъ и надъ революціей	239 259
	Критика	

II.

Казни продолжаютъ въ Парижѣ.—Госпожа Роланъ въ тюрьмѣ.—Она пишетъ мемуары.—Ея осужденіе.—Смерть.—Самоубійство Ролана.

1.

Борьба то героическая, то жестокая между республикой и ея врагами на поляхъ битвъ и посредствомъ казней не прекратила убійствъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ. Послѣ смерти жирондистовъ гильотина получила право гражданства. Она не переставала пожирать свои жертвы, набравшіяся изъ всѣхъ партій, которыя образовались съ начала революціи и продолжали образовываться во время ея развитія. Нѣсколько кровожадныхъ демагоговъ Коммуны и Горы требовали, чтобы смертоубійственное орудіе было построено изъ камня на площади Согласія, противъ Тюльери. По ихъ мнѣнію, гильотина должна была обратиться въ общественное и національное сооруженіе, чтобы свидѣтельствовать о томъ, что бдительность народа не прекращается, а мщеніе его будетъ вѣчно.

Революціонный судъ, слѣдившій за малѣйшимъ знакомъ Комитета общественного спасенія, спѣшилъ убивать всѣхъ, на кого тотъ указывалъ ему. Судъ обратился въ короткую формальность.

Имя госпожи Роланъ не могло продолжительное время скрываться отъ злобы народа. Это имя представляло собою цѣлую партію. Будучи душою Жиронды, эта женщина легко могла обратиться въ метильницу за нихъ, если-бы ей дали возможность пережить ея знаменитыхъ друзей, ранѣе ея сошедшихъ въ могилу. Нѣкоторые были еще живы: необходимо было нанести ударъ ихъ мужеству, поразивъ ихъ кумира. Память тѣхъ, которые сошли въ могилу, надо было запятнать, связавъ ее съ именемъ ненавистой женщины, возбуждавшей къ себѣ чувство отвращенія въ толпѣ и подозрительной для свободы. Таковы были предлоги, которые побуждали Коммуну и якобинцевъ требовать суда надъ госпожою Роланъ.

2.

Комитетъ общественного спасенія, исполнявшій иногда съ огорченіемъ, хотя съ постоянною угодливостью, желанія черни, внесъ имя госпожи Роланъ въ

списки, которые каждый вечер приносили Фукье-Тенвиллю. Робеспьеръ подписалъ этотъ списокъ съ притворнымъ сожалѣніемъ. Въ первое время своего пребыванія въ Парижѣ, аррасскій депутатъ, въ то время еще не пользовавшійся извѣстностью, бывалъ въ домѣ этой женщины. Когда Учредительное собраніе оскорбляло гордость Робеспьера и съ презрѣніемъ относилось къ его рѣчамъ, госпожа Роланъ угадала его геніальность, оцѣнила его настойчивость, поощряла его краснорѣчіе, пока еще непризнанное. Воспоминанія объ этомъ тяготили члена Комитета общественного спасенія въ то время, когда онъ подписывалъ приказъ о преданіи суду госпожи Роланъ, вмѣстѣ съ тѣмъ явившійся и приговоромъ къ смерти. Революція подняла одного изъ нихъ на высоту всемогущества, а другую низвергла въ бездну несчастій. Быть можетъ, именно благодаря поддержкѣ этой женщины Робеспьеръ достигъ власти, которая предоставляла ему право спасти или погубить ее. Каждый великодушный человѣкъ былъ бы растроганъ этимъ сопоставленіемъ настоящаго съ воспоминаніями о прошломъ. Но Робеспьеръ былъ стоикъ. Онъ считалъ непоколебимость—силой, упрямство—признакомъ воли. Онъ вырвалъ бы у себя сердце, если-бы считалъ его способнымъ внушить ему слабость. Система убила въ немъ природу. Онъ считалъ себя сверхчеловѣкомъ, убивая въ себѣ человѣческія чувства. Чѣмъ болѣе онъ страдалъ отъ своего жестокосердія, тѣмъ болѣе онъ считалъ себя правымъ. Онъ достигъ той степени софизма и преувеличенія ложной добродѣтели, которая заставляетъ человѣка презирать всѣ добрыя чувства.

Госпожа Роланъ находилась въ тюрьмѣ Аббатства съ 31-го мая. Потомство слѣдитъ за нѣкоторыми людьми съ большимъ любопытствомъ и интересомъ, чѣмъ за цѣлыми государствами, потому что они резюмируютъ своимъ положеніемъ, чувствами, возвышеніемъ и паденіемъ всѣ превратности, катастрофы, славу и несчастія своего времени. Госпожа Роланъ принадлежала къ числу такихъ людей. Въ порывѣ своей страсти, въ своихъ увлеченіяхъ, мученичествѣ, временномъ упадкѣ духа и безсмертной надеждѣ она олицетворяла въ уединеніи тюрьмы всю революцію. Отрѣзанная отъ свѣта, оторванная отъ отца, мужа и дочери, она заливала потоками слезъ пылъ горячаго воображенія, подобно обломку, объятому пламенемъ.

3.

Тюремщики Аббатства, насколько было въ ихъ силахъ, старались смягчить тяжесть ея заключенія. Есть люди, которыхъ можно преслѣдовать только тогда, когда находишься вдали отъ нихъ. Красота смягчаетъ всякаго, кто приближается къ ней. Ей отвели, безъ вѣдома комиссаровъ, камеру, куда проникалъ лучъ солнца. Ей принесли цвѣтовъ. Въ счастливые дни своей жизни она любила окружать себя цвѣтами,—самыми прекрасными и наименѣе дорого стоящими предметами роскоши. Рѣшетку ея окна густо переплели вьющимися растеніями, чтобы дать хоть глазамъ ея иллюзію свободы. Нѣкоторымъ изъ ея друзей разрѣшили навѣщать ее. Ей принесли книги, и она могла бесѣдовать съ самыми великими мужами древности. Спокойная за безопасность мужа, который, какъ ей было извѣстно, нашелъ убѣжище въ Руанѣ у преданныхъ друзей, за участь дочери, которую ея другъ Боскъ, завѣдующій Jardin des

Plantes, поручилъ попеченію госпожи Крѣзе де-ла-Тушъ, сдѣлавшейся ея приѣмной матерью; гордая тѣмъ, что ей приходится страдать за свободу, счастливая страданіемъ за своихъ друзей, она мирилась съ уединеніемъ своей темницы. Когда несчастія достигаютъ крайнихъ предѣловъ, природа посылаетъ успокоеніе, какъ бы разстилая мягкій покровъ въ глубинѣ бездны, чтобы смягчить тяжесть паденія несчастнымъ. Увѣренность, что нельзя упасть еще ниже, вызовъ, брошенный людямъ, упорствовавшимъ въ своей мести, и внутреннее довольство собственнымъ мужествомъ ставятъ преступника выше палача. Эти-то чувства и поддерживали энергію госпожи Роланъ. Они придавали въ ея глазахъ ея страданіямъ блескъ, и она являлась въ своемъ представленіи одновременно дѣйствующимъ лицомъ, героиней и зрительницей.

Она мысленно отказалась отъ свѣта, времени и самой себя и хотѣла жить всецѣло въ будущемъ, въ потомствѣ. Ничто ни въ настоящемъ, ни въ христіанствѣ не могло внушить ей безропотную покорность и заставить ее обратиться къ Небу. Ея отвращеніе къ суевѣріямъ ослабило въ ней даже вѣру въ Бога и въ безсмертіе. Сохранивъ взгляды женщины античныхъ временъ во времена христіанства, она отличалась такой же римской добродѣтелью, каковыми были и ея взгляды. Ея Небомъ было потомство. Изъ всѣхъ боговъ она обращалась только къ будущему. Абстрактный и стоическій долгъ, который самъ себя судитъ и награждаетъ, замѣнялъ ей надежду, утѣшеніе и религію. Но душа ея была такъ закалена и чиста, что ея добродѣтель, долгожданная остаться не вознагражденной и не засвидѣтельствованной, давала ей силу стойко переносить несчастія и мужественно ждать смерти.

Лишенная возможности дѣйствовать, она погрузилась въ размышленія. При помощи тюремщиковъ она достала нѣсколько листовъ бумаги, чернилъ и перо. Она начала описывать свою частную и общественную жизнь. Каждый день она прятала одну изъ написанныхъ ею страницъ отъ бдительности своихъ тюремщиковъ и передавала ее Боску, который уносилъ ее незамѣтно подъ одеждой и пряталъ до наступленія лучшихъ дней. Такимъ образомъ госпожѣ Роланъ казалось, что она похищаетъ годъ жизни у смерти и что она воруетъ у небытія то, что она считала лучшей частицей себя самой: память о себѣ. Она мѣшала въ написанныхъ ею страницахъ въ беспорядкѣ и съ поспѣшностью мысли, у которой нѣтъ завтрашняго дня, самыя женственные мечты своего дѣтства и самыя мрачныя мысли, являвшіяся у нея во время заключенія. Въ одной и той же книгѣ передъ вами то была молодая дѣвушка, жившая въ верхнемъ этажѣ въ домѣ на набережной des Orfèvres, жаждавшая любви и славы, а нѣсколько строкъ далѣе предъ вами являлась узница, заключенная въ темницу, разлученная съ дочерью, съ мужемъ, съ другомъ, лишенная ласкъ, иллюзій, надеждъ, ожидающая эшафота.

4.

Хотя эти мемуары и были, повидимому, предназначены для потомства, но по нѣкоторымъ признакамъ можно было угадать, что они преимущественно писались для неизвѣстной души. Госпожа Роланъ надѣялась, что дружественная душа пойметъ ея душу и ей будутъ яснѣе, нежели другимъ, намеки, вздохи

и мысли, которыя она излила на этихъ страницахъ. Эти мемуары можно сравнить съ разговоромъ, который ведется вполголоса и изъ котораго публикѣ понятно не все. Они имѣють еще болѣйшій интересъ: это разговоръ предсмертный, прощаніе великой души съ жизнью. При каждомъ словѣ охватываетъ страхъ, чтобы бесѣда не была прервана палачомъ. Кажется, что видишь топоръ, висящій надъ головою писавшей, готовый отрубить голову и прервать мысль.

Эти мемуары, въ которыхъ, изливая чувство тоски, облегчали душу. Слова—это мечь; негодованіе, вырываясь наружу, приноситъ облегченіе. У узницы мнѣнтями являлись проблески надежды. Ее даже освободили на нѣсколько часовъ. Опьяненная свободой, она бросилась домой, чтобы обнять своего ребенка и взглянуть на свой очагъ. Эта однодневная свобода была западней, разставленной ея преслѣдователями. Сателиты Коммуны подготовили ей радость для того только, чтобы отравить ее. Они поджидали ее на лѣстницѣ ея дома. Они не дали ей коснуться двери, переступить порогъ, услышать голоса дочери, увидѣть слезы слугъ. Они арестовали ее, несмотря на ея мольбы, и бросили ее, едва освободившуюся, въ другую тюрьму, Сентъ-Пелажи, — скопище всевозможныхъ пороковъ, куда были согнаны проститутки города Парижа. Ее хотѣли унижить соприкосновеніемъ съ ними и заставить страдать ея стыдливость. Она принуждена была жить въ обществѣ этихъ падшихъ женщинъ. Ихъ нравы, разговоры, ихъ нравственные язвы оскорбляли ея глаза, слухъ, ея стыдливость. Она приготовилась встрѣтить смерть,—ее присудили къ позору.

Состраданіе тюремщиковъ устранило въ концѣ концовъ отъ нея грязь. Ей отвели комнату, дали жесткое ложе, столъ. Она снова принялась за мемуары, увидала своихъ друзей Боска и Шампаньё. Низкій Латенасъ, постоянно бывавшей у нея въ домѣ въ дни ея могущества, неблагодарный Пашъ, достигшій власти благодаря ей и ея мужу, засѣдали одинъ на верху Горы, другой во главѣ Коммуны; они притворились, что забыли о ней. Дантонъ, бывшій въ отсутствіи, дѣлалъ видъ, что ничего не видитъ. Робеспьеръ не рѣшался вырвать жертву у народа. Однако старинная дружба, бывшая между нимъ и госпожею Роланъ, пробудила въ узницѣ минутную надежду и даже слабость. Она лежала больная въ тюремной больницѣ. Врачъ, выдававшій себя за друга Робеспьера, навѣстилъ ее. Онъ заговорилъ съ нею о Робеспьерѣ. „Робеспьера“, отвѣтила она: „я знала близко и очень уважала. Я считала его искреннимъ и горячимъ другомъ свободы. Теперь я боюсь, что онъ любитъ власть и можетъ быть также и мечь. Мнѣ кажется, что онъ способенъ чувствовать предубѣжденіе, легко становится пристрастнымъ, его трудно разубѣдить и онъ слишкомъ быстро обвиняетъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ. Я много разъ видѣла его: попросите его сказать, положи руку на сердце, думаетъ ли онъ дурно обо мнѣ“. Этотъ разговоръ внушилъ ей мысль обратиться къ Робеспьеру; она ухватилась за нее и написала ему.

5.

„Робеспьеръ“, писала она въ этомъ въ одно и то же время трогательномъ и вызывающемъ письмѣ: „я хочу испытать васъ: я повторю вамъ то, что я

сказала о васъ другу, взявшемуся передать вамъ эту записку. Я не хочу просить васъ, не вообразите этого; я никогда никого не просила, и не изъ глубины тюрьмы обратилась бы съ мольбой къ человѣку, который имѣетъ власть отпереть мнѣ ее. Мольба создана для виновныхъ и рабовъ. Невинность сама говоритъ за себя—этого достаточно! Даже жалоба кажется мнѣ не подходящей: я умѣю страдать. Я знаю также, что при возникновеніи республикъ революціи дѣлаютъ жертвами тѣхъ, кто содѣйствовалъ ихъ возникновенію: такова судьба; исторія—ихъ мститель. Но благодаря какому странному стеченію обстоятельствъ, я, женщина, подверглась бурямъ, которыя обрушиваются обыкновенно на голову великихъ дѣятелей революцій?.. Робеспьеръ, я запрещаю вамъ вѣрить, что Роланъ не былъ честнымъ человѣкомъ. Вы знали его. Добродѣтель его сурова настолько же, насколько у Катона она была жестока. Чувствуя отвращеніе къ дѣламъ, возмущенный преслѣдованіемъ, наскучивъ свѣтомъ, утомленный трудами и жизнью, онъ хотѣлъ только вздохнуть въ никому невѣдомомъ уединеніи и исчезнуть въ безмолвіи, чтобы не допустить своихъ современниковъ до преступленія!.. Подозрѣніе въ моемъ соучастіи въ преступленіи было бы смѣшно, если-бы не было жестоко. Откуда явилась эта враждебность ко мнѣ, никогда никому не сдѣлавшей ничего дурного и даже не могущей желать его тѣмъ, кто дѣластъ его мнѣ? Взросшая въ уединеніи, получившая серьезное образованіе, развившее во мнѣ нѣкоторый характеръ, усвоившая себѣ простые вкусы, съ энтузіазмомъ относящаяся къ революціи, чуждая занятіямъ моего пола, но съ жаромъ толкующая о нихъ, я отнеслась съ презрѣніемъ къ клеветамъ, которыя распустили обо мнѣ, и я сочла ихъ неизбежной данью, которую должны платить зависти люди, занимающіе такое положеніе, на которое простой народъ имѣетъ глупость смотрѣть, какъ на возвышенное, и которому я предпочла бы охотно мирную жизнь, какой я прожила столько счастливыхъ дней...

„Однако я вотъ уже пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, вырванная изъ объятій моей юной дочери, которая не можетъ болѣе отдыхать на груди, вскормившей ее! Удаленная отъ всего, что мнѣ было дорого, мишень ругательствъ обманутой толпы, я слышу, какъ подъ моими окнами расхаживаютъ часовые, подслушивающіе мои бесѣды съ самой собою объ ожидающей меня казни, и читаю отвратительную брань, которую изрыгаютъ на меня писатели, никогда не видавшіе меня!.. Я ничего не сказала, ни о чемъ не просила, никому не надѣдала своими жалобами: я горжусь тѣмъ, что могу помѣриться съ моей несчастной судьбой и побѣдить ее...

„Робеспьеръ, не для того, чтобы возбудить въ васъ жалость къ себѣ, которая, быть можетъ, оскорбила бы меня даже, я изобразила вамъ эту картину въ сильно смягченныхъ краскахъ; я сдѣлала это, чтобы вразумить васъ. Счастье измѣнчиво, любовь народная также. Вспомните судьбу тѣхъ, кто волновали народъ, нравились ему и управляли имъ, начиная съ Вителія и кончая Цезаремъ, и начиная съ Гиппона, сиракузскаго оратора, до нашихъ парижскихъ ораторовъ!.. Марій и Сулла подвергли проscriпціи тысячи рыцарей, огромное число сенаторовъ и толпу несчастныхъ. Развѣ они заставили замолчать исторію, которая предала ихъ память проклятію, и наслаждались счастіемъ? Какую бы участь ни готовили мнѣ, я сумѣю встрѣтить ее сообразно съ моимъ достоин-

ствомъ или предупредить ее, если сочту это удобнымъ для себя. Послѣ чести подвергнуться преслѣдованіямъ, неужели меня ждетъ честь мученичества? Отвѣтите; многое значить знать заранѣе свою судьбу, а съ такой душой, какъ моя, люди способны взглянуть ей прямо въ лицо. Если вы хотите быть справедливымъ и прочтете то, что я вамъ пишу, со вниманіемъ, письмо мое не будетъ для васъ бесполезно, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ бесполезно и для моей отчизны. Во всякомъ случаѣ, Робеспьеръ, я знаю, и вы не можете не чувствовать этого, что тотъ, кто зналъ меня, не можетъ преслѣдовать меня, не чувствуя угрызений совѣсти“.

6.

Подъ кажущимся стоицизмомъ этого письма чувствовалось однако глухое воззваніе къ чувству состраданія. По крайней мѣрѣ со стороны госпожи Роланъ это была попытка къ примиренію. Благопріятный отвѣтъ со стороны Робеспьера обязалъ бы ее быть благодарной человѣку, который преслѣдовалъ и посылалъ на смерть тѣхъ, кого она обожала. Ей казалось, что почетнѣе и лучше лишиться жизни, чѣмъ быть обязанной ею Робеспьеру. Написавъ письмо, она разорвала его.

Однако она спрятала клочки письма на память о томъ, что ей пришла мысль о личномъ счастьѣ, которымъ она пожертвовала, чтобы сохранить свое достоинство какъ женщины извѣстной партіи и ради чувствъ супруги и друга. Робеспьеру не приходилось колебаться между угрызениями совѣсти и популярностью. Узница готова была умереть. Она наполняла время досуга, подобно вечерамъ трудового дня, занятіями музыкой, бесѣдой и чтеніемъ. Въ музыкѣ она черпала меланхолю, въ книгахъ силу для перенесенія своего положенія. Она съ особымъ усердіемъ изучала Тацита, этого божественнаго анатома великихъ мертвецовъ, указывающаго на предсмертныя содроганія горести и героизма, которыя испытывали столько жертвъ. Она вмѣстѣ съ нимъ перебирала въ своей памяти зрѣлище казни, чтобы выучить его наизусть и достойно изобразить въ предсмертную минуту. Ей пришла въ голову мысль предупредить ударъ; она достала себѣ яду. Когда она собралась выпить его, она написала мужу, извиняясь въ томъ, что хочетъ умереть раньше его: „Прости меня, человѣкъ, достойный уваженія потомства, что я хочу располагать по своему желанію жизнью, которую я посвятила тебѣ! Твои несчастія удержали бы меня, если-бы мнѣ дано было облегчить ихъ. Ты лишишься только бесполезнаго предмета, вызывающаго въ тебѣ думу раздражающее безпокойство!“ Потомъ, переходя къ мысли о дочери, она продолжала: „Прости меня, дорогое дитя, юная и нѣжная дочь, ты, нѣжный образъ которой наполняетъ мое материнское сердце и колеблетъ мою рѣшимость! Ахъ! конечно, я не лишила бы тебя никогда твоего руководителя, если-бы они могли оставить его тебѣ. О, жестокосердые! развѣ они чувствуютъ состраданіе къ невинности? Друзья мои, обратите ваши взоры и ваши заботы на мою сироту! Не сокрушайтесь о моемъ рѣшеніи, которое должно положить конецъ моимъ страданіямъ! Вы знали меня; вы не подумаете, что слабость или страхъ заставили меня прибѣгнуть къ тому, на что я рѣшаюсь

Если-бы кто-нибудь могъ мнѣ поручиться, что на судѣ мнѣ разрѣшать указывать на тирановъ,—я хотѣла бы немедленно предстать предъ нимъ!“

Въ эту минуту изъ ея души вырвалось неопредѣленное воззваніе, послѣдній вздохъ религіи, который, не зная, куда онъ унесется, пытается вознестись за предѣлы небытія: „Боже! Верховное Существо! Душа вселенной! Начало всего, что я чувствую въ себѣ хорошаго, великаго и безсмертнаго! въ существованіе Котораго я вѣрю потому, что я должна имѣть источникомъ нѣчто высшее того, что я вижу вокругъ себя! Я скоро соединюсь съ Твоимъ Существомъ!“

Она написала завѣщаніе и распредѣлила между своею дочерью, слугами и друзьями свое фортепіано, арфу, два дорогихъ перстня, оставшихся у нея, книги и мебель, бывшую у нея въ темницѣ,—единственное ея богатство. Она вспомнила первые предметы своей страсти: природу, деревню, небо: „Прощай, писала она, прощай, солнце, свѣтившее мнѣ въ окно, чьи свѣтлые лучи вносили въ мою душу такую же ясность, какую они вызывали на небесахъ! Прощайте, уединенныя деревни на берегахъ Соны, видъ которыхъ такъ часто трогалъ меня, и вы, жители Тизи, чей потъ я такъ часто вытирала, кому помогала въ нищетѣ и болѣзняхъ! Прощай, мирное жилище, гдѣ я старалась напитать мой умъ познаніями, подчинить мое воображеніе наукѣ, гдѣ въ тиши размышленій я училась побѣждать свои страсти и съ презрѣніемъ относиться къ тщеславію. Прощай, дочь моя! не забывай свою мать! Ты, конечно, не ограждена отъ такихъ же испытаній, каковы мои! Прощай, дорогое дитя, которое я вскормила своею грудью и которое я хотѣла бы чтобы прониклось всѣми моими чувствами!“

Эта мысль разрушила ея намѣреніе: образъ ея ребенка заставилъ сжаться ея сердце. Она отбросила ядъ и ради дочери хотѣла продлить часы испытаній и раскаянія. Она рѣшилась ждать смерти.

7.

Казнь жирондистовъ въ глазахъ госпожи Роланъ набросила погребальный покровъ на жизнь. Верньо, Бриссо умерли. Кому извѣстна участь Бюзо, Барбару, Луве? Быть можетъ и они уже покинули землю.

Ее перевезли въ Консьержери. Тамъ она томила недолго. Она нравственно возвышалась, приближаясь къ смерти. Ея душа, языкъ, черты приняли торжественность лицъ, которыхъ ожидаетъ великая судьба. Въ теченіе немногихъ дней, которые она провела въ тюрьмѣ, она сумѣла возбудить среди многочисленныхъ находившихся тамъ узниковъ энтузіазмъ и презрѣніе къ смерти, воодушевившіе наиболѣе удрученныхъ. Тѣнь, бросаема на нее эшафотомъ, казалось, увеличила ея красоту. Продолжительныя страданія заключенія, безнадежное, но спокойное чувство, съ которымъ она относилась къ своему положенію, сдержанныя, но явственно слышныя слезы въ ея голосѣ, когда она говорила, придавали ему отгѣнокъ, въ которомъ передавалось накипѣвшее чувство, подымавшееся изъ глубины ея сердца.

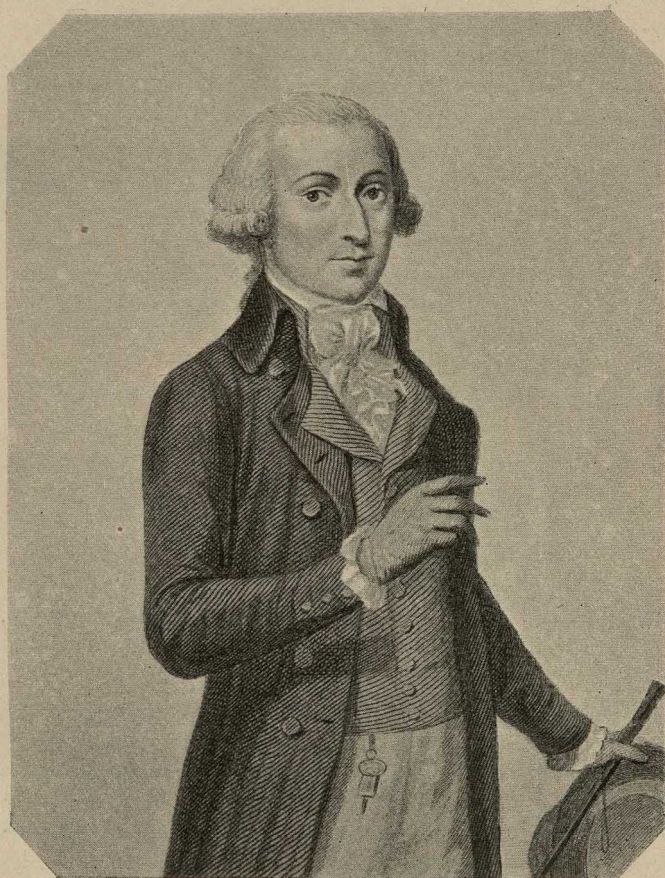
Она бесѣдовала черезъ рѣшетку съ главными дѣятелями ея партіи, которыхъ было множество въ Консьержери. Стоя на каменной скамьѣ, возвышавшей ее немного надъ мостовою двора, ухватившись пальцами за желѣзную рѣ-

шетку, отдѣлявшую монастырь отъ двора темницы, она нашла себѣ трибуну въ тюрьмѣ, а слушателей среди своихъ сотоварищей по ожидавшей ихъ смерти. Она говорила съ такимъ же убѣжденіемъ и блескомъ какъ Верньо, но съ горечью гнѣва и ѣдкостью презрѣнія, которая страсть женщины всегда вноситъ въ краснорѣчіе разсужденій. Ея мстительная память искала въ исторіи древнихъ времянъ образовъ, аналогій и именъ, способныхъ сравниться съ современными ей тиранами. Въ то время, какъ ея враги составляли ея обвинительный актъ въ нѣсколькихъ футахъ надъ ея головой, голосъ ея, подобно голосу потомства, гремѣлъ въ подземельяхъ Консьержери. Она мстила за себя до своей смерти и завѣщала свою ненависть. Она вызывала у узниковъ не слезы,—она не хотѣла, чтобы плакали о ней,—но крики восторга. Ее слушали цѣлыми часами. Приготовлялись крикнуть: „Да здравствуетъ республика!“ Свободу не осуждали, ее боготворили даже въ подземныхъ темницахъ, вырытыхъ во имя ея.

Но эта женщина, столь великодушная и стоящая выше своей участи, находясь предъ лицомъ толпы, впадала въ слабость, какъ всякій смертный, когда возвращалась въ тишину и уединеніе темницы. Ея героическая душа замолкала тогда, а слабое женское сердце сжималось и чувствовало себя разбитымъ послѣ перехода отъ энтузіазма къ дѣйствительности. Чѣмъ выше она находилась, тѣмъ чувствительнѣе было ей паденіе. Иногда она долго стояла по утрамъ, облокотившись на окно, прислонившись лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ, смотря на уголокъ неба, и слезы капали изъ глазъ ея на горшки съ цвѣтами, которыми тюремщикъ украсилъ подоконникъ ея окна. О чемъ она думала? Отрывистыя слова послѣднихъ страницъ ея дневника открываютъ намъ это: о своемъ ребенкѣ, о мужѣ, старикѣ отцѣ, привыкшемъ къ ея поддержкѣ и неспособномъ сдѣлать шага въ жизни безъ нея; о своей молодости, лишенной любви и протекшей въ честолюбивыхъ политическихъ замыслахъ, о друзьяхъ, образъ которыхъ преслѣдовалъ ее, заставляя сожалѣть о жизни, если они были еще живы, и жадать смерти, если они опередили ее въ вѣчности. Она ничего не знала о нихъ, и это причиняло ей муку.

Другихъ страданій заключенія она не чувствовала. Тюрьма ея, сырая, грязная, темная, находилась рядомъ съ комнатою, которую занимала королева: сосѣдство слишкомъ похожее на угрызеніе совѣсти. Обѣ дошли въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но по различнымъ путямъ, до одного и того же подземелья, для того, чтобы отправиться оттуда къ одному и тому же эшафоту: одна, низвергнутая съ трона происками другой; другая—достигшая величайшихъ почестей въ республикѣ и, въ свою очередь, опрокинутая туда же, куда упала ея жертва. Эта месть судьбы походить на случайность. Нерѣдко это правосудіе.

Допросъ и процессъ госпожи Роланъ были не болѣе какъ повтореніемъ обвиненій, раздававшихся въ рѣчахъ якобинцевъ во время процесса ея друзей, жирондистовъ. Ее обвиняли въ томъ, что она супруга Ролана и другъ его сообщниковъ. Она созналась въ этихъ преступленіяхъ, считая ихъ славой для себя. Она съ нѣжностью говорила о своемъ мужѣ, съ уваженіемъ о своихъ друзьяхъ, съ гордой

Бюзо.

скромностью о себѣ самой. Прерываемая гнѣвными восклицаніями каждый разъ, когда она хотѣла излить свое негодованіе, она замолкала подъ ругательствами аудиторіи. Толпа принимала въ то время грозное и главное участіе въ діалогахъ между судьями и обвиняемыми. Она разрѣшала говорить или лишала слова. Она предписывала приговоръ.

Г-жа Роланъ выслушала свой приговоръ какъ женщина, видящая въ смертномъ приговорѣ титулъ на безсмертіе. Она встала, слегка поклонилась и съ проницательнымъ выраженіемъ на губахъ сказала судьямъ: „Благодарю васъ, что вы сочли меня достойной раздѣлить участь великихъ людей, которыхъ вы казнили“. Она спустилась по лѣстницѣ Консерваторіи съ быстротой и легкими шагами, напоминающими стремительность ребенка, бросающагося къ цѣли, которую онъ хочетъ достигнуть. Эта цѣль была смерть. Проходя по коридору мимо узниковъ, толпившихся тамъ, чтобы увидѣть ее, она посмотрѣла на нихъ съ улыбкой и, поднеся правую руку горизонтально къ шеѣ, сдѣлала жестъ, напомнившій собою ножъ, рубящій голову. Это было ея единственнымъ прощаніемъ; оно было трагическимъ, какъ ея судьба, и радостнымъ, какъ освобожденіе. Знакъ этотъ былъ понятъ. Эти люди, не плакавшіе по себѣ, плакали объ ней.

Нѣсколько телѣжекъ, наполненныхъ жертвами, везли въ тотъ день свой грузъ къ эшафоту. Ее заставили войти въ послѣднюю и занять мѣсто рядомъ съ слабымъ, больнымъ старикомъ, бывшимъ директоромъ фабрики ассигнацій. На ней было надѣто бѣлое платье, протестъ невинности, которымъ она хотѣла поразить народъ. Ея прекрасные черные волосы, обрѣзанные на затылкѣ, спереди падали локонами на шею. Лицо ея, поблѣднѣвшее за время продолжительнаго заключенія, оживленное рѣзкимъ, холоднымъ ноябрьскимъ воздухомъ, приобрѣло свѣжесть юности. Глаза ея были полны выраженія. Лицо сіяло отблескомъ славы. Губы ея выражали не то сожалѣніе, не то презрѣніе. Толпа оскорбляла ее грубыми словами. „На гильотину! на гильотину!“ кричали женщины.—„Я отправляюсь туда“, отвѣтила она имъ:—„я буду тамъ черезъ минуту. Но тѣ, кто посылаютъ меня туда, скоро послѣдуютъ за мною. Я отправляюсь невинная, а они явятся запятанные кровью; а вы, рукоплещущіе теперь, будете рукоплескать и тогда!“ Иногда она отворачивала голову, чтобы не слышать оскорбленій, и съ дочернею нѣжностью наклонялась къ своему сотоварищу по казни. Старикъ плакалъ. Она утѣшала его и уговаривала его быть твердымъ. Она попыталась даже развлечь его во время этого мрачнаго переѣзда, и ей удалось даже заставить его улыбнуться.

Колоссальная статуя Свободы изъ глины, какъ свобода того времени, возвышалась посреди площади, гдѣ нынѣ находится обелискъ. Эшафотъ былъ воздвигнутъ рядомъ со статуей. Достигнувъ его, госпожа Роланъ сошла съ телѣжки. Въ ту минуту, когда палачъ взялъ ея руки, чтобы помочь ей подняться на гильотину, ею овладѣло чувство самопожертвованія, которое можетъ пробудиться въ подобный часъ только въ сердцахъ женщины. „Я хочу просить васъ объ одной милости“, сказала она, отстраняя руку палача:—„и не ради себя; окажите ее мнѣ!“ Затѣмъ она обернулась къ старику. „Войдите первый“, сказала она Ламаршу:—„кровь моя, пролитая у васъ на глазахъ, заставила бы

вась дважды испытать смерть,—вы не должны чувствовать жалости, видя, какъ упадетъ моя голова“. Палачъ согласился на это. Трогательная нѣжность, заставившая забыть себя и пожертвовать собою, чтобы избавить отъ минуты агоніи незнакомаго старика, свидѣтельствуеъ о самообладаніи въ героизмѣ смерти! Такая минута должна искупить въ глазахъ потомства и передъ Богомъ многія ошибочныя воззрѣнія.

Послѣ казни Ламарша, при которой она присутствовала не поблѣднѣвъ, она легко взошла по ступенямъ эшафота и, наклонившись въ сторону статуи Свободы, какъ бы для того, чтобы исповѣдаться ей, прежде чѣмъ умереть ради нея, она воскликнула: „О свобода! свобода! сколько преступленій совершается во имя твое!“—и отдала себя во власть палача. Голова ея скатилась въ корзину.

9.

Такъ умерла эта женщина мечтавшая въ пятнадцати-лѣтнемъ возрастѣ о революціи, вдохнувшая старику ненависть къ трону, бывшая душою партіи людей молодыхъ, энтузіастовъ, краснорѣчивыхъ, восхищавшихся античными теоріями и опьяненныхъ идеаломъ, неизсякаемымъ источникомъ котораго служили для нихъ ея глаза и уста. Чистая и невольная страсть, которую внушали имъ ея красота и дарованія, была магическимъ кругомъ, удерживавшимъ около нея столько замѣчательныхъ людей, часто не сходящихся между собою во взглядахъ. Они были прикованы ея сіяніемъ. Партія мечтателей, они имѣли оракуломъ своихъ фантазій женщину. Она увлекла ихъ одного за другимъ къ смерти. Она сама послѣдовала за ними. Душа Жиронды улетѣла вмѣстѣ съ послѣднимъ ея вздохомъ. Госпожа Роланъ походила въ ту минуту и будетъ всегда ходить въ глазахъ потомства на преждевременную и идеальную республику, которую она стремилась создать: прекрасная, краснорѣчивая, ступающая ногами по крови своихъ друзей и положившая голову подъ свой собственный мечъ среди народа, который не призналъ ея.

Тѣло ея, кумиръ столькихъ сердецъ, было брошено въ одинъ изъ рововъ Кламаара.

10.

Роланъ, узнавъ о казни жены, хотѣлъ умереть. Пережить ея значило жить ея смертью. Не сказавъ ни слова, Роланъ вышелъ изъ дома, гдѣ ему оказывали гостепріимство въ теченіе полугода. Онъ шелъ часть ночи, имѣя въ виду только одну цѣль—удалиться какъ можно дальше отъ того мѣста, гдѣ онъ нашелъ себя пріютъ, чтобы скрыть свои слѣды и не погубить тѣхъ, которые его спасли. Когда насталъ день, небо и земля навели на него ужасъ. Онъ вынулъ кинжалъ, скрытый въ трости, приложилъ его рукояткой къ стволу яблони, росшей у большой дороги, и пронзилъ себя сердце. Утромъ пастухи нашли его безжизненное тѣло, распростертое около рва. Въ запискѣ, прикрѣпленной булавкой къ его одеждѣ, было написано слѣдующее: „Кто бы ты ни былъ, почти эти останки. Это останки честнаго человѣка. Узнавъ о смерти жены, я не хотѣлъ оставаться долѣе ни одного дня на землѣ, запят-

нанной преступленіями“. Такимъ образомъ сознаніе своего республиканизма, любовь и добродѣтель слились даже въ эпитафіи, которую Роланъ написалъ себѣ. Вознесенный слишкомъ высоко порывомъ гражданской бури, державшійся выше своего естественнаго уровня гениемъ, заимствованнымъ у женщины, опьяненный ролью, которую онъ игралъ, онъ счелъ честностью за добродѣтель: она была только ея основой. Однако онъ съ античнымъ мужествомъ оспаривалъ республику у анархіи, а жертвы у эшафотовъ. Въ награду онъ получилъ смерть, похожую на одно изъ великихъ самоубійствъ древняго міра. Онъ умеръ одновременно какъ Катонъ и Сенека: какъ Катонъ, потому что умеръ за свободу отечества; какъ Сенека изъ-за любви къ женщинѣ. На республиканскомъ кинжалѣ, которымъ онъ пронзилъ себя, есть слеза. Эта любовь, смѣшанная съ патриотизмомъ, придаетъ смерти Ролана нѣчто римское и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное. Если смерть есть величайшій актъ въ жизни, то этотъ человекъ, вначалѣ заурядный, сдѣлался въ минуту смерти великимъ. Роланъ недаромъ жилъ для свободы и славы, потому что смерть его достойна древнихъ.

LII.

Коммисары Конвента Изабо и Талієнь въ Бордо.—Вѣглецы-жирондисты Бюзю, Барбару, Петіонъ, Луве, Валади, Салль, Гаде, Бэкъ д'Амбесъ.—Они ищутъ убѣжища въ Сентъ-Эмилионъ.—Имъ даетъ пріютъ госпожа Букё.—Они разлучаются.—Валади ѣдетъ въ Пиренеи.—Луве возвращается въ Парижъ.—Гранжнёвъ и Вирото казнены въ Бордо.—Гаде и Салль, убѣжище которыхъ открыто, отправлены въ Бордо и тамъ преданы смерти.—Барбару стрѣляетъ въ себя изъ пистолета.—Его приводятъ окривленнаго въ Бордо и относятъ на эшафотъ.—Тѣла Бюзю и Петіона находятъ въ полѣ.—Барнавъ, Дюпонъ и Балли приговариваютъ къ смерти.—Казнь ихъ.—Продолжительность казни Балли.—Казнь госпожи дю-Барри и Бирона.—Господинъ и госпожа Ангранъ д'Аллерай.—Конвентъ, смѣненный коммуной.—Посмертныя записки Робеспьера.—Филантропическія мѣры.—Республиканскій календарь.—Епископъ Гобель.—Вѣроотступничество.—Геберъ и Шометтъ.—Профанація католической религіи.—Основаніе религіи Разума.—Разрушеніе могилъ въ Сентъ-Дени.—Выкапываніе смертныхъ останковъ королей.

1.

Что дѣлали однако въ то время, когда умирали такимъ образомъ Роланъ и его жена, ихъ самые близкіе друзья: Бюзю, Барбару, Петіонъ, Луве, Валади, Гаде, Салль, съ которыми мы разстались въ то время, когда они бѣжали въ Жиронду?

Коммисары Горы, Изабо и Талієнь, прибыли раньше ихъ въ Бордо. Эти депутаты, горячо преданные якобинству и ратовавшіе за Терроръ, въ нѣсколько дней подавили федерализмъ, подняли предмѣстья Бордо противъ города, посадили въ тюрьму купцовъ, отдали власть въ руки народа, воздвигли гильотину, основали клубы и возстановили противъ жирондистовъ ихъ собственное отечество. Взятіе Ліона, гибель Тулона, казнь Верньо и его друзей привели въ ужасъ и заставило Жиронду по наружности примкнуть къ единству республики. Нигдѣ патриотизмъ не носилъ такого мрачнаго характера. Нигдѣ такъ не боялись быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ бѣжавшими депутатами, потому что нигдѣ не было опаснѣе попасть подъ подозрѣніе. Терроръ въ Бордо былъ бдительнѣй, чѣмъ гдѣ-либо. Въ каждой жирондистской деревушкѣ былъ свой Комитетъ общественнаго спасенія, свое революціонное войско, свои доносчики и палачи.

2.

Пріѣхавъ въ Бекъ-д'Амбесъ, Гаде разстался со своими сотоварищами, укрывшимися въ домъ его тестя. Убѣжище это было ненадежно. Гаде прѣхалъ приготовить имъ болѣе вѣрное убѣжище въ Сентъ-Эмиліонѣ, своемъ родномъ городѣ. Но даже въ Сентъ-Эмиліонѣ онъ нашелъ надежный пріютъ только для двоихъ. А ихъ было семеро. Когда посланный привезъ это печальное сообщеніе въ Бекъ-д'Амбесъ, онъ засталъ бѣглецовъ уже окруженныхъ батальонами, присланными изъ Бордо, устроившихъ баррикаду въ небольшомъ домѣ и вооруженныхъ нѣсколькими револьверами и большимъ мушкетомъ, — оружіемъ, достаточнымъ для того, чтобы отомстить за себя, но не для того, чтобы защищаться. Ночь помогла имъ бѣжать. Они направились въ Сентъ-Эмиліонъ, не какъ къ спасительному пріюту, но какъ къ другому мѣсту гибели. Приверженцы Таліена, ворвавшіеся въ ихъ домъ въ Бекъ-д'Амбесъ нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ они бѣжали, написали въ Конвентъ, что постели ихъ найдены еще теплыми.

Отецъ Гаде, семидесяти-двухъ-лѣтній, старикъ, великодушно открылъ имъ двери своего дома. Друзья его сына были для него какъ бы вторыми его сыновьями, и онъ стыдился бы не пожертвовать имъ остатки своихъ дней. Прошло всего нѣсколько часовъ съ тѣхъ поръ, какъ они находились въ своемъ убѣжищѣ, когда сообщили, что приближаются пятьдесятъ всадниковъ, преслѣдовавшихъ ихъ черезъ поля. Таліенъ руководилъ лично дѣйствіями наиболѣе искусныхъ шпіоновъ бордоской полиціи. Жирондистскіе депутаты успѣли бѣжать въ разныя стороны. Таліенъ поручилъ отца Гаде надзору двухъ вооруженныхъ полицейскихъ, которые должны были слѣдить за каждымъ его шагомъ, словомъ и взглядомъ. Онъ конфисковалъ имущество сына, учредилъ клубъ террористовъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ жирондисты искали убѣжища противъ Террора.

Одна только женщина отважилась спасти ихъ. Это была невѣстка Гаде, госпожи Букѣ.

Узнавъ объ опасности, грозившей ей зятю и его друзьямъ, она поспѣшила пріѣхать изъ Парижа, гдѣ жила безпечно, чтобы пріютить у себя людей, большая часть изъ которыхъ были ей неизвѣстны, зато нѣкоторые очень дороги. Состраданіе, эта слабая сторона женщины, становится силой въ серьезныхъ обстоятельствахъ и приноситъ утѣшеніе во время революцій героизмомъ преданности. Гаде, Барбару, Бюзо, Петіонъ, Валади, Луве, Салль тайно пробрались ночью въ подземелье, которое госпожа Букѣ приготовила для нихъ. Нѣдра земли были достаточно глубоки и нѣмы, чтобы погребсти живо жирондистовъ. Ихъ убѣжище было катакомбой. Оно выходило съ одной стороны къ колодезю въ тридцать футовъ глубиной, а съ другой примыкало къ погребу дома. Никакой домовый обыскъ не могъ бы открыть входъ въ него. Великодушную хозяйку жирондистовъ беспокоилъ единственно только страхъ, что ее самоѣ арестуютъ. Что случилось бы съ ея гостями погребенными въ подземельѣ, доступъ куда былъ извѣстенъ только ей одной? Она боялась также выдать ихъ покупкой съѣстныхъ припасовъ, потребныхъ для столькихъ ртовъ. Въ то время

голодь ограничилъ торговлю рынковъ. Хлѣбъ продавали только въ опредѣленномъ количествѣ, по числу жителей въ каждомъ домѣ и по свидѣтельствамъ муниципалитета. Госпожа Букѣ имѣла право на покушку одного фунта хлѣба въ день. Она урѣзывала свою долю, чтобы дѣлить эти крохи между восемью бѣглецами. Овощи, сухіе плоды, немного дичи, купленной тайкомъ, составляли пищу этихъ людей, не признававшихся въ томъ, что они голодны. Однако веселость, эта горькая соль несчастія, царила во время застольныхъ бесѣдъ этихъ спартанцевъ.

Когда поиски прекращались, госпожа Букѣ освобождала своихъ друзей изъ подземелья. Она сажала ихъ за свой столъ, давала дышать свѣжимъ воздухомъ, любоваться ночнымъ небомъ. Она достала имъ бумаги и книгъ. Барбару началъ писать мемуары, Бюзю—свое защитительное слово. Луве писалъ рассказы тѣмъ же легкимъ стилемъ, какимъ написаны его романы, гдѣ онъ является героемъ своихъ собственныхъ приключеній. Петіонъ тоже писалъ, но въ болѣе серьезномъ духѣ. Тайна его популярности, такъ недостойно пріобрѣтенная, но отъ которой онъ столь геройски отказался, открывалась подъ его перомъ. Его откровенныя записки, конечно, объяснили бы этого человѣка, ничтожнаго въ дни могущества и великаго въ несчастіи.

12 ноября, въ тотъ самый день, когда госпожа Роланъ умерла въ Парижѣ, распространился смутный слухъ о пребываніи жирондистовъ у госпожи Букѣ въ Сентъ-Эмилионѣ. Приходилось раздѣлиться на группы и искать новыхъ убожищъ. Разлука походила на предсмертное прощаніе. Никто не зналъ, куда уходить. Валади направился одинъ по дорогѣ въ Пиренеи. Тамъ ждала его смерть. Барбару, Петіонъ и Бюзю, заключившіе дружескій союзъ на жизнь и смерть, направились черезъ поля къ бордосскимъ ландамъ, въ надеждѣ, что слѣды ихъ затеряются въ этой пустынѣ. Гаде, Салль и Луве провели ночь въ каменоломнѣ. Одинъ изъ друзей Гаде долженъ былъ явиться туда, когда стемнѣетъ, чтобы проводить ихъ за шесть льё оттуда, въ домъ одной богатой женщины, которую Гаде когда-то защищалъ въ судѣ, причемъ спасъ ея состояніе. У друга не хватило мужества и онъ не пришелъ. Гаде и его друзья пошли одни на удачу. Холодъ, снѣгъ, дождь леденили ихъ тѣло, дурно защищенное одеждой. Дойдя наконецъ въ четыре часа утра до дверей своей кліентки, Гаде стучить, называетъ свое имя; ему отказываютъ. Въ отчаяніи онъ возвращается къ своимъ друзьямъ. Онъ застаётъ Луве лежащимъ отъ голода и холода въ обморокѣ подъ деревомъ. Гаде возвращается къ дому и тщетно молитъ сначала о постели, затѣмъ проситъ обогрѣться и наконецъ дать стаканъ вина его умирающему другу. Неблагодарность оставляетъ мольбы безъ отвѣта. Гаде снова возвращается. Благодаря его стараніямъ и Салля, Луве согрѣвается. Послѣдній рѣшается на отчаянный шагъ, который спасаетъ его.

Преслѣдуемый образомъ подруги, которую онъ оставилъ въ Парижѣ, онъ рѣшается взглянуть на нее еще разъ и погибнуть. Онъ обнимаетъ Салля и Гаде, дѣлится съ нимъ деньгами, которые оставались у него, и одинъ тащится по дорогѣ въ Парижъ.

3.

Гаде, Салль, Петіонъ, Барбару, Бюзю въ слѣдующую ночь снова собрались все вмѣстѣ въ Сентъ-Эмилионъ, благодаря заботамъ своей благодѣтельницы, въ домѣ честнаго, но бѣднаго ремесленника. Тамъ они узнали о трагической участи Верньо и его друзей. Они стоически сосчитали, сколько разъ должна ударить гильотина, чтобы убить всехъ жирондистовъ. Душа ихъ была на высотѣ ихъ эшафота. Но когда нѣсколько дней спустя имъ сообщили о смерти госпожи Роланъ, они упали духомъ и заплакали. Бюзю вытащилъ ножъ, чтобы поразить себя. Съ нимъ сдѣлался довольно долго длившійся припадокъ помѣшательства, во время котораго онъ кричалъ и на него находило бѣшенство и глубокая печаль. Друзья его вырвали у него изъ рукъ ножъ, успокоили его и заставили его дать клятву, что онъ будетъ жить ради той, которая такъ достойно встрѣтила смерть. Бюзю съ этого дня впалъ въ меланхолію и молчаніе, которыя прерывались только вздохами и отрывочными восклицаніями. Ударъ топора, отрубившій голову госпожи Роланъ, никого не поразилъ такъ сильно, какъ Бюзю. Смерть ея хотя не сломила окончательно, но наложила печать на его сердце.

Пятеро бѣглецовъ оставались нѣсколько недѣль въ своемъ новомъ убѣжищѣ. Колѣбаніе мнѣній въ Комитетѣ общественнаго спасенія склоняли Конвентъ то къ снисходительности, то къ террору. Въ Бордо казни не прекращались: Гранжнѣвъ и Бирото погибли; но жертвы подвергались менѣе преслѣдованію. Преданный Трокаръ, хозяинъ скрывавшихся въ Сентъ-Эмилионѣ бѣглецовъ, успокаивалъ ихъ наступившимъ затишьемъ. Но оно продолжалось недолго. Болѣе неумолимые комиссары, присланные изъ Парижа, возбудили жажду мести, затишную было въ Жирондѣ. Большинство комиссаровъ были юные кордельеры и молодые якобинцы изъ Парижа, еще безбородые, которыхъ партія Гебера отправила въ Нантъ, Труа и Бордо, чтобы приучить ихъ къ крови.

Они возобновили казни, посылали въ Конвентъ бюллетени гильотины, подобные бюллетенямъ Колло-д'Эрбуа въ Ліонѣ, Фуше въ Тулонѣ, Манье въ Марсели. Съ пріѣздомъ этихъ проконсуловъ снисхожденію больше уже не было мѣста, и бѣглецы лишены были убѣжища. Они послали изъ Бордо въ Сентъ-Эмилионъ отряды революціоннаго войска, подъ предводительствомъ сыщика, по имени Марку, выдрессировавшаго собакъ для отысканія слѣдовъ федералистовъ. Такимъ образомъ республика подражала охотѣ на людей, какую испанцы вели въ лѣсахъ Америки. Марку думалъ, что жирондисты скрываются въ Сентъ-Эмилионскихъ каменоломняхъ. Онъ явился неожиданно съ своей свитой. Безъ шума окружили дома отца, друзей и родственниковъ Гаде; Марку спускалъ своихъ собакъ въ подземелья, какъ бы по слѣдамъ лютыхъ звѣрей. Онъ наполнилъ дымомъ входы въ нѣкоторыя пещеры. Собаки вернулись безъ добычи. Между тѣмъ другой сыщикъ Таліена, Фаверсо, проникъ съ своими клеветами въ домъ отца Гаде. Они тщетно шарили по всему дому и уже возвращались съ пустыми цѣпями, когда одному изъ жандармовъ, оставшемуся позади, показалось, что чердакъ внутри уже наружныхъ стѣнъ дома. Онъ позвалъ своихъ товарищей. Начали изслѣдовать стѣны, ударяя по нимъ прикладомъ

ружья. Приложили ухо къ стѣнамъ. Раздался звукъ взведеннаго курка у пистолета. Это Салль, видя, что убѣжище ихъ открыто, зарядилъ пистолетъ, чтобы убить себя или отомстить. При этомъ звукѣ жандармы уговариваютъ бѣглецовъ сдаться. Стѣна рушится. Гаде и Салль ползкомъ выходятъ оттуда. Ихъ хватаютъ, заковываютъ въ цѣпи и съ торжествомъ ведутъ въ Бордо. Они оба были внѣ закона. Судъ былъ излишенъ. Ихъ имя обвиняло ихъ и было ихъ приговоромъ. Салль, котораго приговорили быть казненнымъ въ тотъ же самый день, просилъ разрѣшенія написать женѣ и дѣтямъ. Душа его излилась въ этомъ трогательномъ прощаніи и исторія сохранила его.

„Когда ты получишь это письмо“, писалъ Салль своей женѣ:—„я буду жить только въ памяти людей, любящихъ меня. Какую заботу я оставляю тебѣ! трехъ дѣтей и ни гроша, чтобы воспитать ихъ! Однако утѣшься: я бы не умеръ, если бы не жалѣлъ тебя, если бы не надѣялся на твоё мужество, и утѣшеніемъ мнѣ служить мысль, что ты захочешь жить ради твоей несчастной семьи. Другъ мой, я знаю твоё нѣжное сердце, я знаю, что ты будешь горько оплакивать человѣка, который сдѣлалъ тебя счастливой и находилъ величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы воспитывать двухъ своихъ сыновей и дорогую дочь. Но развѣ ты можешь забыть, что вторая твоя мысль принадлежитъ имъ? Они лишились отца и могутъ своими невинными ласками замѣнить тебѣ тѣ, которыхъ я не могу болѣе дать. Шарлотта! я все сдѣлалъ, что считалъ для себя обязательнымъ. Я думалъ, что у меня есть обязанности по отношенію къ тебѣ и моей родинѣ; мнѣ казалось, что народъ смотрѣлъ околдованными глазами на чувства твоего несчастнаго супруга; когда-нибудь завѣса спадетъ съ его глазъ и онъ пойметъ, какъ дорого мнѣ было его счастье. Мнѣ казалось также, что я долженъ жить, чтобы собрать все, что можетъ служить памятникомъ моихъ друзей. Наконецъ я долженъ былъ жить для тебя, для моей семьи, для моихъ дѣтей. Небо рѣшило иначе. Я умираю спокойный. Я общалъ въ запискѣ, написанной во время событій 31 мая, что я сумѣю достойно умереть на эшафотѣ: мнѣ кажется, я могу повторить, что сдержу свое обѣщаніе. Другъ мой, не жалѣй обо мнѣ. Смерть, какъ мнѣ кажется, не принесетъ мнѣ слишкомъ сильныхъ страданій. Я уже устроилъ пробу. Въ теченіе цѣлаго года я занимался всевозможнымъ трудомъ и не ропталъ. Въ ту минуту, когда меня схватили, я два раза приставлялъ пистолетъ ко лбу, но получилась осѣчка. Я не хотѣлъ отдаться живымъ. Однако у меня есть то преимущество, что я уже заранѣе выпилъ всю горечь изъ моей чаши, и мнѣ кажется, что минута смерти не будетъ слишкомъ тяжела. Шарлотта, побѣди свое горе и внушай нашимъ дѣтямъ стремленіе къ скромнымъ добродѣтелямъ. Очень трудно создать счастье своего отечества. Брутъ, прозившій кинжаломъ тирана, Катонъ, вонзившій мечъ себѣ въ грудь, чтобы спасти отечество, не достигли того, чтобы Римъ не былъ порабощенъ. Я убѣжденъ, что я пожертвовала собою ради народа. Хотя въ награду я получаю смерть, но совѣсть моя спокойна, потому что намѣренія у меня были благія. Пріятно сознавать, что уносишь съ собою въ могилу уваженіе къ себѣ и что, можетъ быть, настанетъ день, когда моя заслуга будетъ признана публично. Другъ мой! я оставляю тебя въ нищетѣ, и это мнѣ очень грустно! И если бы тебѣ оставили

даже все, чѣмъ я владѣлъ, у тебя все-таки не хватило бы на хлѣбъ насущный; потому что тебѣ извѣстно, что бы тамъ ни говорили, что у меня не было ничего. Однако, Шарлотта, пусть эта мысль не приводитъ тебя въ отчаяніе. Трудись, другъ мой, потому что ты можешь трудиться. Научи и твоихъ дѣтей трудиться, когда они подрастутъ. О, дорогая моя! если бы такимъ образомъ ты смогла не обращаться къ чужимъ людямъ за помощью! Будь, если возможно, такъ же горда, какъ и я. Надѣйся еще, надѣйся на Того, Который можетъ все: Онъ мой утѣшитель въ послѣднюю минуту. Человѣческій родъ давно уже призналъ Его существованіе, и я чувствую слишкомъ большую потребность быть увѣреннымъ, что гдѣ-либо долженъ существовать полный порядокъ, и вѣрю въ безсмертіе моей души. Онъ великъ, справедливъ и добрѣ—этотъ Богъ, на судъ Котораго я скоро предстану. Я несу къ Нему сердце, хотя и не свободное отъ слабости, но не запятнанное преступленіемъ и проникнутое чистыми намѣреніями.

„Кто засыпаетъ въ лонѣ Отца, не долженъ беспокоиться о пробужденіи“, — прекрасно сказалъ Руссо.

„Пощади моихъ дѣтей, люби ихъ, воспитывай, утѣшься сама, утѣшь мою мать, мою семью! Прощай, прощай навѣки! Твой другъ

„Салль“.

4.

„А ты кто такой?“ спросили Гаде.—„Я Гаде... Палачъ, сказалъ Эсхинъ Жиронды:—дѣлайте свое дѣло. Идите, съ моей головой въ рукѣ, требовать себѣ вознагражденія у тирановъ моего отечества. Они никогда не могли смотрѣть на нее не блѣднѣя; взглянувъ на нее, они еще разъ поблѣднѣютъ!“ Идя на смерть, Гаде сказалъ народу: „Вгляните на меня внимательно,—это послѣдній изъ вашихъ депутатовъ“. На эшафотѣ Гаде хотѣлъ что-то сказать, но барабаны заглушили его голосъ. „Народъ! воскликнулъ онъ въ негодованіи:—вотъ краснорѣчіе тирановъ: они заставляютъ молчать свободного человѣка, чтобы безмолвіе покрыло ихъ злодѣянія!“

Барбару, Петіонъ и Бюзю узнали въ Сентъ-Эмилионѣ объ арестѣ и казни своихъ товарищей. Земля, повсюду подрытая вокругъ нихъ, грозила поглотить ихъ. Ночью они вышли изъ своего убѣжища, унеся съ собою только одинъ хлѣбецъ, куда предусмотрительный хозяинъ вложилъ кусокъ холодного мяса; кромѣ того у нихъ было въ карманахъ нѣсколько пригоршней зеленого горошка. Часть ночи они шли на удачу. Продолжительное бездѣйствіе въ убѣжищахъ, гдѣ они томились въ теченіе восьми мѣсяцевъ, обезсилила ихъ, даже самого Барбару. Его массивный станъ и преждевременная тучность сдѣлали его неспособнымъ къ ходьбѣ.

На разсвѣтѣ трое друзей находились неподалеку отъ Кастильона, деревушки, мѣстоположенія и имени которой они не знали. Былъ день деревенскаго праздника. Флейтистъ и барабанщикъ, носясь до зари по дорожкамъ, сзывали жителей деревни на пиръ и танцы. Волонтеры, съ ружьями на плечѣ, проходили съ пѣнями по дорогѣ. Бѣглецы, которые думали только о своемъ положеніи, разбитые усталостью и волненіемъ, вообразили, что бьютъ тревогу и ищутъ ихъ по полямъ. Они остановились у забора и, повидимому, нѣкоторое

время что-то обдумывали. Пастухи, наблюдавшіе за ними издали, увидали, какъ внезапно вспыхнулъ порохъ, затѣмъ раздался выстрѣлъ и одинъ изъ трехъ подозрительныхъ людей упалъ лицомъ на землю, а двое другихъ побѣжали со всѣхъ ногъ и исчезли за опушкой лѣса. Волонтеры примчались на шумъ. Они увидали молодого человѣка высокаго роста, съ благороднымъ лицомъ, взоръ котораго еще не угасъ, плававшего въ собственной крови. Онъ раздробилъ себѣ челюсть выстрѣломъ изъ пистолета. Рана на языкѣ лишила его возможности говорить, и онъ могъ объясняться только знаками. Его перенесли въ Кастильонъ. Вѣлье его было помѣчено буквами R и В. Когда его спросили, не Бюзо ли онъ? онъ отрицательно покачалъ головою; такъ не Барбару ли?—онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Его повезли въ Бордо въ телѣжкѣ, причѣмъ кровь его капала на мостовую; его узнали по красотѣ его тѣлосложенія, и ножъ гильотины отдѣлилъ его голову отъ туловища.

5.

Никто не зналъ, какая участь постигла Петіона и Бюзо, скрывавшихся въ лѣсахъ и трущобахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ ночей. Смотрѣли ли они на самоубійство своего юнаго товарища какъ на слабость или какъ на примѣръ, достойный подражанія? Застрѣлились ли они при шумѣ приближенія дикаго звѣря, принятаго ими за преслѣдовавшихъ ихъ людей? Открыли ли они себѣ жили у подножія какого-нибудь дерева? Умерли ли они отъ голода, усталости и холода? Пережилъ ли одинъ другого? И который изъ двухъ пережилъ и умеръ на трупѣ товарища? Наконецъ, не умерли ли они во время мрачной ночной борьбы съ кровожадными звѣрями, которые преслѣдовали ихъ какъ свою близкую добычу? Тайна—самое ужасное изъ повѣствованій—скрываетъ послѣднія минуты Бюзо и Петіона. Только нолольщики нашли нѣсколько дней спустя послѣ смерти Барбару разбросанные тамъ и сямъ на хлѣбномъ полѣ и на окраинѣ лѣса клочки шляпъ, башмаковъ и нѣсколько лоскутievъ отъ одежды, покрывавшихъ двѣ кучи человѣческихъ костей, растерзанныхъ волками. Эти лоскутки платья, эти башмаки, эти кости принадлежали Петіону и Бюзо!

На землѣ республики не нашлось даже могилы для людей, которые ее основали. Вся партія Жиронды исчезла вмѣстѣ съ этими двумя послѣдними трибунами. Они предоставили времени разгадать загадку тайны популярности. Одинъ, котораго называли „Король Петіонъ“ и другой, котораго называли, также въ насмѣшку, „Король Бюзо“, явились изъ Парижа и Кана въ поля Жиронды, чтобы умереть тамъ. Земля федерализма поглотила людей, виновныхъ въ томъ, что они строили мечты противъ единства отечества! Какой еще другой судъ можетъ быть нуженъ? развѣ можно судить кучи костей, обглоданныя дикими звѣрями и разбросанныя ими по полю смерти? Нѣтъ, объ нихъ жалѣютъ, ихъ погребаютъ и на этомъ кончаютъ.

6.

Революція въ послѣдніе мѣсяцы 1793 и въ первые мѣсяцы 1794 года, казалось, вернулась по своимъ слѣдамъ, какъ побѣдитель на поле брани, чтобы поразить одного за другимъ людей, пытавшихся обуздать ее и остановить ея

движеніе, начавъ съ тѣхъ, кто былъ къ ней ближе другихъ, и кончая тѣми, кто былъ далѣе всѣхъ отъ нея: сначала съ жирондистовъ и ихъ сторонниковъ, затѣмъ приверженцевъ конституціи и наконецъ чистыхъ роялистовъ. Ненависть торжествующихъ партій обрушивается прежде всего на тѣхъ, кто раздѣлялъ ихъ ученіе и ихъ увлеченія. Въ революціи, какъ и въ войнѣ, ненавидятъ сильнѣе тѣхъ, кто дезертируетъ изъ своего лагеря, чѣмъ противную воюющую сторону. Казни начались съ умѣренныхъ. Республика вспомнила о своихъ врагахъ только послѣ того, какъ умертвили основателей ея.

Великіе имена Учредительнаго собранія казались живымъ протестомъ противъ теорій республики. Конституціонная власть, которую защищали роялисты, осуждала тираннію Комитета общественнаго спасенія. Законная свобода, которую они имѣли въ виду и проповѣдывали, противорѣчила диктатурѣ Горы. Нельзя было оставить въ живыхъ этихъ свидѣтелей и обвинителей, даже если-бы они молчали. Мирабо уже не было въ живыхъ. Пантеонъ похитилъ его у эшафота. Лафайеттъ искупалъ въ подземельяхъ Ольмюца преступность своей умѣренности. Клермонъ-Тоннеръ былъ обезглавленъ 10 августа. Казалось и Мори находились въ изгнаніи. Ламетты скитались заграницей. Сійесъ молчалъ или притворялся спящимъ у подножія Горы. Правая сторона стонала въ тюрьмахъ. Барнавъ, Дюпоръ, Вальи, приверженцы конституціи, были еще живы. Вспомнили о нихъ. Если о комъ вспоминали якобинцы — это было для нихъ смертнымъ приговоромъ. Горе тому, чье имя было произнесено слишкомъ громко! Имя Барнава сохранилось еще въ памяти преобразователей монархіи.

7.

Съ 10 августа Барнавъ, въ услугахъ котораго болѣе не нуждались на тайныхъ совѣщаніяхъ у королевы, удалился въ Гренобль, свой родной городъ. Его встрѣтили тамъ, какъ человѣка, прославившаго свою родину блестящимъ талантомъ и честной жизнью. Его почти что не упрекали за то, что онъ держался въ сторонѣ отъ республиканскаго движенія, не согласовавшагося съ его убѣжденіями. На него смотрѣли, какъ на одно изъ такихъ орудій, которыми народы отбрасываютъ въ сторону послѣ того, какъ они сдѣлали свое дѣло, но которыхъ не ломаютъ. Барнавъ, не рукоплещая республикѣ, но и не осуждая ея, ограничился исполненіемъ своихъ обязанностей какъ гражданина. Онъ отказался отъ эмиграціи, хотя дорога къ ней лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома его отца. Онъ продолжалъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, переживающимъ нѣкоторое время утраченное положеніе. Въ Парижѣ въ 1791 году на него пало подозрѣніе въ томъ, что онъ участвовалъ въ будто бы учрежденномъ австрійскомъ комитетѣ. Фоше намекнулъ на это, такъ же какъ и относительно Ламеттовъ, Дюпора и Монморена, въ обвинительномъ актѣ, которымъ эти тайные совѣтники Людовика XVI были преданы верховному народному суду въ Орлеанѣ.

Барнавъ узналъ о своемъ преступленіи изъ обвинительнаго акта. Его арестовали ночью въ его деревенскомъ домикѣ въ Сентъ-Робертѣ въ окрестностяхъ Гренобля. Онъ былъ заключенъ въ городскую тюрьму, и его матери, переодѣтой служанкой, удалось увидаться съ нимъ. Изъ своей тюрьмы Барнавъ сдѣлалъ

за ходомъ революціи и за печальной участью короля. Онъ не столько сожалѣлъ о лишеніи свободы, сколько о томъ, что онъ не можетъ возвысить свой голосъ передъ Конвентомъ, чтобы защищать голову этого принца.

Республика не желала выслушивать эти раскаянія. Барнавъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ томился въ крѣпости Барро, въ холодной альпійской гористой мѣстности на границѣ Франціи съ Савоей. Граница была передъ нимъ. Въ окнахъ его не было рѣшетокъ, и когда стража погружалась въ сонъ, онъ могъ бы бѣжать, но не хотѣлъ этого. „Никому невѣдомый я бы могъ скрыться“, разсуждалъ онъ: „но, будучи извѣстенъ и отвѣтственный за великія дѣянія республики, я долженъ защищать свои убѣжденія своей головой, а свою честь—кровью“.

8.

Онъ употребилъ этотъ продолжительный гнетъ судьбы на то, чтобы расширить свой умственный кругозоръ и пополнить свои познанія въ политикѣ.

Онъ изучалъ духъ революцій человѣчества по долетавшимъ до него слухамъ о революціи въ его отечествѣ. Онъ написалъ размышленія по спеціальнымъ и историческимъ вопросамъ, которые пережили его. Въ нихъ мы находимъ болѣе здраваго смысла, нежели геніальности. Барновъ является въ нихъ вѣрнымъ представителемъ здраваго смысла націи, точно опредѣляющимъ пропасти, но не опережающимъ никого и не открывающимъ новыхъ путей для человѣческаго ума. Талантъ его блѣденъ и холоденъ, такъ же какъ высказанныя имъ истины нѣсколько банальны. Воображеніе его не заставляетъ трепетать ни одного нерва. Любуешься честностью его мыслей, но не чувствуешь ихъ величія. Удивляешься, какъ могъ такой голосъ соперничать одно время съ мужественнымъ голосомъ Мирабо. Это кажущееся соперничество между двумя ораторами можно объяснить только оптическимъ обманомъ, уравнивающимъ во все времена и у всехъ народовъ современниковъ, уравнивать которыхъ кажется невозможнымъ въ глазахъ потомства.

Барнавъ не заслуживаетъ ни славы, ни оскорбленія подобнаго сравненія. Ограниченнаго ума, но находчивый въ выраженіяхъ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ адвокатамъ, краснорѣчіе которыхъ является искусствомъ ума, а не всыпкой души. Его истинная заслуга заключается въ томъ, что Мирабо счелъ для себя достойнымъ побѣдить его. Желаніе превзойти въ популярности того, съ кѣмъ онъ далеко не могъ равняться по геніальности, заставляло его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разсыпаться въ любезностяхъ, сдѣлавшихся роковыми для монархіи и для его собственной славы. Какъ честный человѣкъ, онъ искупилъ чистотой своей безукоризненной общественной жизни и великодушнымъ возвратомъ къ своему несчастному королю нечестнымъ путемъ пріобрѣтенныя рукоплесканія толпы. Онъ отказался отъ своей популярности, какъ только ему предложили купить ее цѣною преступленія.

9.

Когда Барнавъ пріѣхалъ въ Парижъ, Комитетъ общественнаго спасенія заявилъ, что имѣетъ противъ него подозрѣнія. Дантонъ, вернувшійся изъ

Аренса на Обѣ, попытался спасти его. Онъ общалъ это матери Барнава и его сестрѣ. Онѣ послѣдовали за сыномъ и братомъ какъ двѣ челобитчицы, уцѣпившіяся за колеса кареты, которая привезла его въ Парижъ. Дантонъ не осмѣлился исполнить того, что онъ общалъ. Единственная милость, которую получилъ Барнавъ, было разрѣшеніе обнять мать и сестру передъ смертію. Онъ защищался на судѣ съ необычайнымъ присутствіемъ духа и краснорѣчіемъ. Но тамъ, гдѣ еще недавно говорилъ Верньо, какое дѣйствіе могла произвести холодная, разсудочная рѣчь Барнава? Онъ вернулся въ тюрьму осужденный. Храбрый Бальо, его сотоварищъ по Учредительному собранію, пришелъ утѣшить его въ послѣдніе часы его жизни. Барнавъ, котораго Бальо засталъ въ угнетенномъ состояніи духа, жаловался, что въ расчетъ его палачей входитъ лишать его пищи. Хотя, говорилъ онъ:—опозорить его смерть, приписавъ его душевной слабости истощеніе его тѣла, ослабленнаго голодомъ. Этотъ расчетъ былъ неправдоподобенъ. Народу мало было дѣла до того, какъ умирали его жертвы.

Дюпора-Дютертръ, бывшаго министра юстиціи, судили вмѣстѣ съ Барнавомъ и также присудили къ казни. Послѣ произнесенія приговора, Дюпоръ сказалъ съ презрѣніемъ судьямъ: „Во время революцій народъ убиваетъ людей, но потомство судить ихъ“. Дюпоръ выказалъ на позорной колесницѣ болѣе твердости, чѣмъ его сотоварищъ. Видѣли, какъ онъ нѣсколько разъ наклонялся къ нему, стараясь поддержать въ немъ мужество. Поза Барнава указывала на болѣзненность его тѣла, на душу, созданную скорѣе для трибуны, нежели для эшафота. Его громкое имя, передаваемое изъ устъ въ уста, заставляло умолкать толпу. Народъ, казалось, задумался надъ чудовищными превратностями популярности. Онъ не оскорбилъ оратора. Онъ далъ ему умереть.

10.

Оставался Бальи. Повидимому, народъ хотѣлъ отомстить ему оскорбленіями за то уваженіе, которымъ окружалъ нѣкогда мэра Парижа. Народы прибѣгаютъ къ такого рода мщенію. Почти столь же опасно бываетъ внушать имъ слишкомъ сильную любовь къ себѣ, какъ и ненависть: они наказываютъ своихъ идоловъ за то, что тѣ обольщали ихъ.

Бальи, человѣкъ съ благими намѣреніями, ученый философъ, извѣстный астрономъ, страстно любилъ свободу, потому что пріобрѣсти свободу значить найти одной истиной болѣе на землѣ; въ душѣ онъ обоготворялъ человѣческій родъ. Въ этомъ боготвореніи, руководимомъ зрѣлымъ разумомъ, онъ вѣрилъ въ человѣчество, но не до фанатизма. Онъ хотѣлъ, чтобы идеи и даже революціи шествовали такъ же, какъ небесныя свѣтила въ пространствѣ—въ могуществѣ, величіи и въ стройномъ порядкѣ.

Будучи предѣдателемъ Національнаго собранія, онъ первый далъ клятву въ Жё-де-Помъ и съ тѣхъ поръ все поведеніе его согласовалось съ двумя положеніями: лишить деспотической власти дворъ и возстановить отчасти власть короля, чтобы соблюсти постепенность въ побѣдѣ и порядокъ въ преобразованіяхъ. Это былъ гражданскій Лафайеттъ: одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ новыя вѣянія толкаютъ впередъ и увѣличиваютъ уваженіемъ и поче-

стями, чтобы приобрести себя доверіе, прикрываясь их именемъ. Имя Бальи было вывѣской на фронтисписѣ революціи. Если Бальи не былъ на высотѣ своей судьбы благодаря своему гению, онъ былъ достоинъ ея по своему характеру. Время его управленія было рядомъ побѣдъ народа надъ дворомъ. Когда кровавыя волненія начали осквернять побѣды народа, Бальи заговорилъ какъ человѣкъ благоразумный и началъ дѣйствовать какъ должностное лицо. Одинъ день погубилъ популярность этой прекрасной жизни. Это былъ день, когда жирондисты вмѣстѣ съ якобинцами подняли мятежъ на Марсовомъ полѣ. Бальи, посоветовавшись съ Лафайеттомъ, развернулъ красное знамя, двинулся во главѣ вооруженной буржуазіи противъ бунтовщиковъ и разгромилъ ихъ около алтара отечества. Пролитъ эту кровь, Бальи почувствовалъ раскаяніе. Якобинцы проклинали его. Имя его сдѣлалось для нихъ синонимомъ убійства народа. Онъ не могъ долѣе управлять городомъ, гдѣ пролитая кровь вопіяла противъ него. Онъ отказался отъ власти, передавъ ее Петіону, и два года провелъ въ уединеніи въ окрестностяхъ Нанта.

Скоро, однако, онъ почувствовалъ утомленіе своимъ покоемъ, дѣлающееся мучительнымъ у людей, долгое время бывшихъ дѣятельными. Онъ хотѣлъ быть ближе къ Парижу, чтобы слѣдить за развитіемъ республики. Узнанный народомъ, онъ былъ съ трудомъ вырванъ изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы, брошенъ въ Консерваторію и отправленъ въ революціонный судъ. Имя его было его смертнымъ приговоромъ. Онъ шелъ на смерть среди бушевавшей толпы. Казнь его была продолжительнымъ убійствомъ. Съ обнаженной головой, остриженный, съ руками, связанными огромной веревкой позади спины, въ одной рубашкѣ, безъ верхней одежды, въ леденящій холодъ онъ медленно проѣхалъ по кварталамъ столицы. Поддонки и чернь Парижа, которую онъ долго сдерживалъ во время своего мѣрства, казалось, поднялись и хлынули потокомъ вокругъ колесъ везшей его телѣжки. Даже палачи, вознегодовавъ на такую жестокость, упрекали народъ за то, что онъ поносилъ его. Толпа сдѣлалась отъ этого еще неумолимѣе. Одна шайка потребовала, чтобы гильотина, обыкновенно находившаяся на площади Согласія, въ этотъ день была воздвигнута на Марсовомъ полѣ, для того, чтобы кровь Бальи смыла кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ она была пролита имъ. Люди, выдававшие себя за родственниковъ, друзей или мстителей за жертвы, павшія на Марсовомъ полѣ, несли около телѣжки въ видѣ насмѣшки красное знамя на шестѣ. Время отъ времени они обмакивали его въ потоки грязи и хлестали имъ по лицу Бальи. Другіе плевали ему въ лицо. Избитое, запятнанное кровью и грязью, лицо его потеряло обликъ человѣческой. Смѣхомъ и рукоплесканіями толпа одобряла этотъ ужасъ. Шествіе, прерываемое остановками, подобно шествію на Голгофу, длилось три часа.

Когда пріѣхали на мѣста казни, люди эти достигли въ своей ярости до утонченности; они заставили Бальи сойти съ телѣжки, пѣшкомъ обойти все Марсово поле и лизать языкомъ землю, гдѣ была пролита кровь народа. Однако и это искупленіе не удовлетворило ихъ. Гильотина была воздвигнута въ центрѣ Марсова поля. Земля федераціи кажется народу слишкомъ священной, чтобы запятнать ее казнью. Приказываютъ палачамъ разобрать эшафотъ по частямъ и перенести на берегъ Сены, на кучу нечистотъ, свезенныхъ изъ живодеренъ

Парижа. Палачи принуждены повиноваться. Орудіе казни разобрано. Изъ подражанія крестному ходу Спасителя, эти чудовища взваливаютъ на плечи старика тяжелыя дубовыя доски, составлявшія помость гильотины. Удары ихъ заставляютъ осужденнаго тащиться подъ этой тяжестью. Но онъ надаетъ и лежитъ безъ чувствъ подъ своей ношей. Онъ приходитъ въ себя, встаетъ; раздаются взрывы смѣха и издѣвательства надъ его старостью и слабостью. Въ продолженіе часа его заставляютъ присутствовать при медленной постройкѣ вновь его эшафота.

Дождь, смѣшанный со снѣгомъ, падалъ ему на голову и леденилъ его члены. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Душа его была тверда. Его серьезное и кроткое лицо было спокойно. Безстрастный умъ его смотрѣлъ выше этой толпы, на человѣчество, находившееся за нимъ. Онъ испытывалъ мученичество и находилъ, что оно не сильнѣе надежды, ради которой онъ его терпѣлъ. Онъ спокойно бесѣдовалъ съ окружающими. Одинъ изъ нихъ, видя, что онъ вздрагиваетъ, спросилъ: „Ты дрожишь, Балли?“—„Да, другъ мой“, отвѣтилъ старикъ: „но только отъ холода“. Наконецъ топоръ положилъ конецъ этимъ мученіямъ. Они длились пять часовъ. Балли пожалѣлъ эту толпу, поблагодарилъ палача и предалъ духъ свой вѣчности. Немногимъ жертвамъ пришлось имѣть дѣло съ такими низкими палачами, немногіе палачи встрѣтили столь высокую душу въ своей жертвѣ. Позоръ у подножія эшафота, слава за нимъ, состраданіе повсюду! Стыдишься, что принадлежишь къ числу людей, видя эту толпу. Гордишься этимъ именемъ, смотря на Балли. Чѣмъ болѣе жестокъ человѣкъ—тѣмъ болѣе надо любить его. Преступленія народа являются слѣдствіемъ его униженій. Ученіи мудрецовъ недостаточно, чтобы просвѣтить его, необходимы мученики, чтобы искупить ихъ. Балли былъ однимъ изъ этихъ самыхъ святыхъ мучениковъ, потому что, умирая отъ руки свободы, онъ все же умиралъ за нее. Онъ вѣрилъ въ народъ вопреки народу. Онъ ставилъ ему въ вину его несправедливость, а не свою пролитую кровь.

11.

Вечеромъ, выслушавъ разсказъ объ этой смерти, Робеспьеръ пожалѣлъ о Балли. „Такимъ образомъ“, воскликнулъ онъ во время ужина у Дюплэ: „они предадутъ мученической смерти и насъ!“ Когда Дюплэ, его хозяинъ, одинъ изъ судей революціоннаго суда, хотѣлъ объяснить Робеспьеру, почему онъ осудилъ этого великаго преступника, Робеспьеръ сказалъ: „Никогда не говорите мнѣ объ этомъ; я не требую у васъ отчета въ вашихъ приговорахъ, но республика потребуетъ отчета у вашей совѣсти“. Дюплэ не говорилъ болѣе Робеспьеру объ обвиненіяхъ и казняхъ. Робеспьеръ приказалъ не принимать никого въ этотъ вечеръ въ знакъ траура. Было-ли это сожалѣніе? Или предчувствіе?

Но топоръ уже рубилъ безъ разбора. Всѣ сословія смѣшались на эшафотѣ. Куртизанка умирала рядомъ съ ученымъ. Народъ одинаково всѣмъ рукоплескалъ. Порокъ или добродѣтель,—онъ уже не дѣлалъ различія.

Госпожа Дю-Барри, любовница Людовика XV, умерла немного времени спустя послѣ Балли. Эта женщина начала еще ребенкомъ торговать своими

преlestями. Ея обворожительная красота привлекла къ ней взоры поставщицъ любовницъ королю. Они вырвали ее изъ трущобы порока, чтобы выставить на позоръ, какъ порокъ коронованной особы. Людовикъ XV сдѣлалъ изъ своихъ любовницъ нѣчто въ родѣ дворцоваго учрежденія. Мадемуазель Ланжъ-Вобернье, получившая титулъ графини Дю-Барри, сдѣлалась преемницей госпожи де-Помпадуръ. Людовику XV необходима была соль скандала, чтобы придать остроты своему испорченному вкусу. Онъ любилъ унижаться, какъ другіе любятъ возвышаться. Онъ давалъ царить скандалу. Въ этомъ заключалось его величіе. Единственное уваженіе, котораго онъ требовалъ отъ двора, было уваженіе его пороковъ. Госпожа Дю-Барри царствовала отъ его имени. Народъ, въ этомъ надо сознаться, постыдно склонился подъ ея иго. Дворянство, министры, духовенство, философы, всѣ курили ея имѣямъ идола короля. Людовикъ XV подготовилъ души къ этому рабству, заставляя своихъ придворныхъ преклоняться передъ деспотизмомъ своихъ любовницъ.

12.

Оставшаяся еще молодой послѣ смерти Людовика XV, госпожа Дю-Барри была заключена на нѣсколько мѣсяцевъ изъ приличія въ монастырь, ради соблюденія достоинства новаго царствованія. Освобожденная вскорѣ изъ затворничества, она поселилась въ роскошномъ убѣжищѣ около Парижа, въ павильонѣ Лувесень, около лѣсовъ Сентъ-Жермена. Огромное богатство,—даръ Людовика XV,—дѣлало ея изгнаніе почти столь же блестящимъ, какъ то время, когда она царила. Престарѣлый герцогъ де-Бризакъ сохранилъ прежнюю привязанность къ фавориткѣ. Онъ уже любилъ ее за ея красоту въ то время, когда другіе любили ее за ея положеніе. Госпожа Дю-Барри ненавидѣла революцію, это господство народа, презиравшаго придворныхъ и требовавшаго добродѣтели. Хотя она не была принята ни при дворѣ Людовика XVI, ни при дворѣ Маріи-Антуанеты, она жалѣла о постигшемъ ихъ несчастіи, оплакала ихъ паденіе и была предана трону и эмиграціи.

Послѣ 10 августа она уѣхала въ Англію. Въ Лондонѣ она носила трауръ по Людовику XVI. Она пожертвовала свое огромное состояніе, чтобы облегчить несчастія эмигрантовъ. Но большая часть ея сокровищъ были тайно зарыты ею и герцогомъ Бризакомъ у подножія дерева въ лувесенскомъ паркѣ. Госпожа Дю-Барри никому не хотѣла довѣрить тайну нахождения своего клада. Она рѣшила вернуться во Францію, чтобы вырыть свои брилліанты и увезти ихъ съ собою въ Лондонъ.

На время своего отсутствія она поручила надзоръ и управленіе Лувесенномъ молодому негру, по имени Замору. Изъ женскаго каприза она воспитала этого юношу, какъ воспитываютъ домашнихъ животныхъ. Она заставляла рисовать съ себя портреты рядомъ съ этимъ чернокожимъ, чтобы походить на этихъ портретахъ, благодаря контрасту чертъ и цвѣта лица, на венеціанскихъ куртизанокъ Тиціана. Она питала къ этому чернокожему нѣжность матери. Заморъ былъ неблагодаренъ и жестокъ. Онъ увлекся революціонной свободой. Онъ заразился горячкой толпы. Неблагодарность казалась ему добродѣтелью угнетенныхъ. Онъ измѣнилъ своей благодѣтельница. Онъ выдалъ ея сокрови-

Барнавъ.

вища. Онъ предать ее революціонному комитету въ Лувесенѣ, членомъ котораго онъ былъ.

Госпожа Дю-Барри, возвеличенная и обогатившаяся благодаря фаворитству, погибла черезъ фаворита. Судимая и единогласно приговоренная, выставленная народу какъ одно изъ поношеній трона, отъ котораго надо очистить воздухъ республики, она шла на смерть среди гиканья толпы и презрѣнія равнодушныхъ. Она была еще во всемъ величіи едва созрѣвшей красоты. Красота ея, отданная въ руки палача, была ея преступленіемъ въ глазахъ толпы. Она была одѣта въ бѣлое платье. Ея бѣлокурые волосы, обрѣзанные сзади ножницами палача, обнажали ея шею. Локоны, не обрѣзанные спереди, развѣвались и закрывали ей глаза и щеки. Она отбрасывала ихъ назадъ движеніемъ головы, чтобы лицо ея смягчило народъ. Она старалась вызвать жалость самыми унижительными мольбами. Неизякаемая слезы текли потоками изъ ея глазъ и падали на грудь. Раздирающіе душу крики заглушали стукъ колесъ и ропотъ толпы. Казалось, что топоръ уже заранѣе поразилъ эту женщину и сто разъ лишалъ ее жизни. „Жизни, жизни!“ кричала она: „жизни за мое раскаяніе! жизни за мою преданность республикѣ! жизни за мое богатство, которое я отдаю націи!“ Народъ смѣялся и пожималъ плечами. Онъ указывалъ на подушку гильотины, на которой должна была успокоиться эта прелестная головка. Путь куртизанки къ эшафоту былъ однимъ продолжительнымъ крикомъ. Она кричала даже лежа подъ ножомъ. Дворъ ослабилъ ея душу. Изъ всѣхъ казненныхъ женщинъ только она одна выказала трусость передъ смертью, потому что она умерла не за свои убѣжденія, не за добродѣтель, не изъ-за любви, а за порокъ. Она опозорила эшафотъ такъ же, какъ опозорила тронъ.

13.

Генераль Биронъ, извѣстный при дворѣ подъ именемъ герцога Лаузенскаго, умеръ въ одно время съ нею, но какъ подобаетъ солдату.

Въ молодости герцогъ Лаузенскій былъ крайне легкомысленъ. Его положеніе, умъ и пріятное обращеніе придавали блескъ даже его недостаткамъ. Скандалы только увеличивали его славу. Онъ старался распространить слухи, что былъ любимъ королевой. Его мемуары полны только разсказами о его любовныхъ похожденияхъ. Проматавъ состояніе въ юные годы, онъ искалъ славы въ войнѣ. Онъ послѣдовалъ за Лафайеттомъ въ Америку и увлекался свободой не изъ гражданской доблести, но вслѣдствіе моды. Будучи другомъ герцога Орлеанскаго, онъ принялъ участіе въ его заговорахъ. Партіи прощаютъ все тѣмъ, кто служитъ имъ. Герцогъ Лаузенскій, послѣ благосклонности двора, искалъ благосклонности народа. Онъ переѣзжалъ только обстановку. Онъ храбро сражался въ сѣверной арміи, въ рейнской, альпійской, наконецъ, въ вандейской. Принявъ участіе въ революціи, онъ чувствовалъ, что все его спасеніе заключается въ томъ, чтобы служить ей до конца. Пристать куда-нибудь было невозможно. Потокъ неся черезчуръ быстро. Онъ не зналъ, куда унести его потокъ, но все-таки неся за нимъ. Легкомысліе было его звѣздой. Онъ весело отдавалъ республикѣ свое имя, свою руку, свою

кровь. Солдаты обожали его. Вышедшіе изъ разночинцевъ генералы завидовали его вліянію. Они не терпѣли безнаказанно древнихъ аристократовъ. Въ Вандеѣ начались несогласія между Росиньолемъ, якобинскимъ генераломъ, и Бирономъ. Биронъ былъ принесенъ въ жертву.

Привезенный въ Парижъ, заключенный въ Консьержери и приговоренный къ смерти, онъ вошелъ въ свою тюрьму такъ, какъ вошелъ бы въ свою палатку наканунѣ сраженія. И вотъ смерть безпечности. Онъ хотѣлъ наслаждаться до самаго конца единственнымъ удовольствіемъ, которое у него осталось: удовольствіемъ имѣть хорошій столъ. За отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ, онъ приглашалъ тюремщиковъ и стражниковъ. Онъ приказывалъ приносить себѣ устрицъ, бѣлаго вина. Онъ пилъ очень много. За нимъ явились помощники палача. „Дайте мнѣ докончить мои устрицы“, сказалъ имъ Биронъ: „Для того, чтобы исполнить то дѣло, которому вы служите, вамъ нужны силы: выпейте со мною!“

Въ этой смерти зрѣлаго человѣка, напоминающей собою смерть юнаго эпикурейца, больше бьющаго на эффектъ, чѣмъ достоинства. Улыбка не у мѣста на порогѣ вѣчности. Безпечность въ часъ смерти не встрѣчается у истинныхъ героевъ: это софизмъ смерти. Народъ рукоплескалъ при послѣднихъ минутахъ Вирона, потому что, бравирюя здравымъ умомъ, онъ бравировалъ также и казнь. Онъ умеръ такъ, какъ хотѣлъ жить, храбро, гордо и при рукоплесканіяхъ.

Былъ послѣдній день 1793 года. Другіе должны были умереть на слѣдующій день, 1-го января. Смерть не справлялась съ календаромъ. Годы сливались во время казней. Кровь не переставала течь.

14.

Въ однихъ только тюрьмахъ Парижа четыре тысячи шестьсотъ заключенныхъ ожидали суда надъ собою. Фукье-Тенвилля не хватало одного для постановленія обвинительныхъ приговоровъ, которые писались имъ во множествѣ сразу и почти наудачу. Вслѣдствіе огромнаго количества обвиняемыхъ и нетерпѣнія народа, Фукье-Тенвилль не покидалъ своего кабинета въ Дворцѣ правосудія, гдѣ онъ разсматривалъ обвинительные акты. Онъ ѣлъ второпяхъ за тѣмъ же самымъ столомъ, гдѣ подписывалъ смертные приговоры. Онъ спалъ въ судѣ прямо на матрацѣ. Отдыха онъ не зналъ. Онъ жаловался, что не имѣетъ времени пойти обнять свою жену и дѣтей. Рвеніе служить республикѣ сжигало его. Онъ забывалъ, что это было рвеніе истребленія. Онъ называлъ его своимъ долгомъ. Онъ воображалъ, что онъ рука народа, топоръ республики, гроза революціи. У него лежали на совѣсти пощажженная жизнь, позабытый виновный, оправданный подсудимый. Страшное извращеніе человѣческаго сердца фанатизмомъ! Каждый вечеръ Фукье получалъ изъ Комитета общественнаго спасенія списокъ съ именами подозрѣваемыхъ лицъ, которыхъ слѣдовало арестовать или судить. Механизмъ террора былъ, такъ сказать, очень грубъ. Фукье-Тенвилль былъ ослѣпленъ кровью, которую онъ приказывалъ проливать, однако иногда онъ самъ бывалъ пораженъ огромнымъ числомъ казней, которыхъ у него требовали, и именами жертвъ, которыхъ онъ осудилъ. Разъ или

два ему пришлось навести обвиняемых на путь спасенія, внушивъ имъ отвѣты, которые могли способствовать ихъ оправданію. Онъ спасъ такимъ образомъ въ магистратурѣ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ нѣкогда зналъ и уважалъ.

Иногда суровая добродѣтель заставляла этихъ жертвъ отказываться отъ жизни, которую имъ предлагали спасти цѣною жи. Религія истины создавала добровольныхъ мучениковъ. Вотъ примѣръ, засвидѣтельствованный однимъ изъ судей и достойный быть переданнымъ потомству.

15.

Почти все бывшіе члены парламентовъ и главныхъ магистратовъ одинъ за другимъ умирали на эшафотѣ. Ангранъ д'Аллерэ, гражданскій судья въ Шатлэ, честный старикъ, пользовавшійся уваженіемъ и обремененный годами, преданъ былъ вмѣстѣ съ женой революціонному суду по обвиненію въ томъ, что они находились въ перепискѣ съ ихъ эмигрировавшимъ сыномъ и посылали ему денежную помощь въ мѣсто его изгнанія. Фукье-Тенвилль тронутъ. Онъ дѣлаетъ знакъ глазами обвиняемому, желая внушить ему отвѣтъ, который долженъ его спасти. „Вотъ“, говоритъ онъ громко: „письмо, служащее твоимъ обвиненіемъ; но я знаю твой почеркъ, я часто читалъ бумаги, писанныя твоей рукой въ то время, когда ты засѣдалъ въ парламентѣ. Это письмо писалъ не ты: повидимому, поддѣлались подъ твою руку“. — „Передай мнѣ письмо“, сказалъ старикъ Фукье-Тенвиллю. Затѣмъ, внимательно разсмотрѣвъ письмо, онъ отвѣтилъ общественному обвинителю: „Ты ошибаешься, это письмо дѣйствительно написано мною“. Фукье, смутившійся отъ этой искренности, разстроившей его планъ, однако не теряетъ надежду; онъ предлагаетъ другой предлогъ виновному, чтобы оправдаться. „Существуетъ законъ“, говоритъ онъ: „воспрепятствующій роднымъ эмигрантовъ переписываться съ ними подъ страхомъ смерти; ты, конечно, не зналъ этого закона?“ — „Ты еще разъ ошибаешься“, отвѣчаетъ д'Аллерэ: „я зналъ его, но я знаю еще законъ болѣе ранній и высшій, начертанный природой въ сердцахъ всехъ отцовъ и матерей, — законъ, повелѣвающий жертвовать жизнью ради того, чтобы помогать своимъ дѣтямъ“.

Обвинитель, упорный въ своемъ намѣреніи, не упалъ духомъ и при этомъ второмъ отвѣтѣ. Онъ предложилъ еще пять или шесть извиненій въ томъ же родѣ. Д'Аллерэ отвергъ ихъ все, продолжая настаивать на истинѣ. Наконецъ, замѣтивъ намѣреніе Фукье-Тенвилля, сказалъ ему: „Благодарю тебя за усилія, которые ты дѣлаешь, чтобы спасти насъ; но намъ пришлось бы купить нашу жизнь цѣною жи. Моя жена и я предпочитаемъ умереть. Мы состарились оба, никогда не солгавъ, и не солжемъ и теперь, чтобы спасти остатокъ нашей жизни. Исполни твой долгъ, а мы исполнимъ свой. Мы не обвинимъ тебя въ нашей смерти, мы обвинимъ только законъ“. Судьи плакали отъ умиленія, но отправили честнаго самоубійцу на эшафотъ.

16.

Такимъ образомъ 1794 годъ начался кровью. Гильотина, повидимому, была единственнымъ учрежденіемъ во Франціи. Дантонъ и Сень-Жюсть объявили, что

конституція перестала существовать и правленіе сѣлалось революціоннымъ. Правосудіе подозрѣвало или мстило. Жизнь находилась въ зависимости отъ доноса. Правительство воплотилось въ эшафотъ. Конвентъ ни на минуту не могъ прекратить нанесеніе ударовъ, иначе онъ самъ былъ бы уничтоженъ. Франція, разстрѣливаемая въ Тулонѣ, громимая картечью въ Ліонѣ, гильотинируемая въ Парижѣ, заключенная въ тюрьмахъ, подвергаемая доносамъ, секвестрамъ имущества, повсюду пораженная ужасомъ, походила на покоренную страну, разоряемую однимъ изъ тѣхъ великихъ нашествій народовъ, которыя уничтожали старыя цивилизаціи послѣ паденія Римской имперіи и приносили съ собою въ Европу новыхъ боговъ, новыхъ властителей, новые законы и новые нравы. Это было вторженіе новой идеи, которую мятежъ вооружилъ огнемъ и мечомъ. Конвентъ уже не былъ мѣстомъ правленія, а лагеремъ. Республика не была уже обществомъ, но рѣзнею побѣжденных въ сѣчѣ. Ярость идей болѣе неутолима, чѣмъ ярость людей, потому что у людей есть сердца, а идеи его не имѣютъ. Системы это — грубыя силы, не сожалѣющія даже о тѣхъ, кого они поражаютъ. Подобно ядрамъ на полѣ битвы, онѣ убиваютъ безъ разбора, безъ суда и уничтожаютъ самую цѣль, которую имъ намѣчаютъ. Революція нарушила свое ученіе посредствомъ своей тиранніи. Она запятнала свое право — насиліями. Она обезчестила борьбу казнями. Такимъ образомъ обогрѣлись кровью самыя чистыя намѣренія. Мы говоримъ это не для того, чтобы оправдать народы, но изъ сожалѣнія къ нимъ. Ничто не можетъ быть прекраснѣе лицезрѣнія новой идеи, загорѣвшейся на горизонтѣ человѣческаго разума; ничто не можетъ быть законнѣе какъ дать ей возможность бороться съ предразсудками, привычками и вредными установленіями, противящимися ей, и побѣдить ихъ. Ничто не можетъ быть ужаснѣе лицезрѣнія того, какъ она мучаетъ своихъ враговъ. Тогда борьба переходитъ въ казни, освободитель становится тираномъ и предвѣстникомъ палача. Таковою сдѣлалась у иныхъ невольна, а у другихъ въ теоріи роль членовъ Горы и Комитета общественного спасенія. Теоретически они протестовали, но увлеченіе одерживало надъ ними верхъ. Они допускали свирѣпствовать мести народа, ужасамъ анархіи, жестокостямъ прокопсуловъ, даже грабежамъ и убійствамъ, которые достигали такой же степени, какъ и въ Римѣ во времена упадка. Партія Коммуны, въ числѣ которой находились Гебертъ, Шометтъ, де-Моморо, де-Ронсенъ, де-Венсенъ и самыя ярые демагоги, стояла выше Конвента и увлекала его.

17.

Въ эпоху этихъ казней партія Законодательнаго собранія пыталась время отъ времени излагать великіе принципы и великія нововведенія, подобно орaculaмъ, подъ шумъ грозы. Робеспьеръ, отнынѣ властвовавшій въ Комитетѣ общественного спасенія, намѣчая въ неопредѣленныхъ чертахъ порядокъ управленія, въ обнародованныхъ впослѣдствіи запискахъ, рисовалъ справедливость, равенство и свободу, которыхъ, какъ онъ думалъ, уже достигли. Какъ и во всемъ, что онъ говорилъ, дѣлалъ или писалъ, въ нихъ чувствуется болѣе философъ, чѣмъ политикъ.

„Необходимо, чтобы власть была едина,—говорится въ одной изъ этихъ посмертныхъ замѣтокъ.

„Необходимо, чтобы эта власть была либо республиканская, либо королевская.

„Для того, чтобы она была республиканская, необходимы министры республиканцы, республиканскіе журналы, республиканскіе депутаты, республиканское правленіе.

„Война съ внѣшними врагами—смертный бичъ.

„Внутреннія опасности происходятъ отъ буржуа. Чтобы восторжествовать надъ буржуа, необходимо сплотить народъ. Народъ долженъ имѣть доступъ въ Конвентъ, а Конвентъ пользоваться услугами народа.

„Во внѣшней политикѣ необходимо вступить въ союзъ съ незначительными державами. Но всякая дипломатія будетъ безсильна, пока у насъ не будетъ единства власти“.

Послѣ средствъ намѣчается цѣль:

„Какова же цѣль? Приведеніе въ исполненіе конституціи, благопріятной народу.

„Кто будутъ нашими врагами? Люди богатые и порочные.

„Какими средствами будутъ пользоваться они? Притворствомъ и клеветой.

„Что необходимо сдѣлать? Просвѣтить народъ. Но въ чемъ препятствія къ образованію народа? Въ подкупныхъ писателяхъ, вводящихъ въ заблужденіе своимъ ежедневнымъ безсовѣстнымъ враньемъ.

„Какой отсюда выводъ? Необходимо изгнать писателей, какъ самыхъ опасныхъ враговъ отечества и распространять какъ можно больше хорошія произведенія.

„Какія два другихъ препятствія къ водворенію свободы? Война съ внѣшними врагами и война гражданская.

„Какими средствами можно положить конецъ войнѣ съ внѣшними врагами? Поставить во главѣ войскъ республиканскихъ генераловъ и наказать измѣнниковъ.

„Какими средствами можно положить конецъ гражданской войнѣ? Наказывать заговорщиковъ, въ особенности депутатовъ и виновныхъ административныхъ лицъ; послать патріотическія войска подъ начальствомъ вождей патріотовъ; показать устрашающій примѣръ, жестоко наказавъ злодѣевъ, оскорбившихъ свободу и пролившихъ кровь патріотовъ.

„Наконецъ—народное продовольствіе и законы для народа.

„Какое еще препятствіе къ народному образованію? Нищета.

„Когда же народъ будетъ просвѣщенъ? Когда у него будетъ хлѣбъ и когда богатые люди и правительство перестанутъ подкупать лживые перья и языки, чтобы обманывать его; когда благополучіе богатыхъ и правительства будетъ построено на народномъ благѣ.

„Когда же ихъ благополучіе будетъ построено на благополучіи народа? Никогда!“

Когда это ужасное слово вырвалось у Робеспьера въ концѣ діалога съ самимъ собою, перо перестало писать. Сомнѣніе или отчаяніе продиктовало

это послѣднее слово. Чувствуешь, что въ душѣ, не желающей отказаться отъ надеждъ, это слово должно было означать: „Надо заставить силой идти подъ знамя справедливости и равенства всѣхъ тѣхъ, чьи интересы не будутъ тождественны съ интересами народа“. Логическая необходимость террора вытекала изъ этого слова. Оно было полно крови.

18.

Во всѣхъ засѣданіяхъ Конвента и якобинцевъ въ теченіе ноября и декабря 1793 года до 1794, происходили постоянныя пренія, произносилось множество рѣчей и издавались декреты, въ которыхъ чувствовался духъ народнаго правленія. Личныя интересы, казалось, преклонились передъ принципомъ преданности отчизнѣ. Бѣдные классы, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было то, что они принадлежали къ своей отчизнѣ, только и могли принести въ жертву ей свою кровь. Конвентъ въ этихъ законодательныхъ засѣданіяхъ написалъ какъ будто главу евангельской конституціи будущаго. Налоги распределены сообразно имуществамъ. Бѣдняки священны. Немошнымъ назначено пособіе. Безродныя дѣти и сироты усыновлены республикой. Преслѣдуемое закономъ материнство возвышено изъ того позора, которое заставляло убивать ребенка, безчестя мать. Объявлена свобода совѣсти. Всеобщая нравственность принята за основу законовъ. Уничтожены рабство и продажа черныхъ. Къ совѣсти человѣчества обращаются какъ къ верховному закону. Цѣлый рядъ филантропическихъ и общественныхъ мѣръ узаконяетъ дѣйствующую благотворительность, какъ союзный договоръ между богатыми и бѣдными. Соціальная власть распределена равномерно между всѣми гражданами. Первоначальное обученіе, даваемое на счетъ государства, распространяетъ, какъ божественный долгъ, просвѣщеніе въ низшихъ слояхъ народонаселенія. Любовь къ народу, повидимому, проглядываетъ во всѣхъ пружинахъ администраціи. Чувствуется, что республика явилась не для того, чтобы похитить, но чтобы дать власть, нравственность, равенство, правосудіе и благосостояніе массамъ. Въ этомъ проявляется божественность духа революціи. Духъ свѣта и милосердія въ постановленіяхъ Конвента и духъ истребленія въ его политическихъ дѣйствіяхъ. Невольно спрашиваешь себя, откуда это противорѣчіе между соціальными законами Конвента и его политическими мѣрами? Между этимъ милосердіемъ и палачомъ? Между человѣколюбіемъ и потоками крови? Оттого что соціальныя законы Конвента исходили изъ его догматовъ, а политическія дѣйствія изъ его гнѣва. Одни были его принципами, а другіе—его страстями.

Гордый новой эрой, которую онъ возвѣстилъ міру, онъ хотѣлъ, чтобы французская республика сдѣлалась однимъ изъ такихъ событій, которыми знаменуется переворотъ въ исторіи человѣческаго рода. Онъ установилъ республиканскій календарь, чтобы всегда напоминать людямъ, что они сдѣлались дѣйствительно людьми только съ того дня, когда они сами провозгласили себя свободными. Онъ поступилъ такъ еще для того, чтобы, переименовавъ названія мѣсяцевъ и дней, изъ которыхъ образуется время, уничтожить самыя слѣды религіи, заимствованныя изъ Грегорианскаго календаря. Онъ поступилъ такъ,

чтобы, раздѣливъ дни на декады *), а не на недѣли, не смѣшивать долге начальный день періода съ днемъ, предназначеннымъ католицизмомъ исключительно для молитвы и покоя. Онъ хотѣлъ, чтобы церковь прекратила указывать народу время для его отдыха и труда. Онъ хотѣлъ отвоевать даже время у христіанскаго духовенства, которое все запечатлѣло своимъ знакомъ съ тѣхъ поръ, какъ овладѣло государствомъ.

Въ этой системѣ названія дней соотвѣтствовали мѣсту, занимаемому ими въ цифровомъ порядкѣ республиканской декады. Названія эти были взяты съ латинскаго: *primidi, duodi, tridi, quartidi, quintidi, sextidi, septidi, octidi, nonidi, decadi*. Значеніе ихъ, чисто цифровое, имѣло преимущество вызывать числа въ памяти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобство — не давало образовъ воображенію. Только одни образы окрашиваютъ и запечатлѣваютъ имена въ памяти народной.

Названія мѣсяцевъ, наоборотъ, заимствованныя изъ особенностей временъ года и земледѣльческихъ работъ, были многозначительны, какъ картины, и звучны, какъ отголоски деревенской жизни. Это были, для осени: вандеміеръ, знаменующій сборъ винограда; брюмеръ — омрачающій небо; фримеръ — покрывающій изморозью горы; для зимы: нивозъ — облегающій бѣлой пеленой снѣга нивы; плювизъ — орошающій дождемъ; вантозъ — распускающій вѣтры; для весны: жерминаль — заставляющій проростать сѣмена, флореаль — покрывающій цвѣтами растенія, преріаль — скашивающій луга; наконецъ для лѣта: мессидоръ — собирающій жатву; термидоръ — согрѣвающій борозды и фруктидоръ — созрѣвающій плоды.

Итакъ, все было согласовано съ земледѣліемъ, первымъ и послѣднимъ изъ искусствъ. Государственные или религіозные періоды народовъ не являлись уже символами для времени, этого мѣрила жизни. Все подводилось къ одной только природѣ. Также было и въ администраціи, финансахъ, уголовномъ законодательствѣ, гражданскомъ и сельскомъ кодексахъ. Спеціально избранные люди въ Конвентѣ составили проекты этихъ законовъ на основаніи философіи, науки и равенства, основаніяхъ, положенныхъ Учредительнымъ собраніемъ. Эти мысли, которыми воспользовался впослѣдствіи организаторскій деспотизмъ Наполеона и которымъ онъ далъ только свое имя, были задуманы, обработаны и изданы Конвентомъ. Наполеонъ несправедливо присвоилъ себѣ его славу. Исторія не можетъ санкціонировать подобныя кражи. Она обязана воздать должное республикѣ. Плоды философіи и свободы никогда не будутъ принадлежать деспотизму. Люди, которыхъ Наполеонъ призвалъ въ совѣты, чтобы подготовить тамъ свои кадры, разные Камбасересы, Сіесы, Карно, Тибо, Мерлины — всѣ вышли изъ комитетовъ. Подобно невѣрнымъ работникамъ, они унесли съ собою въ эти рабскія мастерскія орудія и шедевры свободы!

19.

Между тѣмъ какъ Комитетъ общественнаго спасенія боролся на границахъ, подавляя гражданскую войну и составляя чловѣчныя и нравственныя законо-

*) Десятидневіе.

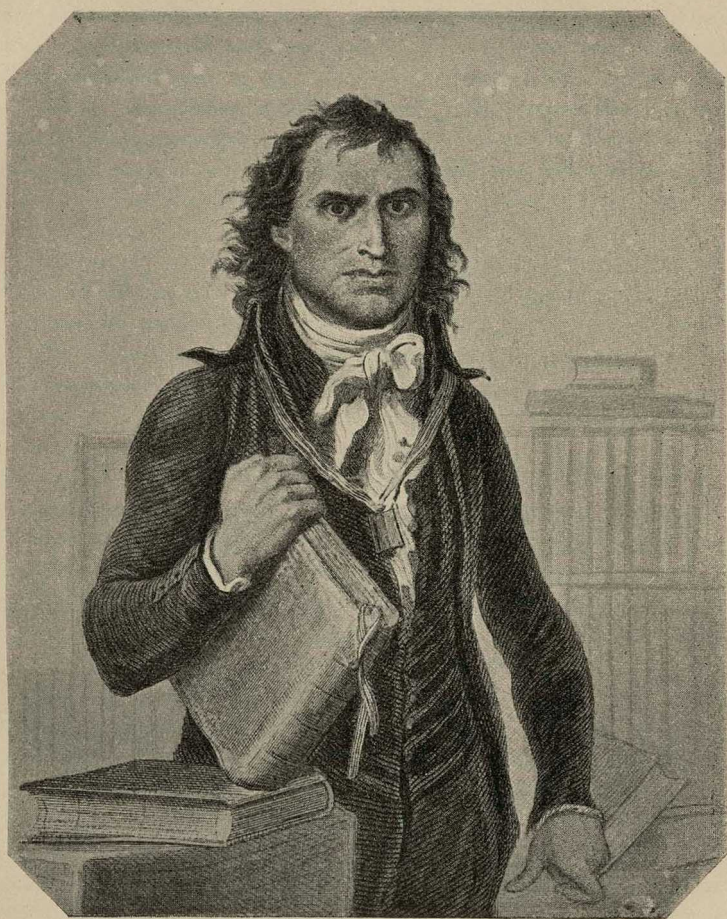
положенія, Парижъ и департаменты представляли зрѣлище сатурналій свободы.

Безуміе и ярость, казалось, овладѣли народомъ. Опыяненіе истиной у людей ужаснѣе, чѣмъ опыяненіе заблужденіемъ, потому что оно продолжительнѣе и оскверняетъ самое святое дѣло. Это опыяненіе увлекало толпу къ самымъ отвратительнымъ оскверненіямъ храмовъ, алтарей, изображеній стараго вѣроученія и даже могилъ королей.

Изъ трехъ учреждений, которыя революція хотѣла ограничить или уничтожить—трона, дворянства и государственной религіи, оставалась только государственная религія, потому что она покоилась въ совѣсти и сливалась съ мыслью, и невозможно было преслѣдовать ее и тамъ. Духовенство, явившееся гражданскимъ учрежденіемъ, клятва, потребованная отъ священниковъ и объявленная схиизмой дворомъ Рима, отреченіе отъ этой клятвы, сдѣланное множествомъ священниковъ, чтобы остаться вѣрными католическому центру, изгнаніе этихъ отказавшихся отъ клятвы священниковъ изъ ихъ приходовъ и церквей, водвореніе національнаго и республиканскаго духовенства на мѣсто священниковъ, сохранившихъ вѣрность Риму, преслѣдованіе этихъ духовныхъ лицъ, противящихся закону, чтобы не измѣнить вѣрѣ, ихъ заключеніе, изгнаніе массами на корабляхъ республики въ Рошфоръ,—все эти распри, насилія, изгнанія, казни, мученичества католическихъ священниковъ по видимости уничтожили прежнюю религію въ республикѣ. Колеблющаяся конституціонная религія, представителями которой были присягнувшіе священники, проповѣдывавшіе лжекатолицизмъ, вопреки духовному главѣ католицизма, были не болѣе какъ священная игрушка, которую Конвентъ оставилъ деревенскому люду, чтобы не сразу нарушить его привычки. Но нетерпѣливые философы Конвента, якобинцевъ, коммуны возмущались этимъ призракомъ религіи, пережившимъ въ глазахъ народа самую религію. Большинство даже открыто проповѣдывали атеизмъ, какъ единственную истину, достойную смѣлыхъ умовъ въ ихъ логическій и матеріалистическій вѣкъ. Они говорили о добродѣтели и отрицали Бога, существованіе Котораго одно только можетъ придать смыслъ слову добродѣтель. Они говорили о свободѣ, а рядомъ съ этимъ отрицали вѣчное Правосудіе, которое одно только можетъ отомстить за невинность и наказать за насиліе. Грубая толпа опынялась этими теоріями атеизма и считала себя освобожденной отъ всякаго долга, чувствуя себя разрѣшенной отъ признанія существованія Бога. Такимъ образомъ прискорбныя колебанія человѣческаго ума переходятъ отъ суевѣрій къ отреченію отъ вѣрованій, не будучи въ состояніи удержаться въ равновѣсіи разума и истины.

20.

Главарь Коммуны, въ особенности Шометтъ и Геберъ, поддерживали въ народѣ это нечестіе и возмущеніе противъ религіи. „Народъ“, разсуждали они: „никогда не вернется въ храмы, которые онъ разрушилъ собственными руками. Онъ никогда не преклонитъ колѣна передъ алтарями, которые онъ осквернилъ. Онъ никогда уже не будетъ поклоняться символамъ и иконамъ, которые онъ топталъ ногами на полу своихъ церквей. Народное святотатство

Аббатъ Грегуаръ.

встанетъ между нимъ и прежнимъ его Богомъ“. Этотъ остатокъ католицизма, публично исповѣдываемаго въ христіанскихъ храмахъ, докучалъ имъ. Они хотѣли, чтобы исчезъ и онъ. Они требовали у священниковъ открытаго вѣроотступничества и нерѣдко добивались этого. Нѣкоторые духовныя лица, одни подъ вліяніемъ страха, другія вслѣдствіе дѣйствительнаго невѣрія, всходили на кафедру, чтобы заявить, что они были до сихъ поръ обманщиками. Рукоплесканія встрѣчали этихъ измѣнниковъ алтарю. Обряды, бывшіе недавно священными, изображали въ смѣшномъ видѣ: на быка или на осла надѣвали священническія облаченія и водили ихъ въ такомъ видѣ по улицамъ, пили вино изъ причастныхъ чашъ, запирали церкви. На дверяхъ мѣсть погребенія надписывали „Вѣчный сонъ“. Представителямъ власти въ столицѣ и въ провинціяхъ подносили сокровища ризницъ въ видѣ патріотическихъ подарковъ націи. Клубы водворялись въ храмахъ. Кафедра проповѣдника обращалась въ трибуну ораторовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ огромныя церковныя имущества католиковъ: соборы, церкви, монастыри, дома священниковъ, колокольни, священническія облаченія и самые священнослужители и обряды исчезли.

Представители власти сами удивлялись, въ письмахъ къ Конвенту, той легкости, съ которой былъ сокрушенъ весь строй старинныхъ учреждений. „Религіи, откуда уходятъ государственная власть и богатые пожертвованія“, говорили они:—„быстро вызываютъ крушеніе въ умахъ“. Философы коммуны рѣшили, въ половинѣ ноября, ускорить это движеніе въ Парижѣ. Они знали, что если народъ и отказывается быстро отъ духа своей вѣры, зато гораздо труднѣе отвѣкается отъ зрѣлищъ и обрядовъ, тѣшавшихъ его взоры. Они захотѣли завладѣть его храмами, чтобы дать ему новую вѣру, нѣчто въ родѣ видоизмѣненнаго язычества, догматы котораго были только образами, вѣра—церемоніаломъ, а верховнымъ божествомъ—разумъ, сдѣлавшійся собственнымъ богомъ и обоготворяющій себя въ своихъ атрибутахъ. Законы Конвента, продолжавшаго содержать на жалованіи представителей національной католической религіи, противились насильственному вторженію этой философской религіи Шометта въ соборъ и въ церкви Парижа. Надо было заставить очистить эти памятники посредствомъ добровольнаго отреченія конституціоннаго епископа и его духовенства. Крики, требовавшіе смерти, преслѣдовавшіе повсюду священниковъ, ихъ кровь, текшая потоками на всѣхъ эшафотахъ республики, оскорбленіе народомъ священниковъ, появляющихся въ присвоенной имъ одеждѣ, переполненныя тюрьмы, воздвигнутыя гильотины, принуждали къ этому отреченію республиканское духовенство. Оно каждый день дрожало, что лишится жизни при исполненіи своихъ обязанностей. Единственной побудительной причиной, удерживавшей еще часть этихъ священниковъ, было денежное вознагражденіе, связанное съ служеніемъ у алтарей. Главнымъ изъ нихъ предложили равное вознагражденіе или болѣе доходныя должности въ гражданскихъ и военныхъ учрежденіяхъ республики; надежда и угрозы заставили ихъ уступить.

Противился одинъ только епископъ Гобель, человекъ слабохарактерный, но искренне вѣрующій. Его отчасти запугали, отчасти склонили обѣщаніями. Ему сказали, что отказъ отъ всенароднаго исповѣдыванія его вѣры—жертва,

вызываемая требованіями минуты; что сложеніе съ себя сана не принудить его отказаться отъ священническаго званія; что это не болѣе какъ сложеніе съ себя своихъ обязанностей и что, отказавшись отъ епископства, онъ свободно, такъ же какъ и подчиненное ему духовенство, будетъ частнымъ образомъ отправлять обязанности своей религіи. Шометтъ, Геберъ, Моморо, Анахаризъ Клоотцъ и Бурбонъ Узаскій приставали къ старику до тѣхъ поръ, пока достигли, что онъ согласился на ихъ требованія. Этотъ поступокъ Гобеля былъ названъ вѣроотступничествомъ. Достоверныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о заблужденіи историковъ на этотъ счетъ. Гобель отправился въ засѣданіе Конвента въ сопровожденіи своихъ викаріевъ. Моморо представилъ ихъ и обратился къ собранію съ рѣчью отъ имени коммуны: „Вы видите передъ собою людей, сбросившихъ съ себя духъ суевѣрія. Этотъ великій примѣръ найдеть себѣ подражателей. Скоро въ республикѣ не будетъ другой религіи, кромѣ религіи свободы, равенства,—религіи, вытекающей изъ природы и которая обратится во всемірную“. Положеніе Гобеля сдѣлалось ложнымъ вслѣдствіе словъ Моморо и епископская совѣсть его была затронута; онъ задрожалъ, но не рѣшился возразить. Трибуна приводила его въ трепетъ. „Граждане“, сказали онъ, читая заранѣе составленное, по соглашенію съ коммуной, отреченіе:—„такъ какъ я родился плебеемъ, то у меня рано зародились въ душѣ принципы равенства. Призванный въ національное собраніе, я одинъ изъ первыхъ призналъ верховную власть народа. Воля его призвала меня на епископскую кафедру въ Парижѣ. Я употребилъ вліяніе, которое мнѣ давали мой санъ и занимаемое мною положеніе, на то, чтобы увеличить его приверженность къ вѣчнымъ принципамъ свободы, равенства и нравственности, необходимой основѣ всякаго дѣйствительно республиканскаго учрежденія. Теперь, когда воля народа не допускаетъ иной общественной и національной религіи, кромѣ религіи святой свободы, такъ какъ этого хочетъ властелинъ, я отказываюсь отъ исполненія своихъ обязанностей священнослужителя католическаго вѣроисповѣданія“. Викаріи Гобеля также подписались подъ этимъ отреченіемъ. Это торжество было привѣтствовано единодушными рукоплесканіями. Нѣсколько отреченій, устныхъ и письменныхъ, въ этомъ же родѣ послѣдовали вслѣдъ за отреченіемъ парижскаго духовенства. Тома Линде, епископъ Эврѣ, отрекся въ другихъ выраженіяхъ: „Нравственное ученіе, которое я проповѣдывалъ“, сказали онъ:—„одно и то же во всѣ времена. Дѣло Божіе не должно вызывать вражды между людьми. Каждый гражданинъ долженъ смотрѣть на себя, какъ на священника своей семьи. Однако уничтоженіе общественныхъ праздниковъ сдѣлаетъ огромный пробѣлъ въ привычкахъ вашего народа: смѣрьте этотъ пробѣлъ и замѣните эти праздники праздниками чисто національными, служащими переходной ступенью отъ царства суевѣрія къ царству разума“.

Епископы Гайвернонь и Лаландъ и нѣсколько приходскихъ священниковъ сдѣлали отреченія въ такомъ же духѣ. Собраніе рукоплескало такъ же, какъ и въ ночь на 4-ое августа, когда дворянство отказалось отъ своихъ сословныхъ привилегій. Среди этихъ рукоплесканій Грегуаръ, конституціонный епископъ Блуа, входитъ въ залъ. Онъ освѣдомляется о причинѣ рукоплесканій. Грегуара заставляютъ послѣдовать примѣру его сотоварищей; его несутъ на трибуну.

„Граждане“, говоритъ онъ:—„у меня крайне смутныя свѣдѣнія относительно того, что здѣсь происходитъ теперь. Мнѣ говорить о жертвахъ отечеству? Я при-
выкъ къ нимъ; о приверженности къ республикѣ?—Доказательства даны мною;
о доходахъ, связанныхъ съ должностью епископа? Я отказываюсь отъ нихъ
безъ сожалѣнія. Касается дѣло религіи? Этотъ вопросъ въ вашей компетенціи;
вы не имѣете права затрогивать его. Будучи католикомъ по убѣжденію и чувству,
священникомъ по влеченію, избранный во епископы народомъ, я получилъ свою
власть не отъ него и не отъ васъ. Меня насильно заставили принять бремя
епископства. Теперь же меня мучаютъ, чтобы вырвать у меня отреченіе, ко-
торого отъ меня не добьются. Поступая по священнымъ принципамъ, которые
мнѣ дороги и отъ которыхъ вы не заставите меня отречься, я старался дѣ-
лать добро среди моей паствы; я остаюсь епископомъ, чтобы продолжать по-
ступать въ томъ же духѣ. Я требую свободы вѣроисповѣданій!“

Ропотъ и улыбки состраданія встрѣтили этотъ мужественный поступокъ.
Грегугара обвинили въ томъ, что онъ хотѣлъ обратить свободу въ христіанство.
Шиканье трибунъ проводило его до его скамьи. Однако уваженіе людей,
философія которыхъ восходила къ Богу, вознаградило его за это презрѣніе.
Робеспьеръ и Дантонъ выказали свое одобреніе. Они втайнѣ возмущались на-
сидіемъ партіи Гебера надъ совѣстью. Но теченіе было слишкомъ сильно,
чтобы остановить его въ эту минуту. Оно увлекало всѣ вѣроисповѣданія въ
проскрипцію католицизма.

Сіесь нарушилъ молчаніе, чтобы отказаться не отъ своей должности, обя-
занности которой онъ никогда не исполнялъ, но отъ сана священника. Фило-
софъ во всѣ эпохи своей жизни, онъ получилъ разрѣшеніе проповѣдывать свою
философію въ дни своего торжества, такъ же, какъ онъ проповѣдывалъ ее до
своей побѣды надъ католицизмомъ. „Граждане“, сказалъ онъ:—„я давно призы-
валъ въ своихъ мечтахъ торжество разума надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ.
Этотъ день насталъ, и я радуюсь ему, какъ самому великому благодѣянію
республики. Я жилъ какъ жертва суевѣрія, но никогда не былъ его апосто-
ломъ и орудіемъ. Я страдалъ отъ заблужденія другихъ, но никто не страдалъ
отъ моего. Никто на землѣ не можетъ сказать, что былъ обманутъ мною.
Многіе обязаны мнѣ тѣмъ, что глаза ихъ прозрѣли свѣтъ. Если меня удержи-
вали священническія цѣпи, то та же самая сила сдавливала свободныя души
въ королевскихъ оковахъ. Въ день революціи они всѣ упали. Я не могу пред-
ставить вамъ грамотъ на священство: давнымъ-давно я ихъ уничтожилъ. Но
я отказываюсь отъ вознагражденія, которое было назначено мнѣ взамѣнъ моихъ
доходовъ отъ исполненія обязанностей священника, которые я получалъ“.

Шометтъ воскликнулъ, что день, когда разумъ воспріалъ подобающую ему
власть, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ эпохѣ революціи. Онъ потребовалъ
отъ комитета народнаго просвѣщенія, чтобы въ новомъ календарѣ было отве-
дено мѣсто для празднованія дня торжества разума.

21.

„Граждане“, сказалъ предсѣдатель Конвента:—„среди естественныхъ правъ
человѣка мы дали мѣсто и свободѣ вѣроисповѣданія. Подъ этой гарантіей,

которой мы были вамъ обязаны, вы вознеслись на высоту, гдѣ васъ ждала философія. Не скрывайте, эти священныя погремучки оскорбляли Высочайшее Существо: оно не хочетъ другой религіи, кромѣ религіи разума. Отнынѣ она сдѣлается религіей народной!“

При этихъ словахъ председатель обнимаетъ парижскаго епископа. Священники, составлявшіе его свиту, въ красныхъ колпакахъ—символь освобожденія—съ триумфомъ выходятъ изъ залы и расходятся въ разныя стороны по Тюльери при громѣ рукоплесканій толпы. Это всенародное отреченіе отъ католицизма священниковъ націи, столько вѣковъ признававшей могущество этого вѣроисповѣданія, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ воздѣйствій духа революціи. Если бы атеизмъ не побудилъ къ отреченію этихъ состоящихъ на жалованіи духовныхъ лицъ; если бы терроръ не произвелъ насилія надъ вѣрой; если бы свобода религій была объявлена въ республикѣ президентомъ Конвента какъ истина, религія ускользнула бы отъ власти государства, чтобы сдѣлаться достояніемъ личной и свободной совѣсти и было бы положено основаніе религіозному устройству будущаго. Но когда гоненіе объявляетъ свободу, когда дѣлается допросъ совѣсти передъ орудіемъ казни, совѣсть перестаетъ быть свободной, а самая свобода становится тиранніей. Атеизмъ предписалъ этотъ актъ, онъ взялъ его въ свои руки. Онъ сдѣлалъ его своимъ постыднымъ торжествомъ, тогда какъ онъ долженъ былъ быть торжествомъ разума и свободы.

Шометтъ, Геберъ и ихъ сторонники, начиная съ этого дня, все болѣе и болѣе поощряли оскверненія и опустошенія храмовъ, бѣгство вѣрныхъ, заключеніе въ темницу и мученичество священниковъ, предпочитавшихъ смерть вѣроотступничеству. Партія коммуны хотѣла съ корнемъ вырвать все, что могло напомнить религію, и вѣру изъ сердца и изъ самой почвы Франціи. Колокола, этотъ звучный языкъ христіанскихъ храмовъ, были перелиты въ монету или въ пушки. Раки, реликвіи, предметы, посредствомъ которыхъ воздавались народомъ почести апостоламъ и святымъ католической вѣры, были лишены своихъ драгоценныхъ украшеній и выброшены. Депутатъ Руль разбилъ на площади въ Реймсѣ склянку съ муромъ, которая, какъ гласила древняя легенда, была принесена съ неба, чтобы помазывать королей божественнымъ елеемъ. Директоріи департаментовъ запрещали учителямъ произносить самое имя „Богъ“ во время занятій съ крестьянскими дѣтьми. Андрей Дюмонъ, посланный съ полномочіями въ департаментъ Сѣвера, писалъ Конвенту: „Я арестую священниковъ, которые позволяютъ себѣ справлять праздники и воскресенья. Я уничтожаю кресты и распятія. Я въ восторгѣ. Повсюду запираютъ церкви, сжигаютъ исповѣдальни и изображенія святыхъ, изъ священныхъ богослужебныхъ книгъ дѣлаютъ пыжи для орудій. Всѣ граждане кричатъ: „Долой священниковъ! Равенство и разумъ!“

Въ Вандеѣ, представители Лекиньо и Ленъело преслѣдовали даже торговцевъ воскомъ, поставлявшихъ свѣчи для религіозныхъ обрядовъ. „Раскрешиваются массы“, сообщали они:—„священники сжигаютъ свои грамоты на священство. Таблицы правъ человѣка замѣняютъ на алтаряхъ дарохранительницы смѣшныхъ таинствъ“. Въ Нантѣ на кострахъ, сложенныхъ на площади, сжи-

гались статуи святыхъ, образа, священныя книги. Депутаціи патриотовъ являлись въ каждое засѣданіе Конвента и приносили ему имущество, награбленное съ алтарей. Жители сосѣднихъ съ Парижемъ городовъ и деревень цѣлыми процессіями привозили въ Конвентъ на тележкахъ золотыя реликвіи, митры, чаши, дароносицы, диски и паникадила изъ своихъ церквей. Знамена, водруженные на горахъ этихъ предметовъ, сваленныхъ въ безпорядкѣ, носили надписи: „Обломки фанатизма“. Народъ мстилъ оскорбленіемъ тому, что онъ такъ долго боготворилъ. Къ чувству озлобленія противъ религіи онъ примѣшивалъ и самого Бога.

Коммуна хотѣла замѣнить другими зрѣлищами религіозныя церемоніи. Народъ сбѣгался на нихъ, какъ на всякую новинку. Оскверненіе священныхъ мѣстъ, пародія таинствъ, насмѣшка язычниковъ надъ церковными обрядами привлекали на эти торжества толпу. Полагали, что возможно, послѣ столькихъ вѣковъ, изгнать тьму изъ-подъ этихъ сводовъ и водворить тамъ свѣтъ, свободу и разумъ. Но этимъ празднествамъ недоставало искренности, поступкамъ обожанія, не видно было души въ этихъ церемоніяхъ. Религіи не рождаются на площадяхъ по слову законодателей или демагоговъ. Религія Шометта и коммуны была только народнымъ лицедѣйствомъ, перенесеннымъ съ театральныхъ подмостковъ въ скинію.

Объявленіе этой религіи господствующей произошло въ Конвентѣ 9 ноября. Шометтъ, въ сопровожденіи членовъ коммуны и огромной толпы, вошелъ въ залу при звукахъ музыки и пѣніи патриотическихъ гимновъ. Онъ велъ за руку одну изъ самыхъ красивыхъ куртизанокъ Парижа. Длинный голубой вуаль наполовину покрывалъ этого кумира. Группа проститутокъ шла за нею. Ихъ окружала свита изъ мятежниковъ. Эта нечестивая шайка смущенно разошлась по залѣ и заняла депутатскія скамьи. Предсѣдательствовалъ Лалуа. Шометтъ подошелъ къ нему, поднялъ вуаль, покрывавшій куртизанку, и глазамъ присутствовавшихъ она явилась во всемъ блескѣ красоты. „Смертные“, воскликнулъ онъ:—„не признавайте отнынѣ другой истины кромѣ разума; я представляю вамъ самое прекрасное и самое чистое изображеніе его“. При этихъ словахъ Шометтъ склоняется передъ куртизанкой и дѣлаетъ видъ, что преклоняется передъ нею. Президентъ, Конвентъ, народъ повторяютъ вслѣдъ за нимъ его жесты поклоненія. Постановлено устроить празднество въ честь Разума въ Парижскомъ соборѣ. Это постановленіе было привѣтствовано пѣніемъ и плясками. Нѣкоторые члены Конвента, Армонвиль, Друэ, Лекарпантье, присоединились къ плясавшимъ. Большая часть собранія отнеслась въ этому сдержанно и презрительно. Удовольствовавшись тѣмъ, что оно вотировало эти сатурналіи, собраніе предоставило отправлять ихъ народу и стыдилось принять въ нихъ участіе. Робеспьеръ, сидѣвшій рядомъ съ Сень-Жюстомъ, притворился разсѣяннымъ и равнодушнымъ. Его строгое лицо было нахмурено. Онъ бросилъ взглядъ на безпорядокъ, царившій въ залѣ, взялъ бумаги и началъ совѣщаться съ сосѣдомъ. Уничженіе революціи казалось ему самымъ большимъ изъ преступленій. Онъ соображалъ уже, какъ бы прекратить его. Въ ту минуту, когда народная оргія вызывала наиболѣе рукоплесканій, онъ всталъ и съ плохо сдерживаемымъ негодованіемъ удалился вмѣстѣ съ Сень-Жюстомъ. Онъ не

хотѣлъ одобрять своимъ присутствіемъ это кощунство. Уходъ Робеспьера смутилъ Шометта. Президентъ закрылъ засѣданіе и водворилъ благопристойность въ храмъ законовъ.

22.

20 декабря, въ день, назначенный для введенія новой религіи, Коммуна, Конвентъ и парижскія власти въ полномъ составѣ отправились въ соборъ. Шометтъ, вмѣстѣ съ Лансомъ, актеромъ изъ Оперы, составилъ планъ праздника. Мадемуазель Мальяръ, актриса, бывшая въ то время во всемъ блескѣ юности и таланта, нѣкогда фаворитка королевы, всегда обожаемая публикой, была принуждена, вслѣдствіе угрозъ Шометта, разыграть роль народного божества. Она явилась, несомая въ паланкинѣ, балдахинъ котораго составляли дубовыя вѣтки. Предъ нею шли женщины въ бѣлой одеждѣ съ трехцвѣтными кушаками. Общества народныя, братскія общества женщинъ, революціонныя комитеты, секціи, группы хористовъ, пѣвцовъ и танцоровъ изъ Оперы окружали тронъ. Жрица, обутая въ театральные котурны, съ украшенными фригійскимъ колпакомъ волосами, едва прикрытая голубой туникой, была принесена, при звукахъ музыки, къ подножію алтаря. Она сѣла на то мѣсто, куда вѣрующіе приходили раньше вкушать хлѣбъ, таинственный прообразъ Бога. Огромный факель позади нея означалъ свѣтильникъ философіи, который отнынѣ долженъ освѣщать зданія храмовъ. Актриса зажгла этотъ факель. Шометтъ, взявъ изъ рукъ двухъ свѣщеносцевъ кадилицу, гдѣ горѣли благовонія, преклонилъ колѣна и совершилъ кажденіе. Разбитая статуя Пресвятой Дѣвы лежала у ногъ актрисы. Шометтъ обратился къ этому мрамору съ повелѣніемъ не занимать прежняго мѣста въ почитаніи народа. Танцы и гимны поглотили все вниманіе присутствовавшихъ. Совершенно было всяческое оскверненіе въ томъ самомъ древнемъ храмѣ, который былъ заложенъ одновременно съ основаніемъ религіи и монархіи. Принужденный терроромъ присутствовать на этомъ празднествѣ, епископъ Гобель находился на одной изъ кафедръ и смотрѣлъ на издѣвательство надъ таинствами, которыя три дня назадъ онъ совершалъ на этомъ самомъ алтарѣ. У охваченнаго страхомъ епископа слезы текли изъ глазъ. Подобныя же церемоніи были совершены во всѣхъ церквахъ департаментовъ. Легкомысленная Франція склоняется подъ всеми вѣтрами, дующими изъ Парижа. Только вмѣсто божествъ, заимствованныхъ изъ театровъ, представители заставили цѣломудренныхъ женъ и невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ принимать участіе въ зрѣлищахъ, куда онѣ являлись для обоготворенія ихъ народомъ. Многія купили этой цѣной жизнь отца или супруга. Преданность въ ихъ глазахъ искупала нечестіе. Мужья-патріоты сами выставляли своихъ женъ на позоръ толпѣ. Моморо, членъ коммуны и приверженецъ Гебера, лично сопровождалъ въ Сень-Сюльписъ кортежъ своей молодой и прекрасной жены. Эта женщина, нравственная чистота и набожность которой равнялись ея очаровательной красотѣ, плакала и падала въ обморокъ на алтарѣ. Молодая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, дочь переплетчика книгъ, по имени Луазелъ, которую отецъ хотѣлъ выставить на поклоненіе толпѣ, умерла отъ отчаянія, срывая украшенія и цвѣты, которыя были на ней надѣты для ея роли. Семейные люди

прятали своихъ красивыхъ дочерей и женъ, чтобы не допустить ихъ до скандала всенароднаго поклоненія.

23.

Тотчасъ вслѣдъ за признаніемъ аллегорической религіи Шометта послѣдовало разграбленіе алтарей и реликвій. На Гревской площади, служившей мѣстомъ казней, сожгли останки святой Женеьевы, покровительницы Парижа; прахъ ея развѣяли по вѣтру. Религіозныя традиціи преслѣдовались во всемъ,—не щадили не только гробницъ, но даже воспоминаній предметовъ почитанія и суетвѣрій отчизны; даже могилы не были неприкосновеннымъ убѣжищемъ для останковъ королей. Декретъ Конвента приказалъ изъ ненависти къ королевской власти уничтожить могилы королей въ Сень-Дени. Коммуна, преувеличивая политическую мѣру, измѣнила этотъ декретъ въ посягательство на могилу, исторію и человѣчество. Она приказала выкопать изъ могилъ тѣла умершихъ, уничтожить погребальные покровы, вынуть и расплавить свинцовые гробы и перелить ихъ въ ядра.

Этотъ святотатственный приказъ былъ исполненъ комиссарами коммуны при такой обстановкѣ и съ такими издѣвательствами, какія только можно было придумать; они способны внушить ужасъ и отвращеніе къ подобному поступку. Толпа, остервенѣвшая на этихъ могилахъ, казалось, вырывала свою собственную исторію и развѣвала ее по вѣтру. Топоръ уничтожилъ бронзовыя двери въ базиликъ Сень-Дени—даръ Карла Великаго. Рѣшетки, крыши, статуи,—все было сокрушено молотомъ. Поднимали каменные плиты, взламывали склепы, раскрывали гроба. Насмѣшливое любопытство разглядывало подъ покрывами и саванами набальзамированные трупы, истлѣвшія тѣла, пустые черепа королей и королевъ, принцевъ, министровъ, епископовъ, имена которыхъ гремѣли въ минувшіе вѣка во Франціи. Пепинъ, родоначальникъ Карловингской династіи и отецъ Карла Великаго, представлялъ щепоть сѣроватаго пепла, которую разнесъ вѣтеръ. Отрубленные головы Тюренна, Дюгесклэна, Людовика XII, Франциска I валялись на паперти. Топтали кучи скиптровъ, коронъ, святительскихъ посоховъ, историческихъ и религіозныхъ атрибутовъ. Вырытая на одномъ изъ кладбищъ, называвшемся кладбищемъ Валуа, огромная яма по самымъ края была наполнена негашеной известью для сжиганія труповъ. Въ подземельяхъ курились благоуханія для очищенія воздуха. Постѣ каждаго удара топора слышались торжествующія восклицанія могильщиковъ, отрывавшихъ останки короля и игравшихъ его костями.

Подъ хорами были погребены принцы и принцессы первой династіи и нѣкоторые изъ третьей: Гуго Капетъ, Филиппъ Смѣлый, Филиппъ Красивый. Съ нихъ стащили шелковые лохмотья и выбросили на известковое ложе.

Генрихъ IV, набальзамированный по всѣмъ правиламъ итальянскаго искусства, сохранилъ свою историческую наружность. На раскрытой груди его видѣлись двѣ раны, бывшія причиной его смерти. Его борода, надушенная и въ видѣ вѣера спускавшаяся ему на грудь, свидѣтельствовала о той заботѣ, съ которой этотъ сластолюбивый король относился къ своей наружности. Память о немъ, дорогая народу, была ему нѣкоторое время защитой противъ

оскорблений. Въ теченіе двухъ дней толпа молча проходила мимо этого трупа, еще пользовавшагося популярностью. Положенный на хорахъ у подножія алтаря, онъ, мертвый, принималъ выраженія почтительнаго благоговѣнія оскорбителей королевской власти. Жавогъ, народный депутатъ, возмущенъ этимъ посмертнымъ суетвѣріемъ. Онъ старался доказать народу, въ короткихъ словахъ, что этотъ король, храбрый и влюбчивый, скорѣе былъ развратителемъ, нежели благодѣтелемъ своего народа. „Онъ обманывалъ“, сказалъ Жавогъ: — „Бога, своихъ любовницъ и свой народъ; пусть же онъ не обманываетъ потомство и ваше правосудіе!“ Трупъ Генриха IV бросили въ общую яму.

Его сыновья и внуки, Людовикъ XIII и Людовикъ XIV, слѣдовали туда за нимъ. Людовикъ XIII обратился въ мумію; Людовикъ XIV представлялъ собою безформенную черную массу ароматовъ. Человѣкъ—исчезнувшій, послѣ своей смерти, въ массѣ благоуханій, какъ при жизни въ гордости. Могила Бурбоновъ тоже вернула своихъ покойниковъ: короли, дофины, принцессы были вынесены въ охапкахъ рабочими и выброшены въ яму. Людовикъ XV былъ послѣднимъ вынутъ изъ могилы. Смердъ его царствованія, казалось, вырвался изъ его гроба. Принуждены были сжечь большое количество пороха, чтобы уничтожить удушливый запахъ, распространившійся отъ трупа этого принца, полная скандаловъ жизнь котораго унизила королевскую власть.

Въ гробницѣ Карловинговъ нашли рядомъ съ тѣломъ Карла V золотую корону, а въ гробу его жены Іоанны Бурбонской прялку и обручальныя кольца.

Могила Валуа была пуста. Справедливая ненависть народа тщетно искала тамъ Людовика X. Этотъ король приказалъ похоронить себя въ алтарь во имя Пресвятой Дѣвы, которую онъ такъ часто призывалъ, даже для того, чтобы быть свидѣтельницей его преступленій.

Тѣло Тюренна, изувѣченное ядромъ, было пощажено народомъ. Его избавили отъ поруганія. Въ теченіе девяти лѣтъ его хранили на чердакахъ естественно-историческаго кабинета, въ Jardin des Plantes, среди набитыхъ соломой чучелъ животныхъ. Этотъ герой былъ поребенъ въ усыпальницѣ воиновъ, въ Домѣ Инвалидовъ, такимъ же солдатомъ, какъ и онъ. Дюгескленъ, Сюже, Вандомъ, герои, аббаты, министры монархій, были брошены безъ разбора въ землю, смѣшавшую память о славѣ съ воспоминаніями о рабствѣ.

Дагоберъ I и его жена Нантильда покоились въ одномъ и томъ же гробѣ въ теченіе двѣнадцати вѣковъ. У скелета Нантильды не хватало головы такъ же, какъ у скелетовъ многихъ королевъ. Король Іоаннъ завершилъ собою эту мрачную процессію мертвецовъ. Гробницы опустѣли. Обратили вниманіе, что недостаетъ одного трупа: юной принцессы, дочери Людовика XV, бѣжавшей въ монастырь отъ скандаловъ трона и умершей кармелиткой. Местъ революціи отправилась искать тѣло дѣвушки даже въ гробницахъ монастыря, куда она бѣжала отъ величія. Гробъ принесли въ Сенъ-Дени, гдѣ подвергли его позору поруганія и выбросили на живодерню. Ничьи останки не были пощажены. Ничто королевское не было сочтено невиннымъ. Этотъ грубый инстинктъ открывалъ въ революціи желаніе стереть изъ памяти долгое прошлое Франціи. Она хотѣла бы уничтожить всѣ страницы своей исторіи, чтобы все начиналось съ республики.

ЛІІІ.

Терроръ въ департаментахъ.—Карріеръ въ Нантѣ.—Разстрѣліаніе, утопленіе, республиканскія свадьбы.—Карріеръ отозванъ въ Парижъ.—Жозефъ Лебонъ въ Аррасѣ и въ Камбре.—Многочисленныя казни.—Таліенъ въ Бордо.—Госпожа де-Фонтеней (Тереза Кабаррюсъ).—Она укрощаетъ Таліена.—Робеспьеръ младшій въ Везулѣ.

1.

Не одинъ Парижъ былъ жертвой подобныхъ разгромовъ и неистовства толпы. Представители Конвента и агенты Коммуны разбрелись по всей Франціи. Карріеръ въ Нантѣ старался превзойти по числу и жестокости казней Колло д'Эрбуа въ Ліонѣ. Онъ изощрялся въ казняхъ, чтобы удовлетворить свое жаждавшее крови воображеніе. Конвентъ притворялся, что ничего не видитъ. Нантъ обратился въ поле убійствъ, гдѣ допускалось все, точно въ самый разгаръ битвы. Переходъ Луары вандейцами, возстаніе дворянъ, духовенства и крестьянъ, мнимое соучастіе жителей Нанта дали предлогъ Карріеру производить казни надъ всѣмъ населеніемъ.

Этотъ человѣкъ не держался какого-либо убѣжденія, а дѣйствовалъ подъ вліяніемъ развращеннаго инстинкта. Имъ управляла не идея, а изступленіе. Убійство представляло всю его философію, кровь все его сластолюбіе. Во всѣ историческія эпохи встрѣчались подобные же кровожадные люди то на престолѣ, то среди народа и даже среди высшаго духовенства. Имъ не было дѣла до повода, вслѣдствіе котораго они убивали, лишь бы убивать. Преступленіе занимаетъ свое особое мѣсто во всѣхъ великихъ народныхъ движеніяхъ. Эти люди—представители преступленій во всѣхъ партіяхъ. Карріеръ родился въ горахъ Оверня, гдѣ люди сильны, суровы и жестоки, какъ и ихъ климатъ. Населеніе его занимаетъ обособленное мѣсто во Франціи, какъ по своему происхожденію, такъ и по нравамъ, а въ жилахъ его течетъ кровь, имѣющая какъ будто сродство съ огнемъ и желѣзомъ его копей и вулкановъ. Карріеръ, родившійся въ деревнѣ, переселившійся въ Орильякъ для службы тамъ въ конторѣ законника, загрузѣлъ въ занятіяхъ низкимъ кривотворствомъ, черствящимъ сердцемъ и изощряющимъ рѣчь во время словопреній въ судахъ и обратился въ оракула и агитатора своей страны. Благодаря своей энергіи и жестокости онъ былъ выбранъ представителемъ въ Конвентъ. Въ немъ думали найти стойкаго бойца революціи: онъ оказался только палачомъ. Ему въ то время было

болѣ сорока лѣтъ. Не обладая ораторскимъ талантомъ, онъ не говорилъ, а вопилъ. Крайнія мѣры и между прочимъ учрежденіе революціоннаго суда вырвали у него нѣсколько сочувственныхъ фразъ. Гора сочла его способнымъ распространить терроръ въ возставшихъ провинціяхъ. Его отправили въ Нантѣ, чтобы воодушевить республиканскую армію своимъ фанатизмомъ. Онъ былъ низокъ въ борьбѣ, жестокъ въ мести. Послѣ пораженія роялистской арміи въ декабрѣ 1793 года онъ учредилъ въ Нантѣ не судъ, а бойню. Были разстрѣляны болѣе восьми тысячъ жертвъ: плѣнниковъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ бѣжавшая армія оставила за собою. Но этого показалось мало Карриеру. Онъ является съ обнаженной саблей въ народное собраніе въ Нантѣ; обращается съ рѣчью къ клубу, укоряетъ его за замедлительность, указываетъ ему на торговцевъ и богачей, какъ на зловредный разрядъ аристократовъ, и требуетъ жизни пятисотъ гражданъ. Онъ пишетъ генералу Гаксу, что Конвентъ намѣренъ обезлюдить страну и предать ее огню. Подъ именемъ товарищества Марата онъ формируетъ шайку наемныхъ солдатъ съ жалованіемъ по десяти франковъ въ день, съ обязательствомъ охранять его особу и исполнять его приказанія. Онъ запирается, подобно Тиберию на островѣ Капри, въ одномъ изъ домовъ Нантскаго предмѣстья и дѣлаетъ себя недоступнымъ, чтобы усилить внушаемый имъ ужасъ, окруживъ себя тайной. Онъ выбираетъ изъ самой подлой и голодной черни Нанта членовъ революціонныхъ комитетовъ и военной комиссіи, на которыхъ возлагаетъ обязанность придавать законность его злодѣяніямъ, облакая ихъ въ актъ исполненія судебныхъ приговоровъ. Выведенный изъ терпѣнія ихъ совѣстливостью, онъ оскорбляетъ этихъ людей, угрожаетъ имъ своею саблей, наноситъ имъ ударъ, отрѣшаетъ ихъ отъ обязанности, снова восстанавливаетъ ихъ въ должности, опять распускаетъ и кончаетъ тѣмъ, что не признаетъ иной формальности, кромѣ своего слова и жеста. Нѣкто Ламберти, взятый имъ къ себѣ въ адъютанты, былъ его орудіемъ. Ламберти передавалъ его приказанія военной комиссіи, командовалъ его войсками, вербовалъ палачей, производилъ массовыя убійства, дѣлилъ добычу. Не удовольствовавшись тѣмъ, что онъ велѣлъ разстрѣлять безъ суда до восьмидесяти жертвъ сразу, Карриеръ приказалъ президенту военной комиссіи предоставить тюрьмы и всѣ мѣста заключеній въ вѣдѣніе Ламберти, чтобы тотъ могъ безконтрольно совершать свои ночныя казни. Товарищество Марата и отряды войска, стоявшіе гарнизономъ въ Нантѣ, подъ предводительствомъ Ламберти, очищали такимъ образомъ тюрьмы, въ то время какъ гражданскіе агенты проконсула заполняли ихъ жертвами своихъ доносовъ.

2.

Въ городѣ и департаментѣ не оставалось иного населенія, кромѣ убійцъ и ихъ жертвъ. Грабежъ служилъ подстрекательствомъ къ убійствамъ, убійства оправдывали грабежъ. Прекратилось всякое движеніе жизни. Торговля была угнетена, купцы заключены въ тюрьмы, имущества секвестрованы. Оставаться на мѣстѣ значило попасть въ западню, бѣгство ставилось въ преступленіе, богатство вызывало доносъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся граждане, республиканцы или роялисты, томились въ темницахъ. Шпіоны Карриера и при-

верженцы Ламберти приводили толпами намѣченныхъ лицъ изъ городовъ и сѣднихъ деревень въ мѣста заключенія въ Нантѣ. Въ одной изъ такихъ тюремъ находилось до полутора тысячъ женщинъ и дѣтей, не имѣвшихъ ни постелей, ни соломы, ни одѣяль, среди извергаемыхъ ими нечистотъ и остававшихся иногда по два дня безъ пищи. Эти скопища людей очищались только послѣ массоваго разстрѣливанія. Граждане могли выкупать свою жизнь только имуществомъ, женщины — проституціей. Тѣхъ, которыя отказывались отъ позорной угодливости, отправляли, даже беременныхъ, на казнь. Огромное число вандейскихъ женщинъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями за Луару, были арестованы въ деревняхъ и разстрѣляны вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ онѣ должны были произвести на свѣтъ. Палачи называли это „пораженіемъ рояльизма въ самомъ его корнѣ“.

Семьсотъ священниковъ приняли мученическій вѣнецъ, одни за свою вѣру, другіе—за убѣжденіе, а всѣ за свою одежду. Въ глазахъ Карріера формальности суда были слишкомъ медленны и сложны. Онѣ могли злоупотребить снисходительностью и растрогать даже военную комиссію. Этотъ судъ началъ уже роптать на свое рабство. Карріеръ призывалъ къ себѣ подозрительныхъ его членовъ, осыпалъ ихъ оскорбленіями, размахивалъ передъ ними обнаженной саблей и требовалъ у нихъ или головы намѣченныхъ имъ лицъ, или ихъ собственныя. Палачи дрожали и втайнѣ негодовали на него. Онъ чувствовалъ, что его орудіе смерти приходитъ въ негодность; онъ изобрѣлъ новое.

Матерубійца Неронъ, погубившій Агриппину въ потопленной галерѣ, чтобы приписать свое преступленіе морю, подаль приверженцамъ Карріера мысль, которую онъ одобрилъ, какъ внушенную геніемъ преступления. Смерть посредствомъ желѣза и огня производила шумъ, проливала кровь, давала возможность считать и погребать трупы. Молчаливыя волны Луары были нѣмы и считать не будутъ. Одно только дно морское узнаетъ число жертвъ. Карріеръ приказалъ призвать къ себѣ судовщиковъ, столь же жестокосердныхъ, какъ и онъ самъ. Онъ велѣлъ имъ, не дѣлая изъ того особой тайны, просверлить въ нѣсколькихъ понтоновыхъ баркахъ отверстія и заткнуть ихъ такъ, чтобы можно было затопить барки въ желаемый моментъ вмѣстѣ съ живымъ грузомъ во время переѣзда по рѣкѣ, въ то время, когда они какъ бы во исполненіе его приказанія будутъ переправлять узниковъ изъ одной тюрьмы въ другую. Одинъ изъ судовщиковъ попросилъ дать ему на это письменный приказъ. „Развѣ я не представитель?“ отвѣтилъ ему на это Карріеръ:—„развѣ ты не долженъ относиться ко мнѣ съ довѣріемъ въ томъ дѣлѣ, исполненія котораго я требую отъ тебя? Тутъ нѣтъ никакой тайны, прибавилъ онъ:—надо спустить въ воду пятьдесятъ священниковъ, когда ты будешь посреди рѣки“.

3.

Эти приказанія сначала исполнялись втайнѣ и подъ видомъ несчастной случайности во время плаванія. Но вскорѣ водяныя казни, свидѣтельства о которыхъ волны Луары уносили къ самому устью, сдѣлались предметомъ зрѣлищъ для Карріера и его приспѣшниковъ. Онъ купилъ роскошное судно,

которое подарилъ Ламберти, своему сообщнику, подъ предлогомъ наблюденія за берегами рѣки. Судно это, обставленное со всевозможной роскошью, снабженное винами и яствами для пировъ, сдѣлалось самой обычной ареной этихъ казней. Иногда Карриеръ вмѣстѣ съ исполнителями его приказаній и куртизанками выѣзжалъ на немъ для прогулокъ. Въ то время какъ онъ предавался на палубѣ наслажденіямъ любовью и возліаніемъ вина, жертвы, запертыя въ трюмѣ, видѣли, какъ по данному сигналу открывались отверстія въ днѣ и волны Луары погребали ихъ. Глухіе стоны возвѣщали экипажу, что сотни жизней находившихся подъ ними только что прекратили свое существованіе. Они продолжали пиршество на этомъ плавающемъ гробѣ.

Иногда Карриеръ, Ламберти и ихъ сотоварищи по преступленіямъ тѣшили себя ужасными зрѣлищами предсмертной агоніи. Они приказывали приводить на палубу попарно жертвы разнаго пола. Съ нихъ срывали одежду и связывали обнаженныхъ лицомъ къ лицу, священника съ монахиней, юношу съ молодой дѣвушкой; пропустивъ веревки подъ мыпками, ихъ подвѣшивали къ балкамъ судна; забавлялись, съ ужасающимъ сарказмомъ, этой пародіей брачнаго союза въ смерти и затѣмъ сбрасывали ихъ въ рѣку. Эти каннибальскія зрѣлища назывались „республиканскими свадьбами“.

Казни чрезъ потопленіе продолжались въ Нантѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Цѣлыя деревни погибли во время массовыхъ убійствъ, о которыхъ сами изобрѣтатели и исполнители рассказываютъ такимъ образомъ: „Мы видѣли, какъ добровольные палачи, по приказанію своего начальника, перебрасывали дѣтей, подхватывая ихъ со штыка на штыкъ, поджигали дома, вырѣзывали утробы беременныхъ женщинъ и сжигали заживо четырнадцати-лѣтнихъ подростковъ?“ Но эти убійства все еще не могли удовлетворить Карриера. Его мысли, слова и движенія были какъ бы у помѣшаннаго, но помѣшательство его было кровавое. Жители Нанта, зрители и жертвы этихъ ужасовъ, видя, что Конвентъ безмолвствуетъ, не осмѣливались обвинять его въ безуміи тѣхъ поступковъ, которые приверженцы проконсула называли патріотизмомъ. Самое незначительное выраженіе недовольства уже считалось преступленіемъ. Когда Карриеръ узналъ, что въ Комитетъ общественнаго спасенія былъ посланъ тайный доносъ, онъ приказалъ арестовать двѣсти самыхъ выдающихся нантскихъ купцовъ, заключилъ ихъ въ тюрьму, а затѣмъ, связавъ ихъ попарно, отправилъ пѣшкомъ, въ Парижъ. Молодой комиссаръ Комитета народнаго просвѣщенія, сынъ депутата, по имени Жюльенъ, былъ отправленъ Робеспьеромъ въ Нантъ для разслѣдованія преступленій Карриера. Онъ сообщил Робеспьеру о неистовствахъ, позорящихъ самый терроръ. Карриеръ былъ отозванъ въ послѣднихъ числахъ февраля 1794 г. Но Гора не осмѣлилась ни выразить ему неодобреніе, ни заклеить его. Эта безнаказанность Карриера была одна изъ подлостей, за которую весьма справедливо осуждаютъ Робеспьера. Не отомстить за лишеніе жизни столькихъ людей—значило признать себя или слишкомъ слабымъ, не имѣющимъ силы наказать, или настолько жестокимъ—что соглашаешься на совершеніе этихъ казней.

4.

Жозефъ Лебонъ, свирѣпствовавшій въ Аррасѣ и Камбре, казнилъ десятого въ департаментахъ Сѣверномъ и Па де Калѣ. Этотъ человѣкъ можетъ служить примѣромъ того умопомѣшательства, какое случается съ слабыми головами во время большихъ шатаній мыслей. У времени бываютъ свои преступленія, какъ и у людей. Кровь распространяетъ заразу точно такъ же, какъ и воздухъ. Революціонная горячка сопровождается свойственнымъ ей бредомъ. Лебонъ испыталъ ихъ и проявилъ всѣ припадки въ продолженіе короткаго промежутка тридцатилѣтней жизни. Въ спокойное время онъ оставилъ бы по себѣ память добраго человѣка; въ злополучные дни онъ приобрѣлъ славу безжалостнаго изверга.

Рожденный въ Аррасѣ, землякъ Робеспьера, Лебонъ вступилъ въ орденъ Ораторіи—разсадникъ людей, которые предназначаютъ себя къ просвѣтительной дѣятельности. Въ началѣ революціи Лебонъ, уstraшенный правилами этого ордена, сдѣлался священникомъ въ Вернуа, недалеко отъ Боны. Его дѣятельная набожность, нравственные качества и отзывчивая къ людскимъ несчастіямъ душа дѣлали Лебона въ этотъ періодъ образцовымъ священникомъ. Гуманные принципы революціи совмѣщались въ его сердцѣ съ духомъ свободы, равенства и христіанскаго милосердія. Ему казалось, что факелъ политическихъ истинъ заимствуетъ свой свѣтъ у божественной вѣры. Онъ возгорѣлъ ревностью и возлагалъ надежду на эту народную религію, которая представлялась ему тождественной съ религіей Христа. Его вѣра именно и заставила его возстать противъ его же вѣры. Онъ отступилъ отъ Рима, чтобы примкнуть къ конституціонной церкви. Когда философія отвергла эту отступническую церковь, Лебонъ также отвергъ ее. Онъ женился. Онъ вернулся на родину. Доходы его, принесенные имъ въ жертву республикѣ, были ему возмѣщены назначеніемъ его на общественную должность. Благодаря вліянію Робеспьера и Сентъ-Жюста въ Аррасѣ онъ былъ посланъ въ Конвентъ. Комитетъ общественнаго спасенія полагалъ, что не можетъ найти болѣе вѣрнаго человѣка, которому можно было бы поручить надзоръ и пресѣченіе заговоровъ противъ революціи въ тѣхъ пограничныхъ департаментахъ, которые были поработочены священниками, подстрекаемыми Дюмурье. Сначала Лебонъ показалъ себя снисходительнымъ, терпимымъ и справедливымъ. Онъ старался сдерживать, не поражая, враговъ революціи и подозрительныхъ лицъ. Оговоренный якобинцами за умѣренность, онъ былъ вызванъ Комитетомъ общественнаго спасенія въ Парижъ, чтобы выслушать выговоръ за свою снисходительность.

Тонъ ли этого выговора вселилъ въ душу Лебона терроръ, который ему приказывали внести въ Аррасъ, или огонь гражданской ярости распалилъ его, но только онъ явился на Сѣверъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. По его приказанію опустѣвшія были тюрьмы наполнились снова. Онъ назначилъ судьями и присяжными самыхъ свирѣпыхъ членовъ республиканскихъ клубовъ. Онъ предписывалъ имъ приговоры. Онъ возилъ гильотину изъ города въ городъ. Онъ оказывалъ почести палачу, какъ первому должностному лицу свободы.

Онъ публично приглашалъ его къ своему столу, какъ бы желая внушить уваженіе къ смерти. Дворяне, священники, родственники эмигрантовъ, граждане, хлѣбопашцы, слуги, женщины, старики, дѣти, не достигшія еще того возраста, въ которомъ они дѣлаются отвѣтственными за свои поступки, чужеземцы, не умѣвшіе даже прочесть законовъ отечества,—всѣ безъ разбора подвергались по его приказанію аресту, причѣмъ онъ самъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ наказаній. Кровь, отъ которой онъ прежде приходилъ въ ужасъ, обратилась теперь въ его глазахъ въ воду. Онъ присутствовалъ, на своемъ балконѣ, приходившемся на одинаковой высотѣ съ гильотиной, при казняхъ осужденныхъ. Онъ старался приучить даже свою жену смотрѣть на смерть враговъ народа. Онъ какъ будто раскаивался въ своемъ прежнемъ мягкосердечіи, какъ въ слабости. Единственнымъ преступленіемъ въ его глазахъ было снисхожденіе къ контръ-революціонерамъ и въ особенности къ священникамъ, представителямъ прежней его религіи. Онъ съ триумфомъ въѣзжалъ въ города, предшествуемый орудіемъ казни и сопровождаемый судьями, доносчиками и палачами. Онъ оскорблялъ и отрѣшалъ должностныхъ лицъ. Онъ замѣшалъ ихъ доносчиками. Онъ сдѣлалъ слѣдующую надпись на своихъ дверяхъ: „Тѣ, кто явятся сюда съ просьбой объ освобожденіи узниковъ, выйдутъ отсюда только затѣмъ, чтобы отправиться на ихъ мѣсто“. Онъ отбиралъ у лицъ, находящихся въ подозрѣніи, ихъ имущества, а у осужденныхъ женщинъ—ихъ драгоценности; онъ конфисковалъ завѣщанное въ пользу республики имущество. Онъ выгонялъ изъ общественныхъ собраній женщинъ, цѣломудріе которыхъ не допускало ихъ принимать участіе въ патриотическихъ танцахъ, которые предписывались подъ страхомъ смерти. Онъ приказывалъ выставлять ихъ на эстрадѣ на позоръ и поруганіе толпы. Такимъ образомъ была выставлена на поруганіе, по его повелѣнію, семнадцати-лѣтняя дѣвушка, его двоюродная сестра, отказавшаяся плясать въ гражданскомъ хороводѣ. Онъ оскорбилъ ее браннымъ словомъ и грозилъ, что заставитъ искупить отказъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Онъ обыскивалъ лично и билъ собственноручно молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, читавшихъ книги аристократическія. Онъ осуждалъ и гильотинировалъ цѣлыя семьи и отрубалъ головы у двадцати человѣкъ за разъ. Онъ простиралъ свою месть даже на казнѣ.

Маркизь Вильфортъ, увезенный изъ дома, гдѣ нашли письмо отъ одного изъ его эмигрировавшихъ племянниковъ, былъ уже на эшафотѣ. Лебонъ получилъ въ это время отъ Комитета общественнаго спасенія письмо, въ которомъ ему сообщалось объ одержанной войсками республики побѣдѣ. Онъ приказываетъ палачу подождать спускать ножъ гильотины. Онъ всходитъ на балконъ, въ уровень съ гильотиной. Онъ читаетъ народу и осужденному извѣстіе о торжествѣ, чтобы усилить мученія казни для старика горечью одержанныхъ республикой побѣдъ.

Въ другой разъ онъ продлилъ мученія казни двумъ англичанкамъ, которыя должны были быть казнены у него на глазахъ. Онъ обратился съ длинной рѣчью къ народу, прочелъ депеши изъ арміи и затѣмъ обратился къ двумъ жертвамъ: „Такія аристократки, какъ вы, въ предсмертныя минуты должны услышать о торжествѣ нашихъ войскъ!“ Одна изъ осужденныхъ, госпожа

Плюнкетъ, съ негодованіемъ обратившись къ Лебону, сказала: „Чудовище, ты думаешь сдѣлать намъ смерть такимъ образомъ болѣе горькой. Разувѣрься! Хотя мы и женщины, но умремъ мужественно, а ты умрешь какъ подлецъ!“

Лебонъ боялся, что не достигнетъ и такимъ способомъ высоты образа мыслей Конвента. „Сладость дружбы!“ восклицалъ онъ, ища оправданія въ своихъ собственныхъ глазахъ этихъ жестокостей:—„Чудное чувство, свойственное нашей природѣ! Восхитительное зрѣлище представляетъ собою семья, зарождающаяся подъ знаменіемъ самой нѣжной любви и самаго высокаго единенія! я откладываю удовольствіе наслаждаться вами до наступленія мира. Долгъ, ненавистный долгъ, только неумолимый долгъ,—вотъ о чемъ принужденъ я помнить непрестанно. О жена! о дѣти! Я погибну, это мнѣ прекрасно извѣстно, если республика рухнетъ; я подвергаю себя, даже если она восторжествуетъ, мести тысячъ частныхъ лицъ!“ Подъ вліяніемъ этой тревоги, онъ написалъ Комитету общественнаго спасенія. Комитетъ отвѣтилъ: „Продолжайте дѣлать ваше революціонное дѣло. Ваши полномочія неограниченны. Черпайте въ вашей энергіи мѣры, которыя предписываются вамъ спасеніемъ общественнаго дѣла. Помилованіе—преступленіе. Проступки противъ республики не наказываются, а искупаются смертью посредствомъ меча. Обратите мечъ и пламенный на предателей. Идите безостановочно, гражданныя товарищъ, по тому пути, который вы намѣтили себѣ съ такою энергіей. Комитетъ рукоплещетъ вашимъ трудамъ“.

5.

На Югѣ проконсулъ Мэнъе, уроженецъ, такъ же, какъ и Каррьеръ, Овернскихъ горъ, былъ увлеченъ кровавымъ примѣрамъ убійцъ Авицона. Маленькій городокъ Бедуень, на который ему указали, какъ на очагъ роялизма, изгнавъ предварительно изъ него жителей, онъ сжегъ, по приказанію Комитета общественнаго спасенія. Чтобы очистить Югъ, онъ учредилъ народную комиссію въ Оранжѣ. Десять тысячъ жертвъ погибли не столько отъ топора республики, сколько отъ мести личныхъ своихъ враговъ. Въ этомъ жаркомъ климатѣ всѣ мысли переходятъ въ увлеченія, всѣ увлеченія вызываютъ преступленія. Мэнъе, въ письмахъ къ своему товарищу Кутону, наряду съ обыденными и хозяйственными сообщеніями изображалъ мрачныя картины, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ во время своего полномочія въ департаментъ Воклюзъ. „Въ тюрьмахъ у меня содержится болѣе пятнадцати тысячъ гражданъ“, писалъ онъ:—„Необходимо произвести разслѣдованіе, чтобы забрать всѣхъ тѣхъ, кто долженъ поплатиться головой за свои преступленія; а такъ какъ это разслѣдованіе можетъ быть произведено судомъ, то придется всѣхъ отправить въ Парижъ. Ты видишь опасность, издержки и невозможность подобнаго путешествія. Кромѣ того необходимо внушить страхъ, а наказаніе тогда только устрашаетъ, когда оно произведено на глазахъ у тѣхъ, кто жили съ виновными... Твой сахаръ, кофе и масло, прибавлялъ онъ тутъ же, уже въ пути. Кланяйся отъ меня дорогой твоей женѣ. Поцѣлуй за меня своего малютку Ипполита“.

6.

Кровь кажется еще краснѣе отъ контраста съ этой нѣжностью къ семьѣ и подробностей домашняго обихода. Принципы, которымъ служили эти люди, заглушили въ нихъ всѣ чувства. Въ концѣ концовъ преступленія вызвали реакціи въ этихъ департаментахъ. Роялисты, умѣренные, патріоты всѣ пользовались однимъ и тѣмъ же орудіемъ. Различіе мнѣній сдѣлалось для всѣхъ поводомъ къ личной мести и убійствамъ. Замаскированные люди, ворвавшись ночью въ загородный домъ одного изъ главныхъ республиканцевъ Авиньона, связали его слугъ, жену и дочерей, уволокли ихъ въ погребъ, а его самого разстрѣляли на глазахъ у его юнаго сына, котораго заставили держать лампу и свѣтить имъ, пока они стрѣляли. Мнѣе воспользовался этимъ случаемъ, чтобы приказать арестовать всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ, всѣхъ женщинъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи изгнанникамъ. Югъ, будучи подъ гнетомъ колоніи монтаньяровъ и революціонной комиссіи Оранжа, не смѣлъ шелохнуться подъ рукою Конвента.

Въ Бордо семьсотъ пятьдесятъ головъ федералистовъ уже скатились подъ ножомъ гильотины. Триумвирать, состоявшій изъ Изабо, Бодо и Таліена, усмирять Жиронду; Изабо, бывшій, какъ и Фуше, членомъ Ораторіи, былъ человѣкъ рѣшительный, но не одобрялъ рѣзни; Бодо, депутатъ Соны и Луары, доходилъ въ своемъ республиканскомъ увлеченіи до горячки, но не до жестокости. Таліенъ, молодой, красивый, опытный своею властью, гордившійся дружбой Дантона, то свирѣпый, то снисходительный, заставлялъ однихъ страшиться мести, а другимъ внушалъ надежду. Таліену вѣрило, что предъ нимъ открывается широкое поприще. Онъ управлялъ Бордо скорѣе какъ властелинъ покоренной провинціи, но не какъ уполномоченный народнаго правительства. Онъ хотѣлъ, чтобы его въ одно и то же время боялись и обожали. Сынъ человѣка, бывшаго въ числѣ прислуги одной знаменитой семьи, воспитанный самъ благодаря покровительству этой семьи, Таліенъ внесъ въ республику вкусы, изящество, гордость, а также испорченность нравовъ аристократіи.

7.

Въ то время, когда Таліенъ пріѣхалъ въ Бордо, тамъ находилась испанка ослѣпительной красоты, съ нѣжной душой и пылкимъ воображеніемъ, задержанная на возвратѣ пути въ Испанію вслѣдствіе ареста ея мужа. Звали ее въ то время госпожа Фонтеней. Она была дочерью графа Кабаррюса. Графъ Кабаррюсъ, по происхожденію французъ, переселившись въ Испанію, достигъ тамъ, благодаря своему финансовому генію, самыхъ высокихъ служебныхъ степеней въ царствованіе Карла III. Дочери его только что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Родившись въ Мадридѣ отъ матери валансьенки, которую тайно увезъ Кабаррюсъ, она соединила въ себѣ пылкость южанокъ, томность сѣверянокъ, грацію француенокъ и явилась живымъ воплощеніемъ красоты всѣхъ

климатовъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, прелести которыхъ могущественны и которыми природа пользуется, какъ Клеопатрой и Теодорой, для поработенія тѣхъ, кто поработаетъ міръ, и чтобы тиранить души тирановъ. Преслѣдованія, которымъ подвергся ея отецъ въ Мадридѣ въ награду за оказанныя имъ услуги, съ дѣтства научили молодую испанку презирать деспотизмъ и обожать свободу. Француженка по происхожденію, она сдѣлалась ею и душою вслѣдствіе своего патріотизма. Республика казалась ей мстительницей королямъ, Провидѣніемъ народовъ, возстановительницей природныхъ правъ и истины.

Въ театрахъ, на смотрахъ, на народныхъ собраніяхъ, на праздникахъ и республиканскихъ церемоніяхъ жители Бордо видѣли ее выказывающей свой энтузіазмъ своимъ присутствіемъ, нарядомъ и рукоплесканіями. Имъ казалось, что они видятъ въ ней воплотившагося въ образѣ женщины генія республики.

Но госпбжу де Фонтаней приводила въ ужасъ кровь. Она не оставалась нечувствительной и къ слезамъ. Она думала, что великодушіе служить извиненіемъ могуществу. Желаніе добиться еще большей популярности, чтобы употреблять ее на пользу милосердія, заставляло ее появляться иногда и въ клубахъ и произносить тамъ рѣчи. Одѣтая въ амазонку, въ шляпѣ съ трехцвѣтнымъ султаномъ, она нѣсколько разъ говорила рѣчи въ духѣ республиканизма. Восторгъ народа походилъ на любовь.

Имя Таліена заставляло въ то время дрожать Бордо. О народномъ представителѣ говорили, какъ о человѣкѣ непреклонномъ. Она чувствовала себя достаточно храброй, чтобы не бояться его, и настолько обворожительной, чтобы смягчить его. Ее соблазнялъ образъ древнихъ женщинъ, укрощавшихъ тирановъ, чтобы вырывать у нихъ ихъ жертвы. Ее оцѣняла честолюбивая мысль властвовать надъ человѣкомъ, который въ настоящую минуту властвовалъ въ республикѣ.

Она покорила депутата съ перваго взгляда. Таліенъ, передъ которымъ все преклонялось, ползалъ у ея ногъ. Она заняла въ его сердцѣ мѣсто республики. Онъ хотѣлъ теперь власти для того, чтобы дѣлать ее вмѣстѣ съ нею, величія, чтобы подняться вмѣстѣ съ нею, и славы, чтобы покрыть ее ею. Подобно всѣмъ людямъ, у которыхъ страсть доходитъ до безумія, онъ гордился своею слабостью. Онъ выставлялъ свою связь съ гордостью на показъ народу и съ наглостью на показъ своимъ сотоварищамъ. Въ то время какъ тюрьмы были переполнены заключенными, эмиссары представителей хватили подозрѣваемыхъ по деревнямъ, а кровь потоками текла по эшафоту, Таліенъ, оцѣненный своею страстью къ доннѣ Терезѣ, каталъ ее въ роскошныхъ экипажахъ при рукоплесканіяхъ всего Бордо. Задрапированная, подобно греческимъ статуямъ, въ легкую ткань, сквозь которую виднѣлись прекрасныя формы ея тѣла, держа въ одной рукѣ пику, а другой опираясь на проконсула, донна Тереза старалась изобразить собою богиню свободы.

Но она еще болѣе радовалась, являясь въ тайнѣ божествомъ милосердія. Эта женщина управляла сердцемъ того, отъ кого зависѣли жизнь и смерть, къ ней обращались съ мольбами и ее боготворили, какъ свое провидѣніе, угнетенные. Скоро начали казнить только тѣхъ лицъ, на которыхъ указывалъ

Комитетъ общественнаго спасенія, какъ на опасныхъ для республики. Судьи, изъ подражанія представителю, также смягчились. Любовь женщины заняла мѣсто террора; Бордо забылъ своихъ семьсотъ жертвъ. Восторженные бордосцы улыбались, видя это проконсульство, въ восточномъ духѣ, Таліена. Робеспьеръ не довѣрялъ ему, но онъ не настаивалъ на отозваніи его въ Парижъ. Онъ предпочиталъ видѣть его сатрапомъ въ Бордо, нежели заговорщикомъ въ Конвентѣ. Онъ говорилъ о Таліенѣ съ презрѣніемъ: „Эти люди годны только на то, чтобы возродить пороки. Они прививаютъ народу дурные нравы аристократіи. Но имѣйте терпѣніе, мы избавимъ народъ отъ его развратителей, какъ уже избавили отъ его тирановъ“.

8.

Робеспьеръ слѣдилъ за своими проконсулами. По возвращеніи Фуге изъ командировки на югъ, онъ разразился упреками противъ жестокостей члена Конвента. „Неужели онъ думаетъ“, сказалъ онъ, говоря о Фуге:—„что мечъ республики это скипетръ, и не обратится противъ тѣхъ, кто его держитъ?“ Фуге тщетно искалъ случая переговорить съ Робеспьеромъ. Робеспьеръ послалъ съ полномочіями въ Везуль и Безансонъ своего брата. Этотъ молодой человѣкъ пользовался вліяніемъ своего имени единственно для того, чтобы сдерживать своихъ сотоварищей, сокращать число казней и раскрывать двери темницъ. Послѣ рѣчи о милосердіи, которую онъ сказалъ въ народномъ собраніи въ Везулѣ, онъ выпустилъ на свободу восемьсотъ заключенныхъ. Такая снисходительность тотчасъ же привела въ негодованіе его сотоварища Бернарда де Сентъ. Но молодой представитель продолжалъ свою миссію милосердія. Когда президентъ Безансонскаго клуба, дворянинъ по рожденію, началъ говорить ему однажды во время засѣданія о славѣ семьи его, призванной къ великому жизненному поприщу, Робеспьеръ младшій отвѣтилъ: „Услуги, которыя мой братъ оказалъ революціи, чисто личныя. Наградой за нихъ была любовь народа. Изъ нихъ я ничего не могу удѣлить на свою личную долю... Ты говоришь“, прибавилъ онъ:—„на языкѣ аристократіи. Время ея прошло. Развѣ ты не предсѣдательствуешь на этомъ собраніи, ты, аристократъ по крови и имѣющій брата среди измѣнниковъ отечества? Если бы имя моего брата давало мнѣ здѣсь привилегію, то имя твоего обрекло бы тебя на смерть!“

Когда Робеспьера младшаго окружили родственники заключенныхъ, жалующаяся на несправедливости и тиранію его сотоварищей, то онъ, не имѣя власти за предѣлами Верхней Сены, обѣщалъ имъ передать ихъ жалобы Конвенту и просить у него правосудія. „Я вернусь сюда съ оливковой вѣтвью, или умру за васъ“, сказалъ онъ имъ:—„потому что я одновременно буду защищать свою жизнь и жизнь вашихъ родственниковъ“. Этотъ восторженный молодой человѣкъ съ чувствомъ почтенія слушалъ публичныя рѣчи и дружескія наставленія своего брата. Фанатичный поклонникъ принциповъ революціи, но красавшій отъ ея жестокостей и питавшій отвращеніе къ ея преступленіямъ, онъ носилъ въ чертахъ своего лица слабый отпечатокъ характера Робеспьера старшаго. Рѣчи его были монотонны, холодны, безцвѣтны и безъ образовъ. Было видно,

что онъ почерпалъ вдохновеніе скорѣе въ извѣстной системѣ, чѣмъ въ чувствахъ. Его внѣшность и слова носили печать мистицизма. Въ командировкахъ и даже въ народныхъ собраніяхъ его постоянно сопровождала молодая женщина, которую считали его любовницей и о которой близкіе ему люди говорили, что она обладаетъ даромъ вдохновенія и пророчества. Республиканцы, утомленные безбожіемъ, подумывали было уже обратить демократическій принципъ въ религію и обоготворить свободу, на что имѣлось большее право, чѣмъ въ средніе вѣка при обоготвореніи королей.

LIV.

Сень-Жюсть и Леба—уполномоченные при армии от Конвента.—Сень-Жюсть подвѣляет терроръ въ Страсбургѣ.—Частное письмо Леба.—Могущество Робеспьера колеблется, уступая могуществу Дантона.—Шометть и Геберъ.—„Отецъ Дюшенъ“.—Женскіе клубы.—Вязальщицы Робеспьера.—Братское общество.—Революціонное общество.—Роза Лакомбъ.—Женскіе клубы закрыты вслѣдствіе декрета Конвента.—Партія Гебера.—„Отецъ Дюшенъ“ и „Старый Саложникъ“.—Камиль Дюмуленъ.—Присхожденіе „Старого Саложника“.—Робеспьеръ защищаетъ религіозную свободу передъ якобинцами.—Очищеніе партіи якобинцевъ.—Дантонъ отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.—Робеспьеръ защищаетъ его, оказывая свое покровительство.—Онъ нападаетъ на Анархазиса Клоотца.—Онъ освобождаетъ Камила Дюмулена.—Докладъ Робеспьера Конвенту.—Робеспьеръ разгадываетъ Дантона.—Отрывокъ изъ „Старого Саложника“.—Попытка къ сближенію Гебера съ Робеспьеромъ.—Непринятое предложеніе образовать триумvirатъ.—Политика Комитета общественнаго спасенія.—Дантонъ ошибается въ ней.—Принципы, проводимые Робеспьеромъ въ Конвентѣ.—Попытка Гебера поднять бунтъ.—Она рушится.—Докладъ Сень-Жюста Конвенту.—Геберъ и его соумышленники арестованы.—Казнь ихъ.—Друзья Дантона заключены въ тюрьму.

1.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1794 года, Сень-Жюсть и Леба, то вмѣстѣ, то по отдѣльности, будучи оба близкими совѣтниками Робеспьера, переѣзжали изъ Сѣверной арміи въ Рейнскую, изъ Лилля въ Страсбургъ, чтобы реорганизовать армію, наблюдать за генералами, возбуждать или умѣрять настроеніе общества въ департаментахъ, которымъ грозила опасность. Сень-Жюсть проявлялъ не только на трибунахъ непреклонную силу характера, но даже на поляхъ битвъ онъ проявлялъ порывы молодости и неустрашимость, удивлявшіе солдатъ. Онъ не щадилъ своей крови такъ же, какъ и своей репутации. „Сень-Жюсть“, рассказывалъ его сотоварищъ Водоро по возвращеніи изъ арміи:—„описанный шарфомъ представителя и въ шляпѣ съ трехцвѣтнымъ султаномъ, становится во главѣ республиканскихъ эскадроновъ и бросается во время стычекъ между митральезой и холоднымъ оружіемъ съ безпечностью и пылкостью гусара“.

Подъ молодымъ представителемъ было убито нѣсколько лошадей. Послѣ опьяненія битвой онъ проводилъ безсонныя ночи, усидчиво занимаясь организаціей арміи. Онъ не зналъ иныхъ наслажденій, кромѣ торжества своего дѣла. Этотъ молодой двадцати-четырехъ-лѣтній проконсулъ, отъ котораго зависѣла жизнь тысячъ гражданъ и положеніе множества семействъ, видѣвшій валяю-

щимися у своих ногъ женъ и дочерей заключенныхъ въ тюрьму, казался суровымъ какъ Сципионъ. Онъ писалъ изъ лагеря сестрѣ Леба письма, дышавшія чистой привязанностью. Страшный въ битвѣ, непреклонный въ совѣтѣ, онъ воплощалъ въ самомъ себѣ революцію, какъ догматъ, изъ котораго онъ не позволялъ себѣ поступиться чѣмъ бы то ни было ради человѣческихъ слабостей. Равно неумолимый и къ тѣмъ, кто пятналъ республику, такъ же, какъ и къ тѣмъ, кто измѣнялъ ей, онъ отправилъ на гильотину президента революціоннаго суда въ Страсбургѣ, который подражалъ и повторялъ въ Эльзасѣ неистовства Лебона. Прибытіе Сень-Жюста въ Страсбургъ спасло тысячи жизней. Почувствовавъ отвращеніе къ террору при видѣ его вблизи, онъ писалъ Робеспьеру: „Примѣненіе террора уничтожило понятіе о преступности, подобно тому какъ крѣпкіе ликеры притупляютъ вкусъ во дворцахъ. Конечно, еще не наступило время дѣлать добро; дѣлать добро частичное — только палліативъ. Надо дожидаться достаточно сильнаго всеобщаго горя, чтобы общество почувствовало потребность въ реакціи. Революція должна стремиться къ достиженію счастья и народной свободы посредствомъ законовъ. Волненія ея не имѣютъ другой цѣли и должны низвергнуть все, что противится ей. — Говорять о величіи революціи“, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ личныхъ замѣтокъ:—„Кто сдѣлаетъ ее устойчивой? Она измѣнчива. Были народы, которые падали съ еще большей высоты“.

2.

Леба, почти всюду сопровождавшій Робеспьера, былъ его товарищемъ по ученію. Его связывали съ Робеспьеромъ двойныя узы: какъ послѣдователя его революціонныхъ идей и какъ личнаго друга. Родившись въ Фреванѣ, въ окрестностяхъ Арраса, родины Робеспьера, Леба выдвинулся и попалъ въ Конвентъ благодаря своему исключительному ораторскому таланту, проявленному имъ при защитѣ народныхъ дѣлъ. Онъ руководился при этомъ мыслью Робеспьера, какъ путеводной звѣздой для своихъ мнѣній. Честный, скромный, молчаливый, не имѣвшій иного честолюбія кромѣ желанія служить идеямъ своего учителя, онъ вѣрилъ въ его добродѣтели, такъ же какъ и въ его непогрѣшимость. Онъ поручилъ ему свою совѣсть, такъ же какъ и права подачи за него мнѣній. Дружескія отношенія, почти родственныя, увеличивали еще болѣе эту общность мнѣній. Леба, введенный Робеспьеромъ въ домъ Дюпле, сдѣлался ихъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Онъ долженъ былъ жениться на самой младшей изъ дочерей Дюпле. Рукою, державшей обнаженную саблю во главѣ нашихъ батальоновъ и подписывавшей указы объ арестѣ и освобожденіи множества заключенныхъ, онъ писалъ этой женщинѣ, мечтая о семейномъ счастьи подъ той же кровлей, гдѣ Робеспьеръ слагалъ свои мечты, запятнанныя кровью: „Когда я вступлю наконецъ въ союзъ, который составитъ счастье моей жизни! Охъ! какъ сладостна будетъ та минута, когда я увижу тебя снова! Какихъ ужасныхъ жертвъ требуетъ отъ меня отечество этой разлукой! Но дѣла идутъ такъ дурно! Здѣсь нужны депутаты—истинные патріоты. Вчера я приказалъ арестовать двухъ генераловъ. Отдавая Парижу

всѣ свои силы, я буду наслаждаться счастьемъ находиться подлѣ тебя! Мы будемъ соединены отнынѣ! Передай Робеспьеру, что мое здоровье не можетъ долго выдержать тяжелыхъ обязанностей, которыя я здѣсь несу. Прости меня за краткость моихъ писемъ. Уже часъ ночи; я вернулся усталый и ложусь спать съ мыслью о тебѣ... Когда мы ѣдемъ въ каретѣ, и мой товарищъ Дюкеснэ отъ утомленія молчитъ или спитъ, я думаю о тебѣ. Какая бы ни было иная мысль, когда я могу не думать о политическихъ дѣлахъ, для меня не-сносна. Теперь, когда присутствіе мое не настолько уже необходимо, не окажется ли Кутонъ вниманіе своему юному сотоварищу? Не найдетъ ли Робеспьеръ, что я уже достаточно сдѣлалъ, и не сократитъ ли онъ срокъ моей жертвы? Позаботься, дорогая Елизавета, объ устройствѣ нашего будущаго жилища... Вчера я наскоро написалъ Робеспьеру. Я доволенъ Сень-Жюстомъ. Онъ очень способный и обладаетъ превосходными качествами. Обними всю семью, а въ томъ числѣ и Робеспьера. Сень-Жюстъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я, ждетъ возвращенія въ Парижъ: ты знаешь почему... Сегодня утромъ Сень-Жюстъ и я взбирались на одну изъ самыхъ высокихъ горъ, на обрывистой вершинѣ которой находятся развалины старинной крѣпости. Любуясь оттуда видомъ на окрестности, мы оба испытывали самое восхитительное чувство. Это былъ единственный день, когда мы могли немного отдохнуть. Я хотѣлъ бы быть подлѣ тебя, чтобы подѣлиться съ тобою чувствомъ, которое я испытывалъ, но ты за сто льѣ отъ меня... Но Сень-Жюстъ и я не перестаемъ заботиться о мѣрахъ, необходимыхъ для нашихъ войскъ. Мы на ногахъ денно и нощно и соблюдаемъ крайнюю бдительность. Въ ту минуту, когда насъ наименѣе ожидаютъ, мы являемся къ тому или другому изъ генераловъ и требуемъ отчета въ его поведеніи. Я очень доволенъ, что ты не предубѣждена противъ Сень-Жюста. Я общалъ ему угостить его обѣдомъ, приготовленнымъ тобою. Это прекрасный человѣкъ. Я съ каждымъ днемъ уважаю его все болѣе и болѣе. У республики нѣтъ болѣе горячаго и умнаго защитника. Между нами царитъ самое большое согласіе. Онъ мнѣ особенно дорогъ еще оттого, что часто говоритъ мнѣ о тебѣ и утѣшаетъ, насколько въ силахъ. Онъ иногда говоритъ мнѣ многое отъ чистаго сердца. Я сейчасъ собираюсь писать Генріеттѣ. Я надѣюсь, что вы попрежнему любите другъ друга“.

Генріетта была сестра Леба, которую любилъ Сень-Жюстъ. Привязанность, выражаемая Сень-Жюстомъ Леба, была отраженіемъ той любви, которую онъ питалъ къ сестрѣ своего сотоварища. Но эта молодая дѣвушка, отвѣчавшая вначалѣ на его любовь взаимностью, колебалась отдать ему свою руку. Эту холодность Сень-Жюстъ приписалъ Леба. Онъ охладѣлъ къ своему товарищу. Однако оба члена Конвента сохранили свою первоначальную привязанность къ Робеспьеру. Это обстоятельство послужило, какъ говорили, поводомъ къ тому, что Сень-Жюстъ не являлся болѣе въ Комитетъ общественнаго спасенія, — отсутствіе, ослабившее партію Робеспьера и бывшее причиной его паденія и смерти. Разочарованія въ любви содѣйствовали отчасти катастрофѣ, увлекшей за собою Робеспьера и республику.

3.

Эти подробности частной жизни рисуют обыденныя страсти и интересы, боровшіеся вокруг главы республики. Робеспьеръ младшій, Сентъ-Жюстъ, Кутонъ, итальянецъ Буонаротти, Леба, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, наивныхъ въ своемъ патріотизмѣ, нѣсколько бѣдныхъ и честныхъ ремесленниковъ, нѣсколько членовъ партій, фанатичныхъ поклонниковъ демократическихъ доктринъ, — составляли весь дворъ Робеспьера. Домъ рабочаго былъ попрежнему его дворцомъ. Это была школа философа вмѣсто обстановки диктатора. Но ученикомъ этого философа былъ непокорный народъ, а въ рукѣ этого народа былъ мечъ. Въ то время Робеспьеръ не чувствовалъ еще въ себѣ достаточно силы, чтобы предписывать свою волю Конвенту. Дантонъ былъ живъ и могъ поколебать его значеніе среди Горы. Геберъ, Пашъ, Шометтъ, Венсенъ, Ронсенъ не боялись его вліянія въ Коммунѣ. Комитетъ общественнаго спасенія не былъ еще вполнѣ въ его рукахъ. Революціонный судъ былъ послушнымъ орудіемъ всѣхъ партій. Разнузданная чернь Парижа утратила истинный народъ. Дрожжи выступали изъ краевъ. Свобода позорила самихъ республиканцевъ. Это было не правленіе, а сатурналии республики.

Геберъ и Шометтъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разжигали это безуміе: одинъ въ своихъ листкахъ „Отецъ Дюшенъ“, другой своими рѣчами. Будучи философами школы Дидеро, они возбуждали невождимость человѣческихъ сердецъ. Они проповѣдывали атеизмъ. Свои обычныя бесѣды съ народомъ они приправляли руганью и тѣми крѣпкими словцами, которыя въ человѣческой рѣчи представляютъ собою то же самое, что отвратительныя и смрадные нечистоты. Они заражали собою сборникъ словъ свободы. Цинизмъ и жестокость понимаютъ другъ друга. Жестокость — это цинизмъ сердца. Чернь гордилась, видя, что ея площадныя выраженія сдѣлались языкомъ политическихъ дѣятелей. Это переряживаніе заставляло ее смѣяться. Языкъ утратилъ свою чистоту. Его откровенность не вызывала болѣе ни у кого краски стыда. Онъ гордился ею какъ проститутка.

4.

Женщины толпы первыя рукоплескали безстыдству Гебера. Мирабо подстрекнулъ ихъ къ этому словами, сказанными имъ въ Версали наканунѣ дней 5-го и 6-го октября. „Если женщины не вмѣшаются“, замѣтилъ онъ вполголоса эмиссарамъ парижскаго мятежа: — „то изъ этого ничего не выйдетъ“. Онъ зналъ, что ярость женщинъ, стоитъ ей только распасться, доходитъ въ своемъ неистовствѣ до предѣловъ, далеко оставляющихъ за собою дерзость мужчинъ. Древнее вдохновеніе, этотъ священный гнѣвъ, проявлялся сильнѣе всего у сибиллъ. Демагогамъ было извѣстно, кромѣ того, что штыки притупляются, касаясь груди женщинъ, и что безоружныя руки скорѣе всего обезоруживаютъ солдатъ. Дѣйствительно, парижскія женщины первыя, ставъ во главѣ шаекъ столицы, напали на дворецъ короля, занесли кинжалъ надъ постелью коро-

левы и принесли въ Парижъ на остріѣ своихъ пикъ головы убитыхъ тѣлохранителей короля. Теруанъ де Мерикуръ и ея шайки пошли брать приступомъ Тюльери 20 іюня и 10 августа. Ужасныя во время битвы, жестокія послѣ побѣды, онѣ убили побѣжденныхъ, изуродовали трупы, выпустили изъ нихъ кровь. Революція, ея волненія, суды, казни сдѣлались для этихъ мегеръ такимъ же необходимымъ зрѣлищемъ, какъ борьба гладіаторовъ для развращенныхъ патриціановъ Рима. Стыдяся того, что ихъ изгнали изъ мужскихъ клубовъ, эти женщины основали сначала, подъ именемъ братскихъ обществъ, затѣмъ подъ именемъ обществъ республиканскихъ и революціонныхъ женщинъ свои собственные, женскіе, клубы. Рядомъ съ этими собраніями находились клубы дѣтей отъ 12-ти до 15-ти лѣтнаго возраста, которые носили названіе „Красныя дѣти“,—означавшее крещеніе посредствомъ крови этихъ скороспѣлыхъ республиканцевъ. Эти женскія общества имѣли своихъ ораторовъ. Парижская коммуна, по предложенію Шометта, постановила, что этимъ героинямъ великихъ дней революціи будетъ отведено особое почетное мѣсто во время гражданскихъ церемоній и что впереди ихъ будутъ нести знамя съ надписью: „Онѣ изгнали тирановъ!“ Онѣ будутъ присутствовать на національныхъ празднествахъ, было объявлено въ одномъ изъ постановленій коммуны, „вмѣстѣ съ своими мужьями и дѣтьми, и будутъ тамъ вязать“. Отсюда и явилось прозвище „вязальщицъ Робеспьера“—названіе, пятнающее собою этотъ ручной трудъ и домашній очагъ. Каждый день отряды этихъ наемницъ, находившихся на жалованіи у коммуны, располагались около зданій суда, по дорогамъ, гдѣ должны были проѣзжать телѣжки съ осужденными, и на ступеняхъ гильотины, чтобы рукоплескать смерти, оскорблять жертвы и насыщать свое зрѣніе зрѣлищемъ крови. Въ древности были наемныя плакальщицы,—коммуна держала наемныхъ фурій.

5.

Засѣданія „Братскаго общества“ женщинъ происходили въ залѣ, смежной съ залой якобинцевъ. Членами этого общества были начитанныя женщины, обсуждавшія съ большимъ достоинствомъ общественные вопросы, имѣющіе отношеніе къ ихъ полу, какъ-то: о замужествѣ, материнствѣ, воспитаніи дѣтей и учрежденіяхъ для подачи помощи и благотворительныхъ. Онѣ были философами своего пола. Робеспьеръ былъ ихъ оракуломъ и идоломъ. Утопическій и неопредѣленный характеръ его учреждений былъ въ духѣ женщинъ, которымъ болѣе свойственно мечтать объ общественномъ благѣ, чѣмъ сочинять его механизмы.

„Революціонное общество“ засѣдало въ храмѣ св. Ефстація. Его составляли погибшія женщины, авантюристки, погрязшія въ пороки или нищету, или въ притонахъ безумія. Скандалы во время ихъ засѣданій, порывистость ихъ движеній, ихъ странное краснорѣчіе, дерзость ихъ петицій тревожили Комитетъ общественнаго спасенія. Эти женщины являлись предписывать законы подъ предлогомъ подачи совѣтовъ Конвенту. Было очевидно, что ихъ дѣйствія были внушены имъ безпокойными членами Коммуны и кордельеровъ. Онѣ были зачинщицами новаго 31-го мая. Состоя въ болѣе близкомъ общеніи съ клубомъ

кордельеро́въ, находившимся со времени удаленія изъ него Дантона въ рукахъ самыхъ необузданныхъ демагоговъ, онѣ рабски подражали въ своихъ взглядахъ на аграрные законы воззрѣніямъ клуба „безумныхъ“. Эти три клуба были для Коммуны тѣмъ же, чѣмъ якобинцы были для Конвента: то его бичомъ, то его уздой, то его мечомъ. Геберъ былъ ихъ Робеспьеромъ, Шометтъ ихъ Дантономъ.

6.

Въ послѣднемъ изъ названныхъ клубовъ предсѣдательствовала женщина молодая, прекрасная, краснорѣчивая, если можно назвать такъ безпорядочное вдохновеніе. Звали ее Розой Лакомбъ. Брошенная матерью, родившаяся отъ неизвѣстнаго отца въ кулисахъ провинціального театра, она выросла на подмосткахъ. Жизнь была для нея скверной ролью; слова непрестанной декламацией. По природѣ подвижную и легко увлекающуюся, ее легко унесло въ своемъ вихрѣ революціонное изступленіе. Замѣченная, вызывавшая восторги и аплодисменты во время первыхъ волненій въ Парижѣ, она почувствовала послѣ этой великой народной сцены отвращеніе ко всякой другой. Подобно Коллод'Эрбуа она перешла съ театральныхъ подмостковъ прямо на трибуну. Подобно ему, она перенесла въ дѣйствительную трагедію республики выразительность и жесты своего первого ремесла. Народъ естественно любилъ эти декламаторскія натуры. Все исполнское кажется ему возвышеннымъ. На него шумъ производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ правда, и потому все, что подражаетъ природѣ, кажется ему побѣждающимъ ее.

Членши „революціоннаго клуба“ гордились этой женщиной, которая говорила какъ мужчина, жестикулировала какъ актриса и ослѣпляла своей красотой. Это была пивія предметѣй. Погибшія созданія, которыми кишѣли эти клубы, гордились, имѣя во главѣ особу, которую порокъ отмѣтилъ съ раннихъ лѣтъ тою же печатью, какая была наложена и на нихъ. Женщина чистая унижала бы ихъ. Роза Лакомбъ, какъ имъ казалось, освящала ихъ профессію безуміемъ своего республиканизма. Она имѣла всемогущее вліяніе на Коммуну. Она распекала депутатовъ. Базиръ, Шабо преклонялись передъ нею. Одинъ только Робеспьеръ, изъ вожаковъ мысли, запиралъ передъ нею дверь. Она приказывала отворять себѣ двери тюремъ. Она оговаривала или оправдывала; она добивалась арестовъ или помилованій. Такъ какъ слезы быстро трогали ее, то она часто ходатайствовала за обвиняемыхъ.

Во время одного изъ своихъ посѣщеній тюремъ она почувствовала любовь. Пораженная красотой одного молодого узника, племянника тулузскаго мэра, содержавшагося вмѣстѣ съ своимъ дядей, Роза Лакомбъ употребила всѣ усилія, чтобы спасти своего протеже. Она позорила Конвентъ. Базиръ и Шабо донесли на нее кордельерамъ, какъ на интриганку, стремящуюся извратить патріотизмъ. „Она опасна, потому что краснорѣчива и красива“, сказалъ Базиръ— „Она грозила мнѣ, если я не освобожу тулузскаго мэра“, сказалъ Шабо. „Она призналась мнѣ, что не онъ, а его племянникъ затронулъ ея сердце. Я, котораго обвиняють въ томъ, что я увлекаюсь женщинами, я устоялъ. Именно потому, что я люблю женщинъ, я и не хочу, чтобы онѣ

извращали и позорили добродѣтель! Онѣ осмѣлились дѣлать нападки на Робеспьера“. При этихъ словахъ Роза Лакомбъ встаетъ и требуетъ разрѣшенія отвѣтить. Въ клубѣ происходитъ смятеніе. Присутствующіе раздѣляются. Одни хотятъ, чтобы она была выслушана, другіе требуютъ ея исключенія. Предсѣдатель прерываетъ засѣданіе. Клубъ постановляетъ, что будетъ составленъ адресъ Комитету общественной безопасности съ требованіемъ очистки Общества революціонныхъ женщинъ. Конвентъ не осмѣливается еще распустить ихъ.

7.

Робеспьеръ громко возмущался этими оргіями мнѣній, гдѣ подъ предлогомъ воодушевленія патріотизмомъ извращали природу. Шометтъ боялся гнѣва Робеспьера. Онъ хотѣлъ избѣгнуть его. Онъ устроилъ театральное зрѣлище, въ которомъ разыгралъ роль суроваго трибуна нравовъ, борющагося съ распутствомъ, имъ же самимъ и вызваннымъ. Въ концѣ января толпа женщинъ-революціонерокъ, набранная и предводительствуемая Розой Лакомбъ, въ красныхъ колпакахъ на головѣ и почти нагихъ, такъ какъ онѣ были въ платьяхъ изъ прозрачныхъ тканей, силой ворвалась въ залу совѣта Коммуны и прервала засѣданіе своими петиціями и криками. Ропотъ негодованія, условленнаго заранѣе, поднялся въ собраніи. „Граждане“, воскликнулъ Шометтъ:—„вы имѣете полное право роптать такъ. Доступъ въ залу, гдѣ совѣщаются представители народа, долженъ быть воспрещенъ тѣмъ, кто оскорбляютъ націю“.—„Нѣтъ“, возразилъ одинъ изъ членовъ совѣта:—„законъ разрѣшаетъ доступъ женщинамъ“. „Пусть прочтутъ законъ“, продолжаетъ Шометтъ:—„законъ повелѣваетъ уважать обычаи и заставлять уважать ихъ. Между тѣмъ я вижу, какъ ихъ здѣсь попираютъ. И съ какихъ это поръ разрѣшено женщинамъ отрекаться отъ своего пола, бросать благочестивыя занятія у домашняго очага, колыбель своихъ дѣтей, для того чтобы являться на площади, говорить рѣчи на трибунахъ, въ сенатѣ, становиться въ ряды нашихъ войскъ и посягать на права, которыя природа предоставила мужчинамъ? Кому же природа поручила заботы о домѣ? Развѣ дала она намъ грудь, чтобы вкармливать молокомъ нашихъ дѣтей? Развѣ она ослабила наши мускулы, чтобы сдѣлать насъ способными исключительно для занятій по дому и хозяйству? Нѣтъ, она сказала мужчинамъ: „Будь мужемъ“, а женщинамъ: „Будь женою, и ты сдѣлаешься божествомъ домашняго святилища!“ Неблагодарныя женщины, желающія стать мужчинами! Развѣ вы обдѣлены въ чемъ? Вы властвуете надъ нашими чувствами! Вашъ деспотизмъ—есть деспотизмъ любви, слѣдовательно проистекаетъ изъ природы“. При этихъ словахъ женщины снимаютъ съ головы красные колпаки. „Вспомните“, продолжаетъ Шометтъ:—„тѣхъ развратныхъ женщинъ, которыя вызвали столько смутъ въ республикѣ, высокомерную жену вѣроломнаго мужа, гражданку Роланъ, которая считала себя способной управлять цѣлымъ народомъ и погубила себя; эта женщина-мужчина основала первое женское общество и заплатила жизнью за свои преступленія. Женщины тогда только имѣютъ значеніе, когда мужчины ни къ чему не годны: примѣръ Жанна д'Аркъ, бывшая великой только потому, что Карлъ VII былъ полное ничтожество!“

Женщины удалились, повидимому побѣжденные доводами Шометта. Тѣмъ

не менѣ Роза Лакомбъ продолжала, подстрекаемая Геберомъ, волновать подонки своего пола. Группы женщинъ въ красныхъ панталонахъ съ кокардами въ волосахъ, оскорбляли и били въ общественныхъ мѣстахъ невинныхъ дѣвушекъ, которыхъ онѣ заставляли выражающими свой патріотизмъ.

Амаръ, вызванный Робеспьеромъ, сказалъ по этому вопросу въ Конвентѣ. „Я докладываю вамъ, что собралось болѣе шести тысячъ женщинъ, такъ называемыхъ якобинокъ и членовъ такъ называемаго революціоннаго общества. Природа, вслѣдствіе разницы въ силѣ и устройствѣ тѣла, назначила имъ другія обязанности. Стыдливость, воспреещающая имъ выступать публично, обязываетъ ихъ оставаться въ лонѣ ихъ семьи“. Конвентъ принялъ эти положенія и закрылъ женскіе клубы. Роза Лакомбъ вернулась въ прежнюю неизвѣстность и къ подонкамъ общества, изъ которыхъ она на-время была вознесена взрывомъ революціи. Геберъ и его партія были обезоружены тѣми же шайками, которыя они выставляли на собраніяхъ сначала молящими, а затѣмъ угрожающими Конвенту.

8.

Партія Гебера въ Коммунѣ открыто стремилась быть продолжательницей и превзойти партію Марата. Она начала тревожить Комитетъ общественного спасенія и утомлять Робеспьера и Дантона. Геберъ, властвовавшій въ Коммунѣ черезъ посредство Паша, Кейяна и Шометта, властвовавшій надъ народомъ черезъ посредство подначальныхъ ему главарей мятежей; властвовавшій въ арміи революціонной черезъ Ронсена; властвовавшій въ клубѣ кордельеровъ черезъ новыхъ своихъ ораторовъ, среди которыхъ выдавался юный Венсенъ, главный секретарь военнаго министра; властвовавшій во время самыхъ бурныхъ волненій толпы, благодаря вліянію своего журнала „Отецъ Дюшенъ“, въ которомъ онъ раздувалъ пламя непрерывнаго мятежа, — Геберъ нападалъ робко на Робеспьера, открыто на Дантона. Съ паденіемъ этихъ двухъ наиболѣе популярныхъ лицъ, Геберъ рассчитывалъ легко провести въ Конвентѣ свою демагогію. Идеаломъ этой партіи не была ни свобода, ни отечество, а полное ниспроверженіе всѣхъ принциповъ, вѣрованій, добродѣтелей, учреждений, на которыя до тѣхъ поръ опирался общественный строй; неограниченная и кровавая тиранія одного только населенія Парижа надо всей остальной націей; массовыя казни всѣхъ классовъ народа, дворянъ, богатыхъ, образованныхъ, нравственныхъ, имѣвшихъ прежде вліяніе благодаря своему происхожденію, просвѣщенію или предразсудкамъ, уничтоженіе народнаго представительства, наконецъ, учрежденіе вмѣсто всякаго иного правленія диктатуры неограниченной, какъ народъ и не подлежащей отвѣтственности, какъ судьба.

Каждый изъ главныхъ членовъ этой партіи, Геберъ, Шометтъ, Венсенъ, Моморо, Ронсенъ, мысленно присвоивалъ себѣ эту верховное главенство. А пока оно перешло къ мэру Пашу, челоѣку съ независимымъ характеромъ, скрытному, молчаливому, наружность котораго находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ мстительнымъ всемогуществомъ, неумолимымъ, безмолвнымъ, которе онъ старался воплотить въ себѣ.

Неутолимая жажда крови, которая въ теченіе пяти мѣсяцевъ не могла

быть утолена казнями, непрестанными бунтами противъ богатыхъ и купцовъ, крики негодованія противъ барышниковъ, безумное требованіе максимума, предписанное Конвенту, разгромы, разрытіе и оскверненіе могилъ, вѣроотступничество, котораго потребовали отъ Гобеля и подчиненнаго ему духовенства подъ угрозою смерти, изгнаніе ста тысячъ священниковъ, преслѣдуемыхъ, ввергаемыхъ въ темницы и подвергаемыхъ истязаніямъ за исповѣданіе вѣры, кощунство надъ церквами и издѣвательство надъ священными обрядами, проповѣдываніе атеизма, почести, воздаваемые разврату, наконецъ грязная и кровавая проповѣдь, которую „Отецъ Дюшенъ“ ежедневно печаталъ въ своихъ листкахъ въ позиданіе народу, были признаками, по которымъ Робеспьеръ и Дантонъ могли судить о намѣреніяхъ и изступленіи этой партіи. Но, пользуясь покровительствомъ Коммуны, эта партія могла всѣмъ пренебрегать. Дантонъ, проводившій почти все время въ загородномъ домѣ, который онъ незадолго передъ этимъ купилъ въ Севрѣ, предоставлялъ свою трибуну у кордельеровъ своимъ врагамъ, а свою популярность на волю судьбы. Онъ только изрѣдка показывался среди якобинцевъ, и не для того какъ нѣкогда, чтобы все уничтожить и все увлечь, но для того чтобы оправдываться и сѣтовать. Окруженный немногими подозрительными людьми, которыхъ привлекло къ нему его состояніе, онъ выжидалъ, повидимому, въ бездѣйствіи момента, когда правительство ослабѣетъ, чтобы захватить его въ свои руки. Онъ дѣлалъ видъ, что относится безразлично къ власти и съ большимъ пренебреженіемъ къ партіямъ. Триумвиратъ, состоявшій изъ Гебера, Шометта и Ронсена, казался ему слишкомъ ничтожнымъ, чтобы удостоиться его вниманія. Кромѣ того, онъ съ тайной радостью видѣлъ въ этомъ триумвиратѣ средство при случаѣ устроить противовѣсъ все возрастающему могуществу Робеспьера. Итакъ Дантонъ довольствовался тѣмъ, что защищался противъ укусовъ Гебера и его своры, которая не переставала вопить противъ него.

Это безтактное ожесточеніе партіи Гебера противъ Дантона въ то время, когда эта партія хотѣла сдѣлать непопулярнымъ Робеспьера и обуздать Комитетъ общественного спасенія, имѣло своимъ источникомъ журнальное соперничество между Геберомъ и Камилломъ Демуленомъ. „Отецъ Дюшенъ“, опустившійся въ грязь ниже своего соперника, не переставалъ обдавать ею Камилла Демулена; послѣдній отвѣчалъ Геберу памфлетами, въ которыхъ обида запечатлѣвалась каленымъ желѣзомъ на лбу его противниковъ.

9.

Ничего не писавшій со смерти жирондистовъ, Камилль Демуленъ снова взялся за перо и выпустилъ нѣсколько листовъ, достойныхъ одновременно Тацита и Аристофана, противъ неистовствъ террора и ученія Гебера. Онъ старался выставить преступленіе въ смѣшномъ видѣ, но смерть не шутитъ. Обнародованіе этихъ летучихъ листовъ было вызвано, какъ и всѣ поестуки Камилла Демулена, вспышкой гнѣва и скрытою угодливостью двумъ великимъ популярнымъ личностямъ. Вотъ его происхожденіе.

Однажды вечеромъ въ началѣ декабря Дантонъ, Субербиель, присяжный судья революціоннаго суда, и Камилль Демуленъ вышли вмѣстѣ изъ Дворца

правосудія. День былъ кровавый. Пятнадцать головъ скатились утромъ на площади Революціи; двадцать семь человѣкъ были приговорены къ смерти во время засѣданія и въ числѣ ихъ нѣсколько лицъ, занимавшихъ высшія должности въ прежнемъ парижскомъ магистратѣ. Всѣ трое опустили головы шли молча съ удрученнымъ сердцемъ отъ того зловѣщаго зрѣлища, котораго они только что были свидѣтелями: ночь, располагающая къ откровенности, была темная и холодная. Дойдя до Новаго моста, Дантонъ вдругъ обернулся къ Субербіелю и сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что при такомъ ходѣ дѣлъ скоро никто не будетъ въ безопасности? Лучшіе патріоты смѣшиваются безъ разбора съ бездѣльниками. Кровь, пролитая генералами на полѣ битвы, не спасаетъ ихъ отъ того, что остатокъ ея не будетъ пролитъ на эшафотѣ. Я усталъ жить. Вотъ взгляни! Рѣка точно течетъ кровью!“ — „Правда“, сказалъ Субербіель: — „небо красно, за этими тучами скрывается много кроваваго дождя! Эти люди требовали непреклонныхъ судей, а теперь имъ нужны только угодливые палачи! Когда я отказываю отдать имъ невинную голову, они называютъ меня слишкомъ совѣстливымъ. Но что могу сдѣлать я?“ продолжалъ удрученный Субербіель: — „Я ничтожный патріотъ! Ахъ, если бы я былъ Дантономъ!“ — „Дантонъ спитъ, молчи!“ отвѣтилъ соперникъ Робеспьера Субербіелю: — „Онъ проснется, когда настанетъ время. Все это начинаетъ приводить меня въ ужасъ. Я сторонникъ революціи, но не сторонникъ рѣзни. А ты“, продолжалъ Дантонъ, обращаясь къ Камиллу Демулену: — „отчего молчишь?“ — „Я усталъ отъ молчанія, отвѣтилъ Камилль: — „моя рука отекала, иногда мнѣ хочется заострить мое перо какъ стилетъ и пронзить имъ этихъ негодяевъ. Пусть они берегутся! Мои чернила труднѣе стереть, чѣмъ ихъ кровь. Они пятнаютъ навѣки!“ — Браво, Камилль! вскричалъ Дантонъ: — начинай съ завтрашняго дня. Это ты пустилъ въ ходъ революціи, и ты же долженъ затормозить ее.“ — „Будь покоенъ“, продолжалъ Дантонъ болѣе глухимъ голосомъ: — „эта рука поможетъ тебѣ. Тебѣ извѣстно, сильна ли она!“ — Трое друзей разстались у дверей Дантона,

На слѣдующій день Камилль Демуленъ написалъ первый номеръ „Старога Сапожника“. Прочитавъ его Дантону, Камилль отнесъ его Робеспьеру. Онъ зналъ, что нападеніе на „Бѣшенныхъ“ не будетъ непріятно главѣ якобинцевъ, который втайнѣ ненавидѣлъ Гебера. За дерзостью Камилла Демулена таилась осторожность, а за вызовомъ лесть. Робеспьеръ, еще не увѣренный въ намѣреніяхъ якобинцевъ и Горы, не выразилъ ни одобренія, ни порицанія Камиллу Демулену. Онъ сохранилъ въ своихъ рѣчахъ ту же свободу, которой онъ добивался для своихъ дѣйствій. Но писатель угадывалъ мысли Робеспьера подъ его сдержанностью; онъ понималъ, что если его дерзость и не одобряется, зато его все же простятъ за нее.

Но если Робеспьеръ колебался напасть на терроръ изъ боязни ослабить и обезоружить Комитетъ общественнаго спасенія, онъ не поколебался, начиная съ ноября предыдущаго года, вступить одинъ и лицомъ къ лицу въ борьбу съ тѣми, кто развращали революцію и хотѣли вмѣсто вѣроисповѣданій ввести атеизмъ. Работая усидчивѣе, чѣмъ когда-либо, на пользу дѣла якобинцевъ, не-

смотря на изнурившую его лихорадку, онъ одинъ удерживалъ ихъ на краю пропасти, куда Коммуна и кордельеры хотѣли все увлечь. Онъ давно уже ждалъ случая, чтобы умыть руки отъ безобразій и нечестій Шометта и Гебера. Геберъ, ободренный поддержкой нѣкоторыхъ членовъ Горы, не замедлилъ предоставить такой случай Робеспьеру. Онъ заставилъ пройти до залѣ Конвента одну изъ процессій, состоявшую изъ мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ облаченія, награбленныя въ церквяхъ. На другой день онъ явился къ якобинцамъ, чтобы повторить эти сцены у нихъ и вовлечь и ихъ принять въ нихъ участіе. Онъ осмѣлился въ своей рѣчи сдѣлать прозрачныя намеки на ихъ главу. „Политика всѣхъ тирановъ“, сказалъ Геберъ:—„состоитъ въ томъ, чтобы образовать партіи, дабы царить самому. Политика такихъ патріотовъ, каковы мы, это сплотиться, чтобы уничтожить тирановъ. Я уже предупреждалъ васъ, что интриганы пытались возстановить насъ другъ противъ друга. Рассказываютъ о порицаніяхъ, высказанныхъ Робеспьеромъ противъ меня. Меня каждый день спрашиваютъ, какъ это случилось, что я до сихъ поръ еще не арестованъ. Я отвѣчаю: „Развѣ существуетъ еще коммиссія Двѣнадцати?“ Однако я не могу относиться вполне равнодушно къ этимъ слухамъ. Иногда, прежде чѣмъ начать гоненіе, хотятъ узнать общественное мнѣніе. Говорятъ, Робеспьеръ хотѣлъ очернить меня передъ Конвентомъ. Я долженъ былъ быть арестованъ вмѣстѣ съ Пашемъ. Говорили также, что Дантонъ эмигрировалъ захвативъ съ собою имущество, награбленное имъ у народа, и находится въ Швейцаріи. Я встрѣтилъ его сегодня утромъ въ Тюльери. Такъ какъ онъ въ Парижѣ, то онъ долженъ явиться и братски объясниться съ якобинцами. Всѣ патріоты обязаны содѣйствовать прекращенію оскорбительныхъ слуховъ, которые распускаются на ихъ счетъ. Необходимо со всей строгостью отнестись къ процессу сообщниковъ Бриссо. Когда судили злодѣя, необходимо было судить и его сообщниковъ; когда судили Капета, слѣдовало судить и его потомство!“ Моморо потребовалъ истребленіе всѣхъ священниковъ.

Послѣ этого предложенія, Робеспьеръ, поджидавшій удобнаго случая, чтобы объяснитьсь съ Геберомъ, воспользовавшись настоящимъ моментомъ, какъ вызовомъ, брошеннымъ этимъ главою Коммуны, поспѣшилъ отвѣтить ему: „Я думалъ“, сказалъ онъ вставая:—„что Моморо разсмотрѣлъ вопросъ, предложенный Геберомъ вниманію Собранія. Онъ даже не коснулся его. Итакъ, намъ остается отыскать истинныя причины бѣдствій, удручающихъ отечество. Неужели правда, что наши самые опасные враги это нечестивые, пережившіе потомство нашихъ тирановъ, узники, имя которыхъ служить еще причиной мятѣжей и поводомъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ? Я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы родъ тирановъ исчезъ съ лица земли; но неужели я могу впасть въ такое ослѣпленіе насчетъ положенія своей страны, чтобы думать, что смерти сестры Капета будетъ достаточно, чтобы загасить очагъ заговоровъ, пожирающихъ насъ? Неужели правда, что главная причина нашихъ бѣдствій кроется въ фанатизмъ? Фанатизмъ—угасаетъ; я могъ бы даже указать, что онъ угасъ? Вы боитесь, говорите вы, священниковъ! А они спѣшатъ отказаться отъ своихъ званій, чтобы переимѣнить ихъ на званія муниципаловъ, администраторовъ и даже предсѣдателей народныхъ обществъ. Нѣтъ, не фанатизмъ долженъ быть

теперь главнымъ предметомъ нашего безпокойства. Пятилѣтнее существованіе революціи, поразившей священниковъ, свидѣтельствуеъ объ ея безсиліи. Я вижу единственное средство пробудить ее среди насъ—это сдѣлать видъ, что мы вѣримъ въ ея силу. Фанатизмъ—существо дикое и капризное. Онъ бѣжалъ отъ разума: призывайте его громкими криками, и онъ вернется.

„И какое иное дѣйствіе можетъ имѣть чрезмѣрное и тщательное усердіе, съ которымъ съ нѣкотораго времени преслѣдуютъ его? И по какому праву люди, невѣданные доселѣ на поприщѣ революціи, явятся искать въ этихъ преслѣдованіяхъ способовъ присваивать себѣ ложную популярность, увлечь патриотовъ къ ошибочнымъ мѣрамъ, посягать среди насъ смятеніе и раздоръ? По какому праву явились бы они сюда нарушать свободу вѣроисповѣданій во имя самой свободы и ополчились бы на фанатизмъ посредствомъ фанатизма же? По какому праву они превратили бы торжественныя почести, воздававшіяся чистой истинѣ, въ смѣшныя фарсы? Почему позволили бы имъ насмѣяться такимъ образомъ надъ достоинствомъ народа и прикрѣпить погрѣшки безумія къ самому скипетру философіи? Вообразили, что, принявъ гражданскія приношенія изъ церквей, Конвентъ упразднилъ католическую вѣру? Нѣтъ, Конвентъ не сдѣлалъ этого безразсуднаго дѣла, Конвентъ не сдѣлаетъ его никогда. Онъ намѣренъ поддержать свободу вѣроисповѣданій, которую онъ провозгласилъ, и обуздать въ то же время всѣхъ тѣхъ, кто будетъ злоупотреблять ею, чтобы возмущать общественный порядокъ. Онъ не позволитъ, чтобы преслѣдовали мирныхъ священнослужителей вѣры. Доносили на священниковъ, что они служили обѣдни. Они будутъ служить и впредь, если будутъ запрещать имъ службу. Тотъ, кто желаетъ запрещать служить обѣдню, гораздо большій фанатикъ, нежели тотъ, кто служить ее.

„Есть люди, которые хотятъ идти дальше, которые, подъ предлогомъ искорененія суевѣрія, хотятъ возвести въ религію самый атеизмъ. Національный Конвентъ гнушается такой системой. Конвентъ отнюдь не сочинитель книгъ и не составитель метафизическихъ системъ; это учрежденіе политическое и народное, на которомъ лежитъ обязанность заставлять уважать не только право, но и особенности французскаго народа. Недаромъ онъ провозгласилъ признаніе правъ человѣка предъ лицомъ Верховнаго Существа! Атеизмъ аристократиченъ. Идея Верховнаго Существа, бодрствующаго надъ угнетенной невинностью и наказывающаго торжествующій порокъ, вполне народна“.

Раздаются рукоплесканія среди якобинцевъ, принадлежащихъ къ бѣднякамъ. Робеспьеръ продолжаетъ: „Народъ, несчастные рукоплещутъ мнѣ; если бы я встрѣтилъ осуждающихъ меня, то только среди богатыхъ и среди преступныхъ. Я ни на одинъ день съ самаго дѣтства не отступалъ отъ нравственныхъ и политическихъ убѣжденій, которыя только что изложилъ передъ вами. Если бы Бога не существовало, надо было бы выдумать Его... Я говорю съ трибуны, продолжалъ онъ, гдѣ безстыдный жирондистъ осмѣлился вмѣнить мнѣ въ преступленіе, что я произнесъ слово Провидѣніе; и въ какое время?—когда съ сердцемъ, ожесточеннымъ отъ всѣхъ преступленій, которыхъ мы были свидѣтелями и жертвами, когда, проливая горькія слезы надъ народомъ, постоянно обманываемымъ, постоянно угнетаемымъ, я старался возвыситься надъ толпой

заговорщиковъ, которые окружали меня, и призывалъ на нихъ небесное мщеніе, за отсутствіемъ народной грозы. О! пока существуютъ тираніи, чья энергичная и добродѣтельная душа не будетъ призывать втайнѣ отъ ихъ святотатственного торжества вѣчную справедливость, которая, казалось, написала во всѣхъ сердцахъ смертный приговоръ всѣмъ тиранамъ? Мнѣ кажется, что послѣдній мученикъ за свободу испуститъ духъ съ чувствомъ болѣе пріятнымъ, успокоившись на этой утѣшительной мысли. Это чувство всей Европы и всего міра, это чувство французскаго народа. Развѣ вы не видѣте ловушку, которую вамъ разставляютъ тайные враги республики и эмиссары чужестранныхъ тирановъ? Негодяи хотятъ оправдать такимъ образомъ грубыя клеветы, наглость которыхъ признаетъ Европа, и оттолкнуть отъ васъ, посредствомъ предубѣждений и извращенныхъ понятій, тѣхъ, нравственное чувство и общіе интересы которыхъ увлечены святымъ и высокимъ дѣломъ, которое мы защищаемъ“.

Робеспьеръ потребовалъ исключенія Проли, Дюбюиссона, де Перейры. Было постановлено произвести общее очищеніе собранія якобинцевъ. Робеспьеръ, котораго слушали сначала съ удивленіемъ, потомъ холодно, поразилъ Гебера и Шометта, разгромивъ атеизмъ. Онъ почерпнулъ силу въ своемъ мужествѣ, а свои громовыя стрѣлы онъ заимствовалъ въ вѣчномъ инстинктѣ человѣческой души, свидѣтельствующей существованіе Бога. Исповѣдуя Бога, Робеспьеръ создавалъ самому себѣ и революціи совѣсть и судью. Если бы онъ былъ обыкновенный преступникъ, онъ старался бы не дать прозрѣть народу божественный свѣтъ вмѣсто того, чтобы оживлять его въ немъ. Онъ поставилъ въ своей рѣчи свою популярность въ связь съ исповѣдуемой имъ вѣрой.

Партія Гебера, побѣжденная въ этотъ день якобинцами, отомстила за себя въ Коммунѣ еще болѣе немилосердными приказами о преслѣдованіи церковныхъ обрядовъ. Дантонъ говорилъ въ Конвентѣ противъ этихъ преслѣдователей; но онъ говорилъ какъ политикъ, желающій, чтобы уважали священный обычай народа, но не какъ философъ, который первый обожаетъ самую высочайшую идею человѣческаго ума. Это совпаденіе мыслей, выразившееся въ порицаніи Гебера и Шометта, сблизило на короткое время Робеспьера и Дантона.

Первый продолжалъ спланивать якобинцевъ противъ изступленныхъ членовъ Коммуны. Онъ указалъ на интригановъ и крайнихъ. „Въ тягостномъ и необыкновенномъ броженіи, въ которомъ мы обрѣтаемся“, сказалъ онъ:—„мы воспользуемся всѣмъ, что народъ можетъ одобрить, и мы отвергнемъ всѣ крайнія мѣры, которыми наши враги хотятъ опозорить наше дѣло. Насъ хотятъ возбуждать религиозными распрями,—мы подавимъ ихъ. Мы уничтожимъ атеизмъ, мы будемъ уважать искреннюю вѣру“. Геберъ, смущенный смѣлостью Робеспьера, самъ выдалъ себя и притворился, на минуту, что онъ порицаетъ гоненія и скандалы, зачинщикомъ которыхъ былъ онъ самъ. Шометтъ поспѣшилъ сдѣлать такое же отреченіе въ совѣтѣ Коммуны. Комитетъ общественнаго спасенія воспользовался этимъ страхомъ гебертистовъ, чтобы провозгласить, устами Робеспьера, принципы правительства въ отвѣтъ на манифесты королей, сплотившихся противъ республики.

11.

Очищеніе рядовъ яковинцевъ продолжалось, какъ было рѣшено въ предыдущемъ засѣданіи. Каждый изъ членовъ, вызывавшихся по очереди на трибуну, долженъ былъ публично изложить свои убѣжденія и образъ своихъ дѣйствій.

3-го декабря, когда появился Дантонъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ропотъ негодованія пробѣжалъ по всей залѣ. Отзвукъ его дурной славы достигъ до его трибуны. Дантонъ на минуту смутился, затѣмъ, вооружившись спокойствіемъ отчаянія и непоколебимостью добродѣтели, которой у него не было, сказалъ: „Я слышалъ ропотъ. Противъ меня распространяются тяжкія обвиненія. Я требую наконецъ, чтобы мнѣ позволили оправдаться передъ народомъ. Я требую, чтобы всѣ тѣ, которые могли имѣть подозрѣнія противъ меня, высказали свои обвиненія, потому что я хочу отвѣтить имъ публично. Я почувствовалъ, что я какъ будто въ опалѣ, когда я всходилъ на трибуну. Развѣ я утратилъ черты, характеризующія свободнаго человѣка? Развѣ я уже не тотъ же самый Дантонъ, который былъ рядомъ съ вами во всѣ критическія минуты. Развѣ я уже не тотъ, кого вы обнимали, какъ вашего друга, и кто долженъ умереть вмѣстѣ съ вами? Я былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ защитниковъ Марата. Я зываю къ тѣни „друга народа“! Вы будете удивлены, когда я сообщу вамъ о своей частной жизни, и вы увидите, что колоссальное состояніе, которое мнѣ приписываютъ мои враги, сводится къ небольшому имуществу, которымъ я всегда владѣлъ. Я требую, чтобы недоброжелатели представили доказательства иной моей виновности. Всѣ ихъ усилія не смогутъ пошатнуть меня. Я хочу оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ народомъ. Судите меня въ его присутствіи. Я не разорву болѣе ни одной страницы своей исторіи, какъ вы не разорвете страницъ вашей, которыя должны обезсмертить лѣтописи свободы!“

Послѣ этого вступленія, словившаго, такъ сказать, печать, долго сковывавшую его душу, Дантонъ пустился въ импровизацію, настолько обильную фактами и стремительную, что перья слушателей не въ состояніи были слѣдовать за ней и записывать ее. Онъ сдѣлалъ обзоръ всей своей жизни и воздвигъ себѣ пьедесталъ изъ своихъ революціонныхъ дѣйствій, съ котораго онъ вызывалъ своихъ клеветниковъ свергнуть его. Онъ кончилъ тѣмъ, что потребовалъ выбора двѣнадцати комиссаровъ, чтобы разслѣдовать его поведеніе. Эта просьба была встрѣчена молчаніемъ. Видно было, что народъ, тронутый его краснорѣчіемъ, вѣрилъ болѣе въ его геній, нежели въ его совѣсть.

Робеспьеръ могъ однимъ словомъ погубить или спасти Дантона. Онъ чувствовалъ, что ему нуженъ этотъ человѣкъ, какъ противовѣсъ популярности Гебера. Онъ хотѣлъ, спасая его, показать ему, что онъ можетъ погубить его. Онъ взошелъ на трибуну не съ размѣренной медленностью, какъ всегда, когда онъ собирался говорить, но съ стремительностью человѣка, который торопится отразить занесенный ударъ. „Дантонъ“, обратился онъ къ послѣд-

нему строгимъ голосомъ:—„ты требуешь, чтобы указали, въ чемъ заключаются обвиненія противъ тебя. Никто не возвышаетъ голоса; ну, такъ это сдѣлаю я! Дантонъ, тебя обвиняли въ томъ, что ты эмигрировалъ. Говорили, что ты уѣхалъ въ Швейцарію; что болѣзнь твоя была предлогомъ, чтобы скрыть отъ народа свое бѣгство. Говорили, что ты стремился быть регентомъ при Людовикѣ XVII; что было время, когда ты собирался объявить свою диктатуру, что ни Питтъ, ни Кобургъ, ни Англія, ни Австрія, ни Пруссія не были такими опасными нашими врагами, какимъ былъ ты,—ты одинъ; что Гора была полна твоими сообщниками; однимъ словомъ, что тебя слѣдовало обезглавить!

„Конвентъ“, продолжалъ Робеспьеръ:—„знаешь, что я совѣтовался во всемъ съ Дантономъ; что во время измѣнъ Дюмурье мои подозрѣнія опередили его. Я упрекалъ его тогда въ томъ, что онъ не достаточно возстаётъ противъ этого чудовища; я упрекалъ его, что онъ не преслѣдовалъ Бриссо и его сообщниковъ съ надлежающею пылкостью. Я утверждаю, что это единственные упреки, которые я ему дѣлаю!.. Дантонъ! развѣ ты не знаешь, продолжалъ ораторъ почти растроганнымъ голосомъ:—что тѣмъ болѣе у человѣка мужества и патріотизма, тѣмъ сильнѣе враги общественнаго дѣла стремятся погубить его? Враги отечества осыпаютъ меня чрезвычайными похвалами, но я отвергаю ихъ. Развѣ, ты думаешь, я не вижу подъ этими похвалами ножъ, которымъ хотѣли поразить мое отечество? Дѣло у патріотовъ общее. Быть можетъ я ошибаюсь насчетъ Дантона, но, при видѣ его среди его семьи, онъ заслуживаетъ только похвалы. Въ отношеніи политики я наблюдалъ за нимъ. Разница въ убѣжденіяхъ моихъ и его заставляла меня зорко слѣдить за нимъ, иногда даже съ озлобленіемъ. Дантонъ хочетъ, чтобы его судили,—онъ правъ. Пусть также судятъ и меня! Пусть явятся эти люди, воображающіе, что они большіе патріоты, чѣмъ мы!“

12.

Эта рѣчь спасла Дантона, но не вернула ему утраченнаго довѣрія. Этого только и хотѣлъ Робеспьеръ. Ему нуженъ былъ Дантонъ какъ лицо покровительствуемое, но не какъ равный. Ему нуженъ былъ его голосъ на Горѣ, чтобы громить Коммуну. Когда Коммуна будетъ подчинена, Дантонъ, покорный якобинцамъ, принужденъ будетъ покоряться имъ или находиться подъ опасеніемъ. Робеспьеръ не былъ столь снисходителенъ и не хитрилъ съ другими крайними или порочными членами Конвента, пользовавшимися вліяніемъ среди якобинцевъ и кордельеровъ. Когда дошла очередь до Анахарзиса Клоотца, ораторъ „человѣческаго рода“ воскликнулъ: „Можемъ ли мы смотрѣть какъ на патріота на нѣмецкаго барона? какъ на демократа, на человѣка, у котораго сто тысячъ ливровъ годового дохода? какъ на республиканца, на человѣка, посѣщающаго только иностранныхъ банкировъ и контръ-революціонныхъ враговъ Франціи? Клоотцъ! ты проводишь все время съ агентами и шпіонами иностранныхъ державъ (Шрали, Дюбийссономъ, Перейрой), ты такой же измѣнникъ, какъ и они, надъ тобой долженъ быть учрежденъ надзоръ. Граждане! вы видѣли его то у ногъ тирана и его двора, то пресмыкающимся передъ

народомъ. Онъ льстилъ Бриссо, Дюмурье, Жирондѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція ополчилась на весь свѣтъ! Онъ напечаталъ памфлетъ: „Ни Маратъ ни Роланъ“. Въ немъ онъ давалъ пощечину Ролану, но еще болѣе позорилъ Гору. Его нелѣпныя убѣжденія, упорство, съ которымъ онъ толковалъ о всемірной республикѣ, желаніе внушить намъ страсть къ побѣдамъ, были западней, разставленной имъ республикѣ, чтобы сдѣлать всѣ народы и всѣ классы ея врагами. Онъ поддерживалъ движеніе противъ религій. Намъ извѣстно, Клоотцъ, о твоихъ ночныхъ посѣщеніяхъ Гобеля, парижскаго епископа! Намъ извѣстно, что тамъ, подъ покровомъ ночи, ты подготовилъ вмѣстѣ съ Гобелемъ этотъ философскій маскарадъ. Граждане, смотрите ли вы, какъ на патріота, на чужестранца, который хочетъ быть большимъ патріотомъ, чѣмъ французы, и котораго видѣли то ниже, то выше Горы? Потому что Клоотцъ никогда не былъ заодно съ Горой. Увы! несчастные патріоты, что можемъ мы сдѣлать, окруженные врагами, вступающими въ наши ряды, чтобы погубить насъ? Они надѣваютъ маски, они терзаютъ насъ, и мы чувствуемъ удары, не видя, кто ихъ наноситъ. Мы пропали, миссія наша окончена! Враги наши, притворяющіеся, что идутъ въ уровень съ Горой, хватаютъ насъ съзади, чтобы нанести болѣе смертельные удары!..“ Затѣмъ, расчувствовавшись до слезъ и подражая словамъ Христа передъ Его смертію, онъ прибавилъ: „Будемъ бодрствовать, потому что смерть отечества близка!“

Несчастный Клоотцъ, склонившій голову подъ жестокъ Робеспьера, не осмѣлился сдѣлать попытку сбросить тяжесть обвиненія, готоваго сокрушить его. Фанатикъ, искренно преданный республикѣ, Клоотцъ былъ виновенъ только въ сношеніяхъ съ порочными членами Конвента, въ родѣ Фабра и Шабо, и демагогами-матеріалистами партіи Гебера. Робеспьеръ видѣлъ въ немъ исключительно провозгласителя всесвѣтной республики, угрожавшей всѣмъ тронамъ и всѣмъ народамъ. Робеспьеръ, всегда желавшій мира съ иностранцами, хотѣлъ его и теперь. Жертвуя Клоотцемъ, какъ безумцемъ, какъ атеистомъ, онъ думалъ, что уничтожаетъ причину раздоровъ между Европой и Французской республикой. Робеспьеръ желалъ быть обязаннымъ побѣдой только идеямъ.

Политическое снисхожденіе, оказанное Дантону, распространилось и на Фабра д'Эглантина, поэта и народнаго льстеца, разбогатѣвшаго внезапно, что набрасывало тѣнь на его честность.

Камилль Демуленъ, другой кліентъ Дантона, тоже нуждался въ оправданіи за то состраданіе, которое онъ выразилъ на революціонномъ судѣ въ моментъ объявленія приговора жирондистамъ. „Правда, сказалъ Камилль Демуленъ, что я на минуту почувствовалъ состраданіе во время суда двадцати одного. То тѣ, кто упрекаютъ меня въ этомъ, находились далеко не въ такомъ же положеніи, какъ я. Я обожаю республику, но я обманулся во многихъ людяхъ, напримѣръ въ Мирабо, Ламетѣ, которыхъ я считалъ истинными защитниками народа, тогда какъ они въ концѣ концовъ измѣнили ему. Судьбѣ угодно было, чтобы изъ шестидесяти лицъ, подписавшихся подъ моимъ свадебнымъ контрактомъ, въ живыхъ остались только двое друзей, Робеспьеръ и Дантонъ. Всѣ остальные бѣжали или умерли на гильотинѣ. Изъ нихъ семеро были въ числѣ двадцати одного. Я всегда первый доносилъ на моихъ собственныхъ друзей,

когда видѣлъ, что они поступаютъ дурно. Я заглушалъ голосъ дружбы, которую внушали мнѣ великіе таланты“.

Это оправданіе, которое робко пробормоталъ Камилль Демуленъ, не прекратило ропота неудовольствія якобинцевъ. Робеспьеръ всталъ, чтобы успокоить ихъ. Онъ любилъ и въ то же время презиралъ этого молодого чело-вѣка, вспыльчиваго какъ женщина и непостояннаго какъ ребенокъ. „Нужно“, сказалъ Робеспьеръ:—„принимать Камилла Демулена со всѣми его добродѣтелями и недостатками. Робкій и довѣрчивый, нерѣдко храбрый, но неизмѣнно республиканецъ, его видѣли то другомъ Мирабо, Ламета, Диллона, но видѣли также, какъ онъ разбивалъ идоловъ, которымъ воскуривалъ олимпамъ. Я убѣждаю его продолжать свое поприще, но я совѣтую ему также не быть такимъ перемѣнчивымъ и стараться не ошибаться болѣе въ людяхъ, играющихъ великую роль на политическомъ поприщѣ!“ Эта амнистія Робеспьера зажала рты друзьямъ Гебера, хотѣвшимъ поразить Камилла Демулена. Никто не осмѣливался осудить того, кого прощалъ Робеспьеръ.

13.

Пререканія Камилла Демулена и Гебера въ ихъ листкахъ поддерживали эти раздоры. Безмолвные признаки указывали Робеспьеру и Комитету скрытое недовольство Дантона. Молчаніе этого оратора беспокоило Комитетъ общественнаго спасенія. Со времени возвращенія изъ Арсиса-на-Объ его покой казался противуестественнымъ. Его снисходительность была подозрительна. Сентябрьская кровь, пятна отъ которой еще оставались на его рукахъ, дѣлала неправдоподобной такую жалостливость въ душѣ Дантона. Въ его притворной снисходительности чувствовался скорѣе расчетъ, нежели чувство. Этотъ расчетъ былъ угрозой противъ людей, управлявшихъ орудіемъ казни. Дантонъ, притворившись, что расходится съ ними, повидимому, поджидалъ часа, когда перемѣнится общественное мнѣніе, чтобы обратить это оружіе противъ нихъ, вѣнчить имъ въ вину пролитую кровь, попрекнуть ихъ жертвами, воспользо-ваться недовольствомъ, которое они возбуждали, и революціей, дѣломъ ихъ рукъ, отдавая ихъ мести народа. Эти подозрѣнія Робеспьера и Комитета противъ Дантона оправдывались особенностями его характера, его положеніемъ и его осторожной политикой. Они основывались также на свойствахъ его души, переходившей съ безразсудной страстью отъ горячности террориста къ великодушію и умиленію. Итакъ преступленія и добродѣтели Дантона соединились въ эту минуту чтобы погубить его. Блескъ его безпечной и роскошной жизни въ Севрѣ въ то время, когда республика была объята пламенемъ и кровь текла изъ всѣхъ жилъ; наконецъ приписываемое ему богатство, источникъ котораго былъ неизвѣстенъ, при сравненіи съ бѣдностью Робеспьера, еще болѣе усиливали подозрѣнія. Перо Камилла Демулена изощрялось въ дерзкихъ нападкахъ противъ Дантона. Не вѣрилось, чтобы этотъ молодой и легкомысленный памфлетистъ могъ осмѣлиться на все это, если бы онъ не чувствовалъ опору въ колосѣхъ. Его смѣлыя статьи принимались за внушенныя ему патрономъ.

Камилль Демуленъ хотѣлъ польстить Робеспьеру, направивъ „Старого Са-

пожника“ противъ Гебера и его партіи; но вышло, что такимъ образомъ онъ оскорбилъ этого подозрительнаго соперника Дантона. Непонятная ошибка лести, обманувшаяся часомъ и нанесящая оскорбленіе, желая польстить! Вся завязка разразившейся драмы заключается въ этой ошибкѣ памфлетиста. Его необузданное перо, желая поразить враговъ, ускорило часъ гибели друзей и его собственной. Его нетерпѣніе приобрѣсти значеніе и славу погубило его. Его смерть была такимъ же безразсудствомъ, какъ и его жизнь, но тѣмъ не менѣе это было безразсудство честное, подчасъ великое и которое должно искупить многія злоупотребленія и низости его таланта.

14.

15-го фримера (5 декабря) Камилль Демуленъ началъ въ первомъ же номерѣ „Старога Сапожника“ лстить Робеспьеру.

„Побѣда осталась за якобинцами, писалъ онъ, сообщая объ оправданіи Дантона, потому что среди руинъ колоссальныхъ репутацій гражданственности стоитъ во весь ростъ Робеспьеръ. Утвердившись уже въ занятомъ положеніи, которымъ она овладѣла во время болѣзни и отсутствія Дантона, партія его обвинителей, въ самыхъ трогательныхъ, самыхъ убѣдительныхъ мѣстахъ его оправданія шикала, качала головами и улыбалась съ состраданіемъ, точно слушала рѣчь человѣка, осужденнаго всѣми голосами. Однако мы побѣдили, потому что послѣ громоносныхъ рѣчей Робеспьера, талантъ котораго, кажется, растетъ вмѣстѣ съ опасностями, угрожающими республикѣ, и глубокаго впечатлѣнія, которое онъ оставилъ въ душахъ, было невозможно осмѣлиться возвысить голосъ противъ Дантона, не давъ, такъ сказать, публичную росписку въ полученіи гиней Питта“.

Далѣе онъ притворялся поклонникомъ Марата, чтобы защититься его помертвой славой противъ тѣхъ, которые стали бы упрекать его въ слабости.

„Послѣ смерти этого просвѣщеннаго и съ сильнымъ характеромъ патріота, котораго я осмѣливался три года называть „божественнымъ“ Маратомъ, это единственный походъ, который предприняли враги республики. И шестьдесятъ изъ моихъ сотоварищей могутъ засвидѣтельствовать, сколько разъ я сожалѣлъ, находясь среди нихъ, о пагубныхъ послѣдствіяхъ этого похода! Наконецъ Робеспьеръ, въ первой рѣчи, которую Конвентъ постановилъ разослать всей Европѣ, поднялъ завѣсу. Его мужеству и популярности приличествовало искусно включить въ нее, какъ онъ и сдѣлалъ, великое слово, спасительное слово: что Питтъ перемѣнилъ средства; что онъ рѣшилъ изувѣрствомъ добиться того, чего не могъ достигнуть модерантизмомъ *), и что были люди — противники революціи изъ благоразумія, которые старались, подобно Ролану, подѣйствовать на духъ общества и направить общественное мнѣніе въ противоположную сторону, въ другую крайность, равно роковую для свободы. Съ тѣхъ поръ въ двухъ рѣчахъ, не менѣе блестящихъ, у якобинцевъ, Робеспьеръ высказался съ еще большей горячностью противъ интригановъ, которые посредствомъ коварныхъ и одностороннихъ похвалъ льстили себя надеждой отдалить

*) Политическая система умѣренныхъ партій.

его отъ всѣхъ старыхъ сотоварищей по оружію и священнаго батальона кордельеровъ, съ которымъ онъ такъ часто поражалъ королевскую армію. Къ стыду священниковъ онъ защитилъ Бога, отъ котораго они такъ подло отреклись!“

Тутъ Камиллъ Демулентъ проявилъ геній Тацита въ описаніи современныхъ ему злодѣяній; французская рѣчь подъ его перомъ сдѣлалась сжатой и образной, точно отчеканенной, какъ латинская.

„Послѣ осады Перузій, говорятъ историки, несмотря на капитуляцію, отвѣтъ Августа былъ таковъ: „Вы всѣ должны погибнуть!“ Триста знатѣйшихъ гражданъ были отведены къ алтарю Юлія Цезаря и принесены въ жертву въ Мартовскія иды, а остальные жители были всѣ безъ разбора убиты, городъ же, одинъ изъ лучшихъ городовъ Италіи, былъ обращенъ въ пепелъ и сравненъ съ землею подобно Геркулану.

„Въ древности въ Римѣ, рассказываетъ Тацитъ, существовалъ законъ, разграничивавшій преступленія противъ государства и противъ народнаго величества, за которыя онъ каралъ наиболѣе тяжко. Эти преступленія противъ величества при республикѣ сводились къ четыремъ степенямъ: Если армія была покинута въ непріятельской странѣ; если былъ поднятъ мятежъ; если члены уполномоченнаго учрежденія дурно вели дѣла, общественные финансы, если величіе римскаго народа терпѣло ущербъ. Императорамъ понадобилось только нѣсколько дополнительныхъ параграфовъ къ этому закону, чтобы распространить опалу на всѣхъ гражданъ и цѣлые города. Какъ только слова сдѣлались преступлениями противъ государства, оставался одинъ шагъ, чтобы обратить въ преступленіе простой взглядъ, печаль, состраданіе, вздохъ, даже самое молчаніе. Скоро сдѣлалось преступленіемъ противъ оскорбленія величества или противъ революціи въ городѣ Мурція то обстоятельство, что былъ воздвигнутъ памятникъ его гражданамъ, сражавшимся при Августѣ и погибшимъ при осадѣ Модены; но такъ какъ Августъ сражался съ Брутомъ, Мурцію постигла участь Перузій.

„Контръ-революціонный преступникъ въ Либонѣ—Друзъ, потому что онъ спросилъ у гадалщиковъ, лишится ли онъ когда-нибудь своего огромнаго богатства. Контръ-революціонный преступникъ журналистъ Кремутій Кордъ, назвавшій Брута и Кассія послѣдними римлянами. Контръ-революціонный преступникъ одинъ изъ потомковъ Кассія, потому что имѣлъ у себя портретъ своего прадѣда Контръ-революціонный преступникъ Мамеркъ Скавръ, написавшій трагедію съ такими стихами, которымъ можно придать двойной смыслъ. Контръ-революціонный преступникъ Торкватъ Силанъ за совершенные имъ перерасходы. Контръ-революціонный преступникъ Петрей, потому что видѣлъ во снѣ Клавдія. Контръ-революціонный преступникъ Аппій Силанъ, потому что жена Клавдія видѣла его во снѣ. Контръ-революціонный преступникъ Помпоній, потому что одинъ изъ друзей Сеяна пытался укрыться въ одномъ изъ его загородныхъ домовъ. Контръ-революціонный преступникъ всякій жалующійся на несчастія времени, потому что это равносильно тяжбѣ съ предрежащей властью. Контръ-революціонный преступникъ не поклонявшійся божественному генію Калигулы: за неисполненіе этого множество гражданъ было подвергнуто истязаніямъ,

осуждено на работы въ рудникахъ или отдано на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, а нѣкоторые были даже распилены на-двое. Контръ-революціонная преступница мать консула Фабія Гемина, потому что она оплакала несчастную кончину своего сына.

„Необходимо было выказывать радость по поводу смерти друга, родственника, если кто не хотѣлъ погибнуть самъ. При Неронѣ многіе, у кого онъ приказалъ умертвить родныхъ, возносили благодареніе богамъ; они зажигали иллюминаціи. По крайней мѣрѣ необходимо было показывать довольный видъ, благодарный и спокойный. Боялись, чтобы даже самый страхъ не послужилъ къ обвиненію. Все возбуждало подозрѣніе въ тиранѣ. Пользовался ли гражданинъ популярностью: онъ являлся соперникомъ государя, могущимъ поднять гражданскую войну. Онъ былъ подозрителенъ.

„Избѣгалъ ли кто, наоборотъ, популярности и держался въ сторонѣ: эта уединенная жизнь, казалась, внушена была осмотрительностью. Онъ возбуждалъ подозрѣніе.

„Если вы богаты: являлась огромная опасность, что народъ будетъ подкупленъ вашей щедростью. Вы подозрительны.

„Если кто бѣденъ: за такимъ человѣкомъ необходимъ бдительнѣйшій надзоръ. Никто не бываетъ столь предпріимчивымъ, какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего. Онъ внушаетъ подозрѣніе.

„Если у васъ мрачный, грустный видъ и вы небрежно одѣты: значить, васъ огорчаетъ то, что общественныя дѣла идутъ хорошо. Вы внушаете подозрѣніе.

„Если кто добродѣтеленъ и воздерженъ въ своихъ привычкахъ, прекрасно: несомнѣнно, это новый Брутъ, намѣревающийся своею блѣдностью явиться укоромъ веселью и пышности двора. Онъ внушаетъ подозрѣніе.

„Философъ, ораторъ или поэтъ стремится пользоваться большей славой, чѣмъ правители! Развѣ можно терпѣть, чтобы четвертостепенному автору удѣлялось больше вниманія, чѣмъ императору въ его рѣшетчатой ложѣ? Онъ внушаетъ подозрѣніе.

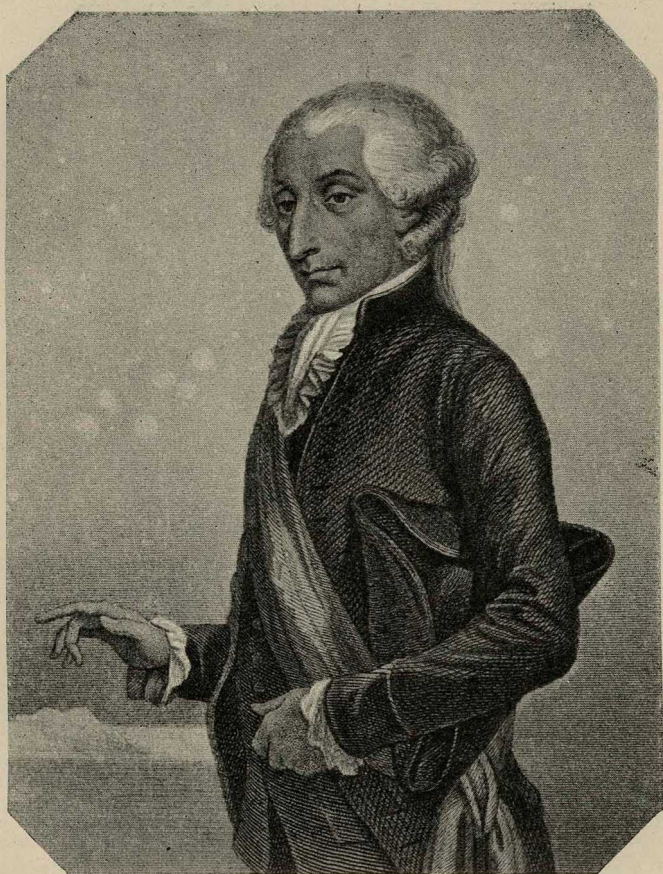
„Наконецъ, пріобрѣтеть ли кто славу въ войнѣ, тотъ становится еще болѣе опаснымъ изъ-за своего таланта. Съ неспособнымъ генераломъ можно бороться. Если онъ измѣнитъ, онъ не сможетъ такъ хорошо предать войско врагу, чтобы не вернулся никто. Но если бы измѣнилъ человѣкъ, обладающій достоинствами Корбулона или Агриколы, то изъ состава войска не вернулся бы ни одинъ. Самое лучшее отдѣлаться отъ него. По крайней мѣрѣ, вамъ не придется думать о томъ, какъ бы поскорѣ удалить его отъ войска. Онъ внушаетъ подозрѣніе.

„Конечно, было еще хуже тому, кто былъ внукомъ или родственникомъ Августа: онъ могъ явиться претендентомъ на тронъ. Онъ внушалъ подозрѣніе.

„Такимъ образомъ, невозможно было обладать никакимъ достоинствомъ, чтобы его тотчасъ же не обратили въ орудіе тиранніи и, возбудивъ подозрительность деспота, не подвергли вѣрной гибели. Считалось преступленіемъ, если кто, занимая большое мѣсто, подавалъ въ отставку. Но самымъ болѣшимъ изъ всѣхъ преступленій считалась неподкупность.

„Одинъ погибалъ изъ-за своего имени или имени предковъ, другой изъ-за своего прекраснаго дома въ Альбѣ; Валерій Азіатикъ погибъ потому, что его сады понравились императрицѣ; Италикъ—потому, что ей не понравилось его лицо; а очень многіе погибли неизвѣстно по какой причинѣ. Тораній, учитель и старый другъ Августа, палъ жертвой проскрипціи своего воспитанника неизвѣстно почему, хотя быть можетъ потому, что онъ былъ человѣкъ честный и любилъ свое отечество. Ни преторство, ни невинность не могли спасти Квинта Гелія отъ кровавыхъ рукъ палача, и тотъ самый Августъ, чье милосердіе такъ восхваляли, собственноручно вырвалъ у него глаза. Предавались и закалывались собственными слугами, своими врагами; а если не находилось враговъ убійцей являлся хозяинъ, другъ, сынъ. Словомъ, въ тогдашнія царствованія, естественная смерть знаменитаго или только выдающагося человѣка была такъ рѣдка, что о ней сообщалось въ хроникахъ, какъ о событіи, и передавалось историкомъ въ память потомству. Во времена этого консульства, повѣстуетъ нашъ лѣтописецъ, нѣкій [верховный жрецъ, Пизонъ, умеръ въ своей постели, и на это смотрѣли, какъ на чудо“.

„Каковы обвинители, таковы и суды. Суды, долженствующіе защищать жизнь и имущество, обратились въ бойни, гдѣ то, что называлось казнью и конфискаціей, было воровствомъ и убійствомъ. Если не было возможности предать кого-либо суду, прибѣгали къ убійству и яду. Всадникъ Элій, знаменитая Локуста, врачъ Анисетъ были отравителями по профессіи; привилегированные изъ нихъ ѣздили вслѣдъ за дворомъ и представляли собою нѣкоторымъ образомъ важныхъ придворныхъ чиновниковъ. Когда этихъ полумѣръ оказывалось недостаточно, тиранъ прибѣгалъ къ общей проскрипціи. Такимъ образомъ Каракала, заколовъ собственноручно Гету, объявилъ врагами республики всѣхъ его друзей и приверженцевъ до двадцати тысячъ человѣкъ; а Тиберій, врагъ республики, убилъ всѣхъ друзей и приверженцевъ Сеяна, до тридцати тысячъ. Такимъ же образомъ Сулла въ одинъ только день сжегъ и утопилъ десять тысячъ римлянъ. Если бы у кого-либо изъ императоровъ была преторіанская гвардія изъ тигровъ и пантеръ, они растерзали бы людей не болѣе, чѣмъ доносчики, вольноотпущенники, отравители и разбойники Цезаря; потому что жестокость, вызванная голодомъ, съ утоленіемъ голода прекращается, тогда какъ жестокость, порожаемая страхомъ, алчностью и подозрѣніями тирановъ, не имѣетъ никакихъ границъ. До какого униженія и низости можетъ упасть человѣческій родъ увидишь, когда вспомнишь, что Римъ терпѣлъ надъ собою владычество чудовища, жаловавшагося на то, что его царствованіе не было ознаменовано какимъ-либо бѣдствіемъ — чумой, голодомъ, землетрясеніемъ; завидовавшаго Августу, въ царствованіе котораго была изрублена въ куски цѣлая армія, и царствованію Тиберія, когда подъ развалинами Фиденскаго театра погибло пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; говоря коротко,—такого чудовища, который желалъ, чтобы у римскаго народа была одна голова, которую онъ могъ бы отрубить и выбросить за окно!“

Бэлли.

Затѣмъ онъ перешелъ къ философiи Фенелона, чтобы придать революціи отгѣнокъ политической религіи.

„Нѣкоторые думаютъ, повидимому, что свобода, подобно дѣтству, должна безпрестанно орать и плакать, прежде чѣмъ достигнетъ зрѣлаго возраста. Совершенно наоборотъ: свойство свободы таково, что для того, чтобы наслаждаться ею, достаточно желать ея. Народъ становится свободнымъ съ той минуты, когда онъ этого захочетъ. У свободы нѣтъ ни старости, ни дѣтства, у нея только одинъ возрастъ—возрастъ зрѣлости и силы. Иначе, идущіе на смерть за республику были бы столь же неразумны, какъ и фанатики Вандей, идущіе на смерть ради райскихъ наслажденій, которыми они вовсе не будутъ наслаждаться. Если мы умремъ въ битвѣ, воскреснемъ ли мы черезъ три дня, какъ эти глупые крестьяне? Нѣтъ, свобода, которую я боготворю, не невѣдомый Богъ. Мы сражаемся, чтобы защитить блага, которыя она тотчасъ отдаетъ въ пользованіе тѣмъ, кто вызываетъ къ ней. Декларация правъ, кротость республиканскихъ учрежденій, братство, святое равенство, неприкосновенность нравственныхъ правилъ: вотъ слѣды шествія богини.

„О, дорогіе сограждане, развѣ мы унизимся, если преклонимся передъ такими божествами? Нѣтъ. Свобода, эта свобода, сошедшая съ небесъ, не оперная нимфа, не красный колпакъ, не грязная рубаха и лохмотья; свобода—это счастье, разумъ, равенство, справедливость, это ваша святая конституція. Хотите ли вы, чтобы я призналъ ее, палъ къ ея ногамъ, проливъ за нее всю мою кровь? Откройте темницу тѣмъ двумъстамъ тысячамъ гражданъ, которыхъ вы считаете въ подозрѣніи; потому что въ деклараціи правъ вовсе нѣтъ домовъ для заключенія подозрѣваемыхъ лицъ, а только тюрьмы для осужденныхъ. Подозрѣніе подлежитъ не заточенію въ темницѣ, а сужденію общественнаго обвинителя. Нѣтъ подозрѣваемыхъ лицъ, а есть только лица, преступленія которыхъ предусмотрѣны закономъ; и не думайте, чтобы эта мѣра была гибельна для республики, это самая революціонная мѣра, какую вы когда-либо могли принять. Вы хотите уничтожить всѣхъ своихъ враговъ посредствомъ гильотины; развѣ существовало когда-нибудь большее безуміе! развѣ вы можете погубить хоть одного изъ нихъ на эшафотѣ, не наживъ себѣ враговъ изъ членовъ его семьи и его друзей? Неужели вы думаете, что опасны эти женщины, старики, эти худосочные, эти эгонисты, эти отсталые отъ революціи, которыхъ вы сажаете въ тюрьмы?

„Изъ вашихъ враговъ остались среди васъ только трусливые и больные; храбрые и сильные эмигрировали, погибли въ Ліонѣ и въ Вандеѣ. Всѣ остальные не стоятъ вашего гнѣва. Эта толпа фельянтинцевъ, собственниковъ, лавочниковъ, которыхъ вы вмѣшиваете въ поединокъ между монархіей и республикой, походить на населеніе Рима, о безучастности котораго во время борьбы между Вителіемъ и Веспасіаномъ повѣствуетъ Тацитъ“.

Слово „комитетъ милосердія“, произнесенное имъ, польстило великодушію побѣдителей, утѣшивъ въ несчастіи и слабости побѣжденныхъ.

„Сколько благословеній раздалось бы тогда отовсюду! Я думаю совершенно иначе о тѣхъ, которые говорятъ вамъ, что надо сохрѣнить терроръ, какъ необходимое установленіе. Я убѣжденъ, напротивъ, что будь у васъ комитетъ милосердія, свобода была бы упрочена, а Европа побѣждена. Этотъ комитетъ закончилъ бы революцію, потому что милосердіе мѣра революціонная и самая сильная, когда она употребляется разумно. Пусть безумцы и подлцы называютъ меня умѣреннымъ, если имъ это угодно. Я вовсе не стыжусь того, что я не болѣе нетерпимъ, чѣмъ Маркъ Бругъ. Ну, а вотъ что писалъ Бругъ: „Вы лучше бы сдѣлали, дорогой Цицеронъ, если бы употребили вашу энергію для прекращенія гражданскихъ войнъ, чѣмъ изощрять вашу злобу въ преслѣдованіи побѣжденныхъ“. Извѣстно, что Тразибулъ, овладѣвъ Аѳинами во главѣ изгнанниковъ и осудивъ на смерть тѣхъ тридцать тирановъ, которые не погибли съ орудіемъ въ рукахъ, отнесся съ крайней снисходительностію къ остальнымъ гражданамъ и объявилъ даже общее помилованіе. Неужели скажутъ, что Тразибулъ и Бругъ были фельянтинцы и бриссотинцы? Я согласенъ быть причисленнымъ къ такимъ же умѣреннымъ, какъ эти великіе мужи“.

Затѣмъ онъ снова вернулся къ комитету милосердія:

„При словѣ комитетъ милосердія какой патріотъ не почувствуетъ себя тронутымъ до глубины души? Потому что патріотизмъ есть совокупность всѣхъ добродѣтелей и не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ни челоуѣколюбія, ни благотворительности, но душа сухая и зачерствѣвшая въ эгоизмѣ. О, дорогой мой Робеспьеръ, къ тебѣ я обращаюсь теперь съ рѣчью: я видѣлъ минуту, когда Питту оставалось побѣдить только тебя, когда безъ тебя корабль Арго погибъ бы, республика была бы ввержена въ хаосъ, а партіи якобинцевъ и Горы обратились бы въ вавилонскую башню; но, мой старый товарищъ по коллегіи, ты, чьи блестящія рѣчи будутъ читать потомство, вспомни объ урокахъ исторіи и философіи, гдѣ говорится, что любовь сильнѣе и продолжительнѣе, нежели страхъ; что поклоненіе и религія привлекаютъ благотвореніе; что дѣла милосердія—та воображаемая лѣстница,—какъ намъ говоритъ Тертулліанъ, по которой члены Комитета общественнаго спасенія поднялись до неба и что туда никогда не поднимались по ступенямъ, залитымъ кровью! Ты былъ уже близокъ отъ этого взгляда до такой степени, что составилъ соотвѣтственное постановленіе въ декаду 30 фримера. Правда, что ты предложилъ скорѣе комитетъ правосудія, однако почему милосердіе сдѣлалось бы преступленіемъ въ республикѣ?“

Наконецъ онъ рѣшился обратиться къ Бареру, секретарю Комитета общественнаго спасенія.

„Умѣренные, аристократы, говорить Бареръ, теперь при встрѣчѣ всегда спрашиваютъ другъ друга: „Видѣли вы Старого Саножника!“ Я! защитникъ

аристократовъ, умѣренныхъ! Если только корабль республики, плывущій между двухъ подводныхъ камней, о которыхъ я говорю, подойдетъ слишкомъ близко къ камню умѣренности, то увидать, помогу ли я ему въ этомъ маневрѣ, увидать, умѣренный ли я? Я былъ революціонеромъ прежде всѣхъ васъ; болѣе того, я былъ разбойникомъ, и я гордился этимъ, когда въ ночь съ 12 на 13 іюля 1789 года я и генераль Даниканъ заставляли отпирать лавки оружейниковъ, чтобы вооружить первый баталіонъ санъ-кюлотовъ. Тогда у меня была революціонная отвага. Теперь же, когда я сдѣлался депутатомъ народнаго собранія, смѣлость, которая мнѣ приличествуетъ, есть смѣлость разума—смѣлость высказать откровенно мое мнѣніе.

„Но, мои коллеги, я скажу вамъ какъ Врутъ Цицерону: Мы черезчуръ ужъ боимся смерти, изгнанія и бѣдности: *Nimium timemus mortem et exilium et paupertatum*. Неужели эта жизнь заслуживаетъ того, чтобы представитель продлилъ ее въ ущербъ чести? Среди насъ нѣтъ ни одного, кто не достигъ бы вершины горы жизни. Вамъ остается только спуститься съ нея мимо тысячи пропастей, неизбѣжныхъ даже для самаго незамѣтнаго человѣка. При этомъ спускѣ не откроется для насъ ни одного выхода, ни одного такого положенія, которое не представлялось бы въ тысячу разъ прекраснѣйшимъ того, въ какомъ Саломонъ, среди своихъ семи сотъ женъ, пресыщенный всѣмъ этимъ избыткомъ счастья, говорилъ: „Я нахожу, что мертвые счастливѣе живыхъ и что самый счастливый тотъ, кто никогда не родился“.

17.

Геберъ, опозоренный въ этихъ листкахъ, испускалъ крики отъ боли и ярости подъ стилетомъ Камилла Демулена. Онъ не переставалъ требовать заключенія его изъ якобинцевъ и указывать на него кордельерамъ, какъ на находящагося на жалованіи у суетврія и аристократіи. Бареръ, съ своей стороны, грозилъ Камиллу Демулену въ Комитетѣ общественнаго спасенія и съ трибуны Конвента. Онъ обвинялъ Камилла Демулена въ томъ, что тотъ безчеститъ патріотизмъ и сравниваетъ тяжелый трудъ основателей свободы съ жестокостью тирановъ. Камиллъ, не одобряемый также Дантономъ и порицаемый Робеспьеромъ, началъ чувствовать, что онъ простеръ свою руку между двумя колоссами, которые раздробятъ ее при столкновеніи другъ съ другомъ. Но стыдясь отступить передъ общественнымъ мнѣніемъ, одобвившимъ его первыя воззванія къ милосердію, онъ усугубилъ свое преступленіе въ новыхъ листкахъ, въ которыхъ удвоились какъ краснорѣчіе, такъ и нападки на якобинцевъ.

Геберъ, Ронсенъ, Венсенъ, Моморо, Шометтъ, у которыхъ не хватило рѣшимости въ минуту спора, старались, подобно Камиллу Демулену, лестью отклонить Робеспьера отъ вмѣшательства или расположить къ себѣ. Жена Гебера, монахиня, освобожденная изъ монастыря революціей, достойная лучшаго супруга, бывала въ домѣ у Дюпле. Робеспьеръ относился къ этой женщинѣ съ уваженіемъ, котораго онъ не могъ оказывать Геберу. Она попыталась сблизить его съ своимъ мужемъ. Приглашенная однажды обѣдать къ Дюпле, она пыталась разсѣять подозрѣнія, которыя Робеспьеръ питалъ противъ партіи кордельеровъ. Во время вечера Робеспьеръ намекнулъ Геберу, что сосредото-

точеніе власти въ рукахъ триумвирата, состоящаго изъ Дантона, Гебера и его самого, быть можетъ укрѣпило бы союзъ республики, готовый распасться. Геберъ возразилъ на это, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ ни къ какой иной роли, кромѣ народнаго Аристофана. Робеспьеръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Жена Гебера сказала мужу, когда они уходили, что послѣ такого намека и отказа ему грозитъ смертельная опасность. „Успокойся“, сказалъ Геберъ:— „я не боюсь ни Робеспьера, ни Дантона. Пусть они явятся за мною, если осмѣлятся на это, въ мою Коммуну“.

То объятый страхомъ, то отважный, Геберъ говорилъ не менѣе вызывающе о Дантонѣ и его друзьяхъ въ своемъ листкѣ и съ трибуны кордельеровъ. Рукоплесканія черни, дерзость Венсена, армія Ронсена, не совсѣмъ распущенныя банды Мальяра ободряли Гебера. Онъ открыто поносилъ Комитетъ общественнаго спасенія. Правительству оставалось или поразить этого крамольника, или быть пораженнымъ имъ. Конвенту угрожало новое 31 мая. Онъ требовалъ ареста и казни семидесяти трехъ депутатовъ, приверженцевъ жирондистовъ. Венсенъ распространилъ между кордельерами листки, въ которыхъ онъ говорилъ, что число жителей Ліона, насчитывавшаго пятьдесятъ тысячъ душъ, слѣдовало свести къ тысячи пятистамъ и предоставить Ронѣ схоронить трупы. Шометтъ привлечь въ Коммуну петиціонеровъ секцій, открыто требовавшихъ удаленія зараженной части Конвента. Комитетъ общественнаго спасенія зналъ, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ, объ анархическихъ интригахъ Ронсена. Настало время пресѣчь ихъ. Надо было воспользоваться минутой, когда эти же самые заговорщики грозили Дантону. Такова была побудительная причина пощады и снисходительности Робеспьера среди якобинцевъ по отношенію къ Дантону и Камиллу Демулену. Рѣшившись погубить обѣ партіи, Комитетъ общественнаго спасенія предпринялъ нападеніе на нихъ въ одинъ и тотъ же день. Надо было оставить надежду одному, чтобы тѣмъ легче раздавить другого. Тайна этой политики Комитета сохранялась тщательно. Даже Дантонъ, столь дальновидный, былъ обманутъ. Онъ принялъ долготерпѣніе Робеспьера за союзъ; это была ловушка: онъ попался въ нее. Объ этомъ нѣсколько дней спустя заявилъ крикъ его униженной гордости: „Умереть ничего не значить, но умереть одураченнымъ Робеспьеромъ“.

18.

Венсенъ, Геронъ, Ронсенъ, Мальяръ, главные вожди кордельеровъ, были арестованы по приказанію Комитета общественнаго спасенія по доносу Фабра д'Эглантина, затѣмъ выпущены послѣ доклада Робеспьера. Занятый, повидимому, единственно упроченіемъ власти правительства во всѣхъ партіяхъ, Робеспьеръ прочелъ Конвенту докладъ о принципахъ революціоннаго правленія. Этотъ докладъ бросалъ свѣтъ на его планы и планы Комитета. „Умозрѣнія революціоннаго правленія“, говорилъ онъ въ докладѣ:—„такъ же новы, какъ и породившая ихъ революція. Цѣль конституціоннаго правительства сохранить республику; цѣль революціоннаго правительства основать ее.“

„Революція—это война свободы съ ея врагами. Конституція—это правленіе побѣдоносной и мирной свободы.“

„Революціонное правительство обязано оказывать добрымъ гражданамъ всякое національное покровительство. Оно обязано враговъ народа предавать смерти.

„Оно должно лавировать между двумя опасностями: слабостью и безразсудствомъ, модерантизмамъ и жестокостью.

„Власть его должна быть безгранична. Въ тотъ день, когда она попадетъ въ нечистыя или вѣроломныя руки, свобода погибнетъ.

„Основать Французскую республику вовсе не дѣтская игрушка: горе намъ, если мы уничтожимъ союзъ, вмѣсто того чтобы скрѣпить его! Принесемъ въ жертву ради этой работы наши самолюбія. Сципіонъ, одержавъ побѣду надъ Аннибаломъ и Карфагеномъ, почелъ за славу для себя служить подъ начальствомъ своего врага. Если среди насъ должности въ революціонномъ правительствѣ составляютъ предметъ честолюбія вмѣсто того, чтобы быть тяжелыми обязанностями, значить республика уже погибла.

„Едва мы подавили ложно-философскія насилія противъ религій, едва произнесли здѣсь слово „ультра-революціонеры“, какъ приверженцы роялизма захотѣли примѣнить его къ горячимъ патріотамъ, которые при благихъ намѣреніяхъ впадали зачастую въ ошибки отъ излишняго усердія. Они искали вождей среди васъ. Они надѣются втравить васъ въ драку другъ съ другомъ. Эта злосчастная распря отомстила бы за аристократовъ и жирондистовъ. Надо разрушить ихъ надежды, предавъ суду ихъ сообщниковъ“.

Этотъ обоюдоострый докладъ, повидимому направленный противъ сторонниковъ Гебера, обвинявшихъ Комитетъ общественнаго спасенія въ слабости, и противъ сторонниковъ Дантона, обвинявшихъ его въ чрезмѣрной жестокости, кончился постановленіемъ, повелѣвавшимъ предать немедленно суду Дитриха, мэра Страсбурга, Кюстина, сына генерала, и нѣсколькихъ генераловъ, обвиненныхъ въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это были почти все невинныя жертвы, осужденныя ради примиренія трехъ партій, кровь, вылитая въ Конвентъ на анархію для ея умиротворенія. Эта жертва никого не умиротворила.

19.

Якобинцы были для Комитета общественнаго спасенія орудіемъ для пораженія или побѣды. Робеспьеръ взялся присоединить ихъ къ Конвенту. Онъ изо всѣхъ силъ старался какъ можно чаще появляться на трибунѣ и производить на нихъ обаяніе своимъ именемъ. Эта трибуна сдѣлалась единственнымъ пунктомъ, гдѣ громкогласно обсуждались дѣла республики. Конвентъ притворялся мало разговорчивымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ его руки перешла верховная власть. Властелину нѣтъ надобности говорить, — онъ поражаетъ. Кромѣ того Конвентъ опасался, что онъ разъединится, если будетъ вступать въ споры съ своими врагами. Его достоинство и сила заключались въ его молчаніи. Мнѣніе возникало и высказывалось только у якобинцевъ. Робеспьеръ не упускалъ тамъ ни одного случая, чтобы клеймить или угрожать приверженцамъ Гебера. „Пусть тѣ“, воскликнулъ онъ однажды, глядя на группу, которую образовали Ронсенъ, Венсенъ и кордельеры: — „пусть тѣ, которые хотѣли, чтобы Конвентъ былъ опозоренъ, увидятъ здѣсь предвѣстіе ихъ гибели! пусть они услышатъ предсказаніе о ихъ вѣрной смерти! они будутъ уничтожены“.

Камилль Демуленъ былъ вызванъ въ засѣданіе якобинцевъ 7-го января, чтобы оправдаться въ своихъ кровавыхъ намекахъ противъ террора; онъ явился уже побѣжденный и пробормоталъ свои извиненія. „Слушайте, граждане“, сказалъ онъ: — „Я уже не знаю, что со мною дѣлается. Повсюду меня обвиняютъ, клеветуютъ на меня. Я долго вѣрилъ обвиненіямъ противъ Комитета общественного спасенія. Колло д'Эрбуа увѣрилъ меня, что эти обвиненія составляютъ цѣлый романъ. Я теряю голову. Неужели, по вашему, быть обманутымъ преступленіе?“ — Объяснитесь по поводу „Старого Сапожника“, кричитъ кто-то. Робеспьеръ строго смотритъ на кричащаго. „Недавно“, говоритъ онъ: — „я взялъ подъ свою защиту Камилла Демулена, обвиненнаго якобинцами. Дружба позволяла мнѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно его характера. Но сегодня я принужденъ говорить совсѣмъ въ другомъ духѣ. Онъ обѣщалъ отречься отъ политической ереси, которой покрыты страницы „Старого Сапожника“. Возгордясъ необычайнымъ событіемъ своего памфлета и коварными похвалами, которые расточаютъ ему аристократы, онъ не сошелъ съ того пути, на который онъ вступилъ вслѣдствіе заблужденія. Писанія его опасны. Они поддерживаютъ надежду въ нашихъ врагахъ. Они льстятъ общественной злобѣ. Онъ поклонникъ древнихъ. Онъ наслаждается безсмертными сочиненіями Цицерона и Демосфена. Онъ любитъ филиппики. Это дитя, совратившееся съ истиннаго пути благодаря дурному обществу. Надо строго поступить съ его сочиненіями, отъ которыхъ не отрекся бы даже самъ Бриссо, и спасти его самого. Я требую, чтобы были сожжены эти нумера“.

— Сжечь не значить отвѣтить! воскликнулъ неосторожный памфлетистъ.

— Какъ смѣть, продолжалъ Робеспьеръ: — оправдывать страницы, служащія утѣхою аристократовъ? Знай, Камилль, что если бы ты не былъ Камилломъ, то не было бы такого снисхожденія къ тебѣ.

— Ты меня обвиняешь здѣсь, выразилъ Камилль Демуленъ: — но развѣ я не ходилъ къ тебѣ? Развѣ я не читалъ тебѣ мои листки, заклиная тебя именемъ дружбы наставить меня твоими совѣтами и указать мнѣ путь?

— Ты показалъ мнѣ только часть своихъ листовъ, строго замѣтилъ ему Робеспьеръ: — такъ какъ я не желалъ никакихъ нареканій, то я не хотѣлъ читать остальные. Сказали бы, что я продиктовалъ ихъ тебѣ.

— Граждане, сказалъ тогда Дантонъ: — Камилль Демуленъ не долженъ пугаться нѣсколькихъ строгихъ наставленій, которые ему дѣлаетъ Робеспьеръ. Пусть справедливость и спокойствіе всегда сопровождаютъ ваши рѣшенія! Осуждая Камилла, берегитесь нанести роковой ударъ свободѣ печати!

Эта ссора, предвѣстница еще болѣе ожесточенныхъ ссоръ, не помѣшала Робеспьеру продиктовать свои постановленія Конвенту. „Сдѣлаемте міръ свѣдѣтелемъ нашихъ политическихъ тайнъ, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи отъ 5-го февраля о духѣ республиканскаго правленія. Какова наша цѣль? Царство той вѣчной справедливости, законы которой были начертаны не на мраморѣ и камнѣ, но въ сердцахъ всѣхъ людей, какъ раба, который ихъ забываетъ, такъ и тирана, который ихъ отрицаетъ. Мы хотимъ въ нашей странѣ водворить

правственность вмѣсто эгоизма, честность вмѣсто почести, обязанность вмѣсто благопристойности, разумъ вмѣсто предразсудковъ, то есть всѣ добродѣтели и блага республики вмѣсто пороковъ и лжи монархіи. Правленіе демократическое и республиканское одно только можетъ осуществить эти чудеса; но демократія не есть то состояніе, когда народъ, постоянно находящійся въ сборѣ, самъ руководить всѣми политическими дѣлами, тѣмъ менѣе такое, когда сто тысячъ партій, мѣрами чрезвычайными, несогласованными, противорѣчивыми, рѣшаютъ участь цѣлаго общества. Такое правленіе, если бы оно когда-либо существовало, могло бы привести народъ только къ деспотизму. Демократія — это такое состояніе, когда народъ — властелинъ, управляемый законами, имъ же самимъ выработанными, добивается черезъ своихъ уполномоченныхъ всего того, чего не можетъ достигнуть самъ.

„Не только добродѣтель душа демократіи, но она можетъ существовать только при такомъ правленіи. При монархіи я знаю только одно лицо, которое можетъ любить отечество: это монархъ; потому что у него у одного только есть отечество. Развѣ онъ не одинъ вмѣсто цѣлаго народа? Французы первый народъ въ мірѣ, учредившій истинную демократію, даровавъ всѣмъ людямъ равенство и полныя права гражданамъ, а потому онъ и восторжествуетъ надъ всѣми тиранами! Мы не намѣреваемся устроить Французскую республику по образцу Спарты. Но громъ гремитъ и продолжаетъ угрожать намъ. Если пружина народного правленія во время мира — добродѣтель, во время революцій это одновременно добродѣтель и терроръ. Терроръ не что иное, какъ правосудіе быстрое, строгое, непреклонное. Слѣдовательно онъ исходитъ изъ добродѣтели. Теперешнее правленіе — это деспотизмъ свободы противъ тиранніи, чтобы основать республику. Природа надѣляетъ всякое физическое и духовное существо инстинктомъ самосохраненія — это законъ природы. Пропарствуй тиранніи одинъ только день, и на слѣдующій не останется уже ни одного патріота! „Пощадите роялистов!“ кричатъ намъ. Нѣтъ, пощадите невинность, пощадите слабыхъ, пощадите несчастныхъ, пощадите человѣчества. Заговорщики уже не граждане, а враги. Жалуются на заточеніе въ тюрьмахъ враговъ республики. Подыскиваютъ примѣры въ исторіи тирановъ. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы сокращаемъ судопроизводство, нарушаемъ формальности. Въ Римѣ, когда консулъ открылъ заговоръ и уничтожилъ его въ ту же минуту, казнивъ приверженцевъ Катилины, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ нарушилъ формальности... и кѣмъ? Честолюбивымъ Цезаремъ, который хотѣлъ увеличить свою партію шайкой заговорщиковъ!“

Этотъ намекъ на Дантона и его приверженцевъ заставилъ вздрогнуть Конвентъ, а самого Дантона — поблѣднѣть.

„Дѣя партіи раздражаютъ насъ“, продолжалъ Робеспьеръ: — „одна побуждаетъ насъ быть слабыми, а другая толкаетъ насъ къ крайнимъ мѣрамъ; одна желаетъ обратить свободу въ вакханку, а другая въ проститутку. Подначальные интриганы, часто даже добрые граждане, введенные въ заблужденіе, примыкаютъ то къ той, то къ другой партіи. Но предводители ихъ держатъ сторону королей. Они называютъ себя умѣренными; другіе лже-революціонеры. Хотите ли обуздать мятежниковъ? Первые напоминаютъ вамъ о милосердіи Цезаря!

Они возвѣщаютъ, что такой-то былъ благороденъ, когда служилъ республикѣ,— они уже забыли, когда онъ измѣнилъ ей. Другіе подражаютъ въ безуміяхъ Геліогабалу и Калигулѣ и даже превосходятъ ихъ. Но и океанъ выкидываетъ нечистую пѣну на берега, — развѣ эта пѣна дѣлаетъ океанъ менѣе величественнымъ?“

21.

Этотъ докладъ былъ набатомъ Конвента противъ приверженцевъ Гебера и Дантона. Комитетъ общественного спасенія приказалъ арестовать Граммона, Дюре и Лапалуса, друзей Венсена и Ронсена, обвиненныхъ Кутонемъ въ томъ, что они обезчестили самый терроръ грабежомъ и казнями, обратившими патриотизмъ въ разбой, а народное правосудіе въ убійства.

Гебертисты всполошились. Робеспьеръ, перебравъ ихъ одного за другимъ у яковинцевъ, разбиралъ всѣ ихъ дѣйствія и исключилъ всѣхъ ихъ агентовъ. Найдя себѣ пріютъ у кордельеровъ, они перешли отъ гнѣва къ жалобѣ и отъ угрозъ къ мольбамъ. Сень-Жюсть, которому Робеспьеръ поручилъ изяснить свои принципы правленія въ докладахъ, гдѣ каждое слово было точно отточенное лезвіе ножа и мысли выражены кратко какъ въ приказѣ, прочелъ Конвенту эти изреченія. „Вы желали республики“, говорилъ Сень-Жюсть:— „если вы въ то же время не хотите того, что ее составляетъ, она погребетъ народъ подъ своими развалинами!“

Суровыя выраженія Сень-Жюста навели приверженцевъ Гебера на мысль, что Комитетъ общественного спасенія боится ихъ и прибѣгаетъ къ ихъ языку, чтобы уничтожить ихъ противодѣйствіе. Кутонъ былъ прикованъ къ постели припадками своей болѣзни. Изнурительная болѣзнь Робеспьера, вслѣдствіе которой онъ не появлялся въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Комитетѣ, поощряла ихъ быть смѣлыми. 5-го марта Геберъ, подстрекаемый Ронсеномъ и Венсеномъ, объявилъ кордельерамъ, что необходимо возстаніе. При этомъ словъ всѣ поблѣднѣли. Клубисты одинъ за другимъ покинули залъ. Венсенъ тщетно пытался успокоить слабыхъ и удержать бѣгущихъ. Тщетно онъ покрылъ чернымъ крепомъ статую Свободы. Только одна секція—Единства—во главѣ которой былъ Венсенъ, присоединилась къ нимъ. Большинство секцій остались безучастными. Большое число ихъ, узнавъ о болѣзни Робеспьера, выразили свое безпокойство и тревогу за жизнь человѣка, которая была въ ихъ глазахъ жизнью самой же республики. Секція выбрали депутатовъ, чтобы освѣдомиться о состояніи здоровья Робеспьера и отдать отчетъ въ ходѣ его болѣзни. Добровольное стеченіе народа у дверей простого гражданина дало почувствовать Робеспьеру его силу.

Дантономъ любовались, но его уважали не въ такой степени. „Я представляю примѣръ народной справедливости, способный воодушевить его истинныхъ служителей!“ сказалъ Робеспьеръ Дюпле, сообщившему ему объ этихъ депутаціяхъ:— „Въ теченіе пяти лѣтъ онъ ни на одинъ день не оставилъ меня одного съ моими врагами. Онъ послѣдовалъ бы за мною, несмотря на грозящую ему опасность, даже смерть. Не пришлось бы мнѣ только испытать въ одинъ прекрасный день примѣръ его непостоянства!“

Колло-д'Эрбуа было поручено Комитетомъ общественнаго спасенія замѣнить Робесьера во время засѣданія у якобинцевъ. Тамъ говорили намеками о волненіи въ народѣ. Онъ заклиналъ добрыхъ гражданъ оставаться спокойными и приверженными къ центру правительства. Колло-д'Эрбуа, который примкнулъ бы къ движенію Гебера, если-бы это движеніе имѣло успѣхъ, старался подавить его, потому что оно не удалось. Фуке-Тенвиль былъ призванъ въ Конвентъ, чтобы дать отчетъ о настроеніи въ народѣ. 13-го марта Сень-Жюсть сдѣлалъ поразившій всѣхъ докладъ о существующихъ якобы партіяхъ за границей. Въ нихъ замѣшаны Шабо, Фабръ д'Эглантинъ, Ронсенъ, Венсенъ, Геберъ, Моморо, Дюкроке, полковникъ Сомюръ и еще нѣсколько другихъ темныхъ интригановъ изъ партіи кордельеровъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что смѣшиваетъ ихъ съ роялистами. „Гдѣ же“, сказалъ онъ:—„Тарпейская скала? Тѣ, которые ждуть отъ революціи привилегіи сдѣлаться въ свою очередь столь же развратными, какъ дворянство и богатые при монархіи, ошиблись. Плугъ, поле, хижина, защищенные отъ фиска, семья, защищенная отъ похоти разбойника—вотъ въ чемъ счастье. Чего вы хотите, вы, бѣгущіе по общественнымъ мѣстамъ, чтобы смотрѣли на васъ и говорили объ васъ: „Вотъ это говорить такой-то, вотъ идетъ такой-то!“ вы хотите бросить ремесло отца вашего, чтобы сдѣлаться вліятельными и высокоумными. Знаете ли вы, какая высшая партія въ монархіи? Это классъ ничего не дѣлающій, не могущій обойтись безъ роскоши и безумія, который, не думая ни о чемъ, думаетъ дурно, который предается скукѣ, излишствамъ наслажденій и чувствуетъ отвращеніе къ общественной жизни, который спрашиваетъ себя: „Что говорить новаго?“ который дѣлаетъ предположенія, имѣетъ претензію угадывать мысли правительства и всегда готовъ перейти въ другую партію изъ любопытства. Это люди, которыхъ необходимо обуздывать. Есть другой классъ людей испорченныхъ, это—чиновники. На слѣдующій же день послѣ того, какъ человѣкъ вступаетъ въ отправленіе общественной должности, онъ требуетъ себѣ дворецъ, держать лакеевъ. У жены его появляются брилліанты. Мужъ въ спектакляхъ изъ партера перешелъ въ блестящія ложи. Они всетаки не удовлетворены; необходимо возстаніе, чтобы доставить имъ новую роскошь.

„Подобно страсти къ богатству, страсть къ славѣ дѣлаетъ многихъ мучениками. Находятся люди, готовые, подобно Герострату, сжечь даже храмъ Свободы лишь бы заставить говорить о себѣ. Вотъ откуда возникаютъ эти внезапныя бури. Есть одинъ самый лучшій и самый полезный изъ патріотовъ. Онъ думаетъ, что революція сдѣлана и необходимо простить всѣхъ разбойниковъ. Это угодливое предложеніе было принято всѣми заинтересованными лицами, и вотъ герой готовъ. Итакъ, опредѣлите границы для властей, продолжалъ Сень-Жюсть:—потому что у человѣческаго ума есть свои; у міра тоже есть свои границы, за которыми начинается смерть и небытіе. Даже у мудрости есть свои границы. За свободой начинается рабство, какъ за предѣлами при-

роды хаосъ. Трудныя времена минуютъ. Видите ли вы могилы тѣхъ, которые еще вчера составляли заговоры? Мѣры уже приняты, чтобы узнать виновныхъ. Они окружены“.

Приближалась минута. Ночью Ронсенъ, генераль революціонной арміи, Геберъ, Венсенъ, Моморо, Дюкроке, Кукъ, голландскій банкиръ, Сомюръ, пѣхотный полковникъ и губернаторъ Пондишери, Леклеръ, Перейра, Анархазисъ Клоотцъ, Дефіе, Дюбюиссонъ, Проли были арестованы и водворены къ Консержеру. Къ нимъ отнеслись какъ къ обыкновеннымъ преступникамъ, а не какъ къ политическимъ заговорщикамъ. Встрѣченные насмѣшливыми рукоплесканіями и презрительнымъ шиканьемъ въ темницахъ, которыя были переполнены жертвами, они не встрѣтили утѣшенія въ сочувствіи къ нимъ и сами не выказали благопристойности въ своемъ несчастіи. Они жаловались, плакали. Шпіонъ Робеспьера, заключенный какъ ихъ соучастникъ, чтобы передавать ихъ разговоры между собою, слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ поведеніе въ своихъ тайныхъ донесеніяхъ Комитету общественнаго спасенія: „Одинъ только Ронсенъ казался спокойнымъ. Когда онъ увидалъ, что Моморо пишетъ: „Что ты пишешь?“ спросилъ онъ его:—„Все это бесполезно. Это политическій процессъ. Вы занимались разговорами съ кордельерами въ то время, когда надо было дѣйствовать. Однако, будьте спокойны, прибавилъ онъ, обращаясь къ Геберу и Венсену, народъ и время отомстятъ за насъ. У меня есть ребенокъ, котораго я усыновилъ. Я внушилъ ему стремленіе къ безграничной свободѣ. Когда онъ вырастетъ, онъ не забудетъ незаслуженную смерть своего отца. Онъ заколетъ тѣхъ, кто довелъ насъ до смерти. Для этого необходимъ только ножъ. Необходимо умереть“.

23.

Гебертисты отправились на казнь на пяти телѣжкахъ утромъ 24-го марта 1794 года. Толпа даже не удостоила ихъ своего вниманія. Только когда проѣзжала послѣдняя телѣжка, въ которой находились Анархазисъ Клоотцъ, Венсенъ, Ронсенъ и наконецъ Геберъ, нѣсколько человекъ, подосланные его врагами, держа пучки зажженной пакли на палкахъ, символъ, олицетворявшій собою очаги угольщика отца Дюшена, приблизили ихъ къ лицу Гебера и осыпали его такими же насмѣшками, какими онъ осыпалъ столькожъ жертвъ. Геберъ казался равнодушнымъ. Венсенъ плакалъ. Одинъ только Анархазисъ Клоотцъ сохранялъ на лицѣ свое всегдашнее невозмутимое спокойствіе. Не обращая вниманія на шумъ толпы, онъ до края могилы проповѣдывалъ матеріализмъ своимъ товарищамъ по эшафоту.

Такъ окончила существованіе эта партія, болѣе достойная названія шайки, чѣмъ партіи заговорщиковъ. Уваженіе, которое питалъ Робеспьеръ къ Пашу, побудило его исключить послѣдняго изъ числа осужденныхъ. Робеспьеръ не нашелъ мэра Парижа ни достаточно порочнымъ, ни достаточно смѣлымъ, чтобы быть угрозой правительству. Когда совѣтъ Коммуны распался, Пашъ остался въ ратушѣ не болѣе какъ безрукимъ истуканомъ, годнымъ только на то, чтобы обезпечить Конвенту покорность народа. Вскорѣ затѣмъ арестовали Шометта, епископа Гобеля, Геро де-Сешеля и Симона, раздѣлявшаго съ нимъ

власть въ Савойѣ. Такимъ образомъ, у Дантона отнимали одного за другимъ людей, служившихъ ему поддержкой. Дантонъ ничего не замѣчалъ или же, чувствуя свое безсиліе, притворялся, что ничего не видитъ.

Робеспьеръ, удалившійся послѣ побѣды надъ гебертистами въ свое убѣжище, продолжалъ приводить въ исполненіе свой планъ очищенія республики. Онъ написалъ собственноручно проектъ доклада по дѣлу Шабо, который былъ найденъ неоконченнымъ среди его бумагъ. Въ этомъ докладѣ, придававшемъ ничтожнымъ интригамъ характеръ заговора, Шабо выставлялся заговорщикомъ. Это былъ человѣкъ самый заурядный. Мрачно настроенное воображеніе Робеспьера преувеличило все. Его политика, согласовавшаяся съ его подозрительностью, настаивала на необходимости поддержанія великаго террора въ Конвентѣ, чтобы приготовить его къ принесенію большихъ жертвъ и къ тому, чтобы исторгнуть изъ него самого Дантона, этого любимца Горы.

„Представители народа“, говорилъ Робеспьеръ въ своемъ докладѣ: — „могутъ найти покой только въ могилѣ; измѣнники умираютъ, но измѣна остается“. Вслѣдъ за этимъ возгласомъ отчаянія онъ перешелъ къ изслѣдованію несчастій своей родины, слабостей Конвента, недостатковъ многихъ его членовъ; онъ приписалъ все это плану, навѣянному изъ-заграницы, цѣль котораго была развратить и разстроить республику и путемъ преступленій, волненій и измѣн сдѣлать изъ нея снова королевство. Далѣе онъ разсказывалъ, какъ Шабо, влѣдствіе соблазна или общности взглядовъ, женился на сестрѣ австрійскаго банкира Фрея, при чемъ получилъ за нею въ приданое двѣсти тысячъ франковъ; какъ ему поручено подкупить депутата, который долженъ былъ сдѣлать докладъ объ Индійской компаніи, составивъ его въ благопріятномъ для иностранныхъ спекуляторовъ духѣ; какъ наконецъ Шабо позже продѣлалъ этотъ маневръ, въ которомъ онъ былъ заинтересованъ, въ комитетѣ общей безопасности. Этотъ докладъ Робеспьера не былъ законченъ влѣдствіе болѣзни, но Фабръ д'Эглантинъ, Базиръ и Шабо были заключены въ тюрьму по приказанію Комитета, какъ совращенные или совратители. Имена этихъ трехъ депутатовъ, извѣстныхъ своею близостью съ Дантономъ, повидимому служили общественному мнѣнію указаніемъ того, что приближенные Дантона не были невинны, друзья его не были неподкупны и что возможно, что даже онъ самъ зналъ объ этихъ злоупотребленіяхъ.

LV.

Робеспьеръ, Дантонъ. — Ихъ свиданіе. — Сень-Жюсть у Робеспьера. — Бездѣйствіе Дантона. — Тайное засѣданіе трехъ комитетовъ. — Рѣчь Сень-Жюста. — Онъ требуетъ ареста Дантона и его сообщниковъ. — Дантонъ, Камилль Демуленъ, Филиппо, Лакруа и Вестерманъ арестованы. — Ихъ прибытіе въ Люксембургъ. — Засѣданіе Конвента. — Рѣчь Лежандра. — Отвѣтъ Робеспьера. — Докладъ Сень-Жюста. — Проектъ декрета противъ Дантона и его сообщниковъ. — Единогласное постановленіе. — Дантонъ въ тюрьмѣ. — Камилль Демуленъ — Его жена. — Процессъ обвиняемыхъ. — Приговоръ надъ ними. — Ихъ казнь. — Мнѣніе о Дантонѣ.

1.

Между тѣмъ Робеспьеръ все еще медлил нанести ударъ Дантону. Вслѣдствіе его нерѣшительности, а также колебанія Сень-Жюста и Кутона, на котораго онъ имѣлъ вліяніе, невидимая смерть витала надъ головой этого стариннаго противника. Хотя Робеспьеръ не уважалъ его, но и не ненавидѣлъ и пересталъ опасаться его. Если бы этотъ человѣкъ былъ болѣе неподкупенъ, Робеспьеръ охотно раздѣлилъ бы съ нимъ власть. И этотъ Антоній дополнилъ бы Лепида. Дантонъ былъ одаренъ отъ природы именно тѣми качествами, которыхъ недоставало Робеспьеру: вѣрностью взгляда и порывомъ вдохновенія. Одинъ былъ душою, а другой — рукою революціи. Гражданское мужество было устойчивѣе у Робеспьера; мужество физическое проявлялось быстрѣе и было инстинктивнѣе у Дантона. Эти два человѣка, соединившись вмѣстѣ, составили бы тѣло и душу республики. Но Робеспьеръ отталкивалъ даже самую мысль о нечистомъ союзѣ съ матеріализмомъ Дантона. „Вступить своею мыслью въ недостойный союзъ не значитъ придать ей больше силы“, говорилъ онъ: — „а погубить. Побѣжденная, но незапятнанная добродѣтель могущественнѣе торжествующаго порока“.

Онъ сильно волновался въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, прежде чѣмъ пришелъ къ рѣшенію. Часто слышали его возгласы: „Ахъ! если бы Дантонъ былъ честный человѣкъ! если бы онъ былъ истый республиканецъ... Какъ бы я хотѣлъ имѣть фонарь греческаго философа“, сказалъ онъ однажды: — „чтобы прочесть въ сердцѣ Дантона и узнать, кто онъ — другъ или врагъ республики!“

Якобинцы менѣе колебались въ своихъ подозрѣніяхъ. Дантонъ, въ ихъ

глазахъ, былъ не болѣе какъ глиняный идолъ народа, который разрушится при первомъ же ливнѣ.

Они говорили, что у толпы слѣдовало отнять этого бога, чтобы заставить ее поклоняться чистой революціонной добродѣтели. Этотъ Периклъ порочныхъ Афинъ не годился для Спарты.

Робеспьеръ соглашался съ этимъ, однако колебался высказаться. Онъ мысленно спрашивалъ себя, не перейдетъ ли могущественная популярность Дантона въ партіи Горы, послѣ его смерти, къ другимъ второстепеннымъ лицамъ, столь же порочнымъ, но менѣе вліятельнымъ и болѣе вѣроломнымъ, чѣмъ Дантонъ; не лучше ли дѣлить вмѣстѣ съ нимъ вліяніе въ Конвентѣ, чѣмъ предоставлять это вліяніе случайно другимъ лицамъ, которыя сдѣлаются популярными, исчезнуть ли въ республикѣ пороки со смертью порочнаго человѣка; не почувствуетъ ли отечество и онъ самъ во время предстоящей великой борьбы правительства съ все увеличивающимися партіями отсутствіе Дантона, его голоса и энергіи; наконецъ, эта кровь второго изъ революціонеровъ, которую онъ собирается пролить, не возбудитъ ли у какого-нибудь отважнаго негодяя жажду крови перваго изъ революціонеровъ; не останется ли могила его сотоварища отверзтой наѣвки, подобно капкану, у подножія трибуны, гдѣ уже находилась могила Верньо; будетъ ли хорошимъ примѣромъ для потомства и благопріятнымъ предзнаменованіемъ для него самого, если онъ выроетъ могилу посреди Конвента и воздвигнетъ пьедесталъ изъ труповъ своихъ соперниковъ.

Наконецъ врожденное чувство Робеспьера, подавленное, но не совсѣмъ заглушенное, внутренне возмутилось противъ жестокихъ требованій его политики. Дантонъ былъ, правда, его соперникъ, но онъ былъ также самымъ стариннымъ и извѣстнымъ товарищемъ въ его революціонной карьерѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ борьбы, поражений и побѣдъ они неустанно сражались вмѣстѣ, чтобы ниспровергнуть королевство, спасти страну и основать республику. Ихъ души, рѣчи, бессонныя ночи, потъ смѣшались во время ихъ общей работы, во время опасностей, во время основанія республики. Они садились на однѣ и тѣ же скамьи. Они встрѣчались въ однихъ и тѣхъ же клубахъ. Они никогда не оскорбляли другъ друга. Они всегда чувствовали, по крайней мѣрѣ, выказывали, — взаимное уваженіе и восхищеніе, трогавшія всѣхъ; они неизмѣнно защищались отъ общихъ враговъ. Въ республикѣ было достаточно мѣста для двухъ великихъ, хотя различныхъ честолюбій.

Притомъ же Дантонъ былъ молодъ, отецъ дѣтей, которыя должны были скоро осиротѣть, влюбленный въ свою молодую жену, которую предпочиталъ всемогуществу и которая заглушила въ немъ его честолюбіе.

Кутонъ, Леба, Сентъ-Жюсть были свидѣтелями и повѣренными колебаній Робеспьера. Казалось, онъ хотѣлъ, чтобы нравственная сила исторгла у него согласіе, которое онъ не рѣшался произнести. Однажды вечеромъ онъ вернулся домой съ сіяющимъ лицомъ, какое бываетъ у человѣка, принявшаго великодушное рѣшеніе. „Я вырвалъ у нихъ богатую добычу“, сказалъ онъ Субербьею: — „быть можетъ великаго преступника; но я такой же присяжный народа, какъ и ты, а моя совѣсть не была достаточно освѣдомлена“. Впослѣдствіи Субербьея понялъ, что онъ говорилъ о Дантонѣ.

Дантонъ, какъ мы видѣли, добровольно удалился изъ Комитета общественнаго спасенія, чтобы заглушить зависть, возбуждаемую его величьемъ, или же для того, чтобы спокойно насладиться досугомъ, который былъ для него дороже честолюбія. Любовь, наука, дружба, изрѣдка работа для Конвента, нѣсколько слабыхъ интригъ и слишкомъ явныхъ надеждъ вернуться къ власти наполняли его время. Онъ часто собиралъ въ Севрѣ своихъ друзей Филиппо, Лежандра, Лакруа, Фабра д'Эглантина, Камилла Демулена, Базира, Вестермана и нѣсколькихъ политиковъ Горы. Эти люди, бывшіе только веселыми собесѣдниками, прослыли заговорщиками. Дантонъ, несдержанный въ выраженіяхъ, откровенничалъ въ укоризненныхъ и кровавыхъ порицаніяхъ правительства. Слишкомъ нерѣшительный для человѣка, желающаго ниспровергнуть диктатуру, слишкомъ смѣлый для человѣка, еще не рѣшившагося напасть на нее, онъ принималъ тонъ терпѣливаго заговорщика, имѣющаго въ рукахъ силу все ниспровергнуть, но предпочитающаго не пользоваться этой силой. Онъ дѣлалъ видъ, что предоставилъ Комитету общественнаго спасенія существовать только для того, чтобы доказать его несостоятельность, и до того момента, когда ему вздумается прекратить его существованіе. „Франція думаетъ, что можетъ обойтись безъ меня,—посмотримъ“, часто говорилъ онъ.

Онъ не щадилъ Робеспьера, который всегда казался ему матафизикомъ, драпирующимся въ свою добродѣтель, запутавшимся въ своихъ системахъ, а теперь еще и завязшимъ въ крови. „Дантонъ“, сказалъ ему однажды Фабръ д'Эглантинъ:—„знаешь ли ты, въ чемъ обвиняють тебя? Говорятъ, что ты пустилъ колесницу революціи единственно для того, чтобы обогатиться, тогда какъ Робеспьеръ остался бѣднякомъ среди сокровищъ монархіи, повергнутыхъ къ его ногамъ“. — А знаешь, что это доказываетъ?“ отвѣчалъ ему на это Дантонъ:—„То, что я люблю золото, а Робеспьеръ кровь! Робеспьеръ, добавилъ онъ, боится денегъ, потому что онѣ пачкають руки“. Говорили, что Дантонъ настоялъ на томъ, чтобы Конвентъ назначилъ значительныя суммы для содержанія Комитета общественнаго спасенія, чтобъ навлечь на неподкупность Робеспьера подозрѣнія, которыя возводились на него самого. Лакруа и онъ, какъ говорили, привезли много награбленныхъ сокровищъ послѣ своей командировки въ Бельгію. Не желая владѣть ими отъ своего имени, они перевели ихъ на имя бывшей директрисы придворнаго театра, мадемуазель Монтансье. Она употребила ихъ на постройку на свое имя зданія Оперы, хотя доходы съ него шли въ ихъ пользу. Говорили также, будто нѣкоторые изъ украденныхъ въ придворныхъ кладовыхъ брилліантовъ попали въ руки одного изъ агентовъ Дантона. Съ тѣхъ поръ какъ Комитетъ общественнаго спасенія правилъ черезъ посредство палача, Дантонъ выказывалъ отвращеніе къ крови и старался присвоить своей партіи названіе партіи милосердія. Положивъ начало своей популярности жестокостью, онъ старался упрочить ее великодушіемъ. Онъ выказывалъ знаки сочувствія, жертвовалъ и выставялъ себя буду-

щимъ мстителемъ. Онъ подсказывалъ Камиллу Демулену филиппики противъ террора и намеки на Робеспьера. Онъ превратилъ гуманность въ крамолу. Эта крамола имѣла цѣлью постоянныя нападки на Комитетъ общественного спасенія и въ особенности на Колло д'Эрбуа, Билло-Варенна и Барера, руководителей и орудія терроризма. Съ той минуты какъ администрація имѣла обвинителя въ лицѣ такого человѣка, какъ Дантонъ, эта администрація была въ опасности. При такомъ правительствѣ, вся сила котораго заключалась въ жестокости, всякій призывъ къ милосердію являлся призывомъ къ возстанію.

3.

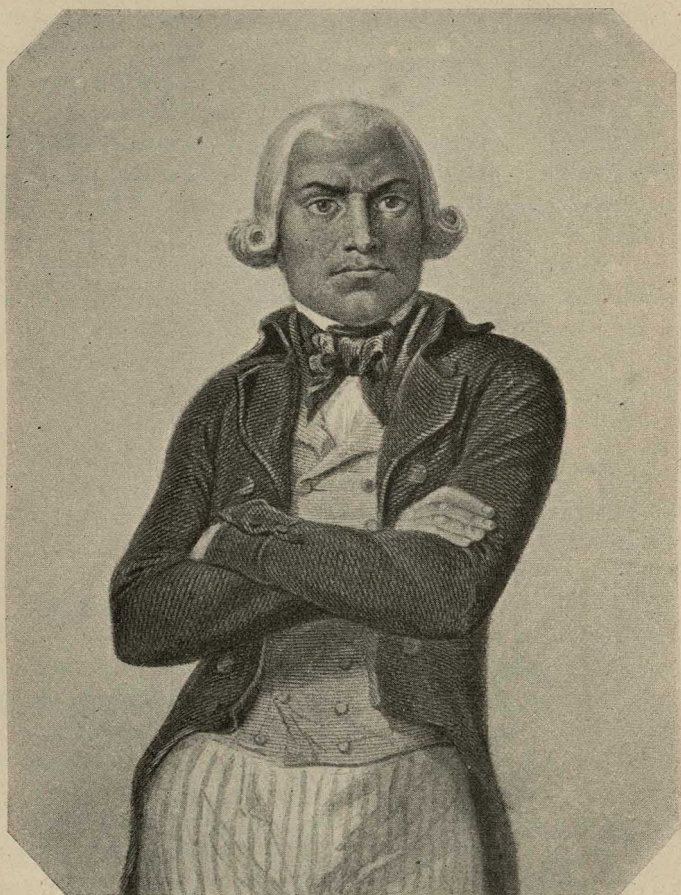
Неизбѣжность столкновенія между Робеспьеромъ и Дантономъ была очевидна для всѣхъ разумныхъ монтаньяровъ. Принужденные выбирать между этими двумя лицами, они чувствовали, что сердце ихъ на сторонѣ Дантона, а разумъ на сторонѣ Робеспьера. Они обожали перваго, чьи рѣчи такъ часто разжигали въ нихъ огонь патріотизма; втораго они скорѣе боялись, чѣмъ уважали. Его сосредоточенный характеръ, холодная внѣшность, высокомерная рѣчь дѣлали невозможнымъ сближеніе съ нимъ и расхолаживали увлеченіе. Это былъ человекъ, котораго надо было видѣть въ перспективѣ, на извѣстномъ разстояніи, чтобы менѣе бояться и менѣе ненавидѣть. Народъ въ массѣ могъ обожать его, какъ своего идола. Его сотоварищи не рѣшались любить его. Но депутаты-сторонники Горы не обманывали себя въ томъ, что если Дантонъ располагалъ въ свою пользу ихъ сердца, зато Робеспьеръ былъ законодателемъ въ ихъ духѣ и что, еслибы не было Робеспьера, республика обратилась бы въ диктатуру безъ единства и въ мятежъ безъ опредѣленнаго направленія. Ему одному были извѣстны тайны пути и онъ одинъ велъ демократію въ постоянно исчезающую гавань, куда они надѣялись добраться черезъ это море крови. Итакъ монтаньяры не могли рѣшиться на потерю одного изъ этихъ людей; но, если бы это было необходимо, они послѣдовали бы за Робеспьеромъ, оплакивая Дантона. Они еще надѣялись сохранить ихъ обоихъ.

Услужливые посредники старались устроить объясненіе между ними. Робеспьеръ согласился. Онъ искренно желалъ убѣдиться въ невинности Дантона, чтобы не быть вынужденнымъ погубить его. Оба предводителя согласились на свиданіе. Оно состоялось въ Шарантонѣ на обѣдѣ у Паниса, ихъ общаго друга. Немногіе приглашенные, одушевленные горячимъ желаніемъ предупредить великій расколъ въ республикѣ, въ началѣ бесѣды тщательно избѣгали щекотливыхъ вопросовъ, которые могли бы привести къ спорамъ. Это имъ удалось. Начало обѣда прошло мирно. Дантонъ былъ откровененъ. Робеспьеръ спокоенъ. Это было хорошимъ предзнаменованіемъ возстановленія согласія между двумя лицами, личныя отношенія которыхъ могли прекратить борьбу двухъ партій.

Однако къ концу обѣда все измѣнилось, потому ли, что высокомерный Дантонъ усмотрѣлъ въ присутствіи Робеспьера признакъ слабости или вино развязало ему языкъ, или же гордость не допустила его скрыть презрѣніе, которое онъ питалъ къ Робеспьеру и его приверженцамъ. Между двумя собесѣдниками завязался разговоръ, сначала натянутый, потомъ желчный и наконецъ онъ принялъ угрожающій характеръ. „Отъ насъ двоихъ зависить, бу-

детъ ли миръ или война въ республикѣ“, сказалъ Дантонъ:—„и горе тому, кто объявить ее! Я стою за миръ, хочу согласія, но не отдамъ своей головы тридцати тиранамъ“.—Кого вы называете тираномъ?—спросилъ Робеспьеръ:—Въ республикѣ нѣтъ иной тиранніи,—кромѣ тиранніи отечества.—„Отечество!“ воскликнулъ Дантонъ:—„неужели оно составляетъ то самозванное сборище диктаторовъ, изъ которыхъ одни жаждутъ моей крови, а другіе не имѣютъ мужества отказать въ ней“.—Вы ошибаетесь, возразилъ Робеспьеръ:—Комитетъ жаждетъ только справедливости и учреждаетъ надзоръ лишь за дурными гражданами. Но развѣ могутъ считаться хорошими гражданами тѣ, которые хѣтятъ разоружить республику въ разгаръ борьбы и увѣнчать себя ореоломъ снисходительности въ то время, когда мы взамѣнъ этого принимаемъ на себя ненависть и нареканіе за строгость?—„Это намекъ?“—спросилъ Дантонъ.—Нѣтъ, это обвиненіе!—отвѣтилъ Робеспьеръ.—„Ваши друзья хотятъ моей смерти?“—А ваши хотятъ смерти республики“. Въѣхались другіе гости. Ихъ успокоили и почти что примирили. „Комитетъ общественного спасенія“, сказалъ Робеспьеръ:—„не только не хочетъ вашей смерти, но онъ пламенно желаетъ усилить правительство самымъ выдающимся представителемъ Горы. Развѣ я пришелъ бы сюда, еслибы я хотѣлъ вашей смерти? Развѣ я протянулъ бы руку тому, кого замышляю убить? Между нами сѣютъ клевету. Дантонъ, будьте осторожны! Принимая друзей за враговъ, ихъ иногда заставляютъ обращаться въ таковыхъ. Посмотримъ, не можемъ ли мы придти къ соглашенію? Не вынуждена ли власть становиться жестокой въ случаяхъ крайней опасности?“—Да, сказалъ Дантонъ, но она никогда не должна быть неумолимой. Гнѣвъ народа это—порывъ. Ваши эшафоты—это система. Придуманный мною революціонный судъ долженъ былъ служить оплотомъ; вы превратили его въ бойню. Вы поражаете безъ разбора!—„Сентябрь не разбиралъ“, съ усмѣшкой, замѣтилъ Робеспьеръ.—Сентябрь возразилъ Дантонъ:—былъ необдуманнымъ инстинктомъ, анонимнымъ грѣхомъ, который никто не прощаетъ, но за который никого нельзя покарать въ народѣ. Комитетъ общественного спасенія проливаетъ кровь каплю по каплѣ, какъ бы для того, чтобы поддержать ужасъ и привычку къ казнямъ“.—Есть люди, предпочитающіе, чтобы она текла ручьями, замѣтилъ Робеспьеръ.—„Вы казните столько же невинныхъ, какъ и виновныхъ“.—Казненъ ли хотя бы одинъ человѣкъ безъ суда? Поразили ли хоть одну голову, не осужденную закономъ?“ При этихъ словахъ Дантонъ горько и вызывающе разсмѣялся. „Невинные! невинные! воскликнулъ онъ:—передъ этимъ Комитетомъ, предоставившимъ выбирать виновныхъ въ Ліонѣ ядрамъ и въ Нантѣ — Луарѣ! Ты шутишь, Робеспьеръ! Вы считаете за преступленіе ненависть, которую питаютъ къ вамъ! Вы объявляете виновными всѣхъ вашихъ враговъ!—„Нѣтъ!“ сказалъ Робеспьеръ:—„и доказательство тому, что ты живъ“!

Съ этими словами Робеспьеръ всталъ и вышелъ съ явными признаками раздраженія и гнѣва. Онъ не произнесъ ни слова во время переѣзда изъ Шарантона до улицы Сентъ-Оноре. У дверей своего дома онъ сказалъ сопровождавшему его другу: „Ты видишь, этого человѣка невозможно привлечь на сторону правительства. Онъ хочетъ востановить свою популярность въ

Друетъ.

ущербъ республикѣ. Внутри онъ совращаетъ ее, извнѣ угрожаетъ ей. Мы не настолько могущественны, чтобы пренебрегать Дантономъ, и слишкомъ отважны, чтобы бояться его; мы хотимъ мира—онъ хочетъ войны и дождется ея!“

Вернувшись домой, Робеспьеръ тотчасъ же послалъ за Сень-Жюстомъ. Они просидѣли, запершись, большую часть ночи и по нѣсколько часовъ два послѣдующіе дня. Предполагаютъ, что во время этихъ продолжительныхъ бесѣдъ они обдумывали и составляли доклады и рѣчи, которыми готовились разразиться противъ Дантона и его друзей.

4.

Дантонъ провелъ эти два дня въ Севрѣ, повидимому не предвидя и не желая отвратить грозу, надвигавшуюся на него. Тщетно Лежандръ, Лакруа, юный Русселенъ, Камилль Демуленъ, Вестерманъ умоляли его принять мѣры предосторожности для огражденія себя и предупредить дѣйствія Комитета общественнаго спасенія бѣгствомъ или отвагой. „Гора предана тебѣ“, говорилъ Вестерманъ. — „Общественное сочувствіе на нашей сторонѣ“, говорилъ ему Русселенъ: народное состраданіе обратится въ ярость при звукѣ твоего голоса“. Дантонъ улыбался равнодушно и гордо. „Не время“, возражалъ онъ:—„и притомъ пришлось бы пролить кровь, а я усталъ проливать ее. Я прожилъ достаточно и не хотѣлъ бы покушать ее такой цѣной. Я предпочитаю самъ умереть на гильотинѣ, чѣмъ гильотинировать другихъ. Къ тому же они не дерзнутъ напасть на меня,—я сильнѣе ихъ!“

Онъ говорилъ, быть можетъ, не то, что думалъ. Онъ показывалъ спокойствіе, чтобы оправдать свое бездѣйствіе. Но на самомъ дѣлѣ онъ бездѣйствовалъ потому, что не могъ больше дѣйствовать. Дантонъ былъ огромной силой, но эта сила потеряла точку, чтобы утвердить свой рычагъ и поднять республику. Положиться на якобинцевъ? Но онъ предалъ ихъ Робеспьеру. На кордельеровъ?—Онъ предоставилъ ихъ Геберу. На Конвентъ?—Уходя, онъ подчинилъ его Комитету общественнаго спасенія. Онъ былъ точно въ тискахъ, безоруженъ и всюду лишился вліянія; на его сторонѣ были только самыя холодныя и бездѣятельныя народныя чувства: состраданіе и страхъ. Онъ могъ взывать только къ смутному ропоту общественнаго мнѣнія. Притомъ могъ ли сентябрскій дѣятель быть въ самомъ дѣлѣ милосерднымъ? Могла ли революція гуманности олицетвориться въ лицѣ Марія? Имѣлъ ли онъ право касаться народной совѣсти обгащенными кровью руками? Не погибъ ли онъ подъ своимъ прошлымъ? Не составилось ли убѣжденіе въ его лицемеріи? Онъ чувствовалъ это, хотя и не сознавался. Онъ напускалъ на себя притворную безпечность. Онъ облакался въ свою утраченную популярность, какъ въ неотъемлемую собственность, чтобы этимъ оправдать свою бездѣятельность.

Сень-Жюстъ, Робеспьеръ, Бареръ, Комитетъ не ошибались. Они знали, что неожиданно раздавшееся краснорѣчивое слово Дантона можетъ совратить Конвентъ и вернуть Горѣ представителя, слава котораго еще не погасла. Они хотѣли безоружить гиганта передъ тѣмъ какъ вступить съ нимъ въ бой. Опасность во время засѣданія казалось имъ слишкомъ грозной, могущей низвергнуть ихъ. Ничья рѣчь, ни даже самого Робеспьера, не имѣла такого

увлекательнаго дѣйствія, какъ рѣчь Дантона. Молчаніе было благоразуміе всего, а тайна всего безопасіе. Они дѣйствовали подобно венеціанскому Сенату, а не римскимъ комиціямъ; тюрьму они поставили на мѣсто суда.

5.

Комитетъ общественнаго спасенія созвалъ въ ночь съ 30-го на 31-ое марта въ тайное засѣданіе членовъ Комитета общественной безопасности и законодательнаго Комитета. Никто не подозрѣвалъ ужаснаго заговора, въ которомъ долженъ былъ участвовать помимо своей воли. У Дантона были друзья въ обоихъ комитетахъ, трусливые, боявшіеся объявить невиннымъ того, кого Робеспьеръ находилъ виновнымъ. Лица у всѣхъ были угрюмы, всѣ избѣгали смотрѣть другъ на друга, никакіе частные разговоры не предшествовали совѣщанію. Сень-Жюсть болѣе рѣзкимъ, болѣе металлическимъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно, началъ съ того, что потребовалъ, чтобы предстоящее совѣщаніе, такъ же какъ и рѣшеніе, которое будетъ принято, были сохранены въ тайнѣ. Затѣмъ, какъ будто не отдавая себѣ отчета въ значеніи собственнаго предложенія, онъ сказалъ, „что подъ республику подведенъ подкопъ въ самомъ Конвентѣ; что человѣкъ, бывшій долгое время полезнымъ, теперь сдѣлавшійся опаснымъ, всегда бывшій эгоистомъ, притворился, что удаляется изъ правительственныхъ комитетовъ, чтобы не имѣть ничего общаго съ своими сотоварищами и обвинить ихъ затѣмъ въ покушеніи на цѣлость родины; что этотъ человѣкъ, привыкшій къ заговорамъ, пресыщенный богатствомъ, уличенный въ преступныхъ сношеніяхъ сначала со дворомъ, затѣмъ съ Дюмуре, потомъ съ Жирондой и наконецъ съ лъстецами революціи, замышлялъ теперь самое крупное предательство — предательство по отношенію къ милосердію! Что подъ личиною этой лицемѣрной гуманности онъ извращаетъ мысли, усиливаетъ ропотъ, возбуждаетъ умы, сѣетъ раздоръ въ національномъ представительствѣ, поддерживаетъ надежду Вандеи, быть можетъ, состоитъ въ перепискѣ съ изгнанными тиранами, что подъ наружной бездѣятельностью собираетъ вокругъ себя всѣхъ порочныхъ, слабыхъ и переменчивыхъ людей республики; что онъ назначаетъ имъ роли и внушаетъ имъ, чтобы они порицали спасительныя мѣры строгости комитетовъ; что произошла бы революція, если бы прошлыя и сомнительныя заслуги этого человѣка, въ глазахъ частныхъ патріотовъ, покрывали бы его теперешнія преступленія и въ особенности будущія; что худшей изъ контръ-революцій была бы та, которую достало бы вѣроломства допустить произвести самому народу; что худшимъ изъ правленій была бы республика, попавшая въ руки наиболѣе испорченныхъ лже-демагоговъ; что этотъ человѣкъ заключалъ въ себѣ одною народную контръ-революцію!... Этотъ человѣкъ... вы уже всѣ называли имя этого человѣка, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, это — Дантонъ! Его преступленія подтверждаются уже самымъ молчаніемъ, которое вы храните при его имени! Если бы онъ былъ невиновенъ, вашъ ропотъ уже прервалъ бы меня. Никто не вѣритъ въ его невинность. Всѣ считаютъ его опаснымъ. Будемъ же имѣть мужество отстаивать свои убѣжденія. Будемъ непоколебимы въ исполненіи своего долга! Я требую, чтобы Дантонъ и его

главные сообщники Лакруа, Филиппо и Камилль Демуленъ были арестованы сегодня же ночью и преданы революціонному суду!“

Всѣ взглянули на Робеспьера. Робеспьеръ, выразившій свое негодованіе въ первый разъ, когда Билло-Вареннъ предложилъ арестовать Дантона, въ этотъ разъ молчалъ. Всѣ поняли, что Сень-Жюсть говорилъ съ его одобренія. Никто не осмѣлился выразить колебаніе, когда Робеспьеръ, повидимому, принялъ рѣшеніе. Бареръ и его сотоварищи подписали приказъ. Молчаніе являлось необходимымъ само собою. Болтливость свидѣтельствовала бы о соучастіи, а соучастіе было равносильно приговору.

Однако одинъ изъ нисшихъ служащихъ въ конторѣ Комитета, по имени Парисъ, слышалъ сквозь щель въ дверяхъ нѣсколько словъ изъ рѣчи Сень-Жюста. Онъ побѣжалъ къ Дантону и разсказалъ ему, что его имя, повторенное нѣсколько разъ въ соединенномъ засѣданіи трехъ совѣтовъ, должно было заставить его опасаться зловѣщаго для него рѣшенія. Онъ предложилъ ему вѣрное убѣжище, гдѣ онъ могъ бы переждать грозу. Молодая жена Дантона, движимая любовью бросилась, въ слезахъ, къ ногамъ своего мужа и заклинала его своею любовью и своихъ дѣтей послушаться этого предостереженія и укрыться на нѣкоторое время отъ враговъ. Дантонъ отказался отъ этого предложенія, или не довѣряя этому извѣстію, или же считая унижительнымъ бѣжать отъ смерти, а быть можетъ онъ усталъ жить въ постоянномъ страхѣ, который Цезарь считалъ ужаснѣе самой смерти. „Они долго будутъ совѣщаться, прежде чѣмъ нанесутъ ударъ такому человѣку, какъ я“, сказалъ онъ: — „они будутъ совѣщаться безконечно, и это я нападу на нихъ“. Онъ также отказался отъ мысли искать убѣжища за границей. „Возможно ли унести родину на подошвѣ своихъ сапоговъ?“ воскликнулъ онъ. Онъ простился съ Парисомъ. Онъ прочелъ нѣсколько страницъ и заснулъ. Въ шесть часовъ утра жандармы постучались въ его дверь и предъявили ему приказъ Комитета. „Итакъ, они осмѣлились!“ сказалъ онъ, скомкавъ приказъ въ рукѣ: — „значитъ они смѣлѣе, чѣмъ я думалъ.“ Онъ одѣлся, порывисто обнялъ жену, успокоилъ ее относительно себя, умоляя ее жить и послѣдовать за жандармами, которые препроводили его въ Люксембургскую тюрьму.

Въ тотъ же самый часъ Камилла Демулена вырвали изъ объятій Люсили. „Я отправляюсь въ тюрьму“, сказалъ онъ, выходя изъ дома: — „изъ-за того, что пожалѣлъ жертвъ; если я умру, то мое единственное сожалѣніе будетъ состоять въ томъ, что я не могъ спасти ихъ!“

Филиппо, Лакруа и Вестерманъ были заключены одновременно съ ними въ Люксембургъ. Геро де-Сешель, Фабръ д'Эглантинъ, Шабо, де-Лонэ уже находились тамъ. Имя Дантона удивило всѣхъ въ тюрьмѣ. Заключенные изъ всѣхъ партій, въ особенности роялисты, столпились, чтобы видѣть это великое издѣвательство республики. Эта насмѣшка судьбы болѣе всѣхъ другихъ чувствъ угнетала Дантона, и онъ старался по мѣрѣ возможности освободиться отъ него. „Ну, да“, сказалъ онъ поднявъ голову и расхохотавшись дѣланнымъ смѣхомъ, такъ не согласовавшимся съ его положеніемъ: — „это Дантонъ! Посмотрите на него внимательно! Шутка хорошо сыграна, сознаюсь въ этомъ. Я бы никогда не повѣрилъ, что Робеспьеръ такъ обойдетъ меня! Надо умѣть

рукоплескать своимъ врагамъ, когда они дѣйствуютъ какъ государственные люди! Впрочемъ они хорошо сдѣлали“, прибавилъ онъ, обратившись къ окружившимъ его роялистамъ:— „черезъ нѣсколько дней я освобожу васъ всѣхъ. Я попалъ сюда за то, что хотѣлъ положить конецъ вашимъ страданіямъ и вашему заточенію“. Своею рѣчью онъ хотѣлъ уничтожить тотъ ужасъ, который внушало его имя, и вызвать сочувствіе даже въ своихъ жертвахъ. Его притворное добродушіе покорило всѣ сердца. Роялисты были въ такомъ положеніи, что принуждены были отдать предпочтеніе кому-нибудь изъ своихъ враговъ.

6.

Дантона и его друга Лакруа заключили въ одну камеру. „Мы арестованы, воскликнулъ Лакруа:—кто осмѣлился бы когда-либо предвидѣть это?“—Я, сказалъ ему Дантонъ.— „Какъ, ты зналъ объ этомъ и бездѣйствовалъ?“ продолжалъ Лакруа. — Ихъ подлость внушала мнѣ спокойствіе, возразилъ Дантонъ. Я былъ введенъ въ обманъ ихъ низостью!“ Онъ потребовалъ днемъ, чтобы ему разрѣшили, такъ же, какъ и другимъ заключеннымъ, прогуляться по коридорамъ. Тюремщики не рѣшились отказать сдѣлать нѣсколько шаговъ по тюремѣ человѣку, который наканунѣ отдавалъ приказанія въ Конвентѣ. Геро де-Сешель, подбѣжалъ къ нему и обнялъ его. Дантонъ притворился безпечнымъ и веселымъ. „Когда люди дѣлаютъ глупости“, сказалъ онъ Геро-де-Сешелю, пожимая плечами:— „надо умѣть смѣяться надъ ними“. Затѣмъ, замѣтивъ Томаса Пейна, онъ подошелъ къ нему и съ грустью сказалъ:— „То, что ты сдѣлалъ для усыновившей тебя страны, я пытался сдѣлать для своей родины. Я былъ менѣе счастливъ, чѣмъ ты, но не виновнѣе тебя“. Потомъ онъ вернулся къ группѣ своихъ друзей, жаловавшихся на свою судьбу, и, обратившись къ Камиллу Демулену, бившемуся головой объ стѣну, сказалъ:— „Къ чему эти слезы? Если ужъ насъ посылаютъ на эшафотъ, такъ пойдемъ на него весело“.

Обвиняемые недолго пользовались утѣшеніемъ содержаться вмѣстѣ. Получено было приказаніе заключить ихъ въ одиночныя камеры. Камера Дантона приходилась рядомъ съ камерами Лакруа и Камилла Демулена. Припавъ къ рѣшеткѣ окна, Дантонъ все время громко бесѣдовалъ съ друзьями, чтобы его могли слышать узники, жившіе въ другихъ этажахъ и прогуливавшіеся по двору. Для его мужества необходимы были зрители. Окно для него было трибуной. Онъ былъ на сценѣ даже въ тюрьмѣ. Лихорадка его души находила себѣ исходъ въ проповѣдуемыхъ имъ идеяхъ и въ пылкихъ рѣчахъ. Выдвинутый мятежомъ, онъ не былъ изъ тѣхъ натуръ, которая черпаютъ свою силу въ уединеніи и для которыхъ не нужно никакихъ другихъ свидѣтелей, кромѣ ихъ собственной совѣсти. Ему необходимо было горе крикливое и несчастіе популярное. Болтливость его надоѣдала тюрьмѣ.

7.

Вѣсть объ арестѣ Дантона и его сторонниковъ съ наступленіемъ дня распространилась по Парижу. Никто не хотѣлъ вѣрить такой чрезвычайной дерзости Комитета общественного спасенія. Арестъ Дантона казался святотатствомъ противъ революціи. Но самая эта дерзость указывала на то, что поступившіе

такъ чувствовали за собой необычайную силу. Не знали, слѣдуетъ ли роптать или рукоплескать. Всѣ молчали, ожидая разъясненія.

Конвентъ собирался медленно. Глухой шопотъ указывалъ на то, что члены его обмѣниваются въ полъ-голоса новостями, предположеніями и впечатлѣніями, которыя произвели на нихъ событія предшествовавшей ночи. Ихъ мысли отражались на ихъ лицахъ. Но каждый внутренно спрашивалъ себя, остается ли хоть малѣйшая спокойная увѣренность и малѣйшая самостоятельность при тайной власти, осмѣлившейся устранить Дантона. Члены Комитета общественнаго спасенія не заняли еще своихъ мѣстъ. Подобно монархамъ, заставляющимъ ожидать себя, они дали улетучиться дурному впечатлѣнію до своего появленія.

Вошелъ Лежандръ. Это былъ самый отважный изъ друзей Дантона. Будучи слабымъ подобіемъ Дантона, то подстрекателемъ, то умиротворителемъ народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, онъ считалъ себя равнымъ по таланту своему первообразу, потому что обладалъ его необузданностью, и считалъ себя столь же мужественнымъ, потому что обладалъ его страстной увлекательностью. При извѣстіи объ арестѣ своего друга, Лежандръ почувствовалъ себя въ опасности. Онъ осмѣлился высказать дерзкую мысль — призвать тиранію на судъ предъ лицомъ Конвента. Его взволнованное лицо отражало борьбу, происходившую въ его душѣ между мужествомъ и страхомъ, между дружбой, возбуждавшей его, и окружавшимъ его безмолвнымъ подобострастіемъ. Лежандръ быстро поднялся по ступенямъ трибуны.

„Граждане“, сказалъ онъ: — „сегодня ночью были арестованы четверо изъ членовъ этого собранія. Одинъ изъ нихъ Дантонъ. Имена остальныхъ мнѣ неизвѣстны. Что за дѣло до именъ, если носящіе ихъ виновны? Но я требую, чтобы вы ихъ допросили, судили и осудили или оправдали. Граждане, я только плодъ генія свободы; я всецѣло его твореніе и я выскажу свое предложеніе по возможности проще. Не ожидайте отъ меня ничего, кромѣ взрыва чувства. Граждане, я заявляю, что считаю Дантона столь же невиннымъ, какъ самого себя, а никто изъ присутствующихъ здѣсь никогда не усомнился въ моей честности! Ропотъ неодобренія при этихъ словахъ явился свидѣтельствомъ дурной славы Дантона. Лежандръ началъ путаться. Молчаніе, однако, возстановилось по призыву предсѣдателя. Лежандръ продолжаетъ:

„Я не укоряю никого изъ членовъ Комитета общественнаго спасенія, но имѣю право опасаться, что личная ненависть лишаетъ свободы людей, оказавшихъ ей величайшія и самыя существенныя услуги. Я обязанъ сказать это о человѣкѣ, который въ 1792 году поднималъ всю Францію энергичными мѣрами, которыя онъ употребилъ для того, чтобы вызвать народное движеніе; о человѣкѣ, который заставилъ установить смертную казнь для всякаго, кто не выдастъ своего оружія или не обратитъ его противъ врага. Нѣтъ, сознаюсь, я не могу считать его виновнымъ и я хочу здѣсь напомнить нашу взаимную клятву, данную въ 1790 году, клятву, обязывающую того изъ насъ, который увидитъ, что другой ослабѣлъ или измѣнилъ народному дѣлу, немедленно заколотъ его мечомъ; я доволенъ, что вспомнилъ объ этой клятвѣ сегодня! Повторяю, я считаю Дантона столь же невиннымъ, какъ и я самъ. Съ се-

годняшней ночи онъ въ оковахъ. Безъ сомнѣнія опасались, чтобы его голосъ не пристыдилъ обвинителей. Поэтому я требую, чтобы до чтенія какого бы то ни было доклада заключенные были вызваны и выслушаны нами“.

8.

Робеспьеръ погибъ бы при первомъ же проявленіи своей тиранніи, если бы не явился на засѣданіе какъ разъ во время рѣчи Лежандра. Изумленіе собранія послѣ рѣчи Лежандра перешло въ негодованіе, и оно готово было признать Дантона живымъ доказательствомъ дерзости Комитета. Дантонъ, духъ котораго окрѣпъ въ тюрьмѣ и въ гнѣвѣ, могъ проявить одинъ изъ тѣхъ порывовъ, которые сокрушаютъ тираннію. Собраніе не могло бы устоять противъ зрѣлища плѣннаго Дантона, показывающаго сотоварищамъ свои окровавленные руки, умоляющаго своихъ друзей и сокрушающаго своихъ враговъ. Робеспьеръ почувствовалъ опасность инстинктомъ, выработаннымъ привычкой къ народнымъ собраніямъ и желаніемъ выходить побѣдителемъ. Онъ вбѣжалъ на трибуну, громко стуча по ступенькамъ, подобно человѣку, обезпечивающему себѣ опору.

„Граждане!“ сказалъ онъ:— „по смятенію, давно уже небывалому, царящему теперь въ нашемъ собраніи, по волненію, которое вызвали первые слова говорившаго передъ подающимъ теперь свой голосъ, дѣйствительно не трудно замѣтить, что рѣшается вопросъ чрезвычайной важности; дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, одержать ли верхъ нѣкоторые лица надъ отечествомъ. Въ чемъ же состоитъ эта перемѣна, ясно выражающаяся во взглядахъ членовъ этого собранія, въ особенности находящихся на той сторонѣ, которая ставитъ себѣ въ честь то, что была прибѣжищемъ самыхъ отважныхъ защитниковъ свободы? Почему? Потому что теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, одержать ли верхъ выгоды нѣсколькихъ честолюбивыхъ ханжей надъ выгодами всего французскаго народа. (Рукоплесканія). Такъ что же! развѣ мы принесли столько геройскихъ жертвъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и дѣйствія прискорбной строгости, развѣ мы принесли эти жертвы для того, чтобы снова попасть подъ иго нѣсколькихъ интригановъ, стремящихся къ власти? Что мнѣ за дѣло до прекрасныхъ рѣчей, до похвалъ, которыя расточаютъ нѣкоторые самимъ себѣ и своимъ друзьямъ? Слишкомъ долгій и тяжелый опытъ научилъ насъ, какъ мы должны относиться къ подобнымъ ораторскимъ пріемамъ. Не спрашиваютъ болѣе о томъ, что такой-то человѣкъ и его друзья. Хвастаются будто сдѣлали въ такую-то эпоху, при такомъ-то исключительномъ обстоятельствѣ революціи; требуется знать, что они сдѣлали во все время своей политической карьеры. (Рукоплесканія). Лежандру, повидимому, неизвѣстны имена арестованныхъ; весь Конвентъ знаетъ ихъ. Въ числѣ арестованныхъ находится его другъ Лакруа. Къ чему онъ притворяется, что это ему неизвѣстно? Потому что онъ прекрасно знаетъ, что нельзя, не будучи безстыжимъ, защищать Лакруа. Онъ говорилъ о Дантонѣ, потому что, безъ сомнѣнія, думаетъ, что съ этимъ именемъ связана извѣстная привилегія. Нѣтъ, мы не хотимъ болѣе привилегій; нѣтъ, мы не хотимъ болѣе идеаловъ! (Раздаются многократныя рукоплесканія). Мы увидимъ сегодня, сумѣетъ ли Конвентъ уничтожить воображаемаго идола, давно уже подгнившаго, или въ своемъ паденіи онъ уничто-

жить и Конвентъ и французскій народъ. Сказанное о Дантонѣ развѣ не можетъ быть примѣнено къ Бриссо, Петіону, Шабо, даже къ Геберу и ко многимъ другимъ, наполнившимъ Францію тщеславнымъ шумомъ своего дутаго патриотизма? Въ чемъ же состоитъ преимущество Дантона? Чѣмъ Дантонъ выше своихъ сотоварищей? Шабо, Фабра д'Эглантина, своего друга и повѣреннаго, горячимъ защитникомъ котораго онъ былъ? Чѣмъ онъ выше своихъ согражданъ? Тѣмъ, что нѣсколько обманутыхъ имъ лицъ или тѣхъ, которыя не были имъ обмануты, сгруппировались вокругъ него, чтобы идти вслѣдъ за нимъ къ богатству и власти? Чѣмъ болѣе онъ обманулъ довѣріе патриотовъ, тѣмъ большей карѣ онъ долженъ подвергнуться со стороны друзей свободы.

„Граждане, настало время сказать правду. Я вижу изъ всего, что говорилось, только мрачное предвѣстіе гибели свободы и упадка принциповъ. Дѣйствительно, что это за люди, приносящіе въ жертву личнымъ связямъ, быть можетъ страху, интересы отечества? которые въ минуту торжества равенства осмѣливаются пытаться уничтожить его въ этой залѣ? Что вы сдѣлали такого, что не было бы сдѣлано добровольно, для спасенія республики, и что не было одобрено всей Франціей? Въ васъ хотятъ возбудить опасеніе, какъ бы народъ не палъ жертвою комитетовъ, пріобрѣвшихъ общее довѣріе, получившихъ начало отъ національнаго Конвента, которые они хотятъ привести въ разстройство, потому что всѣ, защищающіе его достоинство, обречены на клевету. Боятся, чтобы заключенныхъ не притѣсняли, слѣдовательно сомнѣваются въ народномъ правосудіи, въ людяхъ, пріобрѣвшихъ довѣріе національнаго Конвента. Недовѣряютъ Конвенту, облекшему ихъ этимъ довѣріемъ, общественному мнѣнію, санкціонировавшему его! Я говорю, что каждый колеблющійся въ данную минуту виновенъ, потому что невинность никогда не будетъ бояться общественного надзора. (Рукоплесканія).

„И меня тоже хотѣли запугать, меня хотѣли заставить повѣрить, что если я приближусь къ Дантону, то опасность можетъ грозить и мнѣ. Мнѣ представляли его человѣкомъ, съ которымъ я долженъ вступить въ союзъ, который притомъ долженъ защитить меня, оплотомъ, который, будучи разрушенъ, оставить меня безъ прикрытія подъ стрѣлами моихъ враговъ. Мнѣ писали. Друзья Дантона доставляли мнѣ эти письма. Мнѣ надоѣдали ихъ рѣчами. Они думали, что воспоминаніе о старой дружбѣ, прежняя вѣра въ ложныя добродѣтели побудятъ меня уменьшить мое рвеніе и любовь къ свободѣ. Итакъ, я заявляю, что ни одно изъ этихъ побужденій не произвело на мою душу ни малѣйшаго впечатлѣнія; я заявляю, что если бы дѣйствительно мнѣ пришлось раздѣлить опасность, грозящую Дантону, если бы они заставили аристократію сдѣлать шагъ, чтобы погубить меня, то я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ народнаго бѣдствія. Что мнѣ за дѣло до опасности? Жизнь моя принадлежитъ отечеству, сердце не знаетъ страха, и если бы мнѣ пришлось умереть, то я умеръ бы безъ упрёка и посрамленія. (Продолжительныя рукоплесканія). Я усмотрѣлъ въ льстивыхъ рѣчахъ, съ которыми ко мнѣ обращались, въ любезностяхъ, которыми окружали Дантона, лишь вѣрные признаки страха, охватившаго ихъ еще раньше, чѣмъ имъ начала грозить опасность.

„Я также былъ другомъ Петіона; какъ только онъ сбросилъ съ себя

маску, я оставилъ его. Я также состоялъ въ дружбѣ съ Роланомъ; онъ измѣнилъ, и я донесъ на него. Дантонъ хочетъ занять ихъ мѣсто, и теперь, въ моихъ глазахъ, онъ является только врагомъ отечества. (Рукоплесканія). Теперь-то намъ именно и необходимо нѣкоторое мужество и нѣкоторое величіе души. Низкія души или виновные люди всегда боятся паденія себѣ подобныхъ, потому что, лишившись оплота изъ людей виновныхъ, они становятся ближе къ лицу правосудія. Но если и существуютъ низкія души, зато въ настоящемъ собраніи есть также и души героическія, потому что оно управляетъ судьбами міра и уничтожаетъ всѣ партіи.

„Число виновныхъ не такъ ужъ велико!“

9.

Эта рѣчь дышала по крайней мѣрѣ благородною ненавистью. Если бы Робеспьеръ былъ лицемеренъ, какъ его обвиняли, онъ могъ бы стушеваться и молчать, взваливъ отвѣтственность на какой-нибудь анонимный комитетъ за гнусность и опасность этого дѣянія. Онъ выступилъ одинъ на защиту Комитета и для борьбы съ могущественной славой Дантона. Его рѣчь заглушила ропотъ и попытку Горы проявить свою независимость. Всѣ почувствовали его силу и притворились убѣжденными. Лежандръ, мужество котораго таяло при вопросахъ и подъ угрожающими взглядами Робеспьера, дрожалъ при каждомъ его словѣ, какъ бы ораторъ не кончилъ обвиненіемъ его самого. Онъ поспѣшилъ смириться передъ тѣмъ, на кого только, что нападалъ. Онъ пробормоталъ нѣсколько фразъ, прерываемымъ страхомъ, и умолялъ Робеспьера не считать его способнымъ пожертвовать свободой ради одного человѣка. Никогда еще ничье сердце не измѣняло такъ другу, а языкъ оратору. Лежандръ окончательно упалъ въ глазахъ собранія. Попытки друзей Дантона рухнули вмѣстѣ съ Лежандромъ.

Сень-Жюсть взомель тогда на трибуну. Его увѣренный видъ и наружное спокойствіе придавали произволу видъ безстрашнаго правосудія. Серьезнымъ и монотоннымъ голосомъ, точно разсуждая вслухъ, онъ прочиталъ составленный имъ и Робеспьеромъ докладъ о грозившихъ республикѣ заговорахъ. Онъ причислилъ сюда же мнимый заговоръ Дантона, причемъ постарался установить связь между всѣми заговорщиками такъ, чтобы набросить на Дантона тѣнь роялизма эмигрантовъ, анархизма Гебера, продажности Шабо, порочности Фабра и умѣренности Геро де-Сешеля. Было очевидно, что самъ обвинитель не вѣритъ своему обвиненію, что въ его представленіи Дантонъ является только жертвой, отвѣтственной за всѣ бѣдствія республики, и что въ сущности докладъ Сень-Жюста сводился, вмѣсто всякихъ доказательствъ, къ слѣдующему обращенію къ Конвенту: „Выдайте намъ этого человѣка, потому что онъ находится въ сильномъ подозрѣніи у свободы“.

„Граждане“, сказалъ Сень-Жюсть:—„революція заключается въ народѣ, а не въ извѣстности отдѣльных лицъ. Есть нѣчто ужасное въ священномъ чувствѣ любви къ родинѣ; оно такъ исключительно, что умерщвляетъ все безъ состраданія, безъ страха, безъ уваженія къ человѣку, ради общественнаго блага. Оно низвергаетъ Манлія, увлекаетъ Регула въ Карфагенъ, повергаетъ римлянина въ пропасть и помѣщаетъ Марата въ Пантеонъ.“

„Ваши Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности, исполненные этого чувства, уполномочили меня потребовать у васъ, во имя отечества, правосудія надъ людьми, давно уже измѣняющими народному дѣлу.

„Да будетъ этотъ примѣръ послѣднимъ доказательствомъ вашей неумолимости къ самимъ себѣ!

„Мы перенесли всѣ бури, которыми обыкновенно сопровождаются великія событія. Революція — геройское предпріятіе, вершители котораго находятся между казнью и безсмертіемъ“.

Перейдя затѣмъ къ обзору всѣхъ партій, начиная съ Мирабо и кончая Шабо, Сень-Жюсть воскликнулъ: „Дантонъ, ты дашь отвѣтъ неизбѣжному, непреклонному Правосудію. Прослѣдимъ твою прошлую дѣятельность и укажемъ на то, что ты, съ перваго же дня будучи соучастникомъ всѣхъ преступленій, всегда былъ противникомъ партіи свободы и составлялъ заговоры вмѣстѣ съ Мирабо и Дюмуре, съ Геберомъ, съ Геро де-Сешелемъ!

„Дантонъ, ты служилъ тиранніи; правда, ты былъ противникомъ Лафайетта; но Мирабо, д'Орлеанъ, Дюмуре также были его противниками. Осмѣлишься ли ты отрицать, что ты продалъ себя тремъ самымъ яркимъ противникамъ свободы? По протекціи Мирабо ты былъ назначенъ начальникомъ парижскаго департамента въ то время, когда избирательное собраніе было явно роялистскимъ. Всѣ друзья Мирабо во всеуслышаніе громогласно хвастались тѣмъ, что зажали тебѣ ротъ. И дѣйствительно, ты оставался безмолвнымъ, пока былъ живъ этотъ ужасный человѣкъ.

„При первыхъ вспышкахъ революціи ты принялъ по отношенію къ двору грозный видъ; ты горячо возставалъ противъ него. Мирабо, замышлявшій перемѣну династіи, оцѣнилъ твою дерзость. Онъ ухватился за тебя. Съ тѣхъ поръ ты измѣнилъ своимъ суровымъ убѣжденіямъ, о тебѣ ничего не было слышно до рѣзни на Марсовомъ полѣ. Тогда ты поддерживалъ среди якобинцевъ движеніе Лакло, послужившее печальнымъ предлогомъ, за который заплатилъ дворъ, къ тому, чтобы развернуть красное знамя и испытать тираннію. Патриоты, не посвященные въ этотъ заговоръ, тщетно возставали противъ твоего кроваваго предложенія. Ты способствовалъ вмѣстѣ съ Бриссо составленію петиціи съ Марсоваго поля, и вы избѣжали ярости Лафайетта, приказавшаго убить двѣ тысячи патриотовъ. Съ тѣхъ поръ Бриссо спокойно прогуливался по Парижу, а ты проводилъ счастливые дни въ Арсенъ-на-Обѣ, если только человѣкъ, участвовавшій въ заговорѣ противъ своего отечества, можетъ когда-нибудь быть счастливымъ!

„Наслаждался ли ты спокойствіемъ въ твоемъ убѣжищѣ въ Арсенъ-на-Обѣ? ты, — одинъ изъ составителей петиціи! Между тѣмъ какъ одни изъ подписавшихъ ее были заключены въ оковы, другіе казнены, ты и Бриссо являлись объектами благодарности для тиранніи, потому что вы не были для нея объектами ненависти и террора?

„Что скажу я о твоей низкой и постоянной измѣнѣ народному дѣлу во время опасностей, когда ты всегда обращался въ бѣгство?

„Послѣ смерти Мирабо ты составлялъ заговоры вмѣстѣ съ Ламетами и поддерживалъ ихъ. Ты оставался нейтральнымъ во время законодательнаго собранія,

и ты молчалъ во время тяжелой борьбы якобинцевъ съ Бриссо и съ партіей Жиронды. Сначала ты поддерживалъ ихъ мнѣніе относительно войны. Но затѣмъ, осыпанный упреками лучшихъ гражданъ, ты заявилъ, что слѣдишь за обѣими партіями, и погрузился въ молчаніе.

„Дантонъ, послѣ 10-го августа у тебя было совѣщаніе съ Дюмуре, во время котораго вы клялись въ неизмѣнной дружбѣ и рѣшили дѣйствовать заодно.

„Это ты, по возвращеніи изъ Бельгіи, осмѣлился говорить о порокахъ и преступленіяхъ Дюмуре съ такимъ восторгомъ, съ какимъ говорятъ о добродѣтеляхъ Катона.

„Какъ ты держалъ себя въ Комитетѣ общей обороны? Ты принималъ тамъ сообщниковъ Гаде и Бриссо. Ты говорилъ Бриссо: „У васъ есть умъ, но есть и претензіи“. Вотъ твое негодованіе противъ враговъ отечества.

„Въ то же время ты объявилъ себя сторонникомъ умѣренныхъ принциповъ, и твое огромное тѣло, повидимому, скрывало слабость твоихъ совѣтовъ. Ты говорилъ, что строгіе законы создадутъ республикѣ слишкомъ много враговъ. Пошлый примиритель, всѣ твои рѣчи съ трибуны начинались подобно грому, а ты кончалъ ихъ сдѣлкой между истиной и ложью.

„Ты приноровлялся ко всему. Бриссо и его сообщники всегда уходили довольные тобой. На трибунѣ, когда тебя осуждали за молчаніе, ты давалъ имъ благіе совѣты быть еще болѣе скрытными. Ты угрожалъ имъ не съ негодованіемъ, а съ отеческой добротою, и ты скорѣе совѣтовалъ имъ развратить свободу, чтобы спасти себя и лучше обмануть насъ, чѣмъ республиканской партіи погубить ихъ. „Ненависть, говорилъ ты: — недоступна для моего сердца“. Но развѣ ты не виновенъ и не отвѣтственъ за то, что не ненавидѣлъ враговъ отечества?

„Ты съ ужасомъ смотрѣлъ на революцію 31-ое мая.

„Недостойный гражданинъ, ты составлялъ заговоры; фальшивый другъ, ты два дня назадъ говорилъ дурно о Камиллѣ Демуленѣ, орудіи, погубленномъ тобою, и ты приписывалъ ему позорныя преступленія. Негодяй, ты сравнилъ общественное мнѣніе съ развратной женщиной; ты говорилъ, что честь смѣшна, что слава и потомство — глупость. Эти убѣжденія должны бы были примирить съ тобою аристократію. Таковы были убѣжденія Катилины. Если Фабръ невиновенъ, если Орлеанъ, если Дюмуре были невиновны, то, конечно, невиновенъ и ты. Я слишкомъ много сказалъ. Ты отвѣтишь передъ правосудіемъ“.

Перейдя отъ Дантона къ его сообщникамъ, Сень-Жюстъ просилъ Конвентъ отнестись ко всѣмъ имъ по возможности строже.

„Я убѣжденъ“, сказалъ онъ: — „что эта партія снисходительныхъ находится въ связи со всѣми остальными; что она всегда была лицемерна. Она сдѣлала все, чтобы погубить республику, уничтоживъ всѣ идеи свободы.

„Камиллѣ Демулену, который былъ сначала обманутъ, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлался сообщникомъ, подобно Филиппу, сдѣлался орудіемъ въ рукахъ Фабра и Дантона. Послѣдній въ доказательство добродушія Фабра разсказалъ, что, находясь у Демулена въ то время, когда тотъ читалъ кому-то записку, въ которой требовалъ для аристократовъ комитета милосердія и называлъ

Конвентъ дворомъ Тиберіа, Фабръ заплакалъ. Но вѣдь и крокодилъ тоже плачетъ!...

„Всѣ, чья слава рухнула, были узурпаторами. Упрекающіе насъ въ жестокости предпочли бы, чтобы мы были несправедливы. Что за бѣда, что время привело многихъ честолюбцевъ на эшафотъ, на кладбище, къ небытію, лишь бы сохранилась свобода; люди научатся быть скромными, стремиться къ прочней славѣ и прочному благу, заключающимся въ неизвѣстной никому честности.“

„Дни преступленія миновали. Горе тѣмъ, которые стали бы защищать его! Пусть погибнетъ все, что было преступнаго! Когда создаютъ республику, то относятся не съ пощадой, а съ жестокой, съ непоколебимой строгостью къ тѣмъ, кто измѣнилъ ей. Пусть сообщники обнаружатъ себя, ставъ на сторону преступниковъ. Все сказанное нами никогда не исчезнетъ съ лица земли. Можно лишить жизни людей, подобно намъ пошедшихъ на все ради истины, но нельзя лишить ихъ совѣсть чувства, ни гостепріимной могилы, гдѣ они найдутъ убѣжище отъ рабства и позора видѣть торжество злодѣевъ.“

„Вотъ проектъ постановленія:

„Национальный Конвентъ, выслушавъ донесеніе Комитетовъ всеобщей безопасности и общественнаго спасенія, постановилъ признать виновными Камилла Демулена, Геро, Дантона, Филиппо, Лакруа, уличенныхъ въ сообществѣ съ д'Орлеаномъ и Дюмуре, съ Фабромъ д'Эглантинемъ и врагами республики; въ участіи въ заговорѣ, пытавшемся возстановить монархію, уничтожить народное представительство и республиканское правленіе. Вслѣдствіе этого онъ приказываетъ предать ихъ суду вмѣстѣ съ Фабромъ д'Эглантиномъ“.

10.

Никто не возразилъ противъ этихъ заключеній. Голосованіе было такъ же единодушно, какъ и страхъ. Репутація, свобода, жизнь и смерть представителей единогласно были предоставлены Комитету общественнаго спасенія.

Фукье-Тенвилля пригласили въ Комитетъ и ему было поручено немедленно привести дантонистовъ въ революціонный судъ. Фукье оставалось только облечь въ форму обвинительнаго акта докладъ Сень-Жюста.

Между тѣмъ Дантонъ началъ успокаиваться въ своей темницѣ и дѣлалъ видъ, что относится равнодушно къ ожидавшей его участи. Онъ шутилъ черезъ рѣшетку съ другими заключенными. Въ забавныхъ выраженіяхъ онъ описывалъ членовъ Комитета. „Республика сокрушитъ ихъ“, говорилъ онъ:—„если бы я могъ завѣщать свои ноги паралитику Кутону, а свою мужественность слабосильному Робеспьеру, все могло бы еще нѣкоторое время продержаться. Что касается меня, прибавилъ онъ:—я не сожалею о власти, потому что во время революціи побѣда остается за наибольшими злодѣями“.

Изъ этихъ словъ видно, что революція всегда была для него борьбою честолюбія, а не торжествомъ идей.

Иногда онъ съ философской точки зрѣнія разбиралъ тревоженія своей жизни и суетность честолюбія.

„Лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, говорилъ онъ, чѣмъ властвовать надъ людьми!“ Съ удовольствіемъ вспоминая о счастливыхъ дняхъ своего послѣдняго

мѣстопробыванія въ Арсиѣ-на-Обѣ, онъ говорилъ о картинахъ, представляемыхъ полями, объ отдыхѣ тамъ, о спокойствіи, которое даетъ сопрیکосновеніе съ природой душѣ человѣка, о семейномъ счастьѣ, о своей пламенной любви къ женщинѣ, заставившей его забыть даже родину! Онъ жалѣлъ о множествѣ матерей, женъ и невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ, заключенныхъ въ Люксембургской тюрьмѣ. Онъ притворялся, что не зналъ объ этихъ злоупотребленіяхъ и насиліяхъ суровой власти Конвента. „Неужели“, сказала одна изъ этихъ узницъ Лакруа, прогуливавшемуся вмѣстѣ съ Дантономъ:—„вы не знали, что тысячи арестованныхъ наполняютъ тюрьмы, и никогда не видали телѣжекъ съ отправляющимися на казнь осужденными?“ „Нѣтъ“, отвѣтилъ Лакруа:—„я никогда не встрѣчалъ ихъ; я никогда не видалъ ихъ льющейся крови: она вызвала бы во мнѣ ужасъ. Дантонъ и я хотѣли республики безъ рабовъ“.

11.

Такъ прошли два дня, предшествовавшіе суду. Дантонъ пользовался уваженіемъ Лакруа. Базиръ, Камилль Демуленъ возбуждали сожалѣнія. Геро де-Сешель обладалъ спокойствіемъ праведника, взвѣсившаго свою жизнь и смерть и гордившагося своимъ мученичествомъ за свободу. Молодой, богатый, краснорѣчивый, аристократъ по рожденію, одинъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени, Геро де-Сешель оставлялъ послѣ себя любовь, которая должна была еще увеличить его душевную муку. Въ то время, когда онъ ѣздилъ уполномоченнымъ въ Савойю, онъ полюбилъ молодую женщину знатнаго происхожденія и рѣдкой красоты. Она была для Гдро де-Сешеля въ Шамбери тѣмъ же, чѣмъ была Тереза Кабарюсъ въ Бордо для Талліена. Теперь она томилась и плакала у воротъ тюрьмы, не будучи въ состояніи умиловить Робеспьера.

Фабръ д'Эглантинъ, находившій утѣшеніе въ посѣщеніяхъ своей жены, заболѣлъ.

Одинъ только Шабо, покинутый всѣми, осыпанный насмѣшками и презираемый остальными заключенными, не могъ вынести этой муки позора. Онъ даже не находилъ славы, которой такъ искалъ въ смерти. Онъ умиралъ освищенный. Онъ досталъ себѣ яду. Онъ выпилъ его. Онъ былъ не въ силахъ перенести предсмертныхъ мученій. Своими стовами онъ привлекъ въ камеру сторожей. Ему спасли жизнь, чтобы сохранить ее для казни.

12.

Камилль Демуленъ внушалъ чувство состраданія, которое возбуждаетъ слабость. Легкомысленный и своенравный даже въ гнѣвѣ, онъ улыбался, едва успѣвъ произнести проклятіе. Ненависть, которую онъ возбуждалъ, была такъ же непостоянна, какъ и онъ самъ. Она не могла устоять противъ его слезъ. Онъ не переставалъ проливать ихъ, повторяя вслухъ имя своей жены, прекрасной Люсилы. Эта молодая женщина, повергнутая въ отчаяніе, лишившаяся въ теченіе пяти дней отца и мужа, все время бродила вокругъ Люксембурга, чтобы хоть издали увидать Камилла и быть замѣченной имъ. Единственнымъ средствомъ для переговоровъ черезъ раздѣлявшее ихъ пространство имъ служили жесты. Ихъ разлука была столь же тягостна, какъ и неожиданна.

Люсиль была дочерью госпожи Дюплеси, одной из самых красивых женщин своего времени, и господина Дюплеси, бывшего чиновника министерства финансов, ярого патриота. Продолжительная привязанность, несколько томительных лет ожидания предшествовали союзу юных супругов. Тот самый Люксембургский садъ, гдѣ теперь плакали оба влюбленные, былъ мѣстомъ ихъ первой встрѣчи, ихъ свиданій и любви. Бриссо, Дантонъ и Робеспьеръ, находившіеся въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Дюплеси, подписались въ качествѣ свидѣтелей и друзей подъ ихъ брачнымъ контрактомъ. Изъ этихъ людей, которыхъ теперь раздѣляли партійныя распри и эшафотъ, одинъ послужилъ поводомъ, а другой орудіемъ несчастій и близкаго вдовства молодой женщины.

Въ ночь съ 30-го на 31-ое марта Камилль Демуленъ былъ внезапно разбуженъ въ то время, когда онъ покоился въ объятіяхъ жены, стукомъ ружейнаго приклада о порогъ двери. „Пришли меня арестовать!“ вскричалъ онъ. Онъ вырывается изъ объятій жены и идетъ отворить дверь солдатамъ. Ему предъявляютъ приказъ; онъ читаетъ его и сердито мнетъ въ рукахъ. „Такъ вотъ награда первому заговорившему о революціи!“—воскликнуть онъ. Онъ въ послѣдній разъ прижимаетъ къ сердцу жену, цѣлуетъ спящаго въ колыбели ребенка и слѣдуетъ за стражей въ Люксембургъ. Ему ничего еще не было извѣстно ни о его преступленіи, ни о сообщникахъ. Брошенный среди ночи въ тюрьму, онъ слышалъ черезъ щели въ стѣнѣ знакомый голосъ тяжело вздыхавшаго чело-вѣка. „Это ты, Фабръ?“—крикнулъ онъ ему.—„Да, отвѣчаетъ ему больной:—„но неужели это ты, Камилль? Ты здѣсь! ты, другъ Дантона и Робеспьера! Неужели уже началась контръ-революція?“ Фабръ д'Эглантинъ и Камилль Демуленъ пробесѣдовали до утра, но не могли найти разгадку своего положенія. Мягкая душа памфлетиста не была достаточно закалена, чтобы вынести, не сокрушившись, трагическіе удары революціи. Въмѣсто того чтобы ожесточиться, онъ пришелъ въ умиленіе. Онъ оставлялъ слишкомъ много любви и счастья, и не могъ не обращать взоровъ къ жизни. Его жена не могла повѣрить въ вѣчную разлуку. „Увы!“ говорила она желавшимъ ее утѣшить:—„я плачу, какъ женщина, потому что онъ страдаетъ, потому что они заставляютъ его во всемъ нуждаться, потому что онъ не видитъ насъ; но у меня хватитъ храбрости мужчины, и я спасу его. Зачѣмъ они оставили на свободѣ меня? Неужели они думаютъ, что я не осмѣлюсь заговорить? Неужели они рассчитывали, что я буду молчать? Я пойду къ якобинцамъ, я пойду къ Робеспьеру. Онъ былъ нашимъ гостемъ, нашимъ другомъ, повѣреннымъ нашихъ республиканскихъ чувствъ. Его рука соединила наши руки! Онъ замѣнилъ намъ отца, онъ не можетъ быть нашимъ убійцей!“

Когда она узнала, что Дантонъ арестованъ вмѣстѣ съ ея мужемъ, то, вся въ слезахъ, побѣжала къ госпожѣ Дантонъ. Госпожа Дантонъ, которой было въ то время всего семнадцать лѣтъ, была беременна первымъ ребенкомъ, котораго она произвела на свѣтъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти своего мужа. Люсиль Демуленъ бросилась въ объятія своей юной подруги и умоляла ее отправиться вмѣстѣ съ нею къ Робеспьеру, броситься къ его ногамъ и вымолить у него жизнь ихъ супруговъ. Госпожа Дантона плакала вмѣстѣ съ

Люсиль, но отказалась от всякой попытки, могущей унижить имя, которое она носитъ. „Я послѣдую за Дантономъ на эшафотъ“, сказала она:—„но не посрамлю его памяти передъ его врагомъ. Если бы онъ былъ обязанъ жизнью прощенію Робеспьера, онъ не простилъ бы мнѣ этого ни въ этой жизни, ни въ будущей. Уходя, онъ завѣщалъ мнѣ беречь его честь, и я обязана сохранить ее незапятнанной“. Люсиль въ отчаяніи бросилась одна въ Комитетъ общественнаго спасенія. Ее не пустили. Видя, что къ Робеспьеру доступа нѣтъ, она написала ему. Вотъ ея письмо.

„Неужели это ты обвиняешь насъ въ измѣнническихъ замыслахъ противъ отечества, ты, такъ много пользовавшійся тѣми трудами, которые мы употребляли ради нея? Камиллъ видѣлъ, какъ зародилась твоя гордость, и онъ предчувствовалъ, по какому пути ты послѣдуешь; но онъ вспомнилъ вашу старинную дружбу и отшатнулся отъ мысли обвинить своего друга и сотрудника. Его рука, пожимавшая твою, оставила перо, когда не могла дольше держать его для того, чтобы писать похвалы тебѣ, и ты отправляешь его на смерть! Ты, значить, понялъ его молчаніе? Онъ долженъ поблагодарить тебя за это.

„Но сумѣешь ли ты, Робеспьеръ, привести въ исполненіе мрачные планы, которые тебѣ, безъ сомнѣнія, внушили низкіе люди, которые тебя окружаютъ? Неужели ты забылъ дружбу, о которой Камиллъ всегда вспоминалъ съ умиленіемъ, ты, высказавшій наилучшія пожеланія нашему союзу, соединившій наши руки своей, улыбавшійся нашему сыну, чьи дѣтскія ручки столько разъ ласкали тебя? Неужели ты отвергнешь мои мольбы, презришь мои слезы, захочешь попать ногами правосудіе? Потому что, ты знаешь, мы не заслуживаемъ участи, которую готовятъ намъ, и ты можешь измѣнить ее. Если она постигнетъ насъ, то только по твоему приказанію. Но въ чемъ же состоятъ преступленіе моего Камилла?

„Я не владѣю такимъ перомъ, какъ онъ, чтобы защитить его. Но голосъ добрыхъ гражданъ и твое сердце, если оно способно чувствовать, будутъ за меня. Неужели ты думаешь, что тебѣ будутъ вѣрить, если увидать, что ты убиваешь своихъ друзей? Неужели ты думаешь, что будутъ благословлять того, кому безразличны и слезы вдовы и гибель сироты? Если бы я была женой Сень-Жюста, я сказала бы ему: „Дѣло Камилла Демулена въ то же время и твое и всѣхъ друзей Робеспьера“. Бѣдный Камиллъ былъ въ простотѣ душевной далекъ отъ мысли объ ожидающей его теперь участи! Онъ думалъ, что трудится для твоей славы, указывая тебѣ на то, чего еще недостаетъ нашей республикѣ. Тебѣ навѣрное наклеветали на него, Робеспьеръ, потому что иначе ты никогда не повѣрилъ бы въ его вину. Вспомни, что онъ никогда не требовалъ у тебя ничьей смерти! Что онъ никогда никому не хотѣлъ вредить, пользуясь твоимъ могуществомъ, и что ты былъ самымъ стариннымъ и лучшимъ его другомъ. И ты хочешь убить насъ обоихъ! Потому что поразить его значить убить и меня!..“

Она не кончила письма. Письмо, довѣренное ею матери, не дошло до Робеспьера.

13.

Камилль Демунь, съ своей стороны, благодаря любезности одного изъ тюремныхъ надсмотрщиковъ получилъ возможность изрѣдка и тайно переписываться съ женою.

Онъ написалъ слѣдующее письмо въ промежутокъ между двумя допросами:

„Благодаря судьбѣ, я снова вижу изъ тюрьмы садъ, гдѣ я въ теченіе восьми лѣтъ своей жизни постоянно видѣлъ тебя; брошенный украдкой взгляды на Люксембургъ возбуждаетъ во мнѣ массу воспоминаній о нашей любви. Меня держать въ одиночномъ заключеніи, но никогда еще я не былъ мыслю, воображеніемъ, почти до осязаемости, ближе къ тебѣ, къ твоей матери, къ моему маленькому Горацію. Я пишу тебѣ это первое письмо единственно съ тѣмъ, чтобы попросить у тебя самыя необходимыя вещи; но я все время моего заключенія буду проводить за письмами къ тебѣ, потому что мнѣ не придется брать перо для другой цѣли и для своей защиты. Все мое оправданіе заключается въ восьми республиканскихъ книгахъ. Это надежное изголовье, на которомъ покоится моя совѣсть въ ожиданіи приговора суда и потомства. Я бросаюсь къ твоимъ ногамъ, протираю руки, чтобы обнять тебя, и не нахожу... (Здѣсь замѣтны слѣды слезъ). Пришли мнѣ стаканъ, на которомъ вырѣзаны С и L, наши имена, книгу, которую я купилъ нѣсколько дней назадъ и гдѣ есть чистые листы, вложенные нарочно для того, чтобы писать замѣтки. Эта книга трактуетъ о безсмертіи души. Мнѣ необходимо убѣдиться въ существованіи Бога, болѣе справедливаго, чѣмъ люди, и въ томъ, что я непременно увижусь съ тобою. Не слишкомъ огорчайся моими мыслями, мой дорогой другъ. Я еще не окончательно разочаровался въ людяхъ. Да, моя возлюбленная, мы еще можемъ снова увидѣться въ Люксембургскомъ саду. Но пришли мнѣ все-таки эту книгу. Прощай, Люсиль! прощай, Горацій (это былъ его сынъ)! Я не могу обнять васъ, но, проливая слезы, я воображаю, что прижимаю васъ къ своей груди... (Здѣсь опять виденъ слѣдъ слезъ).

„Твой Камилль“.

Часъ спустя заключенный снова взялся за перо.

„Небо сжалилось надъ моей невинностью“, писалъ онъ женѣ:—„оно послало мнѣ сонъ, въ которомъ я увидалъ всѣхъ васъ. Пришли мнѣ прядь своихъ волосъ и свой портретъ, о! прошу тебя; потому что я думаю только о тебѣ, а не о томъ дѣлѣ, которое привело меня сюда и котораго я не могу угадать“.

14.

На слѣдующій день Камилль Демунь написалъ женѣ послѣднее письмо. Это было завѣщаніе его сердца, отдавашагося любви, прежде чѣмъ перестать биться подъ рукою палача. Вотъ это письмо.

„Дуоди, Жерминаль (2-го апрѣля) 5 часовъ утра“.

„Благодѣтельный сонъ сократилъ мои мученія. Человѣкъ свободенъ, когда спитъ. Не чувствуешь, что находишься въ заключеніи. Небо сжалилось надо

мною. Минуту назадъ я видѣлъ тебя во снѣ, я по очереди цѣловаль всѣхъ васъ, твою мать, Горація, всѣхъ! И я снова увидалъ себя въ тюрьмѣ. Начало свѣтать. Не имѣя возможности снова увидѣть тебя и слышать то, что ты говорила, потому что ты и твоя мать разговаривали со мной, я всталъ, чтобы хоть самому поговорить съ тобою и написать тебѣ. Но когда я отворилъ окно, мысль о моемъ одиночествѣ, ужасныя рѣшетки, засовы, отдѣляющіе меня отъ тебя, сокрушили мою душевную твердость. Я заплакалъ, вѣрнѣе, зарыдалъ, крича въ моей гробницѣ: „Люсиль! Люсиль! о, дорогая моя Люсиль! гдѣ ты?“ (Здѣсь виденъ слѣдъ слезы).

„Вчера вечеромъ на меня также напала такая минута, и мое сердце чуть не разорвалось, когда я увидалъ въ саду твою мать. Инстинктивно я бросился на колѣни у рѣшетки, сложилъ руки, какъ бы моля сжалиться надо мной ее, которая, я увѣренъ, плачетъ у тебя на груди. Вчера я могъ судить о ея горѣ по платку и по тому, что она опустила вуаль, не будучи въ силахъ вынести этого зрѣлища. Когда вы придете, пусть она сядетъ поближе вмѣстѣ съ тобою, чтобы я могъ лучше видѣть васъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, нѣтъ никакой опасности. Но главное, заклинаю тебя именемъ нашей вѣчной любви, пришли мнѣ свой портретъ; пусть художникъ, который рисуетъ тебя, сжалится надо мною, страдающемъ только потому, что я слишкомъ много имѣлъ состраданія къ другимъ, пусть онъ назначитъ тебѣ по два сеанса въ день. Въ моемъ ужасномъ заключеніи тотъ день, когда я получу твой портретъ, будетъ для меня праздникомъ, днемъ опьяненія и восторга. Пока пришли мнѣ прядь своихъ волосъ, чтобы я могъ положить ихъ на сердце. Дорогая Люсиль! я переживаю снова первые дни нашей любви, когда меня интересовалъ всякій уходившій отъ тебя единственно потому, что онъ былъ у тебя. Вчера, когда гражданинъ, отнесшій тебѣ мое письмо, вернулся, я сказалъ ему: „Итакъ вы видѣли ее?“ и я поймалъ себя на томъ, что осматривалъ его, точно его платье и онъ самъ сохранили слѣды твоего присутствія, тебя самой. У него добрая душа, потому что онъ немедленно доставилъ тебѣ мое письмо. Я буду видѣть его, кажется, два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Этотъ вѣстникъ моихъ несчастій становится мнѣ такъ же дорогъ, какъ когда-то могъ бы быть вѣстникъ моихъ радостей.

„Я замѣтилъ въ моей комнатѣ щель, приложилъ ухо и услыхалъ стоны; я рѣшился сказать нѣсколько словъ; я услыхалъ голосъ больного, который страдалъ; онъ спросилъ мое имя, я назвалъ ему себя... „О Боже мой!“ воскликнулъ онъ, услышавъ его и снова упавъ на постель, съ которой онъ поднялся; я явственно разслышалъ голосъ Фабра д'Эглантина. „Да, я Фабръ“, сказалъ онъ:—„какимъ образомъ ты здѣсь! Развѣ произошла контр-революція?“

„Однако мы не рѣшаемся разговаривать, боясь, чтобы ненавистники не лишили насъ этого малаго утѣшенія и чтобы, подслушавъ, насъ не разлучили и не подвергли еще болѣе строгому заключенію; потому что у него комната съ каминомъ, а моя довольно уютна, если только можетъ быть уютной тюрьма. Но ты представить себѣ не можешь, что значить сидѣть въ одиночномъ заключеніи, не зная за что, не будучи допрошеннымъ и не получая ни одной газеты? Это смерть при жизни; это значить существовать только для того,

Фукъе Тенвиль.

чтобы чувствовать, что находишься въ гробу! И это Робеспьеръ подписалъ приказъ о моемъ арестѣ! И это республика послѣ всего, что я сдѣлалъ для нея! И вотъ какую награду я получаю за столько добродѣтелей и жертвъ! Я, въ теченіе пяти лѣтъ подвергавшійся столькимъ опасностямъ и ненависти ради республики, оставшійся бѣднякомъ во время революціи, я, который долженъ просить прощенія только у тебя одной на свѣтѣ и которому ты уже простила, потому что ты знаешь, что, несмотря на недостатки, мое сердце достойно тебя; и я-то брошенъ въ тюрьму, въ одиночное заключеніе, точно заговорщикъ, людьми, называвшими себя моими друзьями и величающими себя республиканцами! Сократъ выпилъ цикуту, но онъ по крайней мѣрѣ видѣлъ въ тюрьмѣ своихъ друзей и жену.

„Какъ много тяжелѣе быть въ разлукѣ съ тобой! Самый большой преступникъ былъ бы слишкомъ строго наказанъ, если бы былъ разлученъ съ своею Люсилію иначе, чѣмъ смертію, которая даетъ почувствовать горечь подобной разлуки только въ теченіе одного мгновенія. Меня зовутъ...

„Меня только что допрашивали комиссары революціоннаго суда... Мнѣ задали только одинъ вопросъ: не составлялъ ли я заговора противъ революціи? Какая насмѣшка! Развѣ можно оскорблять такъ самый чистый республиканизмъ! Я предвижу ожидающую меня судьбу. Прощай, Люсиль, передай мой прощальный привѣтъ отцу. Мои послѣднія минуты не покроютъ тебя безчестіемъ. Я умираю тридцати четырехъ лѣтъ. Я пришелъ къ сознанію, что власть опьяняетъ почти всѣхъ людей, что всѣ говорятъ подобно Діонисію Сиракузскому: „Тираннія—прекрасная эпитафія!“ Но утѣшься, эпитафія у твоего бѣднаго Камила будетъ еще болѣе славная: эпитафія Брутовъ и Катоновъ, убійцъ тирановъ. О, дорогая Люсиль! я былъ рожденъ чтобы писать стихи, защищать несчастныхъ, сдѣлать тебя счастливою и чтобы вмѣстѣ съ твоею матерью, моимъ отцомъ и нѣсколькими близкими нашими сердцу людьми образовать Отатти. Я мечталъ о республикѣ, которую обожалъ бы весь міръ. Я не могъ представить себѣ, что люди такъ кровожадны и несправедливы. Я вполнѣ сознаю, что умираю жертвою моею дружбы къ Дантону. Я благодарю своихъ убійцъ за то, что они даютъ мнѣ умереть съ нимъ и съ Филиппо. Прости мнѣ, мой дорогой другъ, моя истинная жизнь, которой я лишился съ той минуты, какъ насъ разлучили! Я забочусь о памяти обо мнѣ, хотя мнѣ скорѣе слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы ты меня поскорѣ забыла, моя Люсиль! умоляю тебя, не призывай меня своими воплями, они разорвали бы мнѣ сердце. Живи ради нашего ребенка! Говори ему обо мнѣ; ты скажешь ему то, чего онъ не можетъ услышать: что я бы его очень любилъ! Несмотря на мою казнь, я вѣрю, что есть Богъ. Моею кровью я искуплю свои грѣхи, слабости человечества; и за то, что во мнѣ было хорошаго, за мои добродѣтели, любовь къ свободѣ, Богъ меня вознаградитъ. Когда-нибудь я увижусь съ тобою, о Люсиль! При той чувствительности, которая была у меня, смерть, освобождающая меня отъ зрѣлища столькихъ преступленій, развѣ ужъ такое большое зло? Прощай, моя жизнь, моя душа, мое земное божество! Прощай! Люсиль! моя Люсиль! моя дорогая Люсиль! Прощай, Горацій! Аннета! Адель! Прощай, отецъ! Я чувствую, какъ отъ меня убѣгаетъ берегъ жизни! Я еще

вижу Люсилъ! Я вижу ее, мою возлюбленную! мою Люсилъ! Мои связанныя руки обнимаютъ тебя и моя отдѣленная отъ туловища голова еще не отводитъ отъ тебя своихъ потухающихъ глазъ“.

Между тѣмъ Комитетъ, побѣдившій въ Конвентѣ благодаря рѣчамъ Робеспьера и Сень-Жюста, удивлялся и былъ встревоженъ популярностью, которой пользовался Дантонъ, даже заключенный въ оковы. Онъ хотѣлъ поразить народъ величiемъ жертвы и неожиданностью удара. Ночью обвиняемыхъ перевели въ Консьержери. Войдя въ это преддверіе эшафота, Дантонъ почувствовать, какъ лишился своего беззаботнаго тщеславія. Его лицо сдѣлалось мрачнымъ, какъ и его обиталище. Случайно или издѣваясь, дантонистамъ отвели камеры жирондистовъ. Это было мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ пророчество. Дантонъ увидалъ въ этомъ перстъ божественнаго Правосудія, которое онъ началъ сознавать попавъ въ несчастіе. „Въ такой же точно день“, сказалъ онъ входя:—„я учредилъ революціонный судъ; я прошу въ этомъ прощенія у Бога и людей. Цѣль моя была предупредить повтореніе новаго сентябрю, а не желаніе наложить этотъ бичъ на человѣчество“.

15.

Судъ начался 2-го апрѣля. Всѣ судьи, избранные Фукье-Тенвиллемъ, подъ предсѣдательствомъ Германна, были знакомы съ подсудимыми. Самъ Фукье-Тенвилль, родственникъ Камилла Демулена, былъ обязанъ своимъ мѣстомъ общественаго обвинителя вліянію своего юнаго покровителя. Но взоры Комитета скользили по всѣмъ этимъ лицамъ и проникали въ ихъ совѣсть. Отъ нихъ ожидали не правосудія, а смертнаго приговора

Между тѣмъ народъ, продолжавшій обожать Дантона, осаждалъ Дворецъ Правосудія. Толпа тѣснилась даже до сосѣднихъ набережныхъ, чтобы присутствовать на триумфѣ великаго патріота. Дантонъ предсталъ передъ судьями отчасти съ театральнымъ величiемъ. Когда предсѣдатель спросилъ его имя, возрастъ и мѣстожительства, онъ отвѣтилъ: „Я Дантонъ, достаточно извѣстный въ революціи. Мнѣ тридцать пять лѣтъ. Моимъ жилищемъ скоро будетъ ничто, а мое имя будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи“.

„А мнѣ“, сказалъ Камилль Демуленъ: — „тридцать три года, возрастъ роковой для революціонеровъ, возрастъ санкюлота Исуса, когда Онъ умеръ“.

Когда Фукье посадилъ съ ними на одніи и тѣже скамьи Шабо, Фабра д'Эглантина и разныхъ интригановъ, ихъ сообщниковъ, Дантонъ и его друзья встали и отошли, возмущенные тѣмъ, что ихъ смѣшиваютъ въ одномъ и томъ же процессѣ съ людьми, обвиняемыми въ подлости. Допросъ начали съ нихъ. Фабръ д'Эглантинъ защищался съ искусствомъ челоуѣка, изощрившагося въ краснорѣчii. Показаніе Камбона, отличавшагося античной честностью, не оставило никакого сомнѣнія относительно преступленія, въ которомъ обвинялись подсудимые, въ исканіи и поддѣлкѣ финансоваго декрета. Несчастный юный Базиръ былъ виновенъ только въ томъ, что былъ друженъ съ Шабо и въ молчаніи, которое онъ хранилъ, чтобы не погубить своего друга. Невольный повѣренный, Базиръ умеръ за то, что не согласился сдѣлаться доносителемъ.

Геро де-Сешель былъ допрошенъ прежде Дантона. Онъ отвѣчалъ тономъ чловѣка, презирающаго жизнь такъ же, какъ и обвиненіе, и заранѣе подчиняющагося ожидающему его приговору. Затѣмъ Германнъ вызвалъ Дантона. Онъ обвинялъ его въ дружбѣ съ Дюмуре и въ тайныхъ сношеніяхъ съ цѣлю возстановленія королевства путемъ свращенія арміи и направленія ея противъ Парижа. Дантонъ всталъ съ притворнымъ негодованіемъ и громко сказалъ: „Неужели оклеветавшіе меня негодяи осмѣлятся напасть на меня открыто? Пусть они явятся, и я тотчасъ же покрою ихъ самихъ тѣмъ позоромъ, который они заслужили! Впрочемъ“, продолжалъ онъ, путаясь въ словахъ и съ торопливостью, свидѣтельствовавшей о бурлившихъ въ немъ мысляхъ:—„я сказалъ и повторяю: мое жилище скоро будетъ въ нирванѣ, а мое имя въ Пантеонѣ. Голова моя здѣсь и отвѣчаетъ за все... Жизнь мнѣ въ тягость, мнѣ хочется поскорѣе освободиться отъ нея!... Люди моего закала неоцѣнны.... На ихъ челѣ неизгладимыми знаками запечатлѣна печать свободы, республиканскій гений... И меня-то обвиняютъ въ рабствѣ передъ дворомъ! въ сообщничествѣ съ Мирабо, съ Дюмуре!... Сень-Жюсть! ты отвѣчаешь за клевету, направленную противъ лучшаго друга народа. Читая этотъ списокъ ужасовъ, я чувствую, какъ содрогается все мое существо!“ Эти слова, очевидно обдуманная заранѣе, возстановленные въ памяти и подсказанные взволнованной совѣстью отрывками, свидѣтельствовали скорѣе о гордости, чѣмъ о невинности. Предсѣдатель замѣтилъ подсудимому, что Маратъ, обвиненный подобно ему, защищался бы иначе и разбилъ бы обвиненіе своими хладнокровно приводимыми опроверженіями.

„Итакъ“, продолжалъ Дантонъ:—„я перейду къ своему оправданію“. Но, снова уклонившись отъ логической защиты, онъ воскликнулъ съ волненіемъ: „Я продался Мирабо, д'Орлеану, Дюмуре!... Но весь свѣтъ знаетъ, что я велъ борьбу съ Мирабо, что я защищалъ Марата! Развѣ не я разоблачилъ, когда насъ хотѣли подчинить тирану, похитивъ его и отвезя въ Сень-Клу? Развѣ я не доказалъ кордельерамъ, что необходимо вмѣшаться въ дѣло?... Я нахожусь въ полномъ сознаніи, вызывая моихъ обвинителей, и требую, чтобы мнѣ дали помѣряться съ ними! Пусть мнѣ укажутъ ихъ, чтобы я могъ низвергнуть ихъ въ ничтожество, откуда они никогда не должны были бы выходить! Низкіе клеветники, покажитесь, и я сорву съ васъ маску, скрывающую васъ отъ народнаго преслѣдованія!“ Предсѣдатель еще разъ призвалъ его къ умѣренности и скромности, приличествующей подсудимому. „Подсудимый, подобный мнѣ“, возразилъ Дантонъ:—„познавшій цѣну словъ и дѣлъ, отвѣтствуетъ передъ судомъ, но не говоритъ съ нимъ. Меня обвиняютъ въ томъ, что 10-го августа я удалился въ Арсисъ-на-Объ. Я скажу на это, что въ то время я заявилъ, что французскій народъ одержитъ побѣду, или меня не будетъ на свѣтѣ! Мнѣ необходимы, добавилъ я, лавры или смерть! Гдѣ же тѣ люди, у которыхъ Дантонъ заимствовалъ энергію? За два послѣдніе дня судъ узналъ Дантона. Завтра я надѣюсь почить на лонѣ славы!... Петіонъ“, продолжалъ онъ, какъ

человѣкъ, потерявшій нить своихъ мыслей и снова нашедшій ее: — „Петіонъ изъ Коммуны пошелъ къ кордельерамъ. Онъ сообщилъ намъ, что въ полночь ударять въ набатъ и что на слѣдующій день сойдеть въ могилу тираннія. Мнѣ отдали на храненіе, когда я былъ министромъ, пятьдесятъ милліоновъ, — я сознаюсь въ этомъ. Предлагаю дать въ нихъ подробный отчетъ. Это было сдѣлано, чтобы дать толчокъ революціи. Правда, что Дюмурье пробовалъ привлечь меня на свою сторону, стараясь польстить моему тщеславію, предложивъ мнѣ министерство; но я заявилъ ему, что желалъ бы занять подобное мѣсто только при громѣ пушки. Мнѣ говорятъ также о Вестерманѣ, но у меня съ нимъ никогда не было ничего общаго. Я знаю, что 10-го августа Вестерманъ вышелъ изъ Тюльери весь залитый кровью роялистовъ, а я говорилъ, что съ семнадцатой тысячами человѣкъ, расположенныхъ по данному мною плану, можно было бы спасти отечество...“

Слова Дантона такъ невнятно слетали у него съ губъ, что, казалось, они душили его своимъ обиліемъ, такъ же какъ своею тяжестью давили мысли. Ему не доставало истиннаго краснорѣчія подсудимаго, хладнокровія правдивости и голоса сердца. Онъ старался замѣнить ихъ жестами и шумомъ; онъ страстно возвышалъ голосъ, но не достигалъ искренняго негодованія. Конвульсивныя подергиванія его лица, отрывистая рѣчь, театральные жесты, пѣна, выступившая на губахъ, сдавленное дыханіе свидѣтельствовали о томъ, что онъ не въ силахъ продолжать рѣчь. Судьи, испуганные или разстроенные, выказали состраданіе къ нему и замѣтили, что ему надо успокоиться. Онъ замолчалъ.

Перешли къ Камиллу Демулену, обвиненному въ томъ, что онъ оскорбилъ народное правосудіе, сравнивъ его съ преступленіями тирановъ. „Я не могъ защищаться противъ моихъ враговъ иначе какъ сильно заостреннымъ оружіемъ, и я неоднократно доказывалъ революціи, что готовъ жертвовать ей всею моею жизнью“.

Лакруа, на вопросъ по поводу его полномочій въ Бельгіи и исчезновенія воза съ 400,000 фунтовъ цѣннаго груза, отвѣтилъ: „Мы, Дантонъ и я, купили разнаго бѣлья для народныхъ представителей. У насъ былъ возъ серебра, который былъ расхищенъ въ одной деревнѣ“. Онъ возмѣтилъ значительную часть 31-го мая.

17.

Это первое засѣданіе встревожило Комитетъ общественнаго спасенія. Дантонъ, ободренный сочувствіемъ, которое ему выказывалъ народъ, скорѣе подходилъ на заговорщика, подающаго толпѣ сигналъ къ возстанію, нежели на подсудимаго. Окна въ залѣ суда были отворены. Дантонъ слышалъ глухой ропотъ толпы за стѣною. Онъ говорилъ громко, чтобы его слышали внѣ залы. Минутами онъ такъ ревелъ, что голосъ его доносился по другую сторону Сены до любопытныхъ, толпившихся на набережной Феррайль. Произнесенныя имъ слова передавались изъ устъ въ уста отъ одной группы другой. Казалось, въ груди его раздавался набатъ, призывавшій къ возстанію; онъ сокрушалъ жестомъ судей, присяжныхъ, аудиторію. Германнъ звонилъ не переставая, чтобы водворить тишину. „Развѣ ты не слышишь звонка?“ спросилъ онъ его

однажды.—„Предсѣдатель“, отвѣтилъ Дантонъ:—„голосъ человѣка, защищающаго свою жизнь, долженъ покрыть звонъ твоего колокольчика“.

Нѣсколько членовъ Комитета присутствовали, невидимые, при этой драмѣ, наблюдая черезъ слуховое окно типографіи суда, выходившее въ залу засѣданій. Германнъ и Фуке-Тенвилль, повидимому, растерялись. Расположеніе общественное снова перешло на сторону Дантона. Онъ чувствовалъ это и становился все заносчивѣе. Члены Комитета дали знакъ предсѣдателю прекратить этотъ опасный діалогъ между нимъ и подсудимыми.

Въ слѣдующемъ засѣданіи обвиняемые и въ особенности Лакруа настойчиво потребовали, чтобы члены Комитета были вызваны въ качествѣ свидѣтелей. Фуке-Тенвилль отклонилъ это требованіе. Предсѣдатель приступилъ къ допросу Филиппо, доказывавшему свою невинность съ достоинствомъ и силой ни въ чемъ не замѣшаннаго человѣка. „Вамъ дано право погубить меня“, сказалъ онъ:—„но я запрещаю вамъ оскорблять меня“. Вестерманъ давалъ показанія какъ воинъ, не пытающійся отстоять свою жизнь, но стремящійся спасти свою честь. Послѣ допроса нѣсколькихъ второстепенныхъ подсудимыхъ, предсѣдатель поспѣшилъ закрыть засѣданіе.

Подсудимыхъ снова увели въ тюрьму. Встревоженный Комитетъ общественнаго спасенія не рѣшался ни продолжать процессъ, ни прекратить его. Законъ требовалъ, чтобы пренія продолжались по крайней мѣрѣ три дня. Засѣданіе слѣдующаго дня могло окончиться оправданіемъ и торжествомъ дантонистовъ. Роковая случайность положила конецъ безпокойству Комитета.

Заключенные Люксембурга, исполнѣ надѣясь на популярность Дантона, рѣшились воспользоваться волненіемъ, вызваннымъ процессомъ, чтобы составить заговоръ съ цѣлью поднять народный мятежъ для низверженія тиранніи и тѣмъ избѣгнуть смерти. Ночью въ комнатѣ генерала Диллона состоялось совѣщаніе между Шометтомъ и нѣкоторыми изъ главныхъ подсудимыхъ. Они были съ сношеніяхъ съ нѣсколькими лицами, находившимися на свободѣ. Жена Камилла Демулена должна была броситься къ толпѣ, повліять на нее своею красотой, горемъ и краснорѣчіемъ и увлечь ее противъ Конвента. Антонелль, бывшій предсѣдатель революціоннаго суда, былъ увѣдомленъ о заговорѣ.

О немъ донесъ заключенный Лафлоттъ. 4-го апрѣля, рано утромъ, Сень-Жюстъ поспѣшилъ созвать Конвентъ. Билло-Вареннъ прочелъ письмо Лафлотта; Конвентъ постановилъ, что всѣ виновные въ заговорѣ противъ народного правосудія, не будутъ допущены до премій и лишатся права защиты. Члены Комитетовъ Вадье, Амаръ и Вуланъ тотчасъ бросились къ Фуке-Тенвиллю, чтобы передать ему это постановленіе или, вѣрнѣе, смертный приговоръ подсудимымъ. Фуке прочиталъ это постановленіе судьямъ. Дантонъ всталъ, чтобы продолжать свою защиту. „Народъ!“ крикнулъ онъ шумѣвшей вокругъ него толпѣ:—„молчи! ты будешь судить меня, когда я кончу говорить! Мой голосъ долженъ слышать не только ты, но вся Франція! Я беру въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ, что мы не оскорбляли суда“. Присутствующіе подтверждаютъ рукоплесканіями слова Дантона. Негодующая толпа начинаетъ волноваться и приближается какъ бы желая освободить подсудимыхъ. Если бы жена Камилла Де-

мулена не была арестована ночью и своимъ присутствіемъ усилила бы это волненіе, подсудимые были бы спасены, а Комитетъ побѣжденъ.

Но за отсутствіемъ возбуждающей силы все успокоилось. Предсѣдатель отказалъ въ словѣ Камиллу Демулему, который всталъ, чтобы прочесть приготовленную имъ рѣчь. Камилль, возмущенный, сѣлъ и разорвалъ исписанный листъ, который держалъ въ рукѣ, а клочки бросилъ на паркетъ. Но потомъ, какъ бы передумавъ, онъ подобралъ ихъ и, скомкавъ ихъ въ шарики, началъ бросать ими въ голову Фукье-Тенвилля. Дантонъ нагнулся и послѣдовалъ его примѣру: не ради циничной, ребяческой шутки, недостойной человѣка и данной минуты, какъ думали сначала, но дѣйствіе это было многозначительное и трагическое, вызванное у подсудимаго, лишеннаго возможности доказать свою невинность и въ порывѣ негодованія бросающаго вмѣстѣ съ разорванными клочками своей защитительной рѣчи въ лицо судьямъ свою кровь и кровь своихъ соподсудимыхъ, въ видѣ мести или проклятія.

Клочки защитительной рѣчи Камилла Демулена, собранная послѣ засѣданія на паркетѣ въ залѣ суда однимъ изъ друзей Дантона, были переданы господамъ Дюплесси, тецѣ Камилла Демулена, и восстановлены во всей цѣлости этой женщиной, чтобы вызвать месть или состраданіе въ потомствѣ.

Дантонъ тщетно пытался протестовать еще разъ. „Когда-нибудь“, воскликнулъ онъ: — „когда-нибудь истина будетъ обнаружена; я вижу великія бѣдствія, надвигающіяся на Францію. Вотъ что значить диктатура!“ Затѣмъ, замѣтивъ въ глубинѣ коридора Амара и Вулана, повѣренныхъ Робеспьера, наблюдавшихъ происходившее, сказалъ, указывая на нихъ кулакомъ: „Видите, видите этихъ трусливыхъ убійцъ; они покинутъ насъ телько послѣ нашей смерти“. — „Негодянъ, воскликнулъ Камилль Демулень, имъ мало того, что они убиваютъ меня, они хотятъ еще убить мою жену“.

Судъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. На другой день, такъ какъ истекъ трехдневный срокъ, было объявлено, что пренія закончены. Камилла Демулена, ухватившагося за скамью, принуждены были увести силой.

Собираются присяжные. Они долго совѣщаются. Во время совѣщанія они входятъ въ сношеніе съ врагами обвиняемыхъ. Страшная тревога овладѣла ихъ сердцама. Никто изъ нихъ не вѣрилъ въ преступность Дантона, но всѣ вѣрили въ его порочность и могущество. Большинство колебалось. Между ними начались зловѣщіе споры, они силились вырвать другъ у друга жизнь или смерть этихъ людей. Субербель, бывшій другъ обвиняемыхъ, колебался больше всѣхъ. Онъ любилъ Дантона, боялся Робеспьера, но болѣе всего онъ боготворилъ республику. Взволнованный своими мыслями, онъ ходилъ порывистыми шагами въ коридорѣ, примыкающемъ къ залѣ совѣщаній. Къ нему подошелъ одинъ изъ сотоварищей Субербеля, Топпино Лебрень. „Ну, Субербель“, спросилъ его Лебрень: — „что ты тутъ дѣлаешь?“ — „Я размышляю объ ужасномъ поступкѣ, исполненія котораго отъ насъ требуютъ“, отвѣтилъ Субербель. — „А я уже покончилъ съ размышленіями“, продолжалъ присяжный. — „Къ чему же ты пришелъ?“ спросилъ Субербель. — „Я сказалъ себѣ“, продолжалъ присяжный: — „это не процессъ, а мѣропріятіе. Мы занесены благодаря обстоятельствамъ на такую высоту, гдѣ правосудіе исчезаетъ, уступая мѣсто политикѣ.“

Мы уже не присяжные, а мужи государства“.—Однако, сказалъ Сублиберъ:—развѣ есть два рода правосудія: одно для обыкновенныхъ людей, а другое для людей, стоящихъ выше? И невинность внизу развѣ становится преступленіемъ наверху?—„Ва!“ вскричалъ присяжный:—„дѣло не въ этихъ разсужденіяхъ, а въ благоразуміи и патриотизмѣ. Мы находимся тамъ, куда насъ привели обстоятельства. Республика дошла до одной изъ тѣхъ крайностей, когда судъ перестаетъ быть правосудіемъ и ему предстоитъ дѣлать выборъ. Дантонъ и Робеспьеръ не могутъ придти къ соглашенію. Для спасенія отечества одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть! Итакъ, спроси себя, какъ добрый патриотъ, и отвѣти себѣ по совѣсти: который изъ двухъ болѣе необходимъ въ данную минуту республикѣ, Робеспьеръ или Дантонъ?“—Робеспьеръ! не колеблясь отвѣтилъ Сублиберъ.—„Итакъ, ты произнесъ приговоръ“,—сказалъ Топино-Лебренъ и ушелъ.

18.

Вернувшись въ тюрьму, гдѣ они должны были ждать часа казни, осужденные сбросили съ себя роли, которыя они разыгрывали передъ публикой, и приняли свой естественный обликъ передъ лицомъ смерти. Геро де-Сешель былъ невозмутимъ какъ тѣ римляне, образъ которыхъ онъ носилъ въ своемъ сердцѣ. Ученикъ Жанъ-Жака Руссо, онъ вынулъ изъ кармана книгу сочиненій этого философа, прочелъ нѣсколько страницъ и поздравилъ себя съ тѣмъ, что уходитъ изъ міра, съ предразсудками и суевѣріями котораго онъ боролся, чтобы водворить тамъ первенство природы и разума. „О, мой учитель!“ воскликнулъ онъ, закрывая книгу:—„ты страдалъ за правду и я умираю за нее же. Ты гений, я мученикъ; ты болѣе великъ какъ человѣкъ, но кто изъ насъ обоихъ можетъ справедливѣе быть названъ философомъ?“ Эту самую мысль юный представитель народа выгравировалъ въ стихахъ надъ дверью домика, гдѣ жили Жанъ-Жакъ Руссо и госпожа Варенсъ, въ долині Шамметтъ, близъ Шамбери,—и ее можно прочесть еще и теперь.

Воспоминаніе объ этой картинѣ природы, уединенія и любви было послѣднею мыслью Геро де-Сешеля въ минуту его прощанія съ жизнью. Ни одна слеза не поколебала его стойкости, никакая афектація твердости не придавала ему неестественнаго вида.

Вестерманъ не страшился ничего. Филиппо улыбался, какъ будто совѣсть его черпала мужество въ сознаніи совершенныхъ имъ добрыхъ дѣлъ. Камилль Демуленъ хотѣлъ прочесть Юнга и Гервея, двухъ поэтовъ агоніи. „Ты, значить, хочешь умереть дважды!“ сказалъ ему шутя Вестерманъ. Но книга ежеминутно падала изъ рукъ Камилла. Онъ безпрестанно вспоминалъ обожаемую жену, томившуюся въ заключеніи, своего осиротѣвшаго сына, оставшуюся одинокой тещу: „О, моя Люсилъ! О, мой Горацій!“ восклицалъ онъ, заливаясь слезами:—„что будетъ съ вами!“

Дантонъ притворялся безпечнымъ; онъ отпускалъ остроты съ той цѣлью, чтобы онѣ пережили его, точно это были медали съ его изображеніемъ, которыя онъ бросалъ потомству съ порога могилы. „Они думаютъ“, что могутъ обойтись безъ меня, говорилъ онъ:—„но они ошибаются. Я былъ европейскимъ государственнѣмъ человѣкомъ. Они не подозрѣваютъ, какую пустоту оставить послѣ себя

эта голова“, говорилъ онъ, сжимая щеки ладонями своихъ большихъ рукъ:— „Что касается меня, то я смѣюсь надъ этимъ, прибавилъ онъ цинично:—я хорошо воспользовался своимъ короткимъ существованіемъ; я надѣлалъ много шума на землѣ; я наслаждался жизнью; пора заснуть!“ И онъ дѣлалъ головой и рукой движеніе человѣка, собирающагося лечь спать.

19.

Въ тотъ же день, 16-го жерминаля (5 апрѣля), въ четыре часа пополудни, помощники палача пришли, чтобы связать руки и обрѣзать волосы осужденнымъ. Они подчинились безпрекословно, приправляя шутками свой смертный приговоръ. „Это превосходно для тѣхъ дураковъ, которые будутъ глядѣть на насъ на улицѣ“, сказали Дантонъ:—„Мы предстанемъ въ другомъ видѣ передъ потомствомъ“. У него не было иного культа, кромѣ своей славы, и, повидимому, иного желанія, кромѣ того, чтобы имя его пережило его. Его безсмертіе заключалось въ славѣ его имени.

Камилль Демуленъ не могъ повѣрить, что Робеспьеръ допуститъ казнить такого человѣка, какъ онъ. Онъ надѣялся до послѣдней минуты на возвратъ дружбы. Съ момента своего заключенія онъ говорилъ о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ и снисхожденіемъ. Онъ выражалъ по его адресу только жалобы, но у него не вырвалось ни одного ругательства, котораго не могла бы простить гордость. Когда палачи хотѣли схватить Камилла, чтобы связать его такъ же, какъ и другихъ, онъ съ отчаяніемъ началъ отбиваться отъ нихъ, такъ какъ эти приготовленія не оставляли у него никакихъ сомнѣній въ неизбежности смерти. Его бѣшенство и проклятіе на минуту превратили тюрьму въ бойню. Пришлось повалить его на полъ, чтобы связать и обрѣзать ему волосы. Усмиренный и связанный, онъ умолялъ Дантона положить ему въ руку прядь волосъ Люсилы, которую онъ носилъ подъ одеждой, чтобы, умирая, имѣть что-нибудь принадлежащее ей. Дантонъ оказалъ ему эту печальную услугу и затѣмъ безпрекословно далъ себя связать.

Всѣхъ четырнадцать осужденныхъ посадили въ одну телѣжку. Народъ показывалъ другъ другу Дантона. Онъ оказывалъ уваженіе самому себѣ въ лицѣ своей жертвы. Эта казнь напоминала какъ бы самоубійство народа. Небольшая кучка мужчинъ въ лохмотьяхъ и подкушенныхъ женщинъ слѣдовала за телѣжкой, осыпая осужденныхъ бранью и насмѣшками. Камилль Демуленъ не переставая всхлипывалъ и кричалъ, обращаясь къ толпѣ: „Великодушный народъ, несчастный народъ! Тебя обманываютъ, тебя губятъ, умерщвляютъ лучшихъ твоихъ друзей! Узнайте меня, спасите меня! Я—Камилль Демуленъ! Это я призвалъ васъ къ оружію 14-го іюля! Это я далъ вамъ національную кокарду!“ Говоря такимъ образомъ и дѣлая усиленные движенія плечами, чтобы порвать связывавшія его веревки, онъ такъ изодралъ свою верхнюю одежду и рубашку, что его худой, костлявый торсъ виднѣлся изъ телѣжки почти совершенно обнаженный. Со времени казни госпожи Дю-Барри не слышали подобныхъ криковъ и не видали такихъ судорогъ во время агоніи. Толпа отвѣчала на нихъ оскорбленіями. Дантонъ, сидѣвшій рядомъ съ Камилломъ Демуленомъ, старался усадить своего молодого товарища, упрекая его за его

тишныя мольбы и выставка напоказъ своего отчаянія. „Да сиди же смиренно“, говорилъ онъ ему строго:— „и брось эту мерзкую сволочь!“ Что касается его самого, то онъ уничтожалъ толпу не словами, а равнодушіемъ и презрѣніемъ. Когда поѣздъ проѣзжалъ мимо оконъ дома, гдѣ жилъ Робеспьеръ, толпа удвоила оскорбленія, какъ бы желая почтить своего кумира, усугубляя мученія его соперника. Ставни дома Дюплэ обыкновенно запирались въ тѣ часы, когда телѣжки проѣзжали по улицѣ. При этихъ крикахъ Робеспьеръ поблѣднѣлъ. Онъ удалился изъ тѣхъ комнатъ, гдѣ они могли быть слышны. Пристыженный такимъ безсердечіемъ, удрученный такой массой пролитой крови, въ которой онъ такъ часто и заслуженно могъ упрекнуть себя, онъ почувствовалъ сожалѣніе, а быть можетъ и стыдъ. „Бѣдный Камилл“, сказалъ онъ:— „отчего я не могъ спасти его! Но онъ самъ себя погубилъ! Что касается Дантона“, прибавилъ онъ:— „я прекрасно знаю, что онъ очищаетъ мнѣ дорогу; но, невинные или виновные, мы всѣ должны отдать наши головы республикѣ. Республика узнаетъ своихъ по ту сторону эшафота“. Онъ притворился, что страдаетъ изъ-за того, что онъ называлъ „жестокимъ искупленіемъ“ родины.

20.

Геро де Сешель первый сошелъ съ телѣжки. Порывисто и вмѣстѣ съ хладнокровіемъ дружбы, толкающей сердце одного друга къ другому, онъ приблизилъ лицо свое къ лицу Дантона, чтобы поцѣловать его. Палачъ разлучилъ ихъ. „Злодѣй!“ сказалъ Дантонъ палачу:— „ты не можешь помѣшать нашимъ головамъ обмѣняться поцѣлуемъ въ корзинѣ“.

За ними взомель Камилл Демуленъ. Въ послѣднюю минуту къ нему вернулось спокойствіе. Онъ мять въ рукѣ волосы жены, какъ будто хотѣлъ высвободить руку, чтобы поднести эту реликвию къ губамъ. Онъ подошелъ къ орудію смерти, спокойно посмотрѣлъ на ножъ, съ котораго стекала кровь его друга, потомъ, обратившись къ народу и поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: „Такъ вотъ конецъ перваго апостола свободы! Чудовища, убивающія меня, недолго переживутъ меня. Попроси передать эти волосы моей тещѣ“, сказалъ онъ затѣмъ палачу. Это были его послѣднія слова. Голова его покатилаcь.

Дантонъ взомель послѣ всѣхъ. Никогда, всходя на трибуну, онъ не имѣлъ столь величественнаго и внушительнаго вида. Онъ выпрямился на эшафотѣ, какъ бы примѣряясь къ своему пьедесталу. Онъ бросалъ на толпу, направо и налѣво, взгляды сожалѣнія. Его лицо, казалось, говорило: „Всмотритесь въ меня внимательно, вы не встрѣтите никого, похожаго на меня“. Однако природа сломала на минуту эту гордость. Крикъ мужа, при воспоминаніи о молодой женѣ, вырвался у умирающаго. „О дорогая моя“, воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ:— „я больше не увижу тебя!“ Затѣмъ, какъ бы упрекая себя за это минутное возвращеніе къ жизни, онъ прибавилъ, громко обращаясь къ себѣ: „Довольно. Дантонъ, довольно слабости!“ И, повернувшись къ палачу,

сказалъ повелительно: „Покажи мою голову народу,—она стоитъ этого“. Голова его упала. Палачъ, повинувшись послѣднему его желанію, вынулъ ее изъ корзины и обнесъ ею вокругъ эшафота. Толпа рукоплескала. Такъ кончаютъ ея любимцы.

Такимъ образомъ разыгралъ сцену смерти передъ народомъ человѣкъ, для котораго даже эшафотъ послужилъ театральными подмостками и который хотѣлъ умереть такъ, чтобы трагическій конецъ его жизни былъ покрытъ аплодисментами, какъ было при самомъ началѣ и во всю его жизнь. Онъ обладалъ всѣми качествами великаго мужа, кромѣ добродѣтели. У него была натура, дѣятельность, вѣѣшность, гений, судьба и смерть великаго человѣка, но у него не было совѣсти. Онъ разыгрывалъ великаго человѣка, но не былъ имъ. Разыгрывать роль великаго не значитъ быть великимъ; величіе заключается только въ вѣрѣ. Дантонъ любилъ иногда даже до страсти свободу, но не вѣрилъ въ нее, потому что въ душѣ поклонился единственно славѣ.

Революція была для него инстинктомъ, а не религіей. Онъ служилъ ей, какъ вѣтеръ, производящій бурю, поднимающій пѣну и играющій волнами. Онъ видѣлъ въ ней одно движеніе, но не постигъ направленія. Онъ былъ опьяненъ ею, но не любилъ ее. Онъ олицетворялъ толпу, а не выдающихся людей той эпохи. Въ немъ поочередно высказались волненіе, сила, жестокость и великодушіе толпы. Человѣкъ скорѣе темперамента, а не идеи, страсти, а не разсудка, онъ былъ, однако, лучшимъ государственнымъ дѣятелемъ, нежели кто-либо изъ тѣхъ, кто пытался управлять событіями и людьми въ это время утопій. Если разужѣть подъ государственнымъ дѣятелемъ человѣка, понимающаго механизмъ управленія, независимо отъ его идеала, то онъ обладалъ политическимъ инстинктомъ въ большей степени, чѣмъ даже Мирабо. Онъ заимствовалъ у Макіавеля правила, относящіяся къ тому, какую степень власти или тираніи можно заставить вынести государство. Онъ зналъ слабости и пороки народовъ, но не зналъ ихъ добродѣтелей. Онъ не подозрѣвалъ даже существованія того, что составляетъ долгъ правительствъ, и не видѣлъ въ людяхъ Бога, а только матеріаль. Это былъ одинъ изъ тѣхъ поклонниковъ „древней Фортуны“, которые обожали въ ней только успѣхъ. Онъ съ тѣмъ большимъ самоудовольствомъ сознавалъ себя цѣну, какъ государственнаго мужа, чѣмъ ниже его была демократія. Онъ любовался собою, какъ гигантъ, находящійся среди карликовъ. Онъ выставлялъ напоказъ свое превосходство, какъ гениальный выскочка. Онъ восхищался собою. Онъ считалъ другихъ за ничтожество. Онъ провозглашалъ себя единственнымъ главою республики. Послѣ того какъ онъ метилъ народу, онъ началъ относиться къ нему съ презрѣніемъ, какъ къ дикому звѣрю, нападенія котораго онъ не боялся. Онъ былъ пороченъ открыто. Въ сентябрскіе дни его дѣйствія, какъ политика, граничили съ преступленіемъ. Онъ не признавалъ угрызѣній совѣсти, но онъ былъ побѣжденъ. Это его бѣсило. Пролитая кровь пятнала его. Тайный ужасъ примѣшивался къ восхищенію, которое онъ внушалъ. Онъ самъ чувствовалъ этотъ ужасъ, и ему хотѣлось бы отдѣлаться отъ этого прошлаго. Какъ у всякаго неиспорченнаго культурой человѣка, на него находили то признаки великодушія, то приступы жестокости.

Пороки у него были низкія, зато страсти благородныя; словомъ, у него было сердце. Въ концѣ концовъ это сердце всегда склонялось въ сторону добра влѣдствіе своей чувствительности, состраданія и любви. Онъ заслуживалъ одновременно проклятія и сожалѣнія. Это былъ колоссъ революціи съ золотой головой, съ грудью изъ плоти, туловищемъ изъ жетѣза и ногами изъ грязи. Когда его свергли, вершина Конвента начала казаться менѣе высокой. Онъ былъ на ней тучей, молніей, громомъ. Теряя его, Гора теряла свою вершину.

LVI.

Терроръ распространяется.—Генераль Диллонъ, Шометтъ, епископъ Гобель, вдова Геберъ, Люсиль Демуленъ.—Письмо госпожи Дюплесси Робеспьеру. — Владычество Комитета общественнаго спасенія.—Сенъ-Жюстъ въ арміи.—Силы и планъ союзныхъ державъ въ 1794 году.—Силы французской арміи.—Пишегрю.—Сухамъ.—Моро.—Побѣда при Тюркуанъ.—Марсо.—Дюгемъ.—Клеберъ.—Бернадотъ.—Журданъ, главнокомандующій.—Лефевръ.—Макдональдъ.—Взятіе Шарлеруа.—Битва при Флѣри.—Лефевръ и Шампюне.—Обсерваціонный воздушный шаръ.—Рѣшеніе вторгнуться въ Голландію.—Нерѣшительность австрійскаго двора.—Гошъ.—Съ Ландо снята осада.—Австрійцы снова переходятъ Рейнъ.—Пруссакіи удаляются въ Майнцъ.—Арестъ Гоша.—Его привозятъ въ Парижъ.—Границы защищаются.—Дюма.—Массена и Серрье.—Бонапартъ.—Ожеро.—Перионъ.—Дюгомье.—Брестскій флотъ.—Его нежеланіе повиноваться.—Адмирала Мораръ де Галля смѣняетъ Вилларе.—Жуайёзъ.—Встрѣча французскаго флота съ англійскимъ.—Бой 1-го іюня 1794 года.—Корабль „Le Vengeur“ („Мститель“).—Французскій флотъ возвращается въ Брестъ.—„Прощальная пѣснь“.—Терроръ и казни усиливаются.—Публичныя оскорбительницы.—Сынъ Кюстина осужденъ и казненъ.—Самоубійство Клавьера.—Жена его отравляется.—Казнь Ламурета, епископа лонскаго.—Кондорсе.—Выходъ его въ отставку.—Его бѣгство.—Арестъ.—Онъ принимаетъ ядъ.—Лува.—Ларевельеръ-Лепо.—Де Малербъ и его семья, Лукеръ, Дюваль-Депремениль и лица, носящія громкія имена во времена монархіи, отправлены на эшафотъ.—Печи гильотины.—Вердунскія дѣвушки.—Монмартрскія монахини.—Перенесеніе гильотины съ площади Людовика XV къ заставѣ Трона.—Казнь 89-ти-лѣтняго аббата Фенелона.—Слова Колло д’Арбуа, сказанныя имъ Фукье-Тенвиллю.

I.

Не успѣвъ умереть Дантонъ, какъ терроръ, казалось, какъ бы ожилъ послѣ тѣхъ усилій, которыя онъ употребилъ, чтобы укротить его. Двадцать семь осужденныхъ всѣхъ сословій, взглядовъ, обоихъ половъ, брошенные безъ разбора въ Люксембургскую тюрьму по обвиненію въ заговорѣ, предстали передъ революціоннымъ судомъ. Среди нихъ находились генераль Артуръ Диллонъ, Шометтъ, адъютанты Ронсена, генераль Бейссеръ, парижскій епископъ Гобель, актеры Граммонъ, отецъ и сынъ, Лапалюсъ, вдова Геберъ и, наконецъ, жена Камилла Демулена. Общимъ ихъ преступленіемъ была неосторожная попытка къ своему освобожденію или къ освобожденію дорогихъ для нихъ людей. Въ сущности же они были виновны въ безпокойствѣ прави-

тельства, Конвента, вызванномъ наканунѣ волненіемъ народа, поднятаго голосомъ Дантона. Хотѣли залить потоками крови пепель трибуна, чтобы загасить огонь.

Почти все были осуждены. Молодая монахиня, носившая имя Геберъ, вполне сознавала ожидавшую ее участь. Она не хотѣла даже продлить жизнь, заглушенную въ дѣтствѣ монастыремъ, опозоренную въ мірѣ именемъ, которое она носила, проведенную въ борьбѣ между ужасомъ и любовью къ памяти мужа, несчастную всегда. „Я обязана революціи только мгновеніемъ свободы и счастья“, говорила она своей подругѣ по несчастію Люсиле Демуленъ: — „ужасно любить человѣка, котораго все ненавидятъ. Мнѣ не простятъ память о немъ; быть можетъ я умру, чтобы искупить смертью страсть, которую оплакиваю.—Вы, сударыня, счастливы“, прибавила она. „Противъ васъ не можетъ быть выставлено никакой улики. Васъ не отнимутъ у вашихъ дѣтей, вы останетесь живы!“ Люсилѣ Демуленъ не раздѣляла этой надежды. Смерти мужа показала, какъ мало имѣетъ цѣны дружба Робеспьера. „Негодяи убьютъ меня, какъ и его“, отвѣчала она своей подругѣ по эшафоту: — „но они не знаютъ, какое негодование возбуждаетъ въ душѣ народа кровь женщины! Развѣ не кровь женщины изгнала навсегда изъ Рима Тарквинія и децемвировъ? Пусть они убьютъ меня, и тиранія падетъ вмѣстѣ со мною!“

Эти двѣ вдовы, оставшіяся послѣ своихъ мужей, которые за нѣсколько дней до того враждовали другъ съ другомъ, и взаимное ожесточеніе которыхъ повлекло за собою ихъ общую гибель, являли собою одну изъ жесточайшихъ насмѣшекъ судьбы. Быть можетъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онѣ радовались казни королевы и смерти госпожи Роланъ. Теперь же онѣ на себѣ испытывали ихъ страданія. Заблужденіе и месть слѣдуютъ непрерывно одна за другой во времена переворотовъ, когда въ дни совершаются событія цѣльныхъ годовъ.

Тщетно мать Люсилы, прекрасная и несчастная госпожа Дюплесси, обращалась къ друзьямъ Робеспьера, стараясь разжалобить его воспоминаніями прежнихъ отношеній. Все двери закрывались при имени родственниковъ Камилла и Дантона. „Робеспьеръ“, написала она наконецъ: — „тебѣ мало того, что ты убилъ своего лучшаго друга, тебѣ нужна еще кровь его жены, моей дочери!... Твое чудовище Фуке-Тенвилль только что отдалъ приказъ отправить ее на эшафотъ. Едва пройдетъ два часа, и ея не станетъ. Робеспьеръ, если ты не тигръ въ человѣческомъ образѣ, если кровь Камилла не опьянила тебя до потери разсудка, если ты еще не забылъ наши дружескіе вечера, если ты помнишь, какъ ты ласкалъ маленькаго Горація, котораго ты любилъ держать на колѣняхъ, если ты вспомнишь, что долженъ былъ сдѣлаться моимъ зятемъ,—пощади невинную жертву! Но если твоя ярость подобна ярости льва, поскорѣ возьми также и насъ—меня, Адель (ея вторая дочь) и Горація; скорѣ разорви насъ собственными руками, на которыхъ еще не остыла кровь Камилла. Не медли,—и пусть насъ соединитъ одна и та же могила!“

2.

Это письмо осталось безъ отвѣта. Робеспьеръ роковымъ образомъ долженъ былъ пріобрѣтать популярность,—отъ которой ему лучше было бы

отказаться, — такой цѣной, что не имѣлъ права имѣть ни воспоминаній, ни снисхожденія, ни милосердія. Онъ не получилъ письма или сдѣлать видъ, что не знаетъ о немъ. Онъ ничего не отвѣтилъ. Люсиль, сидѣвшую на телѣжкѣ для осужденныхъ рядомъ съ госпожей Геберъ, отвезли на эшафотъ 13-го апрѣля. Болѣе счастливая, чѣмъ ея сосѣдка, которая была удручена тяжестью позора оттого, что носила имя Гебера, Люсиль могла, по крайней мѣрѣ, держать свою голову высоко и сказать народу, что умираетъ за то, что внушала своему мужу милосердіе. Ея стройный станъ, лицо, казавшееся еще моложе ея лѣтъ, блѣдность, борящаяся на ея щекахъ со свѣжестью юности, ея мужъ, котораго она призывала, мать и ребенокъ, которыхъ она звала, ея сожалѣнія о жизни, прерываемыя призывомъ смерти, которая должна была соединить ее съ ея Камилломъ, все это трогало толпу. Менѣе сдержанная, чѣмъ госпожа Роланъ, она вызывала болѣе сочувствія. Она умирала не за славу, а за свою любовь. Въ лицѣ ея смерть наносила ударъ не партіи, а природѣ. Ее оплакивали. Быть можетъ, эта жертва была отомщена болѣе, чѣмъ другія, нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Эта кровь женщины обезцвѣчивала пролитую раньше. Она возбудила цѣлый полъ противъ убійцъ юности, невинности и любви. Смерть Люсиль была самой краснорѣчивой страницей „Старога Саножника“.

3.

Комитеты была въ страхѣ. Они боялись, чтобы смерть Дантона не вызвала волненій Парижѣ и департаментахъ. Его казнь была государственнымъ переворотомъ. Какъ она будетъ принята? Комитеты еще не знали, какую угодливость вызываетъ страхъ. Ихъ успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Общій крикъ одобренія, казалось, донесся къ нимъ изъ всѣхъ клубовъ республики. Послѣ смерти Дантона всѣ друзья его отреклись отъ него. Даже самъ Лежандръ искупилъ усиленнымъ низкопоклонствомъ слабую попытку къ независимости, которую онъ осмѣлился проявить. Онъ надобѣлъ Робеспьеру заявленіями о своемъ раскаяніи. Онъ опротивѣлъ ему своей рабской угодливостью. „Я былъ другомъ Дантона, пока вѣрилъ въ его честность“, говорилъ онъ: — „теперь во всей республикѣ не найдется человѣка, болѣе меня убѣжденнаго въ его преступленіяхъ“.

Комитетъ общественнаго спасенія, укрѣпивъ свою власть внутри страны, обратилъ все вниманіе на границы.

Сентъ-Жюсть, правая рука Робеспьера, снова отправился въ армію. Открытіе кампаніи 1794 года требовало особеннаго вниманія и принятія мѣръ со стороны Конвента. Подозрительно наблюдавшіе другъ за другомъ союзники, разсчитывая на внутренніе раздоры во Франціи, ничего не предпринимали въ теченіе зимы. Они довольствовались тѣмъ, что сохранили свои позиціи и стянули свои силы. Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы всей массой двинуться на Ландреси, а оттуда черезъ Лаонъ на Парижъ. Войска ихъ въ мартѣ мѣсяцъ состояли на Рейнѣ изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, австрійцевъ и эмигрантовъ, подъ начальствомъ герцога Саксенъ-Тешенскаго; шестьдесятъ пять тысячъ пруссаковъ было сосредоточено около Майнца, въ Люксембургѣ и на Самбрѣ, подъ предводительствомъ Балье, Вланкенштейна и

принца Кауница; наконецъ сто двадцать тысячъ человѣкъ разныхъ союзныхъ войскъ, подъ начальствомъ принца Кобургскаго и Клерфэ, маневрировали между Кенуа и Эско.

Военныя силы французовъ составляли: Верхне-Рейнская армія — шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; Мозельская — пятьдесятъ тысячъ; Арденская — тридцать тысячъ; Сѣверная — сто пятьдесятъ тысячъ. Военныя дѣйствія начались наступленіемъ союзниковъ на Ландреси. Это движеніе заставило республиканскую армію отступить. Непріятель осадилъ Ландреси. Нашъ центръ былъ отодвинутъ и оба фланга оставались безъ прикрытія и связи съ главной частью арміи. Пишегрю не могъ удержать своихъ позицій въ центрѣ во времена первой атаки и пришелъ къ убѣжденію, что ему не удастся снять осаду съ Ландреси иначе, какъ сдѣлавъ смѣлую диверсію въ приморскую Фландрію и оттянувъ такимъ образомъ на себя главныя силы непріятеля. Его выдающійся умъ въ соединеніи съ гениемъ Карно охватывалъ общую картину войны и слѣдилъ по огромной картѣ Европы за вліяніемъ одной операціи на другую. Кромѣ того въ душѣ его былъ тотъ огонекъ, который въ потребную минуту оживляетъ хладнокровно обдуманное рѣшеніе.

Онъ замаскировалъ свое движеніе общей атакой вдоль всей линіи французскихъ войскъ, чтобы отвлечь силы союзниковъ какъ можно дальше отъ морского берега, которымъ онъ хотѣлъ пройти, обойдя ихъ. Эти блестящія, но безрезультатныя атаки не помѣшали союзникамъ продолжать бомбардировку Ландреси и овладѣть 1-го мая этимъ ключомъ нашихъ провинцій.

Во время этихъ сраженій генералы Сугамъ и Моро перешли рѣку Ли и каналъ Лоо съ пятьюдесятью тысячами человѣкъ войска, напали врасплохъ на Клерфэ и отняли у него Куртре и Менинь. Пишегрю, увлеченный своими первыми успѣхами, не побоялся оставить дорогу на Парижъ совершенно безъ прикрытія, перебросивъ всю свою армію для поддержки Моро и Сугама. „Если Кобургъ осмѣлится проникнуть во Францію“, думалъ Пишегрю:— „онъ очутится между Парижемъ и ста двадцати-тысячной французской арміей, которая отрѣжетъ его отъ Фландріи и Германіи“.

Этотъ смѣлый планъ удался. Вызовъ не былъ принятъ принцемъ Кобургскимъ. Онъ повернулъ свою армію, намереваясь слѣдовать за Пишегрю и окружить его въ завоеванныхъ имъ земляхъ.

4.

Единственный военный совѣтъ, созданный въ Турне, на которомъ присутствовалъ и императоръ, составилъ новый планъ кампаніи, который былъ названъ „планомъ уничтоженія французской арміи“. Союзники надѣялись, что, когда армія будетъ окружена и уничтожена, Франція, истощившая свой патріотизмъ и ослабѣвшая отъ пролитой крови, не въ состояніи будетъ оправиться, руки у революціи будутъ обрѣзаны и можно будетъ нанести ей ударъ прямо въ сердце. Они направились шестью колоннами противъ Сѣверной арміи, которую должны были встрѣтить между Мениномъ и Куртре. Пишегрю былъ въ отсутствіи: онъ дѣлалъ смотръ войскамъ на Самбрѣ. Моро и Сугамъ разстроили планы союзниковъ, напавъ одновременно на разроз-

ненные колонны, и такимъ образомъ помѣшали имъ соединиться. 18-го мая они одержали побѣду у Тюркуаня и при Ватерлоо обратили въ бѣгство наступавшую англійскую армію. Герцогъ Йоркскій, командовавшій этой арміей, спасся только благодаря быстротѣ своего коня. Три тысячи плѣнныхъ и шестьдесятъ пушекъ достались республиканцамъ. Эта побѣда, одержанная при столь неравныхъ силахъ, возбудила энтузіазмъ, удвоившій храбрость французскихъ солдатъ. Пиегрю пріѣхалъ на другой день, чтобы воспользоваться плодами побѣды. Ихъ оспаривали у него съ остревѣніемъ въ сраженіи, продолжавшемся пятнадцать часовъ, въ которомъ имя Макдональда появилось впервые рядомъ съ именами Моро, Гоша, Пиегрю, Марсо и Вандама. Моро, которому была поручена осада Ипра, отбросилъ Клерфѣ, пришедшаго на помощь городу во главѣ тридцати тысячъ солдатъ. Моро овладѣлъ городомъ послѣ нѣсколькихъ жестокихъ штурмовъ и взялъ шесть тысячъ плѣнныхъ.

5.

Во время этихъ операцій Карно охранялъ Самбру, которую много разъ уже то уступали союзникамъ, то вновь овладѣвали ею, — казалось, она была фатальной границей, оспариваемой союзниками у республики. Карно послалъ туда Журдана, несправедливо лишеннаго командованія Сѣверной арміей и назначеннаго имъ командовать Самбро-Маасской арміей. Журданъ отомстил своей неблагодарной родинѣ, защищая ее своей шпагой и своимъ гениемъ. Сень-Жюсть и Леба, находившіеся въ слабыхъ корпусахъ, охранявшихъ эту рѣку, постоянно перебрасывали свои войска на другую сторону рѣки, чтобы перенести военные дѣйствія на непріятельскую землю. Журданъ, прибывшій съ Арденской арміей, состоявшей изъ пятидесяти тысячъ человекъ, по совѣту этихъ представителей, рѣшился перейти Самбру. Марсо и Дюгемъ отѣснили австрійцевъ къ Туину и Лоббамъ. Благодаря такому маневру, слѣдовавшая за ними армія могла перейти Самбру. Но, не получивъ поддержки войскъ генерала Дежардена, плохо разсчитавшаго свое движеніе, они переправились обратно черезъ рѣку для соединенія съ главными силами. Нетерпѣливый Сень-Жюсть предложилъ генераламъ Шарбонье и Дежардену овладѣть снова Самброй или умереть. 20-го мая они бросились на противоположную сторону рѣки. Остановившись на непріятельскомъ берегу, тыломъ къ Самбрѣ, Шарбонье и Дежарденъ, по приказу военного совѣта, командировали Клебера и Марсо за жизненными припасами на французскій берегъ. Атакующіе во время этого неосторожнаго раздѣленія войскъ австрійцами, французы были отброшены въ рѣку и спаслись только благодаря Клеберу и храбрости Вернадота, которые поспѣшили вернуться, когда услышали пушечную пальбу. Окрашенная кровью французовъ, Самбра снова потекла между непріятелями и нами.

Несмотря на то, что Журданъ приближался, нетерпѣливый Сень-Жюсть не хотѣлъ его ждать. „Шарлеруа, Шарлеруа!“ повторялъ онъ безпрестанно генераламъ, какъ Катонъ римлянамъ совѣтъ: — „поступайте, какъ хотите, но республикѣ нужна побѣда“.

Клеберъ снова переправился 26 мая и въ теченіе трехъ часовъ ждалъ подъ градомъ картечи, сыпавшейся изъ двадцати орудій, подхода колоннъ, которые

должны были слѣдовать за нимъ. Наконецъ, подавленный вновь подоспѣвшими батареями, разстроившими оба фланга его авангарда, онъ принужденъ былъ отступить. 29-го Сень-Жюсть заставилъ переправиться Марсо и Дюгема. Головы ихъ колоннъ наткнулись на тридцати-тысячное войско принца Оранскаго и отъ нихъ остались только жалкіе остатки, которые и переправились черезъ рѣку. Наконецъ, въ разгаръ этихъ бесполезныхъ наступленій явился Журданъ. Сень-Жюсть тотчасъ объявилъ его командующимъ одновременно Самбро-Маасской и Сѣверной арміями. Онъ подчинилъ ему всѣхъ генераловъ и всѣ корпуса и предоставилъ ему право самостоятельно вести военныя дѣйствія. Журданъ присоединилъ къ военному инстинкту Сень-Жюста знаніе генерала и численность своихъ батальоновъ. Онъ въ десятый разъ переходить Самбру и идетъ къ Шарлеруа во главѣ сорокатысячнаго войска.

Журданъ началъ бомбардировать городъ и распредѣлил свои войска на позиціяхъ въ ожиданіи близкой битвы; но, внезапно атакованный и не имѣя достаточнаго снарядовъ, безъ батарей, безъ поддержки, безъ связи своихъ частей, подавленный массой трехъ непріятельскихъ армій, онъ былъ принужденъ наконецъ, несмотря на чудеса храбрости и находчивости Клебера, Марсо, Дюгема, Лефебра и Макдональда, побѣдно отступить въ долину Самбры и снова искать защиты за ея водами. Сень-Жюсть, разгнѣванный, хотя самъ былъ свидѣтелемъ стойкости войскъ и повиновенія генераловъ, страшился того, чтобы эта новая неудача не поколебала популярности Комитета и Робеспьера. Онъ самъ бился какъ герой, но храбрость безъ успѣха ничего не значить. Побѣда для Сень-Жюста имѣла политическое значеніе. Его полемъ сраженія былъ Парижъ. Онъ ничего не считалъ невозможнымъ ради того, что было необходимо для блага республики. Карно постоянно писалъ ему: „Побѣда на Самбрѣ или анархія въ Парижѣ“.

Наконецъ, 18-го іюня, Журданъ, собравъ въ два дня свои артиллерійскіе парки, подкрѣпленія и снаряды, воспользовался безпечностью, которую проявилъ Кобургъ, увлекшись своимъ успѣхомъ, снова перешелъ Самбру и двинулся на Шарлеруа. Принцъ Кобургскій отдѣлил большую часть своихъ батальоновъ и эскадроновъ для подкрѣпленія Клерфѣ противъ Пишегрю. Журданъ обложилъ Шарлеруа, укрѣпилъ деревни, прикрывавшія фронтъ его армій, въ особенности Флерю. Въ центрѣ своего пути онъ поставилъ въ редутъ восемнадцать орудій крупнаго калибра, которыми заставилъ артиллерію Шарлеруа замолчать. Въ тотъ же день городъ сдался. Сень-Жюсть отнесся великодушно къ гарнизону. Онъ разрѣшилъ ему выйти съ оружіемъ и имуществомъ. Въ то время какъ гарнизонъ уходилъ изъ города, дефилируя передъ представителемъ народа, пушечные выстрѣлы, загремяшіе вдали, возвестили Шарлеруа о приближеніи запоздавашаго подкрѣпленія, а Журдану о близкомъ сраженіи.

6.

Это подходилъ принцъ Кобургскій, который, соединившись съ принцемъ Оранскимъ, открылъ огонь по аванпостамъ французской арміи. Журданъ расположилъ свои войска въ видѣ луннаго серпа; оба его крыла упирались въ Самбру, перейти которую теперь имъ уже было невозможно, и имъ не оста-

валось много выхода как побѣдить или умереть. Марсо, Лефевръ, Шампюне, Клеберъ командовали корпусами и впервые покрыли славою свои имена; ретраншементы, связанные другъ съ другомъ сильными редутами и оберегаемые отборными войсками, прикрывали оба выдвинутые конца нашихъ фланговъ и весь центръ позиціи.

Принцъ Кобургскій въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ согласно обычному избѣтому приему войны, раздѣливъ свои силы и свои атаки. Онъ образовалъ изъ своихъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ пять колоннъ, которыя двинулись полукругомъ, чтобы напасть на французскую армію на всѣхъ пунктахъ сразу. Принцъ Оранскій, генералъ Казнодовичъ, принцъ Кауницъ, братъ императора герцогъ Карлъ и генералъ Балье командовали наступающими колоннами. Эти колонны, послѣ минутныхъ успѣховъ и неудачъ, двинулись всѣ сразу противъ войскъ республики. Оттѣсненный Шампюне отступилъ за ретраншементы. Очищенное имъ пространство немедленно заняла многочисленная непріятельская кавалерія, и оно сдѣлалось центромъ поля сраженія.

Ходъ битвы между Лефевромъ и Шампюне и этими массами было скрытъ отъ Журдана облаками пыли. Въ эту минуту надъ облаками появился воздушный шаръ съ офицерами французскаго генеральнаго штаба. Карно пожелалъ примѣнить въ военномъ искусствѣ бесполезное дотогѣ изобрѣтеніе аэростата. Эта подвижная наблюдательная станція, парившая надъ обоими лагерями и недоступная ядрамъ, должна была доставить свѣдѣнія главнокомандующему. Австрійцы начали стрѣлять въ шаръ и заставили его подняться на огромную высоту, чтобы избѣгнуть ядеръ. Однако офицеры, находившіеся на шарѣ, замѣтили опасное положеніе Шампюне и спустились, чтобы сообщить объ этомъ Журдану. Послѣдній немедленно двинулся съ своими резервами, состоявшими изъ шести батальоновъ и шести эскадроновъ, на помощь Шампюне и вмѣстѣ съ нимъ вернулся форсированнымъ маршемъ черезъ кучи непріятельскихъ труповъ на покинутыя позиціи. Большой редутъ, снова перешедшій въ руки французовъ, началъ осыпать ядрами австрійцевъ, вырывая цѣлые ряды ихъ. Французская кавалерія бросилась галопомъ въ образовавшіеся бреши, расширяя ихъ ударами сабель, и захватила пятьдесятъ артиллерійскихъ орудій. Но въ то время, когда Журданъ прорвалъ центръ непріятеля, принцъ Ламбекъ, во главѣ соединенныхъ императорскихъ карабинеровъ и кирасиръ, устремился на французскую кавалерію и вырвалъ у нея побѣду и трофеи. Мы начали уже отступать, когда принцъ Кобургскій замѣтилъ треххвѣтное знамя, развѣвавшееся надъ укрѣпленіями Шарлеруа, и видя, что побѣда на этотъ день для союзной арміи потеряна, далъ сигналъ къ отступленію и, покинувъ поле сраженія, отдалъ имя Флёрю и честь побѣды Журдану (8-го сентября 1794 года—26 іюня 1794 года).

7.

Двадцать тысячъ труповъ остались на полѣ сраженія. Эта побѣда отдала вновь въ наши руки Бельгію и не замедлила подчинить законамъ Конвента французскіе города, временно занятые иностранцами. Карно и Сень-Июсть рѣшили соединить Сѣверную армію съ Самбро-Маасской, отправить Пишегрю для

завоеванія Голландіи, прервать сношенія между арміями Клерфэ и герцога Гюркскаго и такимъ образомъ разъединить огромную союзную армію, поднять Рейнскія провинціи и Нидерланды, воспользоваться нерѣшительностью Пруссіи, отдѣлать Австрію отъ враждебнаго намъ союза и выслушать мирныя предложенія, которыя императоръ уже началъ дѣлать Робеспьеру. Въ самомъ дѣлѣ, терпѣніе Робеспьера произвело сильное впечатлѣніе на государственныхъ мужей вѣнскаго двора. Утомленный частымъ безплоднымъ напряженіемъ силъ, испуганный возвышеніемъ Пруссіи, обезпокоенный бездѣйствіемъ Россіи, выведенный изъ терпѣнія требованіями Питта, австрійскій кабинетъ задумалъ отдѣлаться. Только анархія и неустойчивость революціоннаго правительства мѣшали императору вступить въ переговоры. Для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній онъ ждалъ, чтобы Робеспьеръ добился диктатуры, сдѣлалъ республику единой, образовалъ центральную власть, съ которой можно было бы вступить въ соглашеніе и получить достаточныя гарантіи мира.

8.

Единственной опасностью для республики въ послѣдніе мѣсяцы предыдущей кампаніи была блокада Ландау и оккупация линій Вейсенбурга — ключей къ нашимъ Рейнской и Вогезской долинамъ. Тогда Комитетъ общественнаго спасенія рѣшилъ сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы вернуть эту позицію и освободить отъ блокады Ландау, гдѣ смерть была лозунгомъ трехъ армій: Рейнской, Арденской и Мозельской. Массовый наборъ и единодушный порывъ воинственнаго населенія Эльзаса, Вогезовъ и Юры быстро пополнили ряды этихъ трехъ армій. Пишегрю командовалъ Рейнской арміей. Его суровый характеръ и вѣнность республиканца пріобрѣли этому генералу довѣріе Робеспьера, Сень-Жюста и Леба. Эти сомнительной честности люди видѣли въ Пишегрю человѣка, обладающаго скромностью и добродѣтелями древнихъ, способнаго спасти республику, но не способнаго желать управлять ею. Честолюбивый Пишегрю умѣлъ скрывать свои стремленія къ власти, зародившіяся въ его гениальномъ умѣ.

Начальство надъ Мозельской арміей, имѣвшей назначеніе соединиться съ арміей Пишегрю перейдя Вогезы, Карно возложилъ на молодого генерала Гоша, подвиги котораго въ Сѣверной арміи обратили на него вниманіе республики. Въ двадцать шесть лѣтъ Гошъ соединялъ съ пылкостью своего возраста зрѣлость мысли испытаннаго полководца. Огонь революціи сжигалъ его душу. Въ славѣ онъ видѣлъ только блескъ свободы. Онъ принялъ командованіе, какъ принимаютъ на себя исполненіе долга. Онъ рѣшилъ въ сердцѣ своемъ посвятить свою жизнь республикѣ въ благодарность за честь, которую ему оказали. Солдаты, видѣвшіе на немъ примѣръ того, чего можетъ достигнуть солдатъ, встрѣтили назначеніе Комитета радостными возгласами. Въ нѣсколько дней онъ воодушевилъ свою армію огнемъ, горѣвшимъ въ его душѣ. Съ тридцатью тысячами человѣкъ онъ бросился на Вогезскія высоты, сначала имѣлъ успѣхъ, но затѣмъ при Кейзерлаутернѣ потерпѣлъ неудачу и отступилъ; несмотря на пораженіе, онъ заслужилъ, однако, уваженіе представителей, бывшихъ свидѣтелями его храбрости; получивъ подкрѣпленіе изъ Арденской арміи, онъ снова двинулся впередъ, бросился на Вердтъ, чтобы напасть врасплохъ и

разбить Вурмсена; онъ разбилъ австрійскаго генерала, отбросилъ его правое крыло, захватилъ его позиціи, взялъ въ плѣнъ значительный отрядъ и соединился съ Рейнской арміей.

Бодо и Леба, пораженные рѣшительностью и удачей движеній Гоша, передали ему, вмѣсто Пишегрю, командованіе двумя соединенными арміями. Гошъ атаковалъ сразу пруссаковъ, сосредоточившихся около Вейсенбурга, и австрійцевъ, стоявшихъ у Лаутера, между Вейсенбургомъ и Рейномъ. Два полковника его арміи, Дезе и Мишо, устремились на эти части, отбѣснили ихъ и побѣдоносно вошли въ Вейсенбургъ. Блокада съ Ландау была снята 28 декабря 1793 года. Австрійцы перешли обратно Рейнъ. Пруссаки отошли къ Майнцу. Старый герцогъ Брауншвейгскій, командовавшій ими, отказался отъ командованія, оскорбленный тѣмъ, что его побѣдилъ двадцати-шестилѣтній генераль.

9.

Но послѣ этихъ подвиговъ, очистившихъ землю республики и отдавшихъ двѣ арміи подъ начальство юноши, генерала Гоша начала преслѣдовать зависть. Сенъ-Жюсть и Робеспьеръ, завидуя его вліянію въ войскахъ и уступая внушеніямъ Пишегрю, приказали схватить его, подобно Кюстину, въ самомъ его лагерѣ. Отправленный затѣмъ въ Альпійскую армію, Гошъ снова былъ арестованъ по прибытіи въ Ниццу. Его привезли въ Парижъ и заключили въ Кармъ. Нѣсколько дней спустя послѣдовалъ болѣе строгій приказъ, вслѣдствіе котораго онъ былъ переведенъ въ Консьержери, куда его отвели со связанными руками, какъ презрѣннаго преступника. Въ то время, которое мы описываемъ, онъ уже въ теченіе пяти мѣсяцевъ томился въ тюрьмѣ. Человѣкъ, спасшій республику и не имѣвшій за собой иного преступленія, кромѣ славы, ждалъ каждый день казни въ награду за услуги, оказанныя имъ родинѣ. Гошъ, женившійся всего за нѣсколько мѣсяцевъ до этого на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая вмѣсто приданаго принесла ему свою любовь и красоту, могъ переписываться съ нею только лаконическими записками, пересылаемыми потихоньку отъ сторожей. Онъ питался тюремнымъ хлѣбомъ. Онъ принужденъ былъ продать своего боевого коня, чтобы поддержать свою жизнь. Онъ переносилъ всѣ лишения, нужду и перспективу казни, даже мысленно не проклиная „республику“.—Въ республикахъ, писалъ онъ своей женѣ:—„генераль, слишкомъ любимый своими солдатами, всегда становится подозрительнымъ въ глазахъ тѣхъ, кто управляетъ государствомъ,—ты должна это знать; конечно, свободѣ могла бы грозить опасность отъ честолюбія такого человѣка, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ оказался честолюбцемъ. Но я!.. Но что-жъ,—мой примѣръ послужить на пользу общему дѣлу. Спасши Римъ, Цинцинатъ вернулся пахать свое поле. Я не хочу равнять себя съ такимъ человѣкомъ, но, какъ и онъ,—я люблю свое отечество. Я съ радостью вернулся бы въ тѣ ряды, откуда случай и мои труды вывели меня слишкомъ рано, чтобы дать мнѣ отдохнуть!..“

„Если ты прочтешь“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ:—„исторію древнихъ республикъ, ты увидишь, что злоба людей преслѣдовала всѣхъ тѣхъ, кто, подобно мнѣ, честно служилъ своей родинѣ!...“

Частныя письма Гоша полны примѣрами изъ древней исторіи. Въ эпоху, когда философское невѣріе, соединенное съ солдатскимъ легкомысліемъ, изгоняло изъ языка и изъ сердца всякое религіозное чувство, странно было видѣть молодого республиканскаго героя постоянно возносившаго свои мысли къ Небу, призывавшаго Провидѣніе и съ глубокимъ чувствомъ говорившаго женѣ и своимъ друзьямъ о „Вышемъ Существо“, охраняющемъ его въ минуты опасности и которому онъ обязанъ своимъ героизмомъ, какъ источнику святаго самопожертвованія.

Мѣсяцы заключенія и ожиданія казни выработали изъ Гоша героя, которому предстояло вскорѣ силою и великодушіемъ потушить гражданскую войну.

10.

Послѣ зимы 1793 — 1794 гг. наши другія границы сдѣлались такъ же безопасны, какъ и рейнскія. Въ Савойѣ генераль Дюма овладѣлъ Альпійскими высотами и съ вершинъ Сенъ-Бернара и Монъ-Сени угрожалъ пьемонтцамъ, союзникамъ Австріи. Комитетъ общественнаго спасенія задумалъ вторженіе въ Италію. Массена и Серюрье открывали постепенно доступъ къ ней со стороны Ниццы. Бонапартъ, бывшій въ то время только командующимъ батальономъ въ этой арміи, посылалъ планы Карно и Баррасу. Эти планы свидѣтельствовали о военномъ гениі неизвѣстнаго молодого офицера.

Въ Вандеѣ бунтующіе отряды республиканцевъ повсюду несли съ собою огонь и смерть. Главнокомандующій Эльбеи попалъ въ ихъ руки и былъ разстрѣлянъ въ Нантъ.

Въ Пиренеяхъ, испанская армія, лишившаяся двухъ своихъ умершихъ генераловъ, Рикардоса и Орейлу, прикрывалась рѣкою Таго противъ атакъ Ожеро, Периньона и Дюгомье. Старый генераль Дагоберъ, съ нетерпѣніемъ переносившій свое бездѣйствіе въ Сердань, занялъ Каталонію, съ торжествомъ вошелъ въ Монтелло и умеръ отъ утомленія въ Сѣ-д'Юржелѣ семидесяти восьми лѣтъ отъ роду. Отдавъ огромныя контрибуціи, доставшіяся ему послѣ побѣды, цѣликомъ въ кассу арміи, Дагоберъ, умирая, не имѣлъ ничего, кромѣ мундира и жалованья. Офицеры и солдаты его арміи устроили ему въ складчину скромныя, но славныя похороны. Испанскій генераль Ла-Уніонъ, гонимый съ одной позиціи на другую до вершинъ Пиренеевъ, покинулъ всѣ эти долины и отступалъ передъ пушками де-Фигіера.

Испанскій король предложилъ миръ, поставивъ условіемъ освобожденіе двухъ дѣтей Людовика XVI и предоставленіе небольшого удѣла для дофина въ смежныхъ съ Испаніей провинціяхъ. Комитетъ общественнаго спасенія написалъ народному представителю, сообщившему ему эти условія: „Отвѣчайте пушками; идите впередъ и бейте!“ Дюгомье, повинувшись этому приказанію, одержалъ побѣду и палъ на полѣ битвы, пораженный ядромъ въ голову. „Скройте мою смерть отъ солдатъ“, сказалъ онъ своимъ двумъ сыновьямъ и офицерамъ, поднимавшимъ его:— „пусть побѣда усладитъ мои послѣднія минуты“. Периньонъ, назначенный представителями главнокомандующимъ вмѣсто Дюгомье, довершилъ побѣду.

Генералы Бонъ, Вердье, Шаберъ выбивали у непріятеля цѣлые ряды войска

и пошли въ штыки на непріятельскій лагерь. Смерть испанскаго главнокомандующаго, убитаго въ редутъ, и трехъ генераловъ была возмездіемъ за смерть Дюгомье и повлекла за собою бѣгство непріятельской арміи. Десять тысячъ испанцевъ были взяты въ плѣнъ. Фигьеръ попалъ въ руки Ожеро и Виктора. Граница была очищена и непріятель всюду отступалъ передъ упорствомъ и натискомъ нашихъ батальоновъ. Упрямство Робеспьера, гений Карно, непоколебимость Сень-Жюста перенесли военные дѣйствія на непріятельскую землю.

11.

На морѣ республика если и не поддерживала свое могущество, зато проявляла свой героизмъ. Въ морской войнѣ имѣють значеніе: не одна храбрость и численность здѣсь недостаточно человѣка; нужны дерево, бронза, снасти, маневрированіе, дисциплина; можно импровизировать армію, но флотъ создается медленно и такъ же медленно вырабатываются люди, способные служить на немъ. Нашъ флотъ, лишившійся офицеровъ вслѣдствіе эмиграціи и судовъ послѣ Тулонскаго разгрома, пострадалъ еще отъ возстанія. Брестскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Морара де Галля крейсировавшій у береговъ Бретани, нуждавшійся въ продовольствіи, военныхъ припасахъ, потерявшій увѣренность въ себѣ, взбунтовался противъ офицеровъ изъ-за того, что—какъ онъ полагалъ—его нарочно удалили отъ Бреста, чтобы сдать его, подобно Тулону, англичанамъ, и принудилъ ихъ вернуться въ Брестъ.

Комитетъ общественнаго спасенія послалъ въ Брестъ трехъ комиссаровъ: Приера изъ Марна, Трельяра и Жана-Бонъ Сентъ-Андрэ. Эти комиссары сдѣлали видъ, что вѣрятъ матросамъ, и начали искать между командирами флота воображаемыхъ заговорщиковъ. Они поселили терроръ во флотъ, подобно тому, какъ онъ свирѣпствовалъ на сушѣ. Лишеніе должности, тюрьмы и смерть сократили число офицеровъ; Морара де Галля замѣнилъ Вилларе-Жуайёзъ, изъ простаго капитана корабля возвысившійся на степень командира эскадры вслѣдствіе неповиновенія матросовъ. Возмущившіеся корабли получили новыхъ командировъ и даже новыя имена, заимствованныя изъ выдающихся событій революціи.

Между тѣмъ изъ Америки ожидалось прибытіе двухсотъ судовъ, нагруженныхъ зерномъ. Вилларе-Жуайёзъ получилъ приказъ снова выйти съ флотомъ и держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, чтобы не допустить войти этимъ двумъ стамя судамъ во французскія воды, а также подучить немного экипажъ въ ожиданіи большихъ маневровъ. Въ нашемъ флотѣ числилось двадцать восемь линейныхъ судовъ, внушительные остатки нашихъ вооруженныхъ силъ въ Америкѣ и Индіи. Вилларе-Жуайёзъ и Жанъ-Бонъ Сентъ-Андрэ находились на сто тридцати пушечномъ кораблѣ „Гора“. Не успѣлъ флотъ, величественный своею численностью и патріотическимъ порывомъ, выйти тремя колоннами въ море, какъ онъ былъ замѣченъ адмираломъ Гау, крейсировавшимъ съ тридцатью тремя англійскими судами у береговъ Нормандіи и Бретани. Французскій адмиралъ хотѣлъ уклониться отъ боя, имѣя въ виду сначала исполнить полученный имъ приказъ — охрану ожидаемаго зерна, долженство-

важного прибыть въ наши голодающія приморскія провинціи. Моряки, подогрѣтые революціоннымъ порывомъ Жанъ-Бона Сентъ-Андрэ, съ тѣмъ же общимъ возбужденіемъ, которое двигало въ то время и наши батальоны, бросились въ битву.

Англичане сначала сдѣлали видъ, что избѣгаютъ ея. Они старались заманить нашихъ неопытныхъ представителей. Вилларе-Жуайёзъ хотѣлъ только окрестить свой флотъ боевымъ огнемъ, не подвергая его опасностямъ морской битвы. Онъ рассчитывалъ удовлетворить нѣсколькими залпами жажду славы Жанъ-Бона Сентъ-Андрэ. Битву начали только два арьергардныхъ корабля. Французскій корабль „Революціонеръ“, потерпѣвшій сильную аварію и съ трудомъ державшійся на водѣ, едва спасся отъ трехъ англійскихъ судовъ и вошелъ, безъ мачтъ, въ Рошфоръ. Наступившая ночь разъединила оба флота. На разсвѣтѣ они снова увидали другъ друга. Три англійскихъ корабля врѣзались въ центръ линіи французскихъ судовъ, сцѣпились, подобно брандерамъ, съ „Мстителемъ“ и подожгли его снасти. Уже готово было завязаться генеральное сраженіе, но густой туманъ опустился надъ океаномъ и два дня окутывалъ оба флота такимъ мракомъ, что сдѣлалъ всякіе маневры невозможными. Но въ эту тьму адмиралъ Гау ухитрился произвести такой маневръ, что поставилъ французскій флотъ подъ вѣтеръ, и получилъ, благодаря этому, огромное преимущество, увеличившее силу его эскадры и ея подвижность пропорціонально всей силѣ и всей подвижности стихій.

12.

Это произошло на разсвѣтѣ 1-го іюня 1794 года. Небо было ясно, солнце ярко сіяло, волны вздымались, но не мѣшали движенію; храбрость была одинакова съ обѣихъ сторонъ; только у французовъ это была храбрость скорѣе отчаянія, а у англичанъ болѣе спокойная и увѣренная. Возгласы: „Да здравствуетъ республика“ и „Да здравствуетъ Великобританія“ раздавались съ обѣихъ сторонъ. Вѣтеръ переносился вмѣстѣ въ волнахъ отъ одного флота къ другому подъ звуки патріотическихъ гимновъ обѣихъ націй.

Вмѣсто того, чтобы прямо двинуться на линію французскихъ судовъ, англійскій адмиралъ взялъ направленіе вкось, разрѣзалъ его на двѣ части, разгромилъ лѣвую половину выстрѣлами изъ всѣхъ орудій, въ то время какъ правая половина, находясь подъ противнымъ вѣтромъ, смотрѣла, неподвижная, на пожаръ своихъ кораблей. Говорятъ, что никогда подобная жажда смерти не подымала другъ противъ друга два враждующихъ народа. Казалось, что дерево и паруса были охвачены тѣмъ же нетерпѣливымъ ожиданіемъ столкновенія, какъ и моряки. Они сталкивались то сближаясь, то разъединяясь короткими волнами. Четыре тысячи орудій, отвѣчая другъ другу съ враждебныхъ палубъ, изрыгали картечь на разстояніе пистолетнаго выстрѣла. Мачты были срублены. Паруса—въ огнѣ. Палубы покрыты оторванными членами тѣла и обломками снастей. Гау, находившійся на кораблѣ „Королева Шарлотта“, сражался, точно на большой дуэли, съ адмиральскимъ кораблемъ „Гора“. Корабль „Якобинецъ“ невѣрнымъ движеніемъ прорвалъ нашу линію и открылъ это судно. Лѣвая половина французскаго флота

была уничтожена, но не побѣждена. На своихъ флагахъ она сдѣлала надпись „Побѣда или смерть!“ Центръ мало пострадалъ. Ночь спустилась надъ этой бойней и прекратила ее.

Шесть республиканскихъ кораблей были отрѣзаны отъ флота и окружены судами Гау. День долженъ былъ освѣтить сдачу этихъ судовъ или пожаръ ихъ. Французскій адмиралъ захотѣлъ спасти ихъ или сторѣть вмѣстѣ съ ними. Размышленіе умѣрило пылъ народнаго представителя Жанъ-Бона Сентъ-Андрѣ. Флотъ достаточно совершилъ для его славы. Оспариваніе побѣды было уже торжествомъ для республики. Представитель отдалъ приказъ отступать. Его обвинили въ трусости и чуть было не сбросили въ море. Корабль „Гора“ былъ уже только потухшимъ вулканомъ. Въ него попало триста ядеръ. Всѣ его офицеры были ранены или убиты. Едва треть экипажа осталась въ живыхъ. Скамья изъ вахтенной рубки капитана была унесена изъ-подъ него. Всѣ канониры погибли у своихъ орудій. То же было со всѣми судами, принимавшими участіе въ битвѣ.

Окруженный тремя непріятельскими судами, корабль „Мститель“ еще сражался, но его капитанъ былъ уже разорванъ пополамъ, офицеры искалѣчены, почти всѣ матросы перебиты, мачты срублены, отъ парусовъ осталась одна зола. Англійскіе корабли сторонились отъ него, какъ отъ трупа, послѣднія конвульсіи котораго могли быть еще опасны, но который былъ обреченъ на неминуемую смерть. Экипажъ, опьяненный порохомъ и кровью, дошелъ до того, что, гордясь своимъ флагомъ, рѣшился на массовое самоубійство. Онъ прибилъ флагъ къ обломку мачты, отказался отъ всякихъ переговоровъ и ждалъ, чтобы волны, съ каждой минутой все болѣе заливавшія трюмъ, погрузили его въ свою пучину. По мѣрѣ того, какъ корабль, ярусъ за ярусомъ, опускался въ волны, безстрашный экипажъ давалъ залпы изъ орудій, которые вскорѣ должны были исчезнуть подъ водой; когда волны заливали одинъ ярусъ, экипажъ поднимался къ слѣдующей батарее и разряжалъ ее противъ непріятеля. Наконецъ, когда волны перекатывались уже черезъ малубу, раздался послѣдній залпъ въ уровень съ водой и экипажъ погрузился въ море вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ, при крикахъ: „Да здравствуетъ республика!“

Англичане, охваченные восторгомъ, бросились въ шлюпки и спасли многихъ изъ этихъ героевъ. Такимъ образомъ былъ спасенъ сынъ знаменитаго президента Дюпати, служившій на „Мстителѣ“. Эскадра вернулась въ Брестъ какъ раненый, но побѣдоносный воинъ. Конвентъ объявилъ, что родина признаетъ ея заслуги. Онъ приказалъ, чтобы модель „Мстителя“, какъ памятникъ погибшаго корабля, была привѣшена къ своду Пантеона. Поэты Іосифъ Шенье и Лебренъ обезсмертили его въ стихахъ. Геройская гибель „Мстителя“ сдѣлалась сюжетомъ одной изъ популярнѣйшихъ народныхъ пѣсень. Она сдѣлалась Марсельезой моряковъ.

Итакъ республика торжествовала или отличалась повсюду. Конвентъ призывалъ всѣхъ геніевъ и всѣ искусства, чтобы ознаменовать эти первые успѣхи свободы. Подобно тому какъ бѣдствія 1793 года нашли своего Тиртея въ

Руже де Лилѣ, побѣды 1794 года нашли себѣ пѣвца въ А. Шенье и Лебрёнѣ. Тогда-то Шенье сочинилъ „Прощальную пѣснь“, слова которой дышать торжествомъ, какъ слова Марсельезы дышали негодованіемъ. Приводимъ эту пѣснь:

*Un député du peuple *).*

La Victoire en chantant nous ouvre la barrière

La liberté guide nos pas;

Et du nord au midi la trompette gerrière

A sonné l'heure des combats.

Tremblez, ennemis de la France,

Rois ivres de sang et d'orgueil,

Le peuple souverain s'avance;

Tyrans, descendez au cercueil!

La république nous appelle,

Sachons vaincre, sachons périr;

Un Français doit vivre pour elle,

Pour elle un Français doit mourir!

Choeur des guerriers.

La république, etc.

Une mère de famille.

De nos yeux maternels ne craignez pas les larmes.

Loin de nous les lâches douleurs!

Nous devons triompher quand vous prenez les armes:

C'est aux rois à verser des pleurs.

Nous vous avons donné la vie,

Guerriers, elle n'est plus à vous:

Tous vos jours sont à la patrie,

Elle est votre mère avant nous.

Choeur des mères de famille.

La république, etc. *).

Народный депутатъ.

*) Побѣда съ пѣніемъ открываетъ для насъ преграду, нами руководить свобода; съ сѣвера до юга труба боевая прозвучала желаннымъ призывомъ къ битвѣ. Трепещите, враги Франціи, короли, ослѣпленные кровью и гордостью; властелинъ-народъ приближается; тираны, сойдите въ могилу! Насъ призываетъ республика; мы сумѣемъ побѣдить, сумѣемъ умереть и погибнуть; французъ долженъ жить для нея, за нее же французъ долженъ умереть.

Хоръ воиновъ.

Республика насъ призываетъ и т. д.

Мать семейства.

Не смущайтесь слезами матерей. Прочь, позорное горе! Мы должны торжество-

Горизонтъ прояснялся на всѣхъ нашихъ границахъ, а между тѣмъ тучи надъ Парижемъ гущались съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Кровь жертвъ смѣшивалась съ кровью защитниковъ родины.

14.

Большую жестокость проявлялъ Комитетъ общественного спасенія къ партіи Гебера и Дантона, еще болѣе онъ считалъ необходимымъ быть неумолимымъ къ подозрительнымъ лицамъ разныхъ партій. Только терроръ, по его мнѣнію, могъ служить извиненіемъ террору. Послѣ пораженія знаменитѣйшихъ основателей республики, надо было показать, что онъ неумолимъ къ своимъ врагамъ. Единственнымъ средствомъ для этого у правительства была гильотина. Комитетъ имѣлъ возможность сохранить власть только при условіи, что народу будетъ уступлено право смерти. Между членами Комитета одни, какъ Вилло-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа, Бареръ, возвели эту вынужденную обстоятельствами жестокость въ систему и прикрывались своимъ безстрастіемъ; другіе, какъ Кутонъ, Сень-Жюсть, Робеспьеръ закрывали глаза и уступали эту кровь народу, чтобы привлечь къ себѣ республику, потворствуя самымъ дурнымъ ея инстинктамъ, заставляя себя думать, что они удержатъ революцію отъ паденія въ анархію, возводя республику на основаніи изъ эшафота. Они утѣшали себя ложной надеждой, будто въ самой крови они находятъ средство унять кровь; потому что среди нихъ не было никого, кто захотѣлъ бы систематически связать съ этимъ кровопролитіемъ свое имя и руку. Но разъ начался терроръ, они полагали, что онъ долженъ раздавить того, кто захочетъ первый остановить его.

Примѣръ жирондистовъ, Дантона, Камилла Демулена былъ еще слишкомъ свѣжъ, чтобы его можно было забыть. Робеспьеръ и его друзья выжидали благопріятнаго времени, чтобы остановить эту бойню. Якобинцы наблюдали за ними, а благопріятный часъ все еще не наступалъ. Необходимо, говорили они, отдѣлаться отъ такихъ-то и такихъ-то подозрительныхъ, опасныхъ или жестокихъ людей. Кутонъ, Сень-Жюсть, Робеспьеръ откладывали со дня на день милосердіе, маскировали правосудіе, мирились съ эшафотомъ. Ихъ преступленіе заключалось не въ томъ, что они терпѣли терроръ, а въ томъ, что они положили ему начало. Между тѣмъ онъ косилъ безъ разбора, безъ суда, безъ жалости головы какъ самыхъ высокопоставленныхъ, такъ и самыхъ безвѣстныхъ гражданъ. Уровень гильотины понизился. Она косила безразлично всѣ сословія. Философія Робеспьера заключалась главнымъ образомъ въ убійствѣ. Бездна увлекала его. Страшный урокъ тому, кто дѣлаетъ первый шагъ за предѣлы совѣсти и справедливости!

Комитетъ общественного спасенія оставилъ себѣ въ дѣлѣ произнесенія приговоровъ и опредѣленій наказаній только нѣчто въ родѣ механической функціи, состоявшей въ зловѣщей формальности. Онъ рѣдко выступалъ съ

вать, когда вы беретесь за оружіе: лить слезы теперь удѣлъ королей. Жизнь, которую вы получили отъ насъ, принадлежитъ не вамъ, а отчизнѣ: она прежде насъ вамъ мать.

Хоръ матерей.

Республика, и т. д.

обличеніемъ самъ, за исключеніемъ тѣхъ важныхъ случаевъ, когда процессъ принималъ окраску и важность государственныхъ преступленій. Комитетъ получалъ обвинительные доносы изъ Парижа, отъ представителей, клубовъ и округовъ. Онъ бросалъ взглядъ на эти доносы и если, по его мнѣнію, его агентъ былъ достоинъ довѣрія, то онъ отсылалъ обвиняемыхъ въ революціонный судъ. Такимъ образомъ обвиненные наполнили всѣ восемнадцать тюремъ Парижа. Канцелярія *Фабриция* и папки Фукье-Тенвилля были заполнены именами, уликами, извѣтами. Каждый вечеръ общественный обвинитель отправлялся въ Комитетъ за инструкціями. Если Комитетъ хотѣлъ, чтобы смертный приговоръ послѣдовалъ немедленно, то онъ передавалъ Фукье-Тенвиллю списокъ обвиняемыхъ, надъ которыми слѣдовало ускорить судъ. Если же у Комитета не была намѣчена чья-либо голова для казни, онъ предоставлялъ Фукье-Тенвиллю руководствоваться списками обвиняемыхъ, имена которыхъ слѣдовали въ случайномъ порядкѣ. Общественный обвинитель входилъ въ соглашеніе съ предсѣдателемъ суда. По аналогіи обвиненій, онъ соединялъ въ одномъ и томъ же обвинительномъ актѣ имена узниковъ, которые совершенно не знали другъ друга. Онъ составлялъ и поддерживалъ обвиненіе. Онъ же заботился о немедленномъ приведеніи приговоровъ въ исполненіе.

Этотъ механизмъ убійства совершался самъ собой. Телѣжки, сообразно съ предполагаемымъ числомъ осужденныхъ, стояли въ назначенный часъ во дворѣ Дворца правосудія. Общественныя „оскорбительницы“ ожидали у колесъ. Палачи шли въ калиткахъ воротъ. Народъ толпился на улицахъ въ часы, когда проѣзжалъ поѣздъ. Гильотина ожидала. Смерть имѣла свою опредѣленную, какъ обычай, рутину. Она сдѣлалась ежедневнымъ явленіемъ.

Съ послѣднихъ дней ноября 1793 года до іюля 1794 г. французскій календарь былъ отмѣченъ паденіемъ нѣсколькихъ головъ ежедневно. Число казенныхъ увеличивалось съ каждой недѣлей. Въ концѣ мая имъ уже потеряли счетъ.

15.

Двадцати-четырехъ-лѣтній сынъ Кюстина, заключенный въ тюрьму за то, что онъ оплакивалъ своего отца, томился въ ожиданіи суда. Его молодость, красота, слезы его жены, свободно приходившей навѣщать его, тронули одного изъ сторожей. Юная сообщница достала Кюстину женскую одежду, въ которой, онъ долженъ былъ бѣжать, когда стемнѣетъ. Тридцать тысячъ франковъ уплаченныхъ пособникамъ бѣгства, и заранѣе приготовленное надежное убѣжище обезпечивали успѣхъ. Насталъ условленный день и часъ. Какъ вдругъ Кюстинъ узнаетъ, что Конвентъ издалъ декретъ, что всякій способствовавшій бѣгству узника приговаривается къ смерти. Онъ снимаетъ уже надѣтую на немъ женскую одежду. Онъ сопротивляется объятіямъ жены и мольбамъ дѣвушки, которая клянется, что она послѣдуетъ за ними и умретъ за него, если это будетъ нужно. Ничто не можетъ поколебать его. Онъ остается. Онъ осужденъ. Онъ проводитъ послѣднюю ночь своей жизни въ общей камерѣ для осужденныхъ, стараясь осушить слезы жены и вызвать у нея желаніе жить ради ихъ дорогого ребенка. При первыхъ лучахъ разсвѣта молодая женщина падаетъ

безъ чувствъ. Этимъ обморокомъ пользуются, чтобы унести ее. Кюстинъ идетъ на казнь и умираетъ жертвой своей сыновней любви и великодушія.

Клавьеръ, узнавшій въ своемъ заключеніи о томъ, что его другъ Роланъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, разговаривая вечеромъ, при свѣтѣ лампы, съ своими товарищами по заключенію, философствуетъ на тему о существованіи загробной жизни. Онъ разбираетъ самыя быстрыя и вѣрныя средства добровольно избѣжать смерти на плахѣ, чтобы сохранить наслѣдство своимъ дѣтямъ. Остріемъ своего ножа онъ ищетъ на груди то мѣсто, гдѣ ощущается біеніе сердца, чтобы не ошибиться ударомъ; онъ спокойно возвращается въ свою комнату. На слѣдующій день сторожа застаютъ Клавьера лежащимъ неподвижно въ своей крови, съ ножомъ, пронзившимъ ему сердце, въ рукѣ. Его жена, уроженка Генуи, какъ и онъ, узнавъ о смерти мужа, отравилась, предварительно распорядившись обезпечить за дѣтьми свое состояніе и найдя имъ покровителей въ чужой семьѣ.

Лионскій епископъ Ламуретъ, опозоренный роялистами за то, что былъ о людяхъ хорошаго мнѣнія, осужденный революціонерами за желаніе сохранить революціи совѣсть, находясь въ заключеніи, обратилъ невѣрующихъ къ Богу и ободрялъ отчаявшихся. „Нѣтъ, друзья мои!“ воскликнулъ онъ наканунѣ своей казни, хлопнувъ себя по лбу: — „нельзя убить мысль, а мысль — это весь человѣкъ!“ — „Что такое гильотина?“ спросилъ онъ, шутливо выражаясь о казни: — „щелчокъ по шеѣ—и только!“ Послѣдній вздохъ этого прекраснаго человѣка былъ вздохъ о мирѣ.

Оставалось только два славнымъ жирондиста, которымъ удалось въ теченіе шести мѣсяцевъ избѣжать проскрипцій Горы: это были Лувэ и Кондорсэ.

16.

Кондорсэ на слѣдующій день послѣ 31-го мая ожидалъ жандармовъ, которые должны были подвергнуть его домашнему аресту. Монтаньяры остановились на минуту въ нерѣшительности передъ такимъ великимъ именемъ. Они боялись опозорить революцію, осудивъ философа. Якобинцы упрекали монтаньяровъ въ слабости. Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ опаснѣе заговорщикъ. Уваженіе не болѣе какъ предразсудокъ. Самыя великія головы должны пасть первыми. Уступая слезамъ жены, Кондорсэ даетъ согласіе на то, чтобы его другъ Пинель скрылъ его въ надежномъ убѣжищѣ въ улицѣ Сервадони № 21, въ одномъ изъ захудалыхъ кварталовъ Парижа, притаившихся въ тѣни высокихъ стѣнъ, подъ сѣнью башенъ св. Сульпиція. Тамъ госпожа Вернэ, бѣдная вдова, посвятившая всю свою жизнь несчастнымъ, жила въ своемъ домикѣ, который отдавала въ наймы нѣсколькимъ спокойнымъ жильцамъ, такимъ же никому неизвѣстнымъ, какъ и она сама. Пинель привелъ сюда Кондорсэ, когда стемнѣло. Онъ хочетъ сообщить госпожѣ Вернэ имя друга, котораго онъ поручаетъ ей гостепріимству. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ эта великодушная женщина г. Пинелю: — „я не хочу знать его имени; я знаю, что онъ несчастенъ, и этого довольно. Я спасу его ради Господа и ради васъ, а вовсе не ради его имени. Его убѣжище будетъ отъ этого безопаснѣе, а моя услуга безкорыстнѣе“.

Кондорсэ запирается съ нѣсколькими книгами и съ своими мыслями въ

комнатѣ верхняго этажа. Онъ называетъ себя вымышленнымъ именемъ. Онъ никуда не выходитъ. Онъ отворяетъ окно только ночью. Онъ спускается внизъ только для того, чтобы поѣсть, какъ гость, за столомъ хозяйки. Ему показалось однажды, что онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ члена Конвента изъ партіи монтаньяровъ, по имени Марко. „Я погибъ, сказали онъ госпожѣ Вернэ:—у васъ въ домѣ живетъ монтаньяръ. Я долженъ бѣжать, потому что я Кондорсэ“. — „Оставайтесь“, отвѣтила безстрашная женщина: — „я знаю Марко и ручаюсь за него. Я свяжу ему руки своею собственной безопасностью. Я скажу ему: Кондорсэ здѣсь, онъ осужденъ. — я знаю это и даю ему убѣжище. Если его откроютъ, я погибну вмѣстѣ съ нимъ. Только одному человѣку это извѣстно: если его откроютъ, если Кондорсэ погибнетъ на гильотинѣ, моя и его кровь падетъ всецѣло на вашу голову“. Членъ Конвента сохранилъ тайну. Каждый день осужденный и осуждающій встрѣчались на лѣстницѣ и дѣлали видъ, что не знаютъ другъ друга.

Кондорсэ оставался въ этомъ убѣжищѣ осень и зиму 1793 года, а въ первые, весенніе, мѣсяцы 1794 года онъ написалъ, подъ шумъ неистовствъ и безумій свободы, свою книгу „Объ усовершенствованіи человѣческаго рода“. Надежда философа одержала въ немъ верхъ надъ отчаяніемъ гражданина. Онъ зналъ, что страсти преходящи, а разумъ вѣченъ. Онъ признавалъ его существованіе подобно тому, какъ астрономъ признаетъ существованіе свѣтила даже во время его затмѣнія. Онъ скрашивалъ свое одиночество занятіями; оно скрашивалось въ особенности частыми посѣщеніями его молодой супруги, блестящая красота и чудная душа которой оцѣняли его молодость и дѣлали привлекательнымъ его домъ. Она происходила изъ фамиліи Грушій. Послѣ несчастій, постигшихъ его семью, и осужденія ея мужа, она изъ роскоши впала въ нужду и зарабатывала себѣ на хлѣбъ, рисуя портреты знаменитыхъ дѣятелей террора. Эти выскочки свободы находили удовольствіе въ томъ, что изображенія ихъ воспроизводятся рукою аристократки. Когда наступала ночь, госпожа Кондорсэ тайкомъ пробиралась глухими переулками къ дому, гдѣ жилъ ея мужъ, и дарила ему утѣшеніе и счастье въ часы сумерекъ. Эти часы казались еще счастливѣе потому, что были вырваны у смерти.

Кондорсэ могъ бы быть счастливъ и спастись, если бы захотѣлъ ждать. Но въ началѣ апрѣля у него явилось предположеніе, что его врагамъ извѣстно его убѣжище; онъ не пожелалъ навлечь несчастья на свою великодушную хозяйку и рѣшилъ бѣжать, обманувъ ея великодушную бдительность, которая стерегла его, какъ настоящаго плѣнника.

7.

5-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, Кондорсэ спустился подъ предлогомъ завтрака въ общую залу. Рядомъ съ этой залой находилась выходная дверь на улицу. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ притворился, что забылъ въ своей комнатѣ книгу. Ничего не подозрѣвавшая госпожа Вернэ предлагаетъ сходить за ней. Кондорсэ соглашается. Онъ пользуется отсутствіемъ хозяйки, чтобы выскочить изъ дома.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ улицѣ Вожираръ, его нагоняетъ

одинъ изъ столующихся у его хозяйки, по имени Сарра. Этотъ молодой человекъ, боясь за бѣглеца, сопровождаетъ его. Они выходятъ вмѣстѣ за заставу, цѣлуются и расходятся. Кондорсэ проблуждалъ цѣлый день въ окрестностяхъ Парижа. Когда настала ночь, онъ постучалъ въ дверь домика въ деревнѣ Фонтаней-о-Розъ, гдѣ его друзья, г. и г-жа Сюаръ, жили въ уединеніи. Его впустили. Никому неизвѣстно, что произошло во время этого ночного свиданія между осужденнымъ, умолявшимъ дать ему убѣжище, и друзьями, боявшимися навлечь смерть на свое жилище, укрывъ въ немъ осужденнаго. Одни говорятъ, что дружба оказалась трусливой, другіе, что Кондорсэ великодушно отказался, несмотря на всѣ настоянія, изъ страха перенести свое злосчастіе и „свое преступленіе“ на домъ, въ которомъ онъ найдетъ пріютъ. Какъ бы тамъ ни было, но послѣ короткаго разговора шопотомъ онъ вышелъ ночью черезъ потайную дверь изъ парка.

Увѣряютъ, что онъ вернулся нѣсколько часовъ спустя и засталъ запертой на засовъ дверь, которая должна была быть открыта. Всѣ эти предположенія хотя возможны, но трудно допустимы, при великодушномъ характерѣ Сюаровъ и нѣжности встревоженной жены, дрожавшей за жизнь мужа. Быть можетъ, это клевета на дружбу, которая до конца дней своихъ была опечалена тѣмъ, что на нее возложили отвѣтственность за то, что случилось на слѣдующій день.

18.

Ночь скрыла шаги и нерѣшимость Кондорсэ. На другой день подъ вечеръ въ харчевню Кламара вошелъ человекъ, изнемогавшій отъ усталости, весь въ грязи, худой, съ безумными глазами и длинной бородой. Его куртка ремесленника, шерстяная шапка, подбитые гвоздями башмаки представляли контрастъ съ его нѣжными руками и бѣлизною кожи. Онъ потребовалъ хлѣба и яицъ и ѣлъ съ жадностью, свидѣтельствовавшей о продолжительномъ голоданіи. На вопросъ хозяина: чѣмъ онъ занимается, онъ отвѣтилъ, что служилъ лакеемъ у господина, который только что умеръ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ съ подложными документами. Изящество бумажника свидѣствовало о ложности его завѣренія, будто онъ лакей, и противорѣчило бѣдности его платья и выдадо Кондорсэ. Члены революціоннаго комитета, сидѣвшіе въ общей залѣ, арестовали его, какъ подозрительную личность, и хотѣли отправить въ тюрьму Бургъ-ла-Ренъ. Поранившій себѣ ноги во время продолжительной ходьбы наканунѣ и въ теченіе ночи и изнемогавшій отъ усталости, Кондорсэ ежеминутно лишался чувствъ; провожавшіе его крестьяне были принуждены взвалить его на лошадь бѣднаго виноградаря, встрѣтившагося по пути. Брошенный въ тюрьму Бургъ-ла-Ренъ, философъ принялъ ядъ, который постоянно носилъ съ собою: тайное орудіе противъ жестокостей тираніи. Кондорсэ заснулъ. Сонъ скрылъ отъ него его собственную смерть и лишилъ палача одной жертвы. Національная стража, стоявшая у двери и не слышавшая изъ камеры ни одного звука, нашла вмѣсто узника — трупъ. Такъ умеръ этотъ новый Сенека. Очутившись между двухъ лагерей и желая побѣдить старый міръ и умиротворить новый, Кондорсэ погибъ при ихъ столкновеніи безъ удивленія, безъ стона; онъ зналъ, что истины даются человечеству не

даромъ, но покупаются, и что жизнь философовъ служить платой за истину. Время признанія его заслугъ еще не настало для него. Оно придетъ и освободитъ память философа отъ упрековъ, сдѣланныхъ его молодости и патріотической пылкости.

19.

Въ тотъ день, когда Кондорсэ умеръ въ Бургъ-ла-Ренъ, Лувэ вошелъ въ Парижъ. Разставшись въ Сентъ-Эмильонѣ среди ночи съ Барбару, Бюзо и Петиономъ у дверей жестокосердой женщины, отказавшей умирающему въ каплѣ воды, Лувэ шелъ всю ночь. На разсвѣтѣ онъ прошелъ черезъ деревню Монпонъ, лежавшую на границѣ Жиронды, въ тотъ часъ, когда жители еще спали. Видъ подозрительнаго округа наблюденіе было слабѣе. Въ мундирѣ волонтера, подражая обращеніемъ и разговоромъ якобинцу, раненый въ ногу, онъ совершалъ свой путь на нагруженныхъ соломой и сѣномъ повозкахъ, которыя везли въ городъ реквизицію. Такимъ образомъ Лувэ, при помощи переодѣванія и хитрости, достигъ Парижа. Онъ наконецъ пробрался туда благодаря самоотверженности преданнаго проводника. Здѣсь, окруженный любовью и тайной, онъ спокойно относился къ ненависти Робеспьера. Каждый день приносилъ ему извѣстіе о смерти кого-нибудь изъ его друзей, въ то время какъ онъ наслаждался жизнью, какъ наслаждаются послѣднимъ часомъ счастья, которое близится къ концу.

Депутатъ жирондистовъ, какъ и Лувэ, Ларевельеръ-Лепо принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые избѣгли гильотины. Революція застала Ларевельера въ званіи юрисконсульта на его родинѣ, въ Монтанѣ, въ Нижнемъ Пуату. Новые принципы были для него не увлеченіемъ, а религіей. Ученикъ философовъ, онъ мечталъ о господствѣ разума въ религіи и въ законахъ. Но этотъ разумъ не былъ, подобно разуму Дидеро, горькой насмѣшкой надъ установленіями и догматами, а горячей любовью къ свѣту и страстнымъ стремленіемъ къ Богу. Эти доктрины привязали Ларевельера-Лепо къ жирондистамъ не потому, что въ нихъ было меньше невѣрія, а потому, что они были не такъ кровавады, какъ монтаньяры. Изобличенный на другой день постѣ ихъ паденія, какъ ихъ единомышленникъ, онъ услышалъ, какъ чей-то голосъ крикнулъ сверху: „Пусть онъ умретъ своею смертью. Ему не пережить двухъ дней“. Въ самомъ дѣлѣ Ларевельеръ былъ въ то время при смерти. Этотъ голосъ спасъ его. Но, осужденный вскорѣ съ семидесятью тремя депутатами, обвиненными въ томъ, что они сожалѣли о Жирондѣ, онъ, переодѣтый, бѣжалъ мало кому извѣстными дорогами. Боскъ, другъ госпожи Роланъ, и Ларевельеръ сначала укрылись въ покинутой лѣсной избухѣ въ Монморанси. Они провели тамъ зиму. Ни тотъ, ни другой не захватили съ собою денегъ. Они питались картофелемъ и улитками. Пѣтухъ и курица составляли все ихъ богатство. Однажды, изнемогая отъ лишеній и голода, они рѣшили зарѣзать курицу, но хищная птица, еще болѣе проголодавшаяся, чѣмъ они, бросилась на нее и унесла.

Когда администраторы Сены и Уазы пріѣзжали охотиться въ лѣсу, Ларевельеръ и Боскъ зарывались въ стога сѣна или кучи сухихъ листьевъ. Возбуждивъ подозрѣнія сторожей, они разстались. Они пошли каждый порознь искать

себѣ убѣжища. Ларевельеръ отправился на сѣверъ. Тамъ находящійся въ подозрѣніи его другъ когда-то давалъ ему пріютъ. Въ лохмотьяхъ, босой, съ изможденнымъ безсонницей и усталостью лицомъ, осужденный встрѣтилъ на большой дорогѣ народнаго представителя Бушотта въ каретѣ четверкой; экипажъ былъ весь покрытъ лаврами и трехцвѣтными знаменами, а самъ Бушоттъ сидѣлъ въ красной шапкѣ. Ларевельеръ испугался, что его узнаютъ. Онъ направился въ поля. Пастухъ подѣлился съ нимъ обѣдомъ и переносной хатой. На слѣдующій день бѣдный крестьянинъ отдалъ ему хлѣбъ, который несть въ поле своему сыну. Въ воротахъ городка Руа, лежащаго по сосѣдству съ Бюиромъ, бѣглець встрѣтилъ толпу народа. Въ городъ несли на носилкахъ трупъ такого же осужденнаго, какъ и онъ, покончившаго жизнь самоубійствомъ на большой дорогѣ. Это предзнаменованіе охладило его смѣлость. Ларевельеръ пробродилъ всю ночь по вспаханнымъ полямъ, а днемъ скитался въ лѣсу. Наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, онъ постучался въ дверь своего друга. Принятый здѣсь какъ братъ, нашедшій за собою заботливый уходъ великодушнаго семейства, онъ проводитъ здѣсь подъ чужимъ именемъ спокойно свои тяжелые дни, предаваясь своей страсти — изученію растений. И, воодушевленный Божествомъ, проявляющимся въ чудесахъ растительнаго міра, Ларевельеръ понималъ простую пастушескую религію и въ послѣдствіи сдѣлался если не основателемъ ея, то ревностнымъ проповѣдникомъ, называя ее теофилантропией. Эта религіозная философія заключала въ себѣ два главныхъ догмата, взятыхъ изъ Евангелія: любовь къ Богу и любовь къ человѣку. Впервые она была проповѣдана знаменитымъ натуралистомъ Г. Гаюи, братомъ епископа Гаюи.

Ларевельеръ, именемъ котораго названа эта религія, не игралъ въ ней никакой роли: онъ только покровительствовалъ невиннымъ обрядамъ ея и одобрялъ ея мораль въ то время, когда судьба возвысила его до первой магистратуры республики. Насмѣшливое легкомысліе общественнаго мнѣнія приписало попытку введенія этого культа Ларевельеру-Лепо. Его имя подверглось осмѣянію. Ничто не оправдывало такого презрѣнія къ тому, кто проповѣдывалъ о нравственности у подножія эшафота, о Богѣ во времена матеріализма и о любви среди междоусобицъ. Тотъ, кто старается приблизить человѣчество къ Божеству, не долженъ подвергаться осмѣянію. Религіозныя идеи, даже оказавшіяся современемъ ошибочными, безсмертны по своей природѣ. Имя Ларевельера-Лепо достойно уваженія, благодаря тому, что изъ теоріи ничтожества онъ вознесъ мысль къ Богу.

20.

Другой философъ, Малербъ, перенесъ тѣ же несчастія, но оставилъ по себѣ болѣе громкую славу. Онъ запечатлѣлъ свою жизнь своею смертію. Его продолжительная скромная добродѣтель была увѣнчана казнью. Послѣ проявленія имъ высшей степени вѣрности во время защиты передъ Конвентомъ Людовика XVI, Малербъ удалился въ деревню. Онъ жилъ тамъ какъ патріархъ, окруженный дѣтьми и внуками. Предположили, что его добродѣтель было заговоромъ противъ той эпохи. Его арестовали 22-го апрѣля вмѣстѣ съ дочерью, госпожой де-Розамбо, мужъ которой былъ казненъ за день до ея ареста, внучкой и ея мужемъ, Шатобріаномъ, старшимъ братомъ того, который при-

дать своему имени больше блеска, чѣмъ было пролито крови близкихъ ему! Они всѣ были брошены въ тюрьму Портъ-Либръ и по партіямъ отведены въ судъ.

Малербъ научился въ Тамплѣ какъ должно умирать. Онъ умеръ не возмущаясь своими убійцами. Онъ съ терпѣніемъ и надеждой взиралъ на время и правосудіе людей. Идя на судъ, онъ оступился на порогъ тюрьмы. „Дурное предзнаменованіе“, сказалъ онъ: — „римлянинъ вернулся бы домой!“ Заключенные въ Консержери узники просили у него благословенія, почитая въ немъ древнюю добродѣтель, которая вмѣстѣ съ нимъ должна была взойти на небо. Онъ благословилъ ихъ улыбаясь. „Особенно не жалѣйте меня“, сказалъ онъ: — „я попалъ въ опалу за то, что опередилъ республику своими народными реформами. Я умру за вѣрность моему королю. Я умираю, примирившись съ прошедшимъ и будущимъ“. Вся его семья послѣдовала за нимъ на эшафотъ.

Въ то время какъ великодушный старецъ шелъ умирать за то, что защищалъ своего короля, Клері томился въ тюрьмѣ Ла-Форсъ за то, что прислуживалъ королю и утѣшалъ его во время его заключенія. Своимъ продолжительнымъ страданіемъ въ Тамплѣ и суровымъ заключеніемъ, которое онъ перенесъ, какъ роялистъ, онъ опровергъ всѣ сомнѣнія, противъ которыхъ свѣдѣтельствуешь вся жизнь этого примѣрнаго слуги низложенныхъ королей и противъ которыхъ его семья сильно протестовала, какъ позорящихъ его память и его доброе имя.

Одинъ изъ первыхъ трибуновъ парламента, Дюваль-Дюпремениль, и Шапелъ, докладчикъ первой конституціи, погибли вмѣстѣ съ Малербомъ. Входя на тележку, которая должна была отвезти ихъ на гильотину, Шапелъ сказалъ Дюпременилю: „Народъ задастъ намъ сейчасъ задачу, которую трудно разрѣшить“. — А какую? — „Узнать, къ кому изъ насъ двоихъ относятся его проклятія и оскорбленія.“ — „Къ обоимъ“, отвѣтилъ Дюпремениль. Старикъ Люкнеръ, давно забытый въ тюрьмѣ, депутатъ Мазюеръ, обвиненный за содѣйствіе освобожденію Петіона и Ланжюанъ, и Тура, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ реформаторовъ нашего закона, послѣдовали за нимъ на плаху. Теперь уже судили не отдѣльныхъ лицъ, а массы, по классамъ, по сословіямъ, по занятіямъ, по происхожденію, цѣлыми семьями. Всѣ члены парижскаго парламента, всѣ главные сборщики податей, вся знать Франціи, вся магистратура, все духовенство были вырваны изъ ихъ замковъ, изъ церквей, убѣжищъ, брошены въ парижскія тюрьмы, увезены по очереди изъ своихъ камеръ, доставлены въ судъ цѣлыми партіями заразъ и оттуда увезены на гильотину.

Болѣе восьми тысячъ подозрѣваемыхъ переполняли однѣ только парижскія тюрьмы еще за мѣсяцъ до смерти Дантона. Изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья въ одну ночь отправили въ мѣста заключенія триста семействъ, носящихъ громкія историческія имена, военныхъ, парламентскихъ дѣятелей, епископовъ. Не давали себѣ даже труда отыскивать за ними преступленіе. Достаточно было ихъ имени; богатство служило имъ уликой, а высокое званіе выдавало ихъ. Виновыми были цѣлые кварталы, обвиненіемъ служило сословіе, состояніе, родство, семья, религія, мнѣніе, предполагаемое чувство, вѣрнѣе — не оставалось болѣе ни невинныхъ, ни виновныхъ, а были только осуждающіе и осужденные.

Ни возрастъ, ни полъ, ни старость, ни младенчество, ни немощность, исключая всякую возможность совершить преступленіе, ничто не спасало отъ суда и осужденія. Разбитые параличомъ старцы слѣдовали за своими сыновьями, дѣти за своими отцами, жены за мужьями, дочери за матерями. Одинъ умиралъ за имя, которое носилъ, другой изъ-за состоянія; одинъ за высказанное мнѣніе, другой—за молчаніе; иные за службу коронованнымъ особамъ, за то, что приняли республику съ тщеславіемъ, за то, что не обожали Марата, что выказали сочувствіе жирондистамъ, за одобреніе увлеченіямъ Гебера, за улыбку, которой встрѣтили милосердіе Дантона, за эмиграцію, за то, что остались въ своемъ жилищѣ, что, не проживая своего дохода, не давали тѣмъ заработка народу, что, выставя напоказъ свою роскошь, наносили тѣмъ оскорбленіе народной нищетѣ. Доказательства, подозрѣнія, всевозможные предлоги, все было пригодно. Достаточно было, чтобы въ кварталѣ нашлись доносчики,—законъ не только поддерживалъ ихъ обвиненіе, но давалъ имъ извѣстную долю вознагражденія изъ конфискованнаго имущества. Народъ, бывшій одновременно доносчикомъ, судьей и наслѣдникомъ жертвъ, думалъ, что обогатится конфискованнымъ имуществомъ. Когда не хватало поводовъ къ обвиненію, старались воспользоваться дѣйствительными или выдуманнми заговорами въ тюрьмахъ. Шпіоны, переодѣтые въ арестантскую одежду, выпытывали признанія о желаніи бѣжать и планы бѣгства, а иногда и измышляли все это и доносили Фукье-Тенвиллю. Они составляли изъ сотенъ именъ списки обвиняемыхъ, которые о своихъ преступленіяхъ впервые узнавали изъ обвинительныхъ актовъ. Ихъ-то и называли матеріаломъ (*fourgon* — полная печь) для гильотины. Постѣ нихъ камеры пустѣли. Они давали народу впечатлѣніе громаднаго преступленія, наказаннаго по закону, огромной опасности, избѣгнутой благодаря бдительности и строгости республики. Они поддерживали терроръ и подавляли ропотъ негодованія недовольныхъ. Съ каждымъ днемъ росло число повозокъ, увозившихъ осужденныхъ на эшафотъ. Въ четыре часа утра, болѣе или менѣе нагруженные, онѣ катились черезъ мостъ Мѣняль и по улицѣ Сентъ-Онорѣ къ площади Революціи. Путь ихъ удлинялся, чтобы продолжить зрѣлище для народа и продлить страданія осужденныхъ.

Въ этихъ похоронныхъ повозкахъ нерѣдко везли мужа и жену, отца и сына, мать и дочерей. Страдальческія лица, смотрящія другъ на друга съ величайшей вѣжностью послѣдняго прощанія, головки молодыхъ дѣвушекъ, опустившіяся на колѣни матерей, головы женъ, склонившіяся на плечи своихъ мужей, какъ бы ища у нихъ поддержки, сердца, прижимающіяся одно къ другому, біеніе которыхъ должно скоро прекратиться, сѣдые и бѣлокурые волосы, сръзанные одиѣми и тѣми же ножницами, почтенныя головы и прелестныя головки, долженствующія пасть подъ однимъ топоромъ, медленное шествіе процессіи, однообразный стукъ колесъ, желѣзная ограда изъ сабель жандармовъ, сомкнувшаяся вокругъ осужденныхъ, подавленные рыданія, оскорбленія толпы, холодная месть, всыхивавшая періодически и замиравшая въ опредѣленный часъ на улицахъ, по которымъ проѣзжалъ кортежъ,—все это придавало этой рѣзкѣ характеръ болѣе ужасный, чѣмъ простое убійство, потому что здѣсь убійство предлагалось народу какъ зрѣлище и развлеченіе.

Такъ погибли избранныя лица всѣхъ классовъ населенія: дворянства, духовенства, буржуазіи, магистратуры, купечества и даже изъ самого народа: такъ погибли во Франціи знаменитые и безвѣстные граждане, представители всѣхъ сословій, профессій, наукъ, положеній, промышленности, партій и чувствъ, запрещенныхъ вновь возродившимся кровавымъ терроромъ. Такъ пали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одна за другой четыре тысячи головъ, среди которыхъ были члены фамилій Монморанси, Ноайль, Ларошфуко, Майльи, Муши, Лавуазье, Николай, Сомбрёйль, Бранка, Брольи, Буажеленъ, Бовилье, Мелэ, Монталамберъ, Рокелоръ, Руше, Шенье, Грамонъ, Дюпатель, Клермонъ-Тоннеръ, Тіаръ, Монкрифъ, Молэ-Шамплятрё. Демократія расчищала себѣ мѣсто желѣзомъ; но, освобождая себѣ мѣсто, она вселила ужасъ человѣчеству.

21.

Прохожденіе этихъ процессій въ опредѣленные часы къ эшафоту долго составляло зрѣлище и нѣчто въ родѣ иллюстраціи для тѣхъ улицъ, по которымъ онѣ двигались, въ особенности для улицы Сентъ-Онорэ, но наконецъ они обратились въ пытку и позоръ для этихъ кварталовъ. Прохожіе избѣгали ихъ. Окна, магазины, лавки, все закрывалось при приближеніи шествія. Яростныя возгласы толпы звучали угрозой гражданамъ, жившимъ на этихъ улицахъ, пугали дѣтей въ объятіяхъ ихъ матерей. Жильцы покидали свои квартиры. Домовладѣльцы начали подавать въ Коммуну петиціи, жалующаясь на то, что ихъ дома обратили въ привилегированныя мѣста для лицемернаго казненія. Кровь двухъ или трехъ тысячъ жертвъ, заливавшая съ весны землю площади Революціи, точно въ людской бойнѣ, окрасила грязь и заражала воздухъ. На площади Тюльери и въ Елисейскихъ поляхъ уже не было видно толпы гуляющихъ. Міазмы смерти портили листву ихъ деревьевъ.

Двѣ казни, болѣе ужасныя и торжественныя, чѣмъ другія, наконецъ возбудили негодованіе этихъ кварталовъ противъ мѣстонахожденія гильотины. Послѣ взятія Вердена королемъ прусскимъ въ 1791 году, городъ праздновалъ въѣздъ освободителей Людовика XVI. Жители повезли на балъ своихъ дочерей, одни по убѣжденію, другіе изъ страха. По освобожденіи Вердена республика вспомнила эти празднества, украшенныя присутствіемъ дѣтей, не принимавшихъ участія въ устройствѣ бала. Тѣмъ не менѣе ихъ отвезли въ Парижъ и предали суду. Ни ихъ возрастъ, ни красота, ни повиновеніе родителямъ, ни давность событія, ни мстительные триумфы республики—ничто не было принято во вниманіе. Пятеро изъ нихъ были преданы смерти за преступленія ихъ отцовъ. Самой младшей было восемнадцать лѣтъ. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлыя платья. Везшая ихъ телѣжка походила на корзину съ лиліями, головки которыхъ качаются при движеніи руки. Растроганные палачи плакали вмѣстѣ съ ними.

22.

Народъ удивлялся своей собственной строгости. На слѣдующій день болѣе многочисленныя телѣжки везли на казнь всѣхъ монахинъ Монмартрскаго аббатства. Настоятельница ихъ была госпожа Монморанси. Эти бѣдныя дѣвушки

всѣхъ возрастовъ, начиная съ самой нѣжной юности и кончая сѣдинами, еще дѣтми отданныя въ монастырь, совершили единственное преступленіе, состоявшее въ томъ, что онѣ исполнили волю своихъ родителей и остались вѣрны даннымъ обѣтамъ. Окруживъ свою настоятельницу, онѣ запѣли, взойдя на телѣжки, своими нѣжными голосами священные гимны и пѣли ихъ во весь путь до прибытія на мѣсто казни. Подобно жирондистамъ, пѣвшимъ гимнъ собственной смерти, эти дѣвушки пѣли до послѣдней минуты гимнъ своего мученичества. Ихъ голоса смутили народъ, какъ голосъ совѣсти. Казни этихъ двухъ дней, когда были преданы смерти юность, красота и религія, заставили толпу отвернуть глаза.

Коммуна побоялась злоупотребить патриотизмомъ богатыхъ кварталовъ. Она склонна была болѣе довѣрять предметямъ. Выборъ ея остановился на предметѣ Сентъ-Антуанъ, мѣстности, гдѣ зародилась революція 14-го іюля, и приказала воздвинуть гильотину у Тронной заставы. Уже не безпокаясь о томъ, что она смутитъ сердца и вызоветъ сожалѣніе въ населеніи этого предмета, республика ознаменовала новое мѣсто еще болѣе многочисленными казнями. Телѣжки все увеличивались въ числѣ. Однажды на нихъ везли сорокъ пять судей Парижа и тридцати трехъ членовъ Тулузскаго парламента; въ другой разъ двадцать семей купцовъ изъ Седана; часто возили по шестидесяти и до восьмидесяти осужденныхъ.

Одну изъ телѣжекъ окружали дѣти въ лохмотьяхъ; казалось, что эти дѣти оплакивали и благословляли отца. Сидѣвшій въ телѣжкѣ старикъ былъ Фенелонъ, внучатный племянникъ автора „Телемака“,—этотъ источникъ революціи христіанства, сбившейся съ истиннаго пути и упивающейся теперь кровью своей родной семьи. Аббатъ Фенелонъ учредилъ въ Парижѣ богоугодное заведеніе для бездомныхъ дѣтей, которыя каждую зиму приходять изъ горъ Савойи зарабатывать себѣ пропитаніе во Франціи, поступая въ услуженіе въ большихъ городахъ. Узнавъ, что ихъ покровителя хотять отнять у нихъ, эти дѣти отправились утромъ всей толпой въ Конвентъ умолять представителей о человѣколюбіи и милосердіи къ добродѣтели. Ихъ молодость, рѣчи, слезы тронули Конвентъ. „Развѣ сами вы дѣти, что васъ разжалобили эти слезы?“ воскликнулъ безсердечный Билло-Вареннъ:— „Войдите хоть разъ въ сдѣлку съ правосудіемъ, и завтра же аристократы убьютъ васъ безъ состраданія“.

23.

Билло-Вареннъ, отказавшій въ состраданіи сиротамъ, вполнѣдствіи, посланный въ Кайенну, самъ нуждался въ состраданіи невольницы негритянки. Конвентъ не рѣшился смягчить приговоръ. Аббатъ Фенелонъ отправился на плаху, сопровождаемый своими добрыми дѣлами. Дряхлому восьмидесяти-девяти-лѣтнему старцу пришлось помочь взойти на ступени гильотины. Взойдя на эшафотъ, Фенелонъ попросилъ палача развязать ему руки, чтобы послать прощальный привѣтъ и благословеніе бѣднымъ малюткамъ. Растроганный палачъ повинуется. Фенелонъ протягиваетъ руки. Дѣти склоняютъ свои обнаженные головы подъ благословеніе умирающаго. Пораженная толпа слѣ-

дуетъ ихъ примѣру. Лютуются слезы, раздаются рыданія. Казнь принимаетъ характеръ жертвоприношенія.

Предмѣстье Сентъ-Антуанъ также вознегодовало на то, что было избрано мѣстомъ смерти. Земля отталкивала палача. Но осуждающіе находили, что смерть шествуетъ не достаточно быстро.

24.

Однажды вечеромъ Фукье-Тенвилль былъ вызванъ въ Комитетъ общественнаго спасенія. „Чувства народа начали притупляться“, сказали ему Колло. „Надо расшевелить ихъ болѣе внушительными зрѣлищами. Распорядись такъ, чтобы теперь падало по пятьсотъ головъ въ день“. — „Возвращаясь оттуда“, говорилъ Фукье-Тенвилль, рассказывая объ этомъ:—„я былъ до такой степени пораженъ ужасомъ, что мнѣ, какъ и Дантону, показалось, что рѣка течетъ кровью“. На кладбищѣ Монсо была огромная яма, которую никогда не засыпали, и края ея были уставлены бочками съ известью. Сюда сбрасывались въ кучу головы и тѣла обезглавленныхъ. Настоящая кровавая клоака, при входѣ въ которую была выгравирована надпись: „Сонъ“, точно палачи хотѣли успокоить себя этой надписью, убѣждая себя, что жертвы ихъ никогда не проснутся.

LVII.

Обзоръ тюремъ. — Руше, Андре Шенье. — Кармелиты. — Госпожи Эгильонъ, де-Богарне, де-Кабарюсъ. — Тамплъ. — Принцесса Елизавета. — *Madame Royale*. — Дофинъ. — Принцесса Елизавета предъ революціоннымъ судомъ. — Она приговорена къ смерти. — Ея казнь. — Робеспьеръ паритъ въ Коммунѣ и въ Конвентѣ. — Его неръшительность. — Его друзья — Сент-Жюстъ, Кутонъ, Леба. — Его тайные враги. — Разногласія въ комитетѣ. — Рѣчь Робеспьера въ Конвентѣ о существованіи Бога и безсмертіи души. — Декретъ. — Смертныя останки Жанъ-Жака Руссо перевезены въ Пантеонъ.

1.

Народъ остается вѣренъ своему характеру даже въ время революцій. Увѣренность въ неизбежной смерти не распространила ужаса въ парижскихъ тюрьмахъ. Ощущеніе смерти притуплялось въ душѣ по мѣрѣ того, какъ оно все чаще и чаще повторялось. Каждый день оторочки былъ праздникомъ жизни, который старались посвятить удовольствіямъ. Безпечность къ своей участи дѣлала заключенныхъ похожими на стоиковъ. Легкомысліе замѣняло безстрашіе. Между заключенными обоихъ половъ завязывались кратковременныя дружескія отношенія, любовь. Минуты, похищенныя у смерти, посвящались развлеченіямъ и привязанностямъ. Разговоры, свиданія, тайная переписка, театральныя представленія, устраиваемыя въ камерахъ, музыка, поэзія и танцы продолжались до послѣднихъ минутъ. Когда отрывали отъ игры одного, онъ передавалъ свои карты слѣдующему; когда кого-либо заставляли за столомъ, онъ спѣшилъ допить свой стаканъ; застигнутые въ объятіяхъ жены или любовницы торопились насладиться послѣднимъ взглядомъ и послѣднимъ пожатіемъ руки. Никогда еще безстрашный и сладострастный умъ французской молодежи не игралъ такъ близко съ опасностью. Казнь придавала этой молодежи величіе, но не дѣлала ее серьезнѣе. Однако большинство находило отраду въ религіи, этой утѣшительницѣ несчастныхъ. Священники, находившіеся въ заключеніи или пробравшіеся туда переодѣтые, совершали таинства, дѣлавшіеся болѣе умильными вълѣдствіе ихъ сходства съ жертвоприношеніемъ. Поэзія, этотъ выраженный словами вздохъ души, дѣлала безсмертными для вѣчности послѣднія бѣнія сердецъ поэтовъ.

Монжурденъ, батальонный командиръ національной гвардіи, наканунѣ смерти написалъ слѣдующіе стихи молодой женщинѣ, которую онъ долженъ былъ оставить вдовою:

L'heure approche où je vais mourir;
L'heure sonne et la mort m'appelle;
Je n'ai point de lâche soupir,
Je ne fuirai point devant elle.

Demain mes yeux inanimés
 Ne s'ouvriront plus sur tes charmes;
 Tes beaux yeux à l'amour fermés
 Demain seront noyés de larmes.
 Si dix ans j'ai fait ton bonheur,
 Garde de briser mon ouvrage;
 Donne un moment à la douleur,
 Consacre au bonheur ton jeune âge.
 Qu'un heureux époux à son tour
 Vienne rendre à ma douce amie
 Des jours de paix, des nuits d'amour.
 Je ne regrette plus la vie.

Si le coup qui m'attend demain
 N'enlève pas ma pauvre mère,
 Si l'âge l'ennui, le chagrin,
 N'accablent pas mon pauvre père,
 Ne les fuis pas dans ta douleur,
 Reste à leur sort toujours unie;
 Qu'ils me retrouvent dans ton cœur,
 Ils aimeront encor la vie *).

Руше, авторъ поэмы „Мѣсяцы“, позировалъ передъ художникомъ, когда ему принесли приказъ явиться въ судъ. Такой приказъ равнялся приговору къ смерти. Руше былъ виновенъ только въ умѣренности своихъ взглядовъ и въ своемъ талантѣ. Онъ зналъ, что демагоги безпощадны даже къ аристократіи таланта. Онъ умолялъ тюремщиковъ подождать, пока будетъ оконченъ его портретъ, предназначенный для его жены и дѣтей. Въ то время какъ художникъ оканчивалъ портретъ, онъ написалъ у себя на колѣняхъ слѣдующую надпись для того, чтобы объяснить меланхолическое выраженіе своего лица:

Ne vous étonnez pas, objets chéris et doux,
 Si quelque air de tristesse obsurcit mon visage;
 Quand un crayon savant dessinait cette image,
 On dressait l'échafaud, et je pensais à vous **).

*) Наступаетъ часъ моей смерти; часъ пробилъ и смерть зоветъ меня; никто не услышитъ моего трусливаго вздоха, я не отступаю передъ ней. Завтра мой угасшій взоръ уже не будетъ любоваться твоею красотой; твои прекрасные глаза, закрытые для любви, завтра будутъ полны слезъ.

Если десять лѣтъ я давалъ тебѣ счастье, страшишъ разрушить то, что я сдѣлалъ; предайся на минуту печали, а затѣмъ посвяти свои юные годы счастью. Пусть счастливый супругъ, въ свою очередь, вернетъ моей кроткой подругѣ мирные дни, ночи любви, и я не буду сожалѣть о жизни.

Если ударъ, который поразитъ меня завтра, не убьетъ мою бѣдную мать; если годы несчастія и печаль не сразятъ моего бѣднаго отца, не избѣгай ихъ въ твоей печали, соедини свою участь съ ихъ участью; они найдутъ меня въ твоемъ сердцѣ и еще полюбятъ жизнь.

**) Не удивляйтесь, мои дорогіе и любимые, что тѣнь печали омрачаетъ мое чело; въ то время, какъ опытная кисть писала этотъ портретъ, для меня воздвигали эшафотъ, и я думалъ о васъ.

2.

Андре Шенье, обладавшій душою римлянина и воображеніемъ грека, увлеченный отважнымъ патриотизмомъ отъ занятій поэзіей въ политику, былъ заключенъ въ тюрьму за принадлежность къ партіи жирондистовъ. Мечты его пылкого воображенія нашли предметъ поклоненія въ лицѣ заключенной въ той же тюрьмѣ мадемуазель де-Куанье, дочери герцогини де-Флери. Андре Шенье выказывалъ этой молодой узницѣ восторженное поклоненіе и уваженіе, казавшееся еще болѣе трогательнымъ вслѣдствіе тѣни преждевременной смерти, витавшей уже надъ ея обиталищемъ. Онъ посвятилъ ей безсмертные стихи, самый мелодичный изъ вздоховъ, когда-либо вышедшихъ изъ нѣдръ тюрьмы. Молодая дѣвушка говорить и скорбитъ словами дочери Іефая:

*La jeune Captive.**Saint-Lazare.*

L'épi naissant mûrit de la faux respecté;
 Sans crainte du pressoir, la pampre tout l'été
 Bois les doux présents de l'aurore,
 Et moi, comme lui belle et jeune comme lui.
 Quoi que l'heure présente ait de trouble et d'ennui,
 Je ne veux pas mourir encore!

Qu'un stoïque aux yeux sêcs vole embrasser la mort,
 Moi je pleure et j'espère. Au noir souffle du nord
 Je plie et relève ma tête.
 S'il est des jours amers, il en est de si doux!
 Hélas! quel miel jamais n'a laissé de déjoûts?
 Quelle mer n'a point de tempête?

L'illusion féconde habite dans mon sein;
 D'une prison sur moi les murs pèsent en vain,
 J'ai les ailes de l'espérance,
 Echappée au réseau de l'oiseleur cruel,
 Plus vive, plus heureuse, aux campagnes du ciel
 Philomèle chante et s'élance!

Est-ce à moi de mourir? Tranquille je m'endors
 Et tranquille je veille, et ma veille aux remords
 Ni mon sommeil ne sont en proie.
 Ma bienvenue au jour me rit dans tous les yeux.
 Sur des fronts abattus, mon aspect dans ces lieux
 Ranime presque de la joie.

Mon beau voyage enfin est si loin de sa fin!
 Je pars, et des ormeaux qui bordent le chemin
 J'ai passé les premiers à peine.

Au banquet de la vie à peine commencé,
Un instant seulement mes lèvres ont pressé
La coupe, en mes mains encore pleine.

Je ne suis qu'au printemps, je veux voir la moisson;
Et comme le soleil, de saison en saison,
Je veux achever mon année.
Brillante sur ma tige, et l'honneur du jardin,
Je n'ai vu luire encore que les feux du matin;
Je veux achever ma journée.

O mort, tu peux attendre, éloigne, éloigne toi:
Va consoler les cœurs que la honte, l'effroi,
Le pâle désespoir dévore.
Pour moi Palès encore a des asiles verts,
Les amours des baisers, les muses des concerts:
Je ne veux par mourir encore.

Ainsi triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait, écoutant ces plaintes, cette voix,
Ces vœux d'une jeune captive:
Et secouant le joug de mes jours languissants,
Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve *).

*) Приводимъ стихи Андре Шенье въ переводѣ А. Н. Алухтина:

Молодая узница.

„Неспѣлый колосъ ждѣть, нетронутый косой,
Все лѣто виноградъ питается росой,
Грозящей осени не чуя;
Я также хороша, я также молода!
Пусть всѣ полны кругомъ и страха, и стыда, —
Холодной смерти не хочу я!

„Лишь стойкъ сгорбленный бѣжить навстрѣчу къ ней,
Я плачу грустная... Въ окно тюрьмы моей
Привѣтно смотреть блескъ лазури,
За днемъ безрадостнымъ и радостный придетъ;
Увы! кто пилъ всегда безъ пресыщенья медь?
Кто видѣлъ океанъ безъ бури?

„Широкая мечта живѣть въ моей груди,
Тюрьма гнететъ меня напрасно: впереди
Летитъ, летитъ надежда смѣло...
Такъ, чудомъ избѣжавъ охотника сътей,
Въ родныя небеса, счастливый и смѣлый,
Несется съ пѣсней Филомела.

3.

Въ Кармелитскій монастырь, въ узкую и мрачную тюрьму, куда приходилось спускаться по двумъ ступенькамъ, съ забраннымъ рѣшеткой окномъ, выходившимъ въ садъ бывшаго монастыря, были заключены три молодыя женщины высшаго круга общества. Никогда скульпторъ не соединялъ въ подобной группѣ красоту и грацію лицъ и формъ, которыя способны были бы растрогать даже палачей. Одна изъ нихъ была госпожа д'Эгильонъ — женщина знатнаго происхожденія: кровь ея родственниковъ еще дымилась на эшафотѣ; другая — Жозефина Ташеръ, вдова генерала Богарне, незадолго передъ тѣмъ за-

„О, мнѣ ли умереть? упрекомъ не смущень,
Спокойно и легко проносится мой сонъ

Безъ думъ, безъ призраковъ ужасныхъ;
Явлюсь ли утроемъ, — всѣ привѣтствуютъ меня,
И радость тихую въ глазахъ читаю я

У этихъ узниковъ несчастныхъ.

„Жизнь, какъ знакомый путь, передо мной свѣтла,
Еще деревьевъ тѣхъ немного я прошла,

Что смотреть на дорогу нашу;
Пиръ жизни начался, и, кланяясь гостямъ,
Едва-едва поднести успѣла я къ губамъ
Свою наполненную чашу.

„Весна моя цвѣтеть, я жатвы жду съ серпомъ:
Какъ солнце, обойдя вселенную кругомъ,

Я кончить годъ хочу тяжелый;
Какъ зрѣющій цвѣтокъ, краса своихъ полей,
Я всѣхъ увидѣла изъ утреннихъ лучей, —
Я кончить день хочу веселый.

„О, смерть! меня твой ликъ забвеньемъ не манить.
Ступай утѣшить тѣхъ, кого печаль томить,

Иль совѣсть мучить, негодуя..
А у меня въ груди тепло струится кровь,
Мнѣ рои темныя, мнѣ пѣсни, мнѣ любовь,
Холодной смерти не хочу я!“

Такъ, пробудясь въ тюрьмѣ, печальный узникъ самъ,
Внималъ тревожно я замедленнымъ рѣчамъ

Какой-то узницы... И муки,
И ужась, и тюрьму, — я все позабывалъ
И въ стройные стихи, томясь, перелагалъ
Ея плѣнительные звуки.

Тѣ пѣсни, чудные свидѣтели тюрьмы,
Кого-нибудь склонять пѣвицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею..
Былъ полонъ прелести аккордъ звенящихъ нотъ,
И, какъ она, за дни бояться станеть тотъ,
Кто будетъ проводить ихъ съ нею.

платившаго жизнью за неудачу, которую онъ потерпѣлъ въ Рейнской арміи; третья, и прекраснѣйшая изъ всѣхъ,—юная Тереза Кабаррюсь, возлюбленная Талліена, виновная въ томъ, что смягчила республиканизмъ представителя въ Бордо и спасла отъ осужденія на смерть множество жертвъ. Комитетъ общенациональнаго спасенія только что вырвалъ ее изъ-подъ защиты проконсула, несмотря на протесты, и бросилъ въ тюрьму по подозрѣнію въ оказываемомъ ею вліяніи на Талліена. Двѣ изъ этихъ женщинъ были связаны узами нѣжной дружбы, хотя нерѣдко оспаривали другъ у друга восхищеніе народа, командировъ арміи или Конвента. Одной предстояло занять мѣсто на тронѣ, куда ее должна была возвести любовь молодого Бонапарта, другая должна была низвергнуть республику, внушивъ Талліену мужество напасть на Комитетъ въ лицѣ Робеспьера.

Ложемъ для всѣхъ трехъ плѣнницъ служить единственный матрацъ, брошенный на полу въ нишѣ, въ глубинѣ ихъ темницы. Онѣ проводили на немъ время подъ гнетомъ воспоминаній, тревоги и жажды жизни; кончиками ножицъ и зубьями гребенокъ онѣ писали на штукатуркѣ стѣны вензеля, цифры, имена лицъ, о которыхъ предавались печали, горькія жалобы объ утерянной свободѣ. Еще и по сейчасъ можно прочесть эти надписи. Въ одномъ мѣстѣ: „Свобода, когда ты перестанешь быть пустымъ звукомъ?“ Въ другомъ: „Сегодня сорокъ семь дней, какъ насъ заперли“. Далѣе: „Намъ сказали, что завтра насъ выпустятъ“. На противоположной стѣнѣ: „Тщетная надежда!“ Немного ниже три подписи рядомъ: „Гражданка Талліенъ, гражданка Богарне, гражданка д'Эгильонъ“.

Образъ смерти, витавшей надъ ними, не щадилъ ни ихъ взоровъ, ни ихъ воображенія. Онѣ помѣщались въ той самой камерѣ, гдѣ сентябрскіе убійцы зарѣзали наибольшее число священниковъ. Двое изъ убійцъ, утомившись и желая отдохнуть, прислонили къ стѣнѣ свои сабли. Контуръ этихъ сабель оставили на сырой штукатуркѣ кровавый отпечатокъ отъ рукоятки до конца клинка, точно огненные мечи ангеловъ-истребителей, которыми тѣ размахиваютъ вокругъ скинии. Еще донынѣ можно видѣть ихъ слѣды, рѣзко выделяющіеся и настолько свѣжіе, точно имъ не суждено изгладиться во вѣки. Никогда молодость, красота, любовь и смерть не были заключены въ такую кровавую рамку.

4.

Въ Парижѣ была тюрьма, куда уже восемь мѣсяцевъ не проникали ни шумъ извѣстій, ни утѣшенія дружбы, ни образы любви, ни улыбка жизни, подобная могилѣ, на которую наложили печати, прежде чѣмъ наступила смерть. Это былъ Тампль. Восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отворились двери, чтобы выпустить идущую на эшафотъ королеву. Въ это время дофинъ былъ уже отданъ подъ надзоръ жестокаго Симона и лишень возможности видѣться съ сестрой и теткой. Онѣ лишь изрѣдка могли взглянуть на него между зубцами башни, когда его выводили подышать свѣжимъ воздухомъ. Онѣ съ ужасомъ слышали, какъ бѣдный ребенокъ пѣлъ, не понимая смысла, непристойныя пѣсни о своей матери и семьѣ, которымъ его научилъ Симонъ.

Принцесса Елизавета, узнавшая изъ намековъ о процессѣ и казни Маріи-Антуанетты, не открыла племянницѣ всей правды. Она предоставила ей блуждать

въ сомнѣніи, когда, допуская предположеніе ужаснѣйшихъ несчастій, сердце все еще не лишено послѣдней надежды. Находясь въ самомъ мрачномъ и тѣсномъ заключеніи, лишеныя низшими членами коммуны движенія, книгъ, огня и почти пищи, принцессы провели осень и зиму, не имѣя никакихъ свѣдѣній ни о внѣшнихъ, ни о внутреннихъ событіяхъ республики. Новое посѣщеніе четырехъ чиновниковъ муниципалитета, уполномоченныхъ совѣтомъ, и болѣе строгій обыскъ указали имъ на то, что ихъ заключеніе сдѣлается еще суровѣе. Ихъ лишили бумаги подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи. У нихъ отняли карты и шахматы, сокращавшіе имъ долгіе зимніе вечера, потому что въ этихъ играхъ упоминаются имена короля и королевы, подвергнувшихся гоненію въ республикѣ.

19-го января, наканунѣ годовщины смерти короля, дофина окончательно лишили свободы, засадивъ его, какъ дикаго звѣря, въ верхнюю комнату башни, входъ въ которую былъ окончательно запрещенъ всѣмъ. Одинъ только Симонъ швырялъ ему туда пищу въ пріотворенную дверь. Питье его состояло изъ кувшина воды, которая перемѣнялась лишь изрѣдка. Онъ не вставалъ съ постели, которую никогда не перестилали. Его простыни, рубашка и обувь не смѣнялись въ теченіе болѣе года. Окно, запертое висячимъ замкомъ, не отворялось для возобновленія воздуха. Онъ постоянно вдыхалъ свои собственныя испаренія. У него не было ничего, чтобы занять руки: ни книги, ни игрушки, ни инструментовъ. Его умственные способности, притупившіяся вслѣдствіе бездѣятельности, начали разстраиваться. Члены его тѣла лишились подвижности. Его разумъ угасалъ подъ вліяніемъ непрестаннаго страха. Повидимому, Симонъ получилъ приказаніе произвести опытъ, до какой степени одичалости и паденія можно довести сына короля.

5.

Узницы не переставали плакать и сокрушаться объ этомъ ребенкѣ. На ихъ вопросы имъ отвѣчали только оскорбленіями. Болѣе всего ихъ возмущало обращеніе съ ними на „ты“, исполняемое по предписанію революціонныхъ властей — Гебера и Шометта. Во время Великаго поста имъ приносили скоромную пищу, чтобы заставить ихъ нарушить предписанія подвергнувшейся гоненію религіи. Въ теченіе сорока дней онѣ питались только хлѣбомъ и молокомъ, которыя имъ оставались отъ завтрака. Изъ національной экономіи, когда настали первые весенніе дни, ихъ лишили свѣчей, и онѣ принуждены были съ наступленіемъ сумерекъ или ложиться спать, или сидѣть въ потемкахъ. Однако эта строгость заключенія не уменьшила ни распускающейся красоты юной принцессы, ни спокойствія духа ея тетки. У первой природа и молодость торжествовали надъ гоненіями; религія другой торжествовала надъ несчастіемъ. Ихъ взаимная любовь, бесѣды, общія страданія, возбуждавшія взаимное сочувствіе, внушали имъ терпѣніе, напоминавшее душевное спокойствіе.

Мы видѣли, что Геберъ, желая еще разъ сдѣлать угодное народу, потребовалъ суда надъ принцессами, но Робеспьеръ не согласился на это. Послѣ казни Гебера, заставившей заподозрить Робеспьера въ стремленіи къ умѣ-

ренности, члены Комитетовъ общественнаго спасенія и всеобщей безопасности захотѣли доказать народу, что они не отстаютъ въ своей неумолимости къ кумирамъ роялизма отъ партіи Гебера. Робеспьеръ, Кутонъ, Сентъ-Жюстъ выказывали суровость, за которую нѣсколько дней назадъ они клеймили своихъ враговъ. Они спасли только молодую принцессу и ея брата. Приказъ судить принцессу Елизавету былъ самымъ жестокимъ вызовомъ со стороны властей имѣвшихъ людей, который только могъ быть брошенъ крови Бурбоновъ.

6.

9-го мая, въ то время, когда принцессы, полураздѣвшись, молились передъ отходомъ ко сну, стоя у своихъ постелей, онѣ слышали, какъ въ дверь ихъ комнаты начали сильно и учащенно стучать, такъ что дверь покачнулася на петляхъ. Принцесса Елизавета поспѣшно одѣлась и пошла отворить. „Иди немедленно внизъ, гражданка!“ приказали ей тюремные стражники.—„А племянница?“ спросила принцесса. — „Ею займется постъ“.—Тетка, предчувствуя свою участь, бросилась къ племянницѣ и обняла ее, какъ бы желая избавить ее отъ этой разлуки. Юная принцесса плакала и дрожала. „Успокойся, дитя мое!“ сказала ей тетка:—„я навѣрное вернусь сейчасъ же“.—Нѣтъ, гражданка, возразили тюремщики:—ты уже не вернешься; возьми свой чепецъ и иди“. Такъ какъ своими возраженіями и объятіями она медлила исполнить приказаніе, то ее осыпали бранью и оскорбительными возгласами. Она поспѣшила проститься съ племянницей и дала ей нѣсколько благочестивыхъ наставленій; чтобы придать болѣе убѣдительности своимъ словамъ, она упомянула имена короля и королевы. Она оросила слезами лицо молодой дѣвушки и, выходя, оглянулась еще разъ, чтобы благословить ее. Сойдя внизъ, она увидала у калитки комиссаровъ. Они снова обыскали ее. Ее посадили въ карету, которая отвезла ее въ Консьержери.

Была полночь. Можно было подумать, что дня было недостаточно для удовлетворенія нетерпѣнія суда. Товарищъ предѣателя суда ожидалъ принцессу Елизавету и допросилъ ее безъ свидѣтелей. Потомъ ей дали отдохнуть нѣсколько часовъ на томъ же самомъ ложѣ, на которомъ Марія-Антуанетта провела свои предсмертные часы. На слѣдующій день ее отвезли въ судъ въ сопровожденіи двадцати четырехъ осужденныхъ различнаго возраста и пола, избранныхъ съ цѣлью вызвать у народа воспоминаніе о дворѣ и желаніе отомстить ему. Въ числѣ ихъ были госпожи де Сенозанъ, де Монморанси, де Санизи, де Монморенъ, восемнадцатилѣтній сынъ госпожи де Монморенъ, бывшій военный министръ де Ломенн и старый версальскій придворный графъ де Сурдевилъ. „На что она можетъ жаловаться?“ сказалъ общественный обвинитель, увидавъ около сестры Людовика XVI свиту изъ женщинъ, носящихъ самыя громкія имена:—„Видя себя у подножія гильотины въ кругу преданнаго дворянства, она можетъ вообразить, что находится въ Версали“.

7.

Обвиненія дѣлались въ насмѣшливомъ тонѣ, отвѣты давались съ презрѣніемъ. „Вы называете моего брата тираномъ“, сказала сестра Людовика XVI проку-

рору и судьямъ:—„если бы онъ дѣйствительно былъ тѣмъ, чѣмъ вы его обзываете, то васъ не было бы здѣсь, и я не стояла бы предъ вами!“ Она выслушала свой приговоръ безъ удивленія и горести. Она попросила только прислать ей священника, оставшагося вѣрнымъ ея вѣрѣ, чтобы запечатлѣть смерть небеснымъ прощеніемъ. Ей отказали въ этомъ утѣшеніи. Она замѣнила его молитвой и принесеніемъ въ жертву своей жизни. Задолго до часа казни она вошла въ общую камеру, чтобы ободрить тѣхъ, кто были осуждены раздѣлить ея участь. Она съ трогательной заботливостью присутствовала при туалетѣ женщинъ, которыя должны были умереть вмѣстѣ съ нею. Ея послѣдней мыслью была забота о стыдливости. Она дала половину своей косынки одной молодой осужденной дѣвушкѣ и собственноручно завязала ее, чтобы цѣломудріе не было оскорблено даже во время смерти.

Потомъ обрѣзали ея длинные бѣлокурые волосы, которые упали къ ея ногамъ, точно вѣнецъ ея молодости. Женщины, составлявшія ея предсмертную свиту, и даже сами палачи подѣлили ихъ между собою. Ей связали руки. Ее посадили послѣ всѣхъ на заднюю скамью телѣжки, замыкавшей шествіе. Хотѣли усилить ея мученія лицезрѣніемъ паденія двадцати двухъ головъ аристократокъ. Народъ, собравшійся для того, чтобы осыпать ее оскорбленіями, оставался безмолвенъ при ея проѣздѣ. Красота принцессы, сіявшая душевнымъ спокойствіемъ, ея непричастность ко всѣмъ безпорядкамъ, лишившимъ дворъ популярности, ея юность, принесенная ею въ жертву ради любви къ брату, ея преданность, добровольное обреченіе себя на лишенія ради своей семьи во время заключенія и гибели на эшафотѣ, дѣлали изъ нея самую чистую жертву роялизма. Королевская семья могла гордиться тѣмъ, что она приносила эту непорочную жертву, но со стороны народа было безчестно требовать ея. Тайное угрызеніе совѣсти мучило всѣхъ. Въ лицѣ ея палачъ давалъ трону реликвию, а королевству мученицу. Ея сотоварищи по казни боготворили ее уже до смерти. Гордясь тѣмъ, что они умираютъ вмѣстѣ съ невинной, они, прежде чѣмъ взойти на эшафотъ, почтительно подходили къ принцессѣ и просили утѣшить ихъ поцѣлуемъ. Палачи не рѣшились отказать этимъ женщинамъ въ томъ, въ чемъ они отказали Геро де Сешелю и Дантону. Принцесса по очереди обнимала всѣхъ осужденныхъ передъ тѣмъ, какъ они поднимались по лѣстницѣ. Послѣ прощальнаго цѣлованія руки она подставила и свою голову подъ ножъ пильотины. Невинная среди искушеній молодости и красоты, набожная и чистая во время легкомыслія двора, смиренная въ величіи, терпѣливая въ темницѣ, гордая передъ казнью, принцесса Елизавета оставила свою жизнь и смертью образецъ невинности на ступеняхъ трона, для свѣта — образецъ дружбы и предметъ восхищенія и вѣчный позоръ — для республики.

8.

Среди осужденныхъ, которыя были казнены вмѣстѣ съ принцессой Елизаветой, находилась сестра господина де Малерба. Численность и жестокость казней, невинность жертвъ, дѣлежъ оставшагося послѣ нихъ имущества, насмѣшки надъ судами, потоки крови, груды труповъ превратили націю въ палача, а правительство въ орудіе убійцы. Править значило убивать. Франція представляла

собою зрѣлище народа, терзавшаго себя собственноручно. Правительство не рѣшалось отказаться отъ гильотины изъ боязни, чтобы она не была направлена противъ него. Оно продлило на нѣкоторое время свою власть, ища опоры въ непрерывно дѣйствовавшемъ эшафотѣ. Подобное правительство не могло продержаться долго. Власть его была продолжительнымъ убійствомъ. По природѣ преступленіе недолговѣчно. Нельзя сдѣлать зауряднымъ явленіемъ ярость, месть, грабежъ, несчастіе, рѣзню. Ихъ переживаютъ, ихъ стыдятся и стыдъ отряхиваютъ съ ногъ своихъ. Таковъ божественный порядокъ для людскихъ обществъ. Революція, возстающая для ниспроверженія древняго и ненавистнаго неравенства и для постепеннаго перехода къ демократическому братству, не могла безнаказанно измѣнить себя и превратиться въ кровавадное гоненіе. Сокрушивъ тронъ, она должна была наконецъ выбрать другую законную власть изъ среды народа и упрочить ее посредствомъ соответственныхъ учреждений, а не гоненій. Терроръ былъ не властью, а тираніей. Тиранія не могла быть правительствомъ свободы.

Эти мысли занимали все время Робеспьера. Онъ ломалъ голову надъ тѣмъ, какую власть установить для республики.

Эта задача вставала сама собою при всякаго рода революціяхъ у всѣхъ мыслящихъ людей. Никто изъ нихъ не могъ разрѣшить ее. Мирабо, низведшій тронъ до уровня націи и сломавшій скипетръ, умеръ какъ разъ въ-время, мечтая о химерахъ и несбыточныхъ перемѣнахъ. Законодательное собраніе было сокрушено изданной имъ самимъ конституціей 1791 года, направленной къ установленію неосуществимаго равенства. Жирондисты пали подъ тяжестью непрочной установленной республики, которую они хотѣли поддержать своими нерѣшительными законами. Геберъ и Ронсенъ погибли за то, что, подражая Марату, изобрѣли народную диктатуру, олицетворенную въ верховномъ палачѣ. Дантонъ погибъ, потому что искалъ власти сначала въ возвеличеніи, а потомъ въ тщетномъ униженіи народа. Робеспьеръ, унаслѣдовавшій, въ свою очередь, всѣ эти безсильныя попытки потерпѣвшихъ крушеніе знаменитостей, спрашивалъ себя, что ему дѣлать со своимъ всемогущимъ вліяніемъ и какой образъ правленія дать демократіи. Хватить ли у него ума изобрѣсти и власти водворить его, или же и онъ, подобно остальнымъ, не устоитъ въ попыткѣ объединить анархію и обратить жестокость въ законъ? Будетъ ли онъ только несчастнымъ кумиромъ, или же сдѣлается государственнымъ лицомъ революціи? Этотъ вопросъ задавала себѣ вся Европа, смотря на него, и самъ онъ задавалъ его себѣ. Спустя три мѣсяца былъ данъ отвѣтъ на эти вопросы.

9.

Послѣ смерти Гебера главенство въ Коммунѣ перешло къ Робеспьеру. Смерть Дантона сдѣлала его властелиномъ въ Конвентѣ. Устойчивость и одухотворенность его догматовъ подчинили ему якобинцевъ. Его талантъ, развившійся вслѣдствіе усидчивыхъ занятій и пяти лѣтъ, почти цѣликомъ проведенныхъ на трибунѣ, придавали его мыслямъ и рѣчамъ силу и авторитетъ, оспаривать которыхъ было невозможно. Никто не могъ уже соперничать съ нимъ въ краснорѣчіи. Онъ былъ единственнымъ, имѣвшимъ значеніе голосомъ

въ республикѣ. Якобинцы и Конвентъ подчинялись только ему. Хотя онъ не имѣлъ и не проявлялъ абсолютной власти въ Комитетѣ общественнаго спасенія, общественное мнѣніе Франціи присуждало диктатуру ему. Его сотоварищи втихомолку возмущались, хотя притворялись, что и они раздѣляютъ это возмущеніе. Конвентъ выказывалъ притворный энтузіазмъ, чтобы скрыть свое низкопоклонство. Кордельеры разбрелись. Остатки ихъ, потерпѣвшіе крушеніе, примкнули къ якобинцамъ. Коммуна, бывшая въ полномъ подчиненіи у сторонниковъ Робеспьера, ручалась имъ за секціи; секціи — за народъ. Генрію ручался за національную гвардію. Хотя Робеспьеръ не царствовалъ, зато царило его имя. Ему оставалось только осуществить свое владычество и узаконить свою диктатуру. Но онъ колебался сдѣлать этотъ шагъ.

Причины, заставлявшія Робеспьера колебаться, были въ одно и то же время добродѣтельны и порочны. „Ради чего“, говорилъ онъ своимъ друзьямъ:— „я посвятилъ революціи свою жизнь, свои мысли, свое время, краснорѣчіе, имя и кровь? Чтобы свергнуть королей и аристократовъ, возстановить власть народа и сдѣлать его способнымъ и достойнымъ личнаго и естественно ему принадлежащаго самоуправленія. И что же мнѣ предлагаютъ теперь, когда тираны и аристократы низвергнуты, а народъ управляетъ собою самъ черезъ своихъ представителей? Занять самому мѣсто тирановъ, которыхъ мы уничтожили, и возстановить въ моемъ лицѣ, именемъ народа, свергнутую тиранію“.

„Предположимъ“, продолжалъ онъ:— „что я не употреблю во зло верховную власть и моя диктатура будетъ для республики диктатурой разума и справедливости; но, захвативъ ее или согласившись ее принять, я подамъ бы честолюбцамъ самый соблазнительный примѣръ, въ то же время гибельный и для свободы. Мое владычество будетъ кратковременно. Грудь моя, я знаю, служить тайной цѣлью для сотни тысячъ кинжаловъ. А послѣ меня кто поручится за моего преемника? Опасность диктаторской власти заключается не столько въ личности диктатора, сколько въ самомъ учрежденіи. Она является, когда нареды приходятъ въ отчаяніе. Основанная противъ тираніи, она превращается въ настоящую тиранію. Она спасаетъ одинъ день, чтобы погубить цѣлое столѣтіе. Пусть погибнетъ день, но будущее да будетъ неприкосновенно! Пусть лучше народъ заблуждается, падаетъ, снова встаетъ, даже ранитъ себя, чѣмъ дать ему эту унижительную опеку, которая свяжетъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что будетъ руководить имъ. У націй есть свое дѣтство, у свободы — своя колыбель. Надо оберегать, а не забивать это младенчество свободы. Единство необходимо для республики, я согласенъ съ этимъ: но создайте это единство въ учрежденіи, а не въ одномъ лицѣ, и если это лицо умретъ, пусть единство возродится въ другомъ съ условіемъ, чтобы это единство не надолго сосредоточивало въ себѣ власть, и первое должностное лицо быстро нисходило бы до степени простого гражданина. Есть люди полезные, но нѣтъ ни одного необходимаго. Одинъ только народъ безсмертенъ“.

Такъ говорилъ Робеспьеръ своимъ напереникамъ. Записки его свидѣлствуютъ, что онъ думалъ точно такъ же. Отказъ его отъ верховной власти на основаніи приведенныхъ имъ мотивовъ былъ искрененъ. Были еще и другія причины, по которымъ онъ не хотѣлъ захватить правленіе исключительно въ

свои руки. Онъ пока не сознавался въ этихъ причинахъ. Онъ дошелъ въ своихъ размышленіяхъ до того, что не зналъ на самомъ дѣлѣ, какую форму придать революціоннымъ учрежденіямъ. Скорѣе теоретикъ, чѣмъ дѣятель, Робеспьеръ былъ проникнутъ болѣе идеей революціи, чѣмъ политической формулой. Душа его была полна мечтами о будущихъ учрежденіяхъ, но у него не хватало умѣнья оформить механизмъ народнаго правительства. Его теоріи, цѣликомъ заимствованныя изъ книгъ, были блестящи, но неопредѣленны какъ перспективы, туманны какъ даль. Онъ постоянно созерцалъ ихъ, восторгался ими, но никогда не примѣнялъ ихъ цѣликомъ и твердо на практикѣ. Онъ не зналъ, что сама свобода нуждается въ защитѣ сильной власти и что эта власть должна имѣть главу, чтобы предписывать, и помощниковъ для исполненія своей воли. Онъ думалъ, что бесконечно повторяемые слова о свободѣ, равенствѣ, безкорыстіи, преданности, добродѣтели сами по себѣ уже составляютъ правительство. Онъ принималъ философію за политику. Его раздражало разочарованіе. Онъ приписывалъ свои ошибки заговорамъ аристократіи или демагогій. Онъ думалъ, что, изъѣвъ изъ общества демагоговъ и аристократовъ, онъ избавитъ тѣмъ человѣчество отъ пороковъ, а препятствія устранить въ борьбѣ учреждений. Онъ идеализировалъ народъ вмѣсто того, чтобы относиться къ нему серьезно. Онъ возмущался, видя его нерѣдко слабымъ, трусливымъ, жестокимъ, невѣжественнымъ, непостояннымъ, столь недостойнымъ положенія, предназначеннаго ему природой. Онъ возмущался, сердился и предоставлялъ эшафоту раздѣливаться за препятствія, которыя ставились ему. Потомъ онъ начиналъ возмущаться изобиліемъ казней, говорить о правосудіи и гуманности и снова принимался за казни. Онъ взывалъ къ добродѣтели и въ то же время порождалъ гибель, то носясь въ облакахъ, то бродя въ крови. Онъ отчаявался въ людяхъ; онъ боялся самого себя. „Смерть! постоянно смерть!“ часто восклицалъ онъ въ тѣсномъ кругу:— „и негодяи приписываютъ ее мнѣ. Какую память оставлю я по себѣ, если это продолжится такъ! Жизнь тяготитъ меня!“ Наконецъ истина обнаружилась. Онъ воскликнулъ съ жестомъ, выразившимъ, что онъ отчаялся въ самомъ себѣ: „Нѣтъ! я созданъ не для того чтобы управлять, но чтобы побивать враговъ народа“.

10.

Сенъ-Жюстъ, его единственный повѣренный, приходилъ въ то время по нѣсколько разъ въ день къ Робеспьеру, и они бесѣдовали, заперевшись вдвоемъ. Сенъ-Жюстъ старался убѣдить своего учителя въ необходимости менѣе тонкой политики и болѣе опредѣленныхъ плановъ.

Несмотря на свою молодость, Сенъ-Жюстъ, былъ если не по взглядамъ, то по характеру вполне зрѣлымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ рожденъ быть тираномъ. Еще не будучи правителемъ, онъ уже обладалъ дерзостью правителя. Своими словамъ онъ всегда придавалъ форму приказанія. Онъ былъ лакониченъ, какъ воля. Его полномочія въ лагеряхъ и надменность, пріобрѣтенная имъ благодаря власти надъ генералами, съ которыми онъ находился среди арміи, показали Сенъ-Жюсту, какъ легко покоряются люди волѣ одного. Его храбрость и привычка къ огню придавали ему видъ военнаго

трибуна, способного не только задумать, но и привести въ исполненіе смѣлое предпріятіе. Робеспьеръ былъ единственнымъ человѣкомъ, передъ которымъ Сень-Жюстъ преклонялся, какъ передъ высшимъ и регулирующимъ умомъ республики. Поэтому, обвиняя его въ нерѣшительности, онъ тѣмъ не менѣе уважалъ его медлительность и обрекалъ себя на гибель вмѣстѣ съ нимъ. Пастъ вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, казалось ему, значило погибнуть вмѣстѣ съ дѣломъ революціи. Нетерпѣливый ученикъ, но только всегда ученикъ, онъ торопилъ своего оракула, но не насилывалъ его воли.

Кутонъ, Леба, Коффингалъ, Буонаротти часто допускались на эти совѣщанія. Всѣ они были искренними республиканцами, однако, подобно Сень-Жюсту, они чувствовали, что настала критическій моментъ, и если республика питаетъ отвращеніе къ тирану, то ей необходима власть менѣе шаткая и неотвѣтственная, чѣмъ власть комитетовъ. „Общественное мнѣніе намѣтило тебя“, говорилъ Буонаротти Робеспьеру: — „Если ты не оправдаешь его, то измѣнишь не себѣ, а народу. Если ты остановишься, имѣя за собою народъ и самъ взбунтовавъ его, то онъ перешагнетъ черезъ твой трупъ и возьметъ себѣ въ руководители этихъ негодяевъ, которые увлекутъ его въ анархію, близкую къ тираніи“. Какъ и во всѣхъ критическихъ положеніяхъ, когда Робеспьеръ болѣе полагался на время и удачу, чѣмъ на рѣшимость, онъ захотѣлъ и теперь покориться моменту, думая, что такъ хочетъ судьба, и положился на эту судьбу, суетѣрный, какъ всѣ люди, долго бывшіе счастливыми.

11.

Но онъ и его друзья пришли къ заключенію, что республика нуждается въ учрежденіяхъ, а во главѣ комитетовъ необходимо поставить верховнаго руководителя, направляющаго исполнительную власть. и что, если якобинцы, Конвентъ и народъ рѣшатъ поставить кого-нибудь во главѣ правительства, то Робеспьеръ согласится принять на себя временно эту обязанность. Между прочимъ они рѣшили, что необходимо лишить власти членовъ комитета; наблюдать, очистивъ ихъ ряды, за якобинцами,—этой опорной точкой, необходимой для побужденія къ дѣятельности Конвентъ; завладѣть генеральнымъ совѣтомъ Коммуны, который всегда могъ опереться на возстаніе; остаться, черезъ посредство Генрію, господами вооруженной силы Парижа; при посредствѣ Сень-Жюста и Леба расположить къ себѣ войска; отозвать постепенно изъ департаментовъ уполномоченныхъ депутатовъ, въ которыхъ были увѣрены не вполнѣ; удалить изъ Конвента или уронить во мнѣніи народа тѣхъ, кого подозрѣвали въ честолюбивыхъ замыслахъ; вообще заранѣе подготовить Робеспьеру такую произвольную, законную и грозную власть, чтобы ему не осталось требовать ничего болѣе, когда онъ достигнетъ верховнаго господства, какъ заставить склониться передъ закономъ единства и равенствомъ смерти всѣ головы. Однако Робеспьеръ оставилъ за собою право дѣйствовать только силой убѣжденія, а отнюдь не прибѣгать къ мятежу, уважать верховную власть народа въ ея сущности и принять только тотъ титулъ и власть, которыя ему будутъ предоставлены народными представителями. Кутону было поручено составить декретъ, которымъ комитетамъ предоставлялась диктатура. Эта диктатура, во-

тированная комитетами, должна была быть изъята изъ ихъ рукъ и при случаѣ обращена противъ нихъ. Это и былъ тотъ самый таинственный декретъ, который нѣсколько дней спустя былъ названъ декретомъ 22-го преріала. Сень-Жюсть отерочилъ на нѣсколько дней свой отъѣздъ въ Рейнскую армію, чтобы заронить въ Комитетъ и Конвентъ нѣкоторыя изъ тѣхъ истинъ, которыя снисходятъ свыше въ умы собранія, заставляють предчувствовать глубину замысловъ и готовятъ воображеніе къ неизвѣстному.

12.

Положеніе было напряженное, обстоятельства трудныя. Смерть Дантона лишила Гору главы. Монтаньяры были поражены тѣмъ, какъ они могли допустить, что у нихъ отняли такъ внезапно и дерзко человѣка, связаннаго съ ними такими крѣпкими узами, за отсутствіемъ котораго они остались безъ оратора и дѣятеля, предоставленные на волю всемогущихъ комитетовъ. Вслѣдствіе этого переворота Робеспьеръ достигъ власти и почета, заставлявшихъ членовъ Конвента трепетать передъ нимъ, но въ то же время и ненавидѣть. Человѣкъ, уничтожившій и убившій Дантона, могъ на все дерзнуть и все совершить. Доселѣ вѣрили въ безкорыстіе Робеспьера, теперь же начали вѣрить въ его честолюбіе. Одно только подозрѣніе въ честолюбіи составляло уже его силу. Есть пороки, которые людская трусливость уважаетъ болѣе добродѣтели. Съ той минуты какъ Робеспьеръ приготовился властвовать, другіе приготовились повиноваться ему. У тирановъ никогда не бываетъ недостатка въ рабахъ, такъ же какъ у тираній въ поощреніи. Вся Гора притворилась преклоняющейся передъ Робеспьеромъ.

Однако это притворное поклоненіе на самомъ дѣлѣ соединялось со страхомъ и злобой. Многочисленные друзья Дантона втайнѣ стыдились, что покинули его. Имя Дантона вызывало у нихъ угрызения совѣсти. Его мѣсто на Горѣ, оставшееся пустымъ и которое никто не осмѣливался занять, служило имъ укоромъ. Имъ постоянно казалось, что онъ встанетъ съ этой безмолвной скамьи, чтобы упрекнуть ихъ въ низости и подлости. Память о немъ должна была угнетать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не отомстятъ за него.

Но никто не рѣшался повѣрить сосѣду своихъ сокровенныхъ мыслей иначе, какъ взглядами и намеками. Робеспьеръ принужденъ былъ угадывать по выраженію лицъ, кто расположенъ къ нему и кто питаетъ ненависть. Чтобы открытъ оппозицію, приходилось объяснять себѣ выраженіе лицъ.

13.

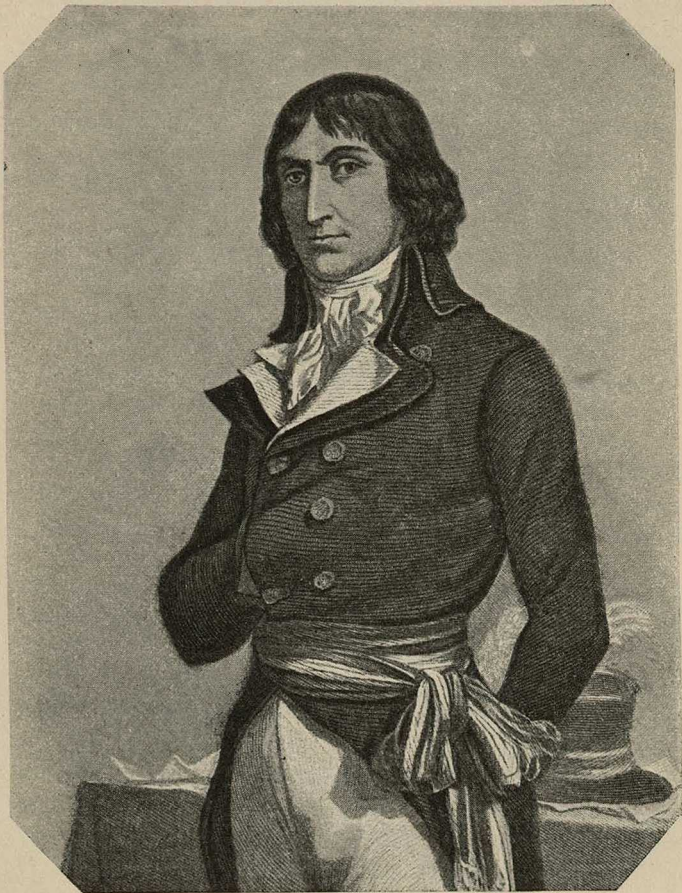
Среди этихъ подозрительныхъ лицъ, безпокоившихъ или оскорблявшихъ взоры Робеспьера, находились Лежандръ, прикрывавшійся, впрочемъ, маской угодливости; Леонардъ Бурдонъ, плохо скрывавшій свое озлобленіе; Бурдонъ (депутатъ Оаза), слишкомъ невоздержный въ словахъ, чтобы прикидываться низкопоклонникомъ; Колло-д'Эрбуа, чересчуръ чванливый и напыщенный, чтобы сносить превосходство таланта; Бареръ, неопредѣленное выраженіе лица котораго не давало возможности остановиться на какомъ-либо подозрѣніи; Сийесъ, надѣвший маску мрачности, царившей въ его душѣ такъ, что на немъ можно было

прочестъ лишь безчувствіе автомата; Баррасъ, притворявшійся безстрастнымъ; Фреронъ, сдерживавшій слезы, которыми была переполнена его душа со времени казни Люсилы Демулень; Талліенъ, плохо скрывавшій мрачную печаль, которая овладѣла имъ съ тѣхъ поръ, какъ была заключена въ тюрьму Кармелитскаго монастыря Тереза Кабарюсъ, носившая его имя; Карно, суровое и воинственное чело котораго гнушалось притворства; Вадье, то лстивый, то задорный; Луи (депутатъ Нижняго Рейна), обнаруживавшій мужество своей жестокости; Билло-Вареннъ, съ лицомъ Брута, выслѣживающаго Цезаря: его блѣдное продолговатое лицо, нахмуренный лобъ, тонкія губы, пронзительный взглядъ обнаруживали натуру, которую трудно изучить, трудно покорить и невозможно обуздать; наконецъ Куртуа, депутатъ Обы, другъ Дантона, никогда не одобрявшій его проступковъ, зато ни разу не измѣнившій его памяти, честный и нравственный человѣкъ, у котораго республиканизмъ еще не ожесточилъ сердца.

Нѣсколько депутатовъ, друзей Марата и Гебера, какъ-то Каррье, Фуше и другіе члены Конвента, отозванные послѣ того какъ они исполнили возложенныя на нихъ порученія, чтобы успокоить общество, начавшее роптать на ихъ жестокость, топились или возсѣдали, недовольные, на скамьяхъ Горы. Долина, состоявшая изъ остатковъ жирондистовъ, болѣе чѣмъ когда-либо сговорчивая и подобострастная съ тѣхъ поръ, какъ ее опустошили, молчала, вотирировала и дивилась. Но въ то время, когда одно только признаніе, что принадлежишь къ извѣстной партіи, составляло уже преступленіе, никто не признавался въ своей принадлежности къ какой-либо изъ партій. Всѣ эти люди разыгрывали энтузіастовъ или притворялись таковыми и по наружности составляли единство; всѣ стремились смѣшаться въ общей массѣ изъ страха быть заподозрѣнными. Обособленность могла быть сочтена за оппозицію, а оппозиція—за заговоръ.

14.

Во внутренней жизни обоихъ большихъ комитетовъ партій, соприкасавшіяся ближе, хотя и не признавались въ этомъ, но лучше опредѣляли другъ друга. Вадье, Амаръ, Жаго, Луи (депутатъ Нижняго Рейна), Давидъ, Леба, Лавиконтери, Моисей Байль, Илія Лакостъ, Дюбарранъ составляли Комитетъ всеобщей безопасности. Люди посредственные по способностямъ, они не вызывали никакого движенія, а только слѣдовали за движеніемъ. Они начали соперничать въ преимуществахъ съ Комитетомъ общественнаго спасенія только тогда, когда раздоры въ этомъ главенствующемъ комитетѣ вынуждали то Билло-Варенна и его друзей, то Робеспьера съ его друзьями звать о сліяніи обоихъ совѣтовъ, чтобы образовать такимъ образомъ большинство. Почти всѣ члены Комитета всеобщей безопасности выказывали особое уваженіе къ мнѣніямъ Робеспьера. Однако одни изъ нихъ съ грустью вспоминали о Дантонѣ, другіе о Геберѣ; нѣкоторые, наконецъ, какъ-то: Амаръ, Жаго, Луи (съ Нижняго Рейна), Вадье, пытались усилить свое личное вліяніе и бороться съ Комитетомъ общественнаго спасенія. Давидъ и Леба являлись тамъ единственными представителями воли повелителя якобинцевъ: первый изъ подобострастія, второй изъ расположенія и по убѣжденію.

Билльо—Вареннъ.

15.

Въ Комитетѣ общественнаго спасенія, центрѣ и очагѣ управленія, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ представителей, посланныхъ въ качествѣ уполномоченныхъ, распорядительная и исполнительная власть сосредоточилась въ рукахъ немногихъ членовъ, представлявшихъ собою республику. Въ то время это были Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюсть, Билло-Вареннъ, Бареръ, Колло-д'Эрбуа, Карно, Пріёръ и Робертъ Линде.

Робеспьеръ, Кутонъ и Сень-Жюсть были политическими дѣятелями. Билло-Вареннъ, Бареръ и Колло-д'Эрбуа—революціонерами. Карно, Пріёръ и Робертъ Линде были администраторами комитета. Первые управляли, вторые поражали, третьи служили республикѣ.

Между партіями Робеспьера и Билло-Варенна начало обнаруживаться глухое, но глубокое разногласіе. Карно, Робертъ Линде, Пріёръ старались устранить эти несогласія въ своихъ секретныхъ засѣданіяхъ, изъ боязни, чтобы ими не воспользовались партіи, вредныя общественному спокойствію. Иногда они присоединялись къ Робеспьеру, но чаще къ Билло-Варенну или Бареру. Сосредоточенная гордость Робеспьера, суровость Кутона, догматизмъ Сень-Жюста оскорбляли этихъ членовъ Конвента и невольно повергали ихъ, вслѣдствіе этихъ отталкивающихъ чертъ характера, въ нѣмую апатію, похожую на оппозицію. Въ отсутствіе Робеспьера произносилось слово тиранъ. Говорили, что онъ злоупотребляетъ поочередно словами и молчаніемъ: то онъ приказываетъ какъ повелитель, то молчитъ какъ властелинъ, гнушающійся подойти до спора; онъ предоставлялъ Комитету отвѣчать за свои дѣянія, самъ же внушивъ ихъ; онъ воздерживался отъ порицанія якобинцевъ за то, на что соглашался въ Тюльери; онъ притворялся умѣреннымъ и милосерднымъ; онъ защищалъ жертвы, кровь которыхъ была всего необходимѣе для его собственнаго величія; онъ сваливалъ все гнусное въ правленіи на своихъ коллегъ; онъ позорилъ ихъ своею обособленною; онъ одинъ завладѣлъ всей популярностію; онъ взвалилъ бремя войны на Карно; онъ презрительно улыбался со своей скамьи надъ воинскою хвастливостію Барера; онъ не скрывалъ своихъ заднихъ мыслей, заходившихъ далѣе его законнаго вліянія въ Комитетѣ; онъ принималъ въ засѣданіяхъ позу, обнаруживавшую презрѣніе или величіе деспота. Ни малѣйшая фамильярность не смягчала его авторитета; онъ приходилъ поздно, входилъ небрежной походкой, садился молча; онъ опускалъ глаза на столъ, опирался головою на руки; онъ не выражалъ словами ни одобренія, ни порицанія; обыкновенно онъ притворялся разсѣяннымъ, иногда сонливымъ, чтобы объяснить свое равнодушіе или безучастіе.

Такого рода упреки противъ Робеспьера передавались шопотомъ въ Комитетахъ.

16.

Въ Комитетѣ онъ царилъ благодаря Флѣріо-Леско и Пейану, изъ которыхъ первый былъ мэромъ Парижа, а второй народнымъ дѣятелемъ. Революціонный

судъ былъ ему преданъ благодаря Дюма, Герману, Субербьею, Дюпле и присяжнымъ, выбраннымъ изъ той среды народа, гдѣ имя Робеспьера боготворили.

17.

Среди якобинцевъ Робеспьеръ господствовалъ исключительно благодаря самому себѣ. Презрительный въ Комитетѣ, небрежный въ Конвентѣ, онъ каждый вечеръ усердно посѣщалъ засѣданія этого общества и былъ на нихъ неутомимъ, краснорѣчивъ, лстивъ и ужасенъ. Тамъ было его царство. Онъ упрочивалъ его постоянными упражненіями. Онъ приучалъ общественное мнѣніе подчиняться только ему и подготовилъ республику къ тому, чтобы она добровольно отдалась въ его руки. Нѣсколько дней спустя послѣ казни Дантона онъ началъ господствовать на ихъ трибунѣ.

Дюфурни, въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно предсѣдательствовавшій на собраніяхъ якобинцевъ, осмѣливался иногда прерывать оратора среди его рѣчей. Болѣе того, онъ высказалъ неудовольствіе противъ доклада Сень-Жюста и осужденія Дантона. Подвергшійся нападенію со стороны Вадье, Дюфурни пытался оправдаться. Робеспьеръ, давъ излиться потоку его негодованія, которое за послѣднее время накопилось противъ него, сказалъ Дюфурни: „Вспомни, что Шабо и Ронсенъ были когда-то такъ же нахальны, какъ и ты, и что нахальство есть вмѣстѣ съ тѣмъ клеймо преступленія!“—„Мое состояніе въ спокойствіи“,—отвѣтилъ Дюфурни.—„Спокойствіе!—возразилъ Робеспьеръ:—Нѣтъ, въ душѣ твоей нѣтъ спокойствія. Я изблечу тебя передъ лицомъ народа твоими же собственными словами. Спокойствіе! Веѣ заговорщики всегда зываютъ къ нему, но не находятъ его. Какъ! они осмѣливаются сожалѣть Дантона, Локруа и ихъ сообщниковъ, когда преступленія этихъ людей написаны нашей кровью, когда Бельгія дымится еще отъ ихъ измѣнъ! Ты думаешь ввести насъ въ заблужденіе своими вѣроломными замыслами! Но тебѣ это не удастся. Ты былъ другомъ Фабра д'Эглантина“. Послѣ этого обращенія, Робеспьеръ обрисовалъ Дюфурни какъ интригана и честолюбца, ищущаго популярности, и потребовалъ его изгнанія. Дюфурни, смущенный этимъ гнѣвомъ, бывшимъ въ то время предвѣстникомъ казни, раскаялся въ томъ, что не угадалъ раньше могущества и ненависти Робеспьера. Его отвели въ Комитетъ всеобщей безопасности.

18.

Сень-Жюсть съ каждымъ днемъ игралъ все большую роль въ Конвентѣ. Онъ старался возвысить душу республики до степени полного перерожденія общества. Его максимы обладали догматизмомъ, почти властью прорицателя. Въ этомъ юномъ, прекрасномъ, вдохновенномъ человѣкѣ видѣли предвѣстника новой эры. „Надо“, сказалъ онъ въ своемъ докладѣ 15-го апрѣля относительно всеобщаго полицейскаго надзора:—„надо заставить понять, что революціонное правительство не находится ни въ состояніи побѣды, ни въ состояніи войны, но составляетъ переходъ отъ зла къ добру, отъ порока къ честности, отъ дурныхъ началъ къ хорошимъ. Революціонеръ непоколебимъ, но онъ чувствителенъ, кротокъ, вѣжливъ, воздерженъ. Въ борьбѣ онъ поражаетъ, передъ судьями

отстаиваетъ невинныхъ. Жанъ-Жакъ Руссо былъ революціонеръ: онъ не былъ ни высокомернѣе, ни грубѣе. Будьте такими же! Не ожидайте иной награды, кромѣ безсмертія. Я знаю, что всѣ желавшіе блага погибли. Кодръ былъ низверженъ въ пропасть. Ликургу выкололи глаза спартанскіе негодаи, и онъ умеръ въ изгнаніи; Фокіонъ и Сократъ выпили ядъ. Даже Аѳины въ тотъ день увѣнчали себя цвѣтами. Не бѣда, — они сдѣлали добро! Если это добро не оказало пользы ихъ родинѣ, зато оно не укрылось отъ Провидѣнія. Создать добрую общественную совѣсть — вотъ благочиніе. Эта совѣсть, простая какъ чловѣческое сердце, состоитъ въ стремленіи народа къ общему благу. Вы были строги и должны были быть такими. Необходимо было отомстить за нашихъ отцовъ и похоронить подъ обломками эту монархію, огромную могилу столькихъ поработенныхъ поколѣній. Во что обратилась бы республика, снисходительная къ немилосерднымъ врагамъ? Мы противопоставимъ мечъ мечу, и свобода будетъ основана! Она вышла изъ нѣдръ бурь и страданій, подобно міру, вышедшему изъ хаоса. и чловѣку, плачущему при рожденіи. (Конвентъ восторженно рукоплещетъ).

„Пусть другіе народы разскажутъ намъ свою исторію. Были ли ихъ колыбели менѣе безпокойны? Они пережили вѣка безумія, а мы въ теченіе пяти лѣтъ оказываемъ сопротивленіе притѣсненію и терпимъ бѣдствія, создающія великихъ людей. Все начинается такъ подъ небесами.

„Полюбимъ безвѣстную жизнь. Честолюбцы, ступайте на кладбище, гдѣ покоятся рядомъ заговорщики и тираны, и сдѣлайте выборъ между славой, созданной молвой, и истинной славой, заключающейся въ самоуваженіи! Изгоните изъ своей земли тѣхъ, кто сожалеетъ о тираніи. Вселенная отнюдь не негостепріимна. Было бы несправедливо принести въ жертву цѣлый народъ. Было бы безчеловѣчно не различать добрыхъ отъ злыхъ. Правительство обвиняютъ въ диктаторствѣ: а съ какихъ это поръ враги революціи преисполнены такой заботой о сохраненіи свободы? Въ Римѣ не нашлось никого столь безстыднаго, чтобы упрекнуть Цицерона за строгость, проявленную имъ по отношенію къ Катилинѣ. Одинъ только Цезарь сожалѣлъ объ этомъ измѣнникѣ! Вамъ надлежитъ сообщить міру печать вашего генія! Создайте гражданскія учрежденія, о которыхъ еще никто не помышлялъ! Этимъ способомъ вы выкажете превосходство вашей демократіи. Но сомнѣвайтесь, всему нынѣ существующему вокругъ насъ настанетъ конецъ, потому что все это существующее несправедливо. Свобода воцарится во всемъ мірѣ. Да исчезнутъ партіи! Да царитъ надъ всѣми властями одинъ Конвентъ! Да будутъ революціонеры римлянами, а не варварами!“

19.

Эти лирическія изліянія, казалось, вызвали проблескъ спокойнаго будущаго среди современныхъ имъ ужасовъ. Конвентъ съ восторгомъ привѣтствовалъ ихъ. Жестокости утомили его. Онъ радъ былъ малѣйшему намеку на милосердіе. Онъ жаждалъ преобразованій.

Робеспьеръ и его друзья предупредили это стремленіе Конвента. Извѣстно было, что слова Сень-Жюста не что иное, какъ мысли его учителя, провозглашен-

няя съ трибуны, чтобы воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Въ Робеспьерѣ были два существа: врагъ прежняго строя и провозвѣстникъ новаго. Со смертью Дантова окончилась его первая роль. Онъ жаждалъ взяться за вторую. Утомленный казнями, онъ хотѣлъ, какъ онъ говорилъ, учредить правленіе, основанное на нравственности и добродѣтели, этихъ двухъ основахъ человѣческой души. Чтобы нравственность и добродѣтель не были пустыми звуками и гласомъ въ пустынь, необходимо было дать народу великую идею о Богѣ, которая одна только можетъ сдѣлать добродѣтель сознательной. Законъ ничто, если онъ является единственно выразителемъ человѣческой воли. Чтобы сдѣлать его священнымъ, необходимо, чтобы онъ былъ выразителемъ и воли божественной. Подчиненіе человѣческимъ законамъ ни что иное какъ „рабство“. На степень „дола“ его возводитъ чувство, возносящее это подчиненіе къ Богу. Такимъ образомъ общество изъ тираніи, каковой оно является въ глазахъ атеиста, превращается въ религію въ глазахъ вѣрующаго. Это наименованіе, дѣлая законъ священнымъ, усиливаетъ также его могущество, потому что судьей и мстителемъ въ немъ является Богъ.

Понятіе о Богѣ, это общее сокровище всѣхъ земныхъ религій, было поругано и забито при разрушеніи вѣрованій; оно было искажено и уничтожено въ умѣ народа пародіями католической религіи и гоненіями, воздвигнутыми Геберомъ и Шометтомъ противъ храмовъ, священниковъ и религіозныхъ церемоній. Народъ, легко смѣшивающій символъ съ идеей, вообразилъ, что Богъ былъ противо-революціоннымъ предрасудкомъ. Республика какъ бы изгнала съ своей территоріи и изъ своихъ небесъ безсмертіе души. Атеизмъ, проповѣдуемый открыто, явился для однихъ возмездіемъ за продолжительное порабощеніе отверженному ими культу, для другихъ—ученіемъ, благопріятствующимъ всѣмъ преступленіямъ. Народъ, разорвавъ божественныя узы вѣры въ Бога, сдерживавшія его совѣсть, воображалъ, что расторгаетъ одновременно всѣ узы долга. Терроръ на землѣ долженствовалъ замѣнить правосудіе на небѣ. Теперь, когда захотѣли уничтожить эшафотъ и освятить установленія, приходилось пересоздать народную совѣсть. Совѣсть безъ Бога—это судъ безъ судьи. Свѣтъ совѣсти ни что иное какъ отраженіе идеи о Богѣ въ человѣческомъ родѣ. Заглушите Бога, и въ человѣкѣ наступитъ тьма; случайно добродѣтель можно принять за преступленіе, а преступленіе за добродѣтель.

20.

Робеспьеръ глубоко сознавалъ эти истины. Надо сказать, хотя прискорбно этому вѣрить, онъ сознавалъ ихъ не только какъ политикъ, заимствующій узы у неба, чтобы крѣпче связать ими людей, но сознавалъ ихъ и какъ убѣжденный сектантъ, первый преклоняющійся передъ идеей, боготворить которую онъ хочетъ заставить народъ. Идеями своими онъ напоминалъ Магомета. Наступалъ часъ переустройства. Прежде всего онъ хотѣлъ измѣнить душу народа. Той же рукой, которой онъ давалъ ему власть, слѣдовало дать ему и просвѣщеніе. Республика, у которой не должно было быть иной власти, кромѣ нравственности, должна была всецѣло стремиться къ небесному началу.

Въ состояніи умственного растлѣнія и упадка религіозныхъ идей, до кото-

раго довели духъ народа философы-матеріалисты XVIII вѣка, ихъ послѣдователи жирондисты и ихъ палачи—атеисты; въ присутствіи жестокаго комедіанта Колло-д'Эрбуа, пересмѣшника-скептика Барера, неукротимаго разрушителя Билло-Варенна, безстыднаго матеріалиста Лекинью, друзей Гебера, застольниковъ Дантона, этой толпы людей, равнодушныхъ ко всякимъ религіознымъ вѣрованіямъ, засѣдавшихъ въ комитетахъ и въ Конвентѣ, не было никакой надобности во вліяніи Робеспьера, чтобы подвергнуться гнѣву или насмѣлкѣ, которую подобная попытка рисковала встрѣтить въ общественномъ мнѣніи. Робеспьеръ не скрывалъ этого отъ себя. Онъ также хотѣлъ ослабить терроръ только послѣ этого дѣйствія. Онъ чувствовалъ надъ собой великую истину, а въ этой истинѣ великую силу. Онъ дерзнулъ. Однако онъ дерзнулъ не безъ колебанія и не безъ отваги. „Я знаю“, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей:—„я знаю, что меня можетъ обратить въ прахъ та идея, которую я хочу заставить возсіять надъ головой народа“. Многие изъ его друзей отговаривали его отъ этого поступка. Онъ настаивалъ на своемъ. Въ началѣ апрѣля онъ провелъ нѣсколько дней въ лѣсу въ Монморанси. Онъ часто бывалъ въ хижинѣ, въ которой жилъ Жанъ-Жакъ Руссо. Въ этомъ-то домѣ и саду онъ закончилъ свой докладъ, подъ тѣми самыми деревьями, подъ которыми его учитель такъ чудно писалъ о Богѣ.

21.

18-го флореаля (7-го мая) онъ взошелъ на трибуну съ докладомъ въ рукѣ. Никогда еще, по словамъ людей, бывшихъ свидѣтелями этого дня, его манера держать себя не выражала такого сильнаго напряженія воли. Никогда еще его голосъ не звучалъ болѣе торжественно, выражая нравственную силу его души. Казалось; онъ говорилъ уже не какъ трибунъ, возбуждающій народъ или льстящій ему, ни даже какъ законодатель, объявляющій скоропреходящіе законы, но какъ вѣстникъ, несущій людямъ истину, Законодатель, возстановляющій въ сердцѣ человѣческомъ помраченную или искаженную вѣками истину, казался въ эту минуту Робеспьеру равнымъ философу, открывшему ее. Члены Конвента, безмолвные и сосредоточенные, одни изъ страха, другіе изъ уваженія, выражали своимъ видомъ, что они понимаютъ важность идеи, которую онъ собирався затронуть.

„Граждане“, сказалъ Робеспьеръ послѣ вступленія, сдѣланнаго имъ сообразно обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился:—„всякое ученіе, облегчающее и возвышающее душу, должно быть принято; отбросьте всѣ тѣ ученія, которыя пытаются унижить или развратить ее. Оживите, разбудите всѣ благородныя чувства и всѣ великія нравственныя идеи, которыя стремились въ васъ заглушить. Кто далъ тебѣ полномочіе возвѣстить народу, что Божества не существуютъ,—тебѣ, питавшему пристрастіе къ этому безплодному ученію, но никогда не питавшему подобнаго чувства къ родинѣ? Какую выгоду находишь ты въ томъ, чтобы убѣдить человѣка, что его судьбой управляетъ слѣпая сила и поражаетъ на удачу порокъ и добродѣтель? Что его душа не иное что какъ легкое дыханіе, прекращающееся у вратъ могилы?

„Внушить ли ему мысль о своемъ ничтожествѣ болѣе чистыя и воз-

вышннныя чувства, чѣмъ мысль о его безсмертіи? Внушить ли она ему больше уваженія къ себѣ подобнымъ и къ самому себѣ, больше самоотверженности ради родины, больше смѣлости, чтобы относиться съ презрѣніемъ къ тираніи и болѣе равнодушія къ смерти? Вы, жалѣющіе добродѣтельнаго друга, находите утѣшеніе въ мысли, что лучшая часть его существа избѣгла смерти! Васъ, плачущихъ надъ гробомъ сына или супруги, утѣшить ли тотъ, кто скажетъ вамъ, что отъ нихъ остался лишь жалкій прахъ? Несчастные, испускающіе духъ подъ ударами убійцы, вашъ послѣдній вздохъ есть воззваніе къ вѣчному Правосудію! Невинный на эшафотѣ заставляетъ блѣднѣть тирана на его триумфальной колесницѣ. Могло ли бы это происходить, если бы могила уравнивала гонителя и гонимаго? Чѣмъ въ большей степени одаренъ человекъ чувствительностью и талантомъ, тѣмъ сильнѣе онъ привязывается къ мыслямъ, возвышающимъ его существованіе и облагораживающимъ его сердце, и взгляды людей такого закала воспринимаются вселенной.

„Мысль о Верховномъ Существомъ и о безсмертіи души это—безпрерывное воззваніе къ справедливости; эта мысль въ одно и то же время социальная и республиканская! (Аплодисменты). Мнѣ неизвѣстно, чтобы какой бы то ни было законодатель рѣшился когда-либо націонализировать атеизмъ. Я знаю, что мудрѣйшіе изъ нихъ позволяли себѣ даже примѣшивать къ истинѣ вымыслы для того, чтобы подѣйствовать на воображеніе невѣжественныхъ массъ народа или усилить ихъ привязанность къ существующимъ у нихъ учрежденіямъ. Ликургъ и Солонъ прибѣгали къ авторитету оракуловъ, и даже самъ Сократъ, желая заставить своихъ согражданъ увѣровать въ истину, считалъ себя вынужденнымъ увѣрять ихъ, что она была внушена ему божествомъ домашняго очага.

„Вы, конечно, не выведете изъ этого заключенія, что для того, чтобы просвѣщать людей, необходимо обманывать ихъ, а лишь то, что вы счастливы, что живете въ вѣкѣ и въ странѣ, просвѣщенность которыхъ оставляютъ единственно только призывать людей къ природѣ и къ истинѣ.

„Берегитесь порывать священную связь, соединяющую Создателя съ твореніемъ.

„Что дали заговорщики взаменъ того, что они уничтожили? Ничего, кромѣ хаоса, пустоты и насилія. Они слишкомъ презирали народъ, чтобы принять на себя трудъ убѣдить его; вмѣсто того, чтобы просвѣтить его, они желали лишь разъярить его или развратить.

„Если высказанные мною до сихъ поръ принципы ошибочны, то я заблуждаюсь, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ со всѣмъ, что почитаетъ міръ. Возьмемъ уроки исторіи. Замѣьте, пожалуйста, какъ люди, вліявшіе на судьбы государствъ, склонялись къ той или другой изъ двухъ системъ, противоположныхъ вслѣдствіе ихъ личнаго характера или самой сущности ихъ политическихъ взглядовъ. Видите ли вы, съ какимъ величайшимъ искусствомъ Цезарь, защищая въ римскомъ сенатѣ сообщниковъ Катилины, блуждаетъ, отступивъ отъ предмета и говоря противъ догмата о безсмертіи души? Насколько эти идеи кажутся ему способными заглушить въ сердцахъ судей стойкость въ добродѣтели настолько поводъ къ преступленію кажется ему имѣющимъ связь съ атеизмомъ!

Цицеронъ, напротивъ, призывалъ противъ измѣнниковъ мечъ закона и грома небесные. Умирающій Сократъ говорилъ съ друзьями о безсмертіи души. Леонидъ при Термопилахъ, во время ужина съ товарищами по оружію, въ минуту приведенія въ исполненіе самаго геройскаго рѣшенія, какое когда-либо было задумано человѣческой добродѣтелью, приглашаетъ ихъ принять участіе на слѣдующій день въ другомъ банкетѣ въ новой жизни. До Сократа далеко Шометту и до Леонида—Отцу Дюшену. (Аплодисменты).

„Великій человѣкъ, истинный герой, слишкомъ уважаетъ самого себя, чтобы удовлетвориться мыслью, что онъ обратится въ ничто. Негодяй, презрѣнный въ собственныхъ глазахъ, отвратительный въ глазахъ другихъ, чувствуетъ, что природа не можетъ наградить его лучшимъ даромъ, какъ обративъ его въ ничто. (Аплодисменты).

„Одна изъ сектъ распространяла съ большимъ рвеніемъ ученіе о матеріализмѣ, нашедшее почитателей среди великихъ и славныхъ умовъ; ей мы обязаны въ значительной степени практической философіей, которая, приведя эгоизмъ въ систему, смотрѣла на общество людей—какъ на борьбу хитрости, на успѣхъ—какъ на возмездіе за правду и кривду, на честность—какъ на дѣло вкуса и благопристойности, на міръ—какъ на достояніе ловкихъ мошенниковъ.

„Среди тѣхъ, которые въ упоминаемое мною время обратили на себя вниманіе на поприщѣ литературы и философій, одинъ человѣкъ, а именно Руссо, величіемъ своей души и характера показалъ себя достойнымъ званія учителя рода человѣческаго. Онъ открыто напалъ на тиранію; онъ говорилъ вдохновенно о Божествѣ; его краснорѣчіе, сильное и честное, описывало пламенными чертами прелести добродѣтели; оно отстаивало умиротворяющіе догматы, служащіе опорой человѣческому сердцу. Чистота его ученія, почерпнутаго изъ природы и изъ глубокаго отвращенія къ пороку, такъ же какъ его непреодолимое презрѣніе къ интриганамъ-софистамъ, узурпировавшимъ имя философовъ, вызвала ненависть къ нему и преслѣдованіе со стороны его соперниковъ и ложныхъ друзей. Ахъ! если бы онъ былъ свидѣтелемъ этой революціи, предвѣстникомъ которой онъ былъ и которая перенесла его въ Пантеонъ, кто можетъ сомнѣваться, что его благородная душа не вступилась бы восторженно за справедливость и равенство! А что сдѣлали ради нея его презрѣнные противники? Они вступили въ борьбу съ революціей съ той минуты, какъ начали спастись, чтобы она не поставила народа выше ихъ.

„Вѣроломный Гадэ донесъ на одного гражданина за то, что онъ произнесъ слово Провидѣніе! Мы слышали немного спустя, что Геберъ обвинилъ другого въ томъ, что онъ писалъ противъ атеизма! Развѣ не Верньо и Жансонне въ вашемъ собственномъ присутствіи и съ вашей же трибуны съ жаромъ ратовали за то, чтобы изгнать изъ введенія къ конституціи упоминаніе о Верховномъ Существомъ, помѣщенное вами туда? Дантонъ, снисходительно улыбавшійся при словахъ—добродѣтель, слава, потомство; Дантонъ, система котораго заключалась въ униженіи всего, что можетъ возвеличить душу; Дантонъ, остававшійся хладнокровнымъ и безмолвнымъ во время величайшихъ опасностей, грозившихъ свободѣ, послѣ нихъ говорилъ съ большимъ жаромъ въ пользу того же мнѣнія.

„Фанатики, не ждите ничего отъ насъ! Призывать людей къ чистому поклоненію Верховному Существу значить нанести смертельный ударъ фанатизму. Всякая ложь исчезаетъ передъ истиной, и всѣ нелѣпости рушатся передъ разумомъ. Безъ насилія, безъ гоненій, всѣ секты должны сами собою смѣшаться въ общей религіи природы. (Аплодисменты).“

„Итакъ, честолюбивые священники, не ждите, чтобы мы работали для восстановления вашего царства! Такое предпріятіе оказалось бы даже выше нашей власти. (Аплодисменты). Вы убили сами себя, а къ умственной жизни не возрождаются такъ же, какъ и къ физическому существованію!“

„Притомъ, что общаго между священниками и Богомъ? Насколько Богъ природы отличается отъ Бога священниковъ? (Аплодисменты не прекращаются). Я не знаю ничего болѣе близкаго къ атеизму, какъ созданныя ими религіи: въ стремленіи исказить Верховное Существо, они уничтожили его, поскольку это зависѣло отъ нихъ; то они дѣлали изъ него огненный шаръ, то быка, то дерево, то человѣка, то короля. Священники создали Бога по своему образцу; они создали его ревнивымъ, капризнымъ, алчнымъ, жестокимъ, неумолимымъ; они обращались съ нимъ такъ же, какъ нѣкогда обращались мажордомы съ потомками Хлодвигъ, чтобы управлять, прикрываясь его именемъ, и занять его мѣсто; они удалили его на небеса, какъ во дворецъ, и призывали его на землю лишь для того, чтобы выпрашивать себѣ богатствъ, почестей, удовольствій и власти. (Оживленные аплодисменты). Истинный служитель Верховнаго Существа это — природа; его храмъ—вселенная; Его религія — добродѣтель; празднества въ честь его—радость великаго народа, собраннаго предъ лицомъ его, чтобы скрѣпить нѣжные узы всеобщаго братства и преподнести ему въ даръ отзывчивыя и чистыя сердца.“

„Оставимъ священниковъ и обратимся къ Божеству. (Аплодисменты). Установимъ нравственность на вѣчныя и освященныя основы; внушимъ человѣку то религіозное уваженіе къ человѣку, то глубокое сознаніе его обязанностей, которое составляетъ единственную гарантію общественнаго блага.“

„Горе тому, кто пытается потушить это величественное вдохновеніе и заглушить пагубными ученіями нравственный инстинктъ народа, составляющій основу всѣхъ великихъ дѣяній! Вамъ, представители народа, надлежитъ способствовать торжеству только что провозглашенныхъ нами истинъ. Отнеситесь съ презрѣніемъ къ безразсудному ропоту надменнаго невѣжества или лицемернаго разврата! Насколько же велико окружающее насъ растлѣніе, если нужно было мужество, чтобы провозгласить ихъ! Будетъ ли въ состояніи повѣрить потомство, что побѣжденные партіи могли дойти въ своей дерзости до того, что обвинили насъ въ снисходительности и аристократизмѣ за то, что мы вспомнили о божествѣ и нравственности? Повѣритъ ли оно, что нашлись люди, которые осмѣлились сказать даже въ этой залѣ, что этимъ мы отодвинули челоуѣческій разумъ на нѣсколько вѣковъ назадъ?“

„Мы не удивимся, что всѣ негодяи, сплотившіеся противъ насъ, приготовили намъ ядъ; но прежде чѣмъ выпить его—спасемъ отечество. (Аплодисменты). Кораблю, везущему сокровища республики, не суждено потерпѣть“

крушеніе: онъ плаваетъ подъ вашимъ покровительствомъ, и бури принуждены будутъ пощадить его. (Новыя рукоплесканія).

„Всѣ враги республики развращенные люди. (Аплодисменты). Патриотъ же — человѣкъ честный и великодушный въ полномъ смыслѣ этого слова. (Снова аплодисменты). Мало уничтожить королей, необходимо заставить всѣ народы уважать французскій народъ за его характеръ. На что была бы годна всесвѣтная слава нашего оружія, если бы страсти безнаказанно терзали нѣдра нашей родины. Не будемъ опьяняться нашими успѣхами. Будемъ ужасны въ несчастіяхъ, будемъ скромны въ своемъ торжествѣ (аплодисменты) и упрочимъ у себя миръ и благосостояніе посредствомъ мудрости и нравственности. Вотъ истинная цѣль нашихъ трудовъ, самая геройская и самая трудная задача. Мы разсчитываемъ достигнуть этой цѣли, предлагая вамъ слѣдующій декретъ:

„Пунктъ 1. Французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа и безсмертіе души.

„Пунктъ 2. Онъ признаетъ, что достойное Верховнаго Существа поклоненіе заключается въ исполненіи обязанностей человѣка“.

22.

Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали это первое обращеніе революціи къ Богу. Чтобы напомнить человѣку о безсмертіи и его значеніи были учреждены празднества. Самый торжественный долженъ былъ состояться 20-го преріала (8-го іюня).

Депутатія отъ общества якобинцевъ поздравила представителей съ тѣмъ, что они заставили правосудіе и свободу вознестись къ своему источнику. Камбонъ, искренній и убѣжденный христіанинъ, потребовалъ, чтобы храмы были отомщены за совершенную надъ ними профанацію атеизма. Кутонъ призывалъ въ восторженной рѣчи матеріалистовъ-философовъ воздержаться отъ отрицанія самодержавнаго Властителя вселенной предъ величіемъ Его дѣлъ и не отрицать Провидѣнія, видя возрожденіе развращеннаго народа. Видъ этого дряхлаго и умирающаго человѣка, поддерживаемаго на трибунѣ двумя сотоварищами и исповѣдывающаго среди пролитой имъ крови своего Небеснаго Судію и безсмертіе своей души, свидѣтельствовалъ о фанатической вѣрѣ Кутона, скрывавшей передъ нимъ самимъ жестокость средствъ передъ святостью цѣли.

Каково бы ни было противорѣчіе между кровожадною репутаціей Робеспьера и его ролью восстановителя идеи о Божествѣ, онъ вышелъ изъ этого засѣданія болѣе великимъ, нежели явился туда. Онъ смѣло сорвалъ печать съ человѣческой совѣсти; эта совѣсть отвѣтила ему отъ лица націи и всей Европы тайными рукоплесканіями. Онъ укрѣпился въ своихъ силахъ и, такъ сказать, попытался освятить себя, вступивъ въ союзъ съ величайшей идеей человѣчества. Тотъ, кто исповѣдуетъ Бога передъ лицомъ народа, не замедлитъ, какъ говорили, осудить преступленія и смерть. Всѣ сердца, утомленные ненавистью и борьбой, втайнѣ желали всемогущества Робеспьеру. Это общее желаніе, завладѣвшее общественнымъ мнѣніемъ, и есть уже всемогущество. Онъ

захватили въ этотъ день нравственную диктатуру на алтарѣ провозглашенной имъ идеи. Сила и величіе только что возстановленнаго имъ въ республикѣ ученія, казалось, покрыли ореоломъ его имя. На слѣдующій день перенесли въ Пантеонъ смертныя останки Жана-Жака Руссо, чтобы погребеніе учителя состоялось во время триумфа его ученика. Этотъ апофеозъ состоялся по мысли, внушенной Робеспьеромъ. Этой почестью, возданной религіозной, почти христіанской философій Жанъ-Жака Руссо, хотѣли показать его истинное значеніе для революціи.

LVIII.

Ладмираль.—Покушеніе на убійство Колло-д'Эрбуа.—Сесиль Рено у Робеспьера. — Арестъ ея.—Рвѣ Робеспьера въ Конвентѣ.—Празднество въ честь Верховнаго Существа.—Тріумфъ Робеспьера.—Волненіе въ комитетахъ.—Проекты филантропическихъ законовъ Конвента.—Декретъ 22-го преріала.—Распри въ Комитетѣ общественнаго спасенія.—Робеспьеръ отдѣляется отъ своихъ сотоварищей.—Его секретныя замѣтки относительно нѣкоторыхъ членовъ Конвента.—Глухое недовольство.

1.

Надежды на возвращеніе правосудія и гуманности, зародившіяся въ только что описанномъ засѣданіи, были отсрочены двумя случайными обстоятельствами. Эти обстоятельства помѣшали Робеспьеру сообщить о своихъ проектахъ и сдержать революціонное правительство, вставъ во главѣ его комитетовъ. Онъ не рискнулъ сразу на два предпріятія, изъ которыхъ и одного было вполне достаточно, чтобы скомпрометировать его популярность. Онъ только что возсталъ противъ атеизма и намѣревался напасть на терроръ. Но онъ считалъ себя обязаннымъ дать еще нѣсколько дней господства террористамъ, чтобы сохранить за собою вліяніе, которое было ему необходимо для того, чтобы ихъ всѣхъ подчинить своей волѣ. Комитеты были переполнены его врагами. Онъ зналъ, что они воспользуются для того, чтобы погубить его, малѣйшимъ признакомъ, свидѣтельствующимъ объ его умѣренности, и уничтожить его посредствомъ Горы, выставивъ его милосердіе какъ измѣну. Передъ Билло-Варенномъ, Бареромъ, Колло-д'Эрбуа и Ваде онъ притворялся непреклоннымъ, чѣмъ вводилъ въ заблужденіе этихъ децемвировъ. Онъ думалъ, что можетъ обуздать ихъ не иначе, какъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, и для этого онъ долженъ былъ наружно превзойти ихъ. Такимъ образомъ терроръ усилился вслѣдствіе желанія обуздать его. Явилось взаимное состязаніе въ подозрѣніяхъ, осужденіи, жестокости. Крови лилось больше, чѣмъ когда-либо. Жертвы, умерщвленные въ это время самымъ гнуснымъ образомъ, обвиняли варварство однихъ и при творство другихъ. Продолжать кровавыя расправы для того, чтобы предупредить ихъ въ будущемъ,—значить всетаки угнетать.

Комитеты подозрѣвали эти мысли въ Робеспьерѣ, считая ихъ стремленіемъ къ снисходительности; они находили удовольствіе въ извращеніи его намѣреній, прятались даже за его именемъ, какъ за щитомъ, и боязнъ его упрековъ служила

для нихъ уже предлогомъ для казней. Онъ переживалъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда человѣкъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ углубляется въ свое собственное сердце и безмѣрно сокрушается о томъ, что вступилъ на кровавый путь, желая привести народъ къ возрожденію. Люди, увлеченные имъ, въ свою очередь влекли его за собою. Онъ служилъ имъ, ненавидя ихъ.

2.

Одинъ изъ искателей приключеній, которыхъ ихъ пошлая судьба вовлекаетъ въ несчастія и которые ненавидятъ людей, выдвинувшихся благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, прибылъ въ Парижъ съ намѣреніемъ убить Робеспьера. Звали его Ладмираль. Онъ родился въ горахъ Пюи-де-Дома, гдѣ нѣкоторые изъ жителей грубѣютъ и закаляются такъ же какъ ихъ почва. До революціи онъ служилъ лакеемъ у бывшаго министра Вертена. Затѣмъ Дюмуре опредѣлилъ его въ Брюссель на одну изъ тѣхъ временныхъ должностей, какія побѣдители создаютъ въ побѣжденныхъ странахъ. Вслѣдствіе случайностей войны и революціи онъ лишился мѣста. Лишеніе мѣста сердило его, а нужда ожесточала. Свое недовольство онъ счелъ за убѣжденіе и вознегодовалъ на притѣснителей своей родины. Онъ захотѣлъ умереть и увлечь, умирая, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ знаменитыхъ тирановъ, имена которыхъ связываются съ именемъ ихъ убійцы и дѣлаютъ его безсмертнымъ.

Робеспьеръ былъ первымъ, о комъ подумалъ Ладмираль. Терроръ носилъ имя Робеспьера. Онъ несъ на себѣ отвѣтственность за свое время.

По прибытіи въ Парижъ, Ладмираль случайно поселился въ домѣ, гдѣ жилъ Колло-д'Эрбуа. Онъ вооружился пистолетами и кинжаломъ. Онъ началъ слѣдить за Робеспьеромъ. Онъ по цѣлымъ днямъ поджидалъ его въ коридорахъ Комитета общественного спасенія. Случай все время похищалъ у него его жертву. Утомившись ждать эту жертву, онъ вообразилъ, что судьба предназначила ему другую. Онъ выждалъ на лѣстницѣ дома Колло-д'Эрбуа моментъ, когда лонскій проскрипторъ возвращался ночью съ засѣданія якобинцевъ. Онъ дважды выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Первый выстрѣлъ далъ осѣчку, вторая пуля, миновавъ Колло, попала въ стѣну. Колло и его убійца схватились въ рукопашную и въ борьбѣ покатались по лѣстницѣ. Выстрѣлы, крики, продолжительная борьба привлекли сосѣдей, прохожихъ и солдатъ съ ближайшаго поста. Ладмираль скрылся въ свою комнату, устроилъ тамъ себѣ баррикаду и грозилъ, что будетъ стрѣлять въ каждого, кто попытается взломать его дверь. Слесарь Жоффруа не испугался этихъ угрозъ. Ладмираль выстрѣлилъ въ него и тяжело ранилъ. Схваченный и связанный солдатами убійца былъ отведенъ къ Фукье-Тенвиллю. Онъ заявилъ, что хотѣлъ освободить свою родину.

3.

Въ это же время молодая семнадцати-лѣтняя дѣвушка явилась къ Робеспьеру и настойчиво требовала свиданія съ нимъ. Въ рукахъ у нея была небольшая корзина. Ея возрастъ, манера держать себя и наивное выраженіе лица сначала не внушили хозяевамъ Робеспьера нисколько подозрѣнія. Ее впу-

стили въ прихожую къ депутату и она долго ждала. Наконецъ подозрительная неподвижность и настойчивость незнакомки возбудили въ женщинахъ безпокойство. Потребовали, чтобы она ушла. Она настаивала на томъ, чтобы остаться. „Общественный дѣатель“, говорила она:—„долженъ во всякое время принимать тѣхъ, кому необходимо его видѣть“. Призвали стражу, арестовали молодую незнакомку и обыскали ея корзину. Въ ней нашли кое-какія принадлежности одежды и два небольшихъ ножа,—оружіе, недостаточное въ рукахъ ребенка, чтобы причинить смерть. Когда ее отвели въ революціонный Комитетъ въ улицѣ Пикъ, ее допросили съ торжественностью, точно великую преступницу. „Зачѣмъ вы явились къ Робеспьеру?“ спросили ее.—„Чтобы увидать, какъ выглядитъ тиранъ“. Сдѣлали видъ, что въ этомъ отвѣтѣ заключается признаніе въ заговорѣ. Арестъ молодой дѣвушки связали съ покушеніемъ Ладмирала. Распространили слухъ, будто ее снабдило капиталомъ англійское правительство. Говорили о маскированномъ балѣ въ Лондонѣ, на которомъ одна женщина, одѣтая Шарлоттой Кордэ, сказала, потрясая кинжаломъ: „Я ищу Робеспьера“. Другіе утверждали, будто Комитетъ общественнаго спасенія приказалъ убить возлюбленнаго этой дѣвушки, и что покушение на убійство было возмездіемъ любви. Всѣ эти выдумки были лишены основанія. Убійство заключалось лишь въ воображеніи ребенка, принимающаго свою мечту за дѣйствительность и желающаго испытать, внушитъ ли ей знаменитый человѣкъ ненависть или любовь,—подражаніе Шарлоттѣ Кордэ, смутное по своей цѣли, невинное какъ ребячество.

Эту молодую дѣвушку звали Сесидь Рено. Она была дочерью бумажнаго фабриканта въ Ситѣ. Имя Робеспьера, постоянно повторяемое въ ея присутствіи родителями-роялистами, внушило ей любопытство, смѣшанное съ ненавистью къ этому временщику. Ея отвѣты свидѣтельствовали о ея чистосердечіи, искренности и мужествѣ. „Зачѣмъ“, спросили ее:—„у васъ былъ свертокъ съ женской одеждой?“—Потому что я ожидала, что меня отправятъ въ тюрьму.—„А зачѣмъ вы взяли съ собою два ножа? Развѣ вы хотѣли убить Робеспьера?“—Нѣтъ, я никогда и никому не хотѣла причинить зла.—„Такъ зачѣмъ же вы хотѣли видѣть Робеспьера?“—Чтобы убѣдиться собственными глазами, соответствуетъ ли этотъ человѣкъ тому представленію, какое я составила о немъ.—„Почему вы роялистка?“—Потому что я предпочитаю имѣть одного короля вмѣсто шестидесяти тирановъ“. Ее такъ же, какъ и Ладмирала, заключили въ тюрьму. Фуке-Тенвилль пустилъ въ ходъ все свое искусство, чтобы обратить ребячество въ заговоръ и выдумать сообщниковъ.

4.

Извѣстіе объ этихъ двухъ покушеніяхъ на убійство вызвало въ Конвентѣ и среди якобинцевъ взрывъ негодованія противъ роялистовъ, восторгъ по отношенію къ депутатамъ и обожаніе Робеспьера. Колло-д'Арбуа выросъ въ глазахъ своихъ сотоварищей вслѣдствіе опасности, которой онъ подвергался. Кинжалъ, казалось, указалъ народу на значеніе этихъ мужей, избравъ ихъ изъ среды всѣхъ. Неудавшееся покушеніе всегда способствовало славѣ честолюбцевъ. Повидимому, они становятся такимъ образомъ жертвою или опорой

народа, и мечь народныхъ враговъ долженъ пронзить ихъ сердце для того, чтобы достигнуть родины. Кинжалъ сдѣлалъ Марата божествомъ. Ладмираль прославилъ Колло-д'Эрбуа. Ножъ Сесили Рено сдѣлалъ Робеспьера священнымъ.

Конвентъ встрѣтилъ его такъ же, какъ униженный римскій сенатъ встрѣчалъ тирановъ государства, покровительствуемыхъ милосердіемъ боговъ. Секціи, которымъ повсюду чудились организованныя шайки убійцъ, „губителей свободы“, возли благодарность генію республики. Нѣкоторые предложили дать тѣлохранителей членамъ Комитета общественнаго спасенія. Страхъ потерять свободу заставлялъ всѣхъ прибѣгать къ раболопству. 6-го преріала якобинцы собрались и привѣтствовали другъ друга, обнимаясь по-братски, какъ люди, встрѣчающіеся послѣ избѣгнутой ими смертельной опасности. Колло, котораго несли на рукахъ толпа, благодарилъ Бога за то, что онъ сохранилъ ему жизнь, которую онъ рѣшилъ посвятить одной только родинѣ. „Тираны“, воскликнулъ онъ:—„хотятъ отдѣлаться отъ насъ посредствомъ убійства; но имъ неизвѣстно, что, когда умираетъ патріотъ, остающіеся въ живыхъ даютъ надъ его тѣломъ клятву отомстить за преступленіе и клянутся, что свобода будетъ вѣчна!“

Лежандръ хочетъ искупить свою неосторожность при арестованіи Дантона еще большимъ раболопствомъ. Онъ возобновляетъ предложеніе дать правительственнымъ членамъ охрану. Кутонъ чувствуетъ, что подъ лестью скрывается западня. Кутонъ отвѣчаетъ, что члены Комитета не хотятъ иной охраны, кромѣ небеснаго Провидѣнія, которое печется о нихъ, и что республиканцы сумѣютъ умереть въ случаѣ необходимости.

Робеспьеръ появляется послѣднимъ; онъ всходитъ на трибуну. Онъ тщетно пытается заставить выслушать себя среди заглушающихъ его голосъ неистовыхъ восклицаній, выражающихъ восторгъ и любовь. Слезы умиленія, выступившія у него на глазахъ, прерываютъ его рѣчь. Наконецъ онъ получилъ возможность говорить.

„Я принадлежу“, сказалъ онъ среди благоговѣйной тишины:—„къ числу тѣхъ, которымъ удары угрожали наименѣе серьезно. Однако я не могу отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ размышленій. Слѣдовало ожидать, что защитники свободы будутъ служить мишенью для кинжаловъ тираніи. Я уже говорилъ вамъ, если мы разсѣмъ партіи, если мы будемъ поражать враговъ, насъ убьютъ. Случилось то, что я предвидѣлъ. Солдаты тирановъ повержены во прахъ: измѣнники погибли на эшафотѣ, а кинжалы были отточены для насъ. Я чувствовалъ, что легче убить насъ, чѣмъ побѣдить наши убѣжденія и покорить наши войска!.. Я сказалъ себѣ, что чѣмъ ненадежнѣе жизнь защитниковъ народа, тѣмъ болѣе они должны торопиться совершить въ свои послѣдніе дни то, что можетъ послужить на пользу свободѣ. Преступленія тирановъ и оружіе убійцъ сдѣлали меня свободнѣе и безпощаднѣе къ врагамъ народа!..“ При этихъ словахъ, въ которыхъ побѣдитель хочетъ представить себя мученикомъ и возвыситься надъ смертью созерцаніемъ своего великаго предназначенія, всѣ сердца восплали восторгомъ, и Робеспьеръ бросился въ объятія якобинцевъ. Онъ тотчасъ же вновь всходитъ на трибуну и съ презрѣніемъ отвергаетъ предложеніе Лежандра. Въ этомъ предложеніи ему почулось скрытое намѣреніе заставить защитниковъ народа соединиться въ тріумвиратъ тирановъ. Чѣмъ болѣе уни-

жаеть себя Робеспьеръ, тѣмъ болѣе онъ торжествуетъ. Опыяненный народъ возводитъ въ предметъ поклоненія все, отъ чего его идолъ отказывается въ своемъ величїи.

V.

Въ засѣданїи Конвента, происходившемъ на слѣдующій день, 7-го прерїала, Бареръ преувеличиваетъ опасность въ двухъ напыщенныхъ докладахъ. Онъ приписываетъ иностраннымъ правительствамъ и въ особенности мистеру Питту, что они были причиной безумнаго поступка Ладмирала и ребячества Сесили Рено. Конвентъ дѣлаетъ видъ, что вѣрить въ существованіе этихъ заговоровъ и что, защищая Робеспьера, вмѣстѣ съ тѣмъ спасаетъ и родину. Бареръ кончилъ свою рѣчь предложеніемъ жестокаго постановленія, которымъ повелѣвалось казнить всѣхъ англійскихъ и ганноверскихъ плѣнниковъ, которые впредь будутъ захвачены войсками республики.

Робеспьеръ, поощряемый взглядами и жестами всѣхъ присутствовавшихъ, заступилъ мѣсто Барера. „Впослѣдствїи послужить прекраснымъ предметомъ разговора для потомства“, сказалъ онъ своимъ сотоварищамъ:—„а нынѣ составляетъ уже зрѣлище, достойное земли и небесъ—лицезрѣть собраніе представителей французскаго народа, находящихся надъ неизсякаемымъ вулканомъ заговоровъ и приносящихъ одною рукою къ ногамъ вѣчнаго Творца міра дары великаго народа, а другою обращающаго грома противъ тирановъ, составляющихъ заговоры противъ него, основывающихъ первую демократію на землѣ и желающихъ водворить среди смертныхъ поппанья свободу, справедливость и добродѣтель“. Продолжительныя рукоплесканія прерываютъ Робеспьера при этомъ вступленїи, отрываящемъ Конвентъ отъ разсмотрѣнія частнаго вопроса для того, чтобы заставить его перейти къ общимъ задачамъ. Въ немъ видятъ уже не человѣка, а олицетвореніе родины. „Они погибнутъ“, продолжалъ онъ вдохновеннымъ голосомъ:—„они погибнутъ, тираны, вооружившіеся противъ французскаго народа! Погибнутъ партїи, опирающіеся на власть, чтобы уничтожить нашу свободу! Вы не создадите миръ, но вы дадите его міру, вы вырвете его у преступленія! Конечно, они не столь безумны, чтобы думать, что смерть нѣсколькихъ представителей могла бы упрочить ихъ торжество. Они ошиблись бы, если бы думали, что, отправивъ насъ въ могилу, они увидѣли бы выходящими оттуда съ торжествомъ геніевъ Бриссо, Геберовъ, Дантоновъ, чтобы въ четвертый разъ посѣять между нами раздоръ“.

При этомъ оскорбленїи памяти Дантона, Гора выражаетъ свое неудовольствіе жестами. Робеспьеръ замѣчаетъ это и прїостанавливается. „Когда мы падемъ подъ ихъ ударами“, продолжаетъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ:—„вы пожелаете довести до конца свое великое предпрїятіе или раздѣлить нашу участь! Да“, говоритъ онъ, прерывая рукоплесканія, вызванныя энергіей его голоса и жестовъ:—„да, среди васъ нѣтъ ни одного, который не пожелалъ бы явиться туда, гдѣ будутъ лежать наши окровавленные трупы, чтобы дать клятву надъ ними въ томъ, что будутъ истреблены послѣдніе враги народа!“

Всѣ представители встаютъ въ единомышленномъ порывѣ и дѣлаютъ движеніе точно давая клятву.

„Они надѣялись“, продолжаетъ онъ:—„уморить французскій народъ голодомъ! Французскій народъ еще живъ, и вѣрная свобода природа сулитъ ему довольство. Что же имъ остается? Убийство! Они рассчитывали извести насъ однихъ при помощи другихъ и посредствомъ подкуповъ къ бунту! Проектъ этотъ рухнулъ. Что же имъ остается? Убийство! Они надѣялись задавить насъ подъ натискомъ своей вооруженной лиги, а главнымъ образомъ посредствомъ измѣны! Измѣнники трепещутъ или погибаютъ, ихъ пушки попадаютъ къ намъ въ руки, ихъ приверженцы бѣгутъ отъ насъ. Что же имъ остается? Убийство! Они пытались уничтожить Конвентъ посредствомъ подкупа! Конвентъ наказалъ ихъ сообщниковъ, но имъ остается убийство! Они пытались развратить республику и заглушить въ насъ тѣ благородныя чувства, изъ которыхъ образуется любовь къ родинѣ и къ свободѣ, изгнавъ изъ республики здравый смыслъ, добродѣтель и божество! Мы возвеличили божество и возвѣстили безсмертіе души, мы объявили господство добродѣтели во имя республики; но имъ остается убийство!

„Итакъ возрадуемся и возблагодаримъ Небо за то, что мы были признаны достойными кинжаловъ тирановъ!“

Залъ былъ потрясенъ взрывомъ восклицаній, которыя вызвалъ этотъ порывъ античнаго великодушія.

„Итакъ намъ приходится остерегаться славныхъ опасностей!“ продолжалъ Робеспьеръ:—„Въ городѣ ихъ столько же, какъ и на полѣ битвы. Намъ не въ чемъ завидовать нашимъ храбрымъ братьямъ военнымъ. Мы тысячею способовъ платимъ свой долгъ родинѣ! О короли, не намъ жаловаться на тотъ способъ войны, который вы ведете противъ насъ! Когда земные владыки заключаютъ союзъ, чтобы уничтожить слабаго человѣка, конечно, онъ не долженъ отстаивать свою жизнь. Поэтому и мы не рассчитывали на долгую жизнь. Всѣмъ тиранамъ и всѣмъ порокамъ объявляютъ войну не потому, что рассчитываютъ жить. Кто на землѣ защищалъ когда-нибудь безнаказанно человѣчество?.. Окруженный ихъ убійцами“, продолжаетъ Робеспьеръ болѣе торжественнымъ голосомъ:—„я уже представилъ себя находящимся въ той новой обстановкѣ, въ какую они хотятъ меня поставить! Я привязанъ къ временной жизни только любовью къ отечеству и жадной справедливости и, свободный болѣе чѣмъ когда-либо отъ всякихъ личныхъ соображеній, я чувствую себя вполне способнымъ энергично напасть на всѣхъ негодяевъ, составляющихъ заговоръ противъ человѣческаго рода! Чѣмъ больше они снѣпшатъ прекратить мою дѣятельность на этомъ свѣтѣ, тѣмъ больше я буду торопиться наполнить ее поступками, полезными для мнѣ подобныхъ. Я оставлю имъ, по крайней мѣрѣ, завѣщаніе, чтеніе котораго приведетъ въ содроганіе всѣхъ тирановъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ!“

На это вступленіе, какъ бы переносящее трибуну по ту сторону могилы, Конвентъ отвѣтилъ продолжительными рукоплесканіями.

Тогда Робеспьеръ перестаетъ говорить о себѣ и даетъ совѣты республикѣ какъ бы изъ другого міра.

„Республику составляетъ не побѣда, не богатство, не борьба, не переходящій энтузіазмъ, а мудрые законы, въ особенности общественная добродѣтель.

Законы надо создать, нравы преобразовать. Хотите знать, кто честолюбцы? — продолжаетъ онъ, дѣлая прозрачный намекъ на своихъ комитетскихъ враговъ: — „наблюдайте, кто покровительствуетъ негодямъ и развращаетъ общественную нравственность. Борьба съ преступленіемъ — это путь къ могилѣ и безсмертію! Покровительство преступленію ведетъ къ трону и къ эшафоту. (Рукоплесканія). Развратнымъ людямъ удалось низвергнуть республику и народный умъ въ хаосъ. Теперь необходимо возсоздать гармонію нравственного и политическаго міра“.

Опредѣленіе революціи встрѣчено всѣми скамьями съ единодушнымъ одобреніемъ.

„Если бы Францію управляли въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ развращенные или извращенные законы, свобода погибла бы“.

Этотъ ясный намекъ на необходимость высшаго учрежденія для урегулированія дѣйствій Конвента привлекаетъ къ Робеспьеру сердитые взгляды его враговъ. Онъ не обращаетъ на нихъ вниманія.

„Говоря это, я, можетъ, быть, оттачиваю противъ себя кинжалы“, говоритъ онъ съ гордымъ самоотверженіемъ: — „но потому-то я и сказалъ это. Я достаточно жилъ! Я видѣлъ, какъ французскій народъ изъ пѣдръ разврата и рабства вознесся на вершину славы и республиканской доблести. Я видѣлъ его разбитые оковы, а виновные, тяготѣвшіе надъ землею троны, низвергнутыми или поколебленными подъ его торжествующими руками! Я видѣлъ больше: я видѣлъ какъ собраніе, облеченное всемогуществомъ французской націи, быстрыми и твердыми шагами шло къ народному благу, какъ оно подавало примѣръ всяческаго мужества и добродѣтели! Довершайте, граждане! Доканчивайте ваше высокое предназначеніе! Вы поставили насъ впереди, чтобы выдержать первый натискъ враговъ человѣчества. Мы заслужили эту честь и своею кровью начертаемъ вамъ путь къ безсмертію!“

6.

Никогда еще, быть можетъ, подобная рѣчь не раздавалась въ совѣщательномъ собраніи. Это была политика, возведенная на высоту религіи философа, героизмъ въ краснорѣчій, смерть въ апостольствѣ. Конвентъ приказалъ напечатать эту рѣчь на всѣхъ языкахъ. Онъ подготовилъ умы къ ожидаемому торжеству, которое должно было скоро наступить. Насмѣшка, все пятнающая во Франціи, была принуждена на этотъ разъ выказать восхищеніе передъ догматами, осмѣлившимися отнестись съ презрѣніемъ къ смерти и свидѣлствовать о Богѣ!

Робеспьеръ ожидалъ этого дня съ нетерпѣніемъ человѣка, замышляющаго великій планъ и боящагося, чтобы смерть не поразила его прежде, чѣмъ онъ приведетъ его въ исполненіе. Изъ всѣхъ миссій, къ которымъ, какъ казалось, онъ былъ призванъ, самой высшей и святой онъ считалъ возрожденіе въ народѣ религіознаго чувства. Въ соединеніи неба съ землею союзомъ вѣры и разумнаго культа, который нарушила республика, онъ видѣлъ осуществленіе революціи. Онъ считалъ, что разумъ и свобода сдѣлаются безсмертными, какъ самъ Господь, съ того дня, когда они сольются съ Богомъ въ сознаніи людей. Онъ готовъ былъ умереть послѣ этого дня. Внутренняя ра-

дось отъ сознанія, что дѣло его совершено, отражалась въ чертахъ его лица послѣ доклада въ Конвентѣ. Во его наружности виднѣлось отраженіе его мысли. Его домашніе и друзья удивлялись его необычайному спокойствію. Онъ восхищался обновленной весною природой, украсившейся цвѣтами, какъ бы въ ожиданіи торжественнаго союза, который онъ хотѣлъ заставить ее заключить съ ея Создателемъ. Онъ бродилъ съ своими друзьями по аллеямъ сада Муссо. Сердце его было переполнено надеждой. Онъ постоянно говорилъ о 8-мъ іюня. Онъ сожалѣлъ о жертвахъ, которыя не увидятъ этого чуднаго дня. Онъ говорилъ, что надѣется закончить эпоху казней возстановленіемъ братства и милосердія. Онъ собирался обсудить лично съ Виллатомъ и художникомъ Давидомъ всѣ приготовленія къ торжеству. Онъ хотѣлъ, чтобы эта церемонія проникла въ сердце народа, поразивъ его зрѣніе, и чтобы она являла картины величественныя и кроткія, какъ та высшая власть, которая проявляетъ себя лишь въ своихъ благодѣяніяхъ. „Зачѣмъ“, сказалъ онъ наканунѣ Субербелью:—„необходимо, чтобы во Франціи продолжалъ существовать эшафотъ? Одна только жизнь должна явиться завтра передъ источникомъ всяческой жизни“. Онъ потребовалъ, чтобы въ день церемоніи не совершали казней.

7.

Конвентъ провозгласилъ Робеспьера предсѣдателемъ для того, чтобы авторъ декрета былъ въ то же время и главнымъ его исполнителемъ. На разсвѣтѣ онъ отправился въ Тюльери, чтобы дожидаться тамъ своихъ коллегъ и отдать послѣднія приказанія распорядителямъ религіознаго торжества. Въ первый разъ за всю свою политическую карьеру онъ облекся въ торжественную одежду уполномоченнаго. Голубой сюртукъ, немного свѣтлѣе, чѣмъ у членовъ Конвента, бѣлый жилетъ, желтыя замшевыя панталоны, сапоги съ отворотами, круглая шляпа, украшенная пучкомъ перьевъ трехъ цвѣтовъ, привлекали къ нему всѣ взоры. Онъ держалъ въ рукѣ огромный букетъ изъ цвѣтовъ и колосьевъ, только что распустившихся въ томъ году. Въ своемъ рвеніи онъ забылъ даже о потребности человѣческой природы. Конвентъ уже собрался въ залъ засѣданій и шествіе приготовилось выйти, а онъ еще ничего не ѣлъ. Виллатъ, жившій въ Тюльери, предложилъ зайти и позавтракать у него. Робеспьеръ согласился.

Небо было ясное, какъ на Востокѣ. Лучи солнца играли на деревьяхъ Тюльери, на соборахъ и на стѣнахъ парижскихъ монументовъ, точно на храмахъ Атики. Весенній свѣтъ придавалъ греческую ясность мыслямъ парижанъ.

Войдя къ Виллату, Робеспьеръ бросилъ шляпу и букетъ на кресло. Онъ облокотился на окно. Казалось, онъ былъ восхищенъ видомъ безчисленной толпы, тѣснившейся въ цвѣтникахъ и аллеяхъ сада, чтобы полюбоваться этими мистеріями, предвозвѣстниками неизвѣстнаго. Женщины, одѣтыя въ совершенно новыя платья, держали на рукахъ дѣтей. Лица у нихъ сіяли. „Вотъ“, сказалъ Робеспьеръ:— „самая умиляющая часть человѣчества. Въ лицѣ этихъ свидѣтелей торжества собралась вся вселенная. Какъ краснорѣчива и величественна природа! Такое торжество должно заставить содрогнуться тирановъ и нечестивцевъ!“

Онъ всталъ мало и произнесъ только эти слова. Въ концѣ завтрака, когда онъ всталъ изъ-за стола, чтобы отправиться занять свое мѣсто во главѣ шествія, начавшаго уже дефилировать, въ комнату вошла молодая женщина, близкая знакомая семейства Виллатъ, въ сопровожденіи маленькаго ребенка. Имя Робеспьера сначала привело въ смущеніе вошедшую. Робеспьеръ началъ играть съ ребенкомъ. Ободренная мать обѣжала вокругъ стола и завладѣла букетомъ президента Конвента. Полдень давно уже миновалъ. Робеспьеръ невольно, а можетъ быть и преднамѣренно задержался у Виллата. Его сотоварищи, давно уже собравшіеся, роптали на его опозданіе. Его, повидимому, радовало это ожиданіе, какъ признакъ подчиненности. Наконецъ онъ явился.

8.

Огромный амфитеатръ, напоминавшій собою римскій циркъ, примыкалъ къ дворцу Тюльери. Этотъ циркъ спускался ступенями къ цвѣтнику. Конвентъ вошелъ въ него прямо изъ центрального павильона, какъ цезари входили въ свои колizeи. Посрединѣ этого амфитеатра для Робеспьера была оставлена трибуна, возвышавшаяся надъ скамьями и напоминавшая собою тронъ. Находящаяся противъ его сѣдалища колоссальная группа эмблематическихъ фигуръ, единственная поэзія этой эпохи подражанія, олицетворяла атеизмъ, эгоизмъ, ничтожество, преступленія и пороки. Эти фигуры, слѣпленные Давидомъ изъ горючихъ матеріаловъ, были предназначены для сожженія въ видѣ жертвоприношенія. Идея о Богѣ должна была обратить ихъ въ пепель. Всѣ депутаты, одѣтые въ одинаковые голубые сюртуки съ красными отворотами и съ символическими букетами въ рукахъ, медленно вошли на ступени и заняли свои мѣста. Появился Робеспьеръ. Его обособленность, болѣе возвышенное мѣсто, которое онъ занялъ, султанъ, букетъ болшихъ размѣровъ, чѣмъ у остальныхъ, придавали ему видъ властелина. Народъ, среди котораго имя его властвовало такъ же, какъ его тронъ возвышался надъ Конвентомъ, думалъ, что собираются провозгласить его диктатуру. Почтительныя восклицанія привѣтствовали только его одного и омрачили лица его сотоварищей. Толпа ждала его рѣчи. Одни надѣялись на амнистію, другіе на учрежденіе сильной, но милосердной власти. Бездѣйствовавшій революціонный судъ, разобранный на одинъ день эшафотъ открывали умамъ перспективу надежды. Никогда ни одинъ народъ не казался болѣе расположеннымъ къ принятію своего спасителя и гуманныхъ законовъ.

9.

„Французы, республиканцы“, сказалъ Робеспьеръ, повышая голосъ настолько, чтобы его слышала вся многочисленная аудиторія:—„наконецъ настала навѣки благословенный день, который французскій народъ посвящаетъ Верховному Существо! Никогда еще созданный имъ міръ не предоставлялъ своему Творцу зрѣлище, болѣе достойное Его взоровъ. Онъ видѣлъ, какъ на землѣ господствовали тиранія, преступленія и лицемеріе. Въ настоящую минуту Онъ видитъ цѣлый народъ, въ борьбѣ со всѣми гонителями человѣческаго рода, прекратившій теченіе своихъ геройскихъ трудовъ, чтобы вознести свою

мысль и свои желанія къ великому Существу, возложившему на него миссію предпринять ихъ и давшему ему силу привести ихъ въ исполненіе!..

„Онъ создалъ королей не для того, чтобы истреблять человѣческій родъ; Онъ создалъ священниковъ не для того, чтобы впрягать насъ, какъ презрѣнныхъ скотовъ, въ колесницу королей, и дать міру примѣръ низости, гордости, трусости, скудости, разврата и лжи: Онъ создалъ міръ для того, чтобы прояснить свое могущество, Онъ создалъ людей для того, чтобы они помогали другъ другу, чтобы любили другъ друга и достигли счастья путемъ добродѣтели.

„Это Онъ пробуждаетъ угрызёніе совѣсти въ сердцахъ гонителя, а въ сердце невиннаго гонимаго вселяетъ спокойствіе и гордость; это Онъ заставляетъ честнаго человѣка ненавидѣть негодяя, а негодяя уважать честнаго человѣка; это Онъ вѣнчаетъ стыдливостью чело красавицы, чтобы сдѣлать ее еще прекраснѣе; это Онъ заставляетъ биться сердце матери радостью и любовью; это Онъ орошаетъ сладостными слезами очи сына, прижимающагося къ материнской груди; это Онъ заставляетъ умолкать самыя сильныя и нѣжныя страсти передъ высокой любовью къ родинѣ; это Онъ одарилъ природу чарами, богатствомъ и величіемъ. Все прекрасное—Его созданіе, а дурное принадлежитъ развращенному человѣку, притѣсняющему и допускающему чтобы притѣсняли себя подобныхъ.

„Творецъ природы соединилъ всѣхъ смертныхъ одной огромной цѣпью любви и счастья: да погибнуть тираны, осмѣлившіеся порвать ее!..

„Существо изъ существъ, мы не должны обращаться къ Тебѣ съ неправыми молитвами, Ты знаешь созданія, вышедшія изъ твоихъ рукъ, ихъ нужды не могутъ укрыться отъ Тебя, такъ же какъ и самыя затаенныя ихъ мысли. Ненависть къ лицемѣрію и тираніи пылаетъ въ нашихъ сердцахъ рядомъ съ любовью къ справедливости и родинѣ. Кровь наша проливается на защиту человѣчества. Вотъ наша молитва, наши жертвы, вотъ дары, которые мы приносимъ Тебѣ!“

Народъ аплодировалъ скорѣ дѣйствию, нежели словамъ. Въмѣстѣ съ звуками тысячъ музыкальных инструментовъ къ небу вознеслись слѣдующія слова стиховъ Шенье:

Les vieillards et les adolescents ¹⁾.

Dieu puissant, d'un peuple intrépide
C'est toi qui défends les remparts;
La victoire a, d'un vol rapide,
Accompagné nos étendards.

1)

Старцы и юноши.

Боже, Ты защищаешь оплоты храбраго народа. Побѣда, въ своемъ быстромъ полетѣ, сопутствовала нашимъ знаменамъ. Альпы и Пиренеи видѣли, какъ пала гордыня королей. На сѣверѣ наши поля служатъ могилой для ихъ поверженныхъ фалангъ. Прежде чѣмъ сложить свои побѣдоносные мечи, поклонимся уничтожить преступленіе и тирановъ!

Женщины.

Услышь дѣвушекъ и матерей, Творецъ плодородія! Наши мужья, дѣти и братья,

Les Alpes et les Pyrénées
Des rois ont vu tomber l'orgueil;
Au Nord, nos champs sont le cercueil
De leurs phalanges consternées.
Avant de déposer nos glaives triomphants,
Jurons d'anéantir le crime et les tyrans!

Les femmes.

Entends les vierges et les mères,
Auteur de la fécondité!
Nos époux, nos enfants, nos frères,
Combattent pour la liberté;
Et si quelque main criminelle
Terminait des destins si beaux,
Leurs fils viendront sur des tombeaux
Venger la cendre paternelle.

Le choeur.

Avant de déposer vos glaives triomphants,
Jurez d'anéantir le crime et les tyrans.

Les hommes et les femmes.

Guerriers, offrez votre courage;
Jeunes filles, offrez des fleurs;
Mères, vieillards, pour votre hommage,
Offrez vos fils triomphateurs.
Bénissez dans ce jour de gloire
Le fer consacré par leurs mains;
Sur ce fer, vengeur des humains,
L'éternel grava la victoire.

Le choeur.

Avant de déposer nos glaives triomphants,
Jurons }
Jurez } d'anéantir le crime et les tyrans.

сражаются за свободу; и если чья-либо преступная рука сокрушить столь прекрасное существование, сыновья их явятся для того, чтобы на их могилах отомстить за прахъ отцовъ.

Х о ръ.

Прежде чѣмъ сложить свои побѣдоносные мечи, поклянитесь уничтожить преступленіе и тирановъ.

Мужчины и женщины.

Воины, принесите въ даръ ваше мужество; молодыя дѣвушки, принесите въ даръ

Затѣмъ Робеспьеръ, спустившись съ амфитеатра, приказалъ поджечь группу, изображавшую атензмъ. Пламя и дымъ поднялись къ небу при кликахъ толпы. Члены Конвента, слѣдуя въ почтительномъ разстояніи за своимъ вождемъ, прошли двумя колоннами черезъ толпу народа къ Марсову полю. Между колоннами членовъ Конвента двигались деревенскія телѣги, повозки, запряженные быками, и другіе символы земледѣлія, ремеслъ и искусствъ. Единственную охрану Конвента составляли юныя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья, образовавшія собою два ряда съ протянутыми между ними трехцвѣтными лентами. Робеспьеръ шелъ впереди одинъ. Онъ часто оборачивался, чтобы смѣрить разстояніе, отдѣлявшее его отъ сотоварищей, какъ бы для того, чтобы пріучить народъ выдѣлять его отъ нихъ въ своемъ уваженіи такъ же, какъ онъ былъ раздѣленъ пространствомъ. Всѣ взоры обращены были только на него. Чело его выражало гордость, — онъ улыбался, какъ человѣкъ, сознающій свое могущество.

10.

Посреди Марсова поля на мѣстѣ прежняго алтаря родины возвышалась символическая гора. Къ ея вершинѣ вела узкая и крутая тропинка. Тамъ заняли мѣста только Робеспьеръ, внесенный на креслѣ Кутонъ, Сентъ-Жюсть и Леба. Прочіе члены Конвента размѣстились на склонахъ горы и, видимо, чувствовали себя униженными въ глазахъ толпы царившей надъ ними группой триумвировъ. При залпахъ изъ пушекъ Робеспьеръ провозгласилъ оттуда символъ вѣры французскаго народа.

Народъ былъ опьяненъ, Конвентъ былъ мраченъ. Величественное первенство Робеспьера; энтузіазмъ толпы, который она выказывала исключительно своему представителю; второстепенное мѣсто на горѣ, отведенное президентомъ своимъ сотоварищамъ; диктаторское разстояніе, которое онъ сохранялъ между ними и собою во время процессіи; увлеченіе легкомысленной толпы религіозными идеями, отъ которыхъ она естественно могла перейти къ прежнимъ суевѣріямъ; имя Робеспьера, связанное съ провозглашеніемъ почитанія Верховнаго Существа и освященное такимъ образомъ въ умахъ націи посредствомъ божественности ученія, возстановляемаго имъ въ Республикѣ, наконецъ самая мысль объ этомъ возстановленіи безсмертія, ненавистная поклонникамъ Нирваны, а, сверхъ всего, подавляющая власть человѣка, создающаго свою популярность на основномъ инстинктѣ человѣческаго рода и овладѣвшаго сознаниемъ народа, какъ первосвященникъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день овладѣть имъ какъ Цезарь, — всѣ эти мысли, желанія, опасенія и честолюбія, сна-

цвѣты; матери, старцы, вмѣсто иного дара, принесите въ даръ своихъ побѣдителей-сыновей. Благословляйте въ этотъ день торжество оружія, освященное прикосновеніемъ къ ихъ рукъ; на этомъ оружіи мститель за человѣчество, Всевѣчный, начерталъ побѣду.

X o p ъ.

Прежде чѣмъ сложить наши побѣдоносные мечи,

поклоняемся
поклонитесь

} уничтожить преступленіе и тирановъ.

чала глухо передававшіся шопотомъ, разразились въ концѣ [концовъ громкимъ ропотомъ и явнымъ недовольствомъ. Угрожающіе взгляды, подозрительныя жесты, двусмысленныя рѣчи, намеки поразили взоры и слухъ Робеспьера на возвратномъ пути съ Марсова поля. „Отъ Капитолія до Тарпейской скалы всего одинъ шагъ“, кричалъ одинъ. — „На свѣтѣ есть еще Бруты“, бормоталъ другой. — „Видишь ты этого человѣка?“ спрашивалъ третій: — „онъ уже считаетъ себя богомъ и хочетъ пріучить республику боготворить кого-нибудь, чтобы потомъ заставить боготворить себя“. — „Онъ выдумалъ Бога, потому что онъ величайшій тиранъ“, прибавлялъ четвертый. — „Онъ хочетъ быть его жрецомъ“. — „Онъ можетъ сдѣлаться его жертвой“.

Эти разговоры, происходившіе вполголоса, и глухія восклицанія сопровождали Робеспьера до самаго Конвента. Фуше, Таллиенъ, Бареръ, Колло д'Эрбуа, Лекантръ, Леонардъ Бурдонъ, Билло-Вареннъ, Вадье, Амаръ воспользовались начинающейся оппозиціей, чтобы раздуть чувство недовольства и обратить его въ бунтъ. Они роптали на готовящуюся тиранію этого человѣка, не старавшагося скрывать свою заносчивость по отношенію къ Конвенту; потворствовавшего самымъ закоренѣлымъ народнымъ предразсудкамъ; унижавшаго республику и становившагося между народомъ и Богомъ для того, чтобы затѣмъ удобнѣе было встать между Конвентомъ и народомъ. Ихъ рѣчи проникали во всѣ сердца, какъ отравленныя жала. Робеспьеръ потерялъ свое обаяніе и лишился популярности на томъ же самомъ алтарѣ, на которомъ онъ возстановилъ служеніе Верховному Существо. Этотъ день возвеличилъ его среди народа и погубилъ въ Конвентѣ. Онъ предчувствовалъ, что вызоветъ ненависть къ себѣ. Онъ вернулся домой задумчивый. Весь день ему досаждали анонимными поздравленіями. Въ возстановителѣ истины видѣли возстановителя правосудія. Продолжительныя возгласы подъ его окнами благодарили его за возвращеніе души народу, а республикѣ Бога. Многія изъ записокъ содержали одно только слово: „Держайте!“

Дѣйствительно для Робеспьера настала минута риска. Если бы по возвращеніи съ утренней церемоніи онъ вызвалъ нѣсколькими болѣе явными намеками проявленіе народной любви, готовой уже вспыхнуть; если бы депутаціи нѣсколькихъ партій, увлекая за собою легко увлекающуюся толпу, явились въ Конвентъ и потребовали установленія единой регулирующей власти въ лицѣ своего любимца, то Робеспьеру была бы единогласно предложена диктатура или президентство; а если бы у него у самого хватило смѣлости объявить конецъ революціонной власти и начало народнаго правленія и отмѣну казней, то онъ царствовалъ бы уже на слѣдующій день, обвинилъ бы въ пролитой крови своихъ враговъ, присвоилъ себѣ популярность милосердія и спасъ бы республику, которую его нерѣшительность должна была погубить. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ. Онъ далъ убаюкать себя этимъ колеблющимся порывамъ народной любви и всемогущества и ловилъ рукою только воздухъ.

пьера рѣшиться принять верховную власть изъ рукъ народа, онъ вознамѣрился заставить Комитетъ общественнаго спасенія присудить ее ему.

Сень-Жюсть помнилъ Цезаря, заставившаго предложить себѣ корону и готоваго осудить Антонія въ томъ случаѣ, если циркъ начнетъ роптать, и надѣть ее, если народъ будетъ его привѣтствовать.

Въ отсутствіе Робеспьера, Сень-Жюсть нарисовалъ въ тайномъ засѣданіи картину отчаяннаго положенія республики. „Вѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ“, сказалъ молодой представитель: — „насъ терзаетъ анархія, законы, которыми мы наводняемъ Францію, представляютъ собою не что иное какъ смертоносное орудіе, которое мы оттачиваемъ и передаемъ въ руки партій. Каждый народный представитель при арміяхъ и въ департаментахъ является королемъ въ своей провинціи; они царятъ, а мы здѣсь представляемъ собою лишь пустое подобіе единства; кровь затопляетъ насъ, золото исчезаетъ, границы обнажены, война ведется безъ общаго плана, и даже наши побѣды не что иное какъ счастливая случайность, которая прославляетъ насъ, но не спасаетъ. Внутри государства мы убиваемъ другъ друга; каждая партія, губя другую, губить вмѣстѣ съ тѣмъ и родину. Можемъ ли мы допустить, чтобы республика переходила такимъ образомъ изъ однихъ рукъ въ другія? Приведутъ ли всѣ эти волненія къ ослабленію или могуществу? Хотимъ ли мы жить или умереть? Республика будетъ жить или умереть вмѣстѣ съ нами! Для всѣхъ насъ есть только одно средство спасенія: сосредоточеніе разъединенной власти, распредѣлившейся между столькихъ рукъ, сколько среди насъ существуетъ партій или честлоубцевъ! Это единство правленія, олицетворенное въ одномъ человѣкѣ.

„Но вы спросите, кто же этотъ человѣкъ, столь высоко стоящій надъ слабостями и подозрѣніями человѣчества, что республика можетъ быть олицетворена имъ? Признаюсь, эта роль превышаетъ человѣческія силы, миссія эта ужасна, а опасность чрезвычайна, если мы ошибемся въ выборѣ. Этотъ человѣкъ долженъ обладать геніемъ эпохи, добродѣтелями республики, непоколебимостью родины, чистотою убѣжденій, долженъ быть непогрѣшимымъ въ догматахъ; онъ долженъ начать свою общественную жизнь въ тотъ день, когда началась революція, и пройти шагъ за шагомъ рядомъ съ нею всѣ фазы ея, постоянно возростая въ патріотизмъ и добродѣтеляхъ. Онъ долженъ обладать знаніемъ людей и событий, которые разыгрываются уже въ теченіе пяти лѣтъ; наконецъ, онъ долженъ пользоваться такой всеобщей популярностью, чтобы гласъ народа предпочтительно передъ всѣми присудилъ ему диктатуру, которую мы только намѣтили для него! При описаніи этого человѣка, никто изъ васъ не задумается назвать Робеспьера! Онъ одинъ соединяетъ въ себѣ, благодаря уму, обстоятельствамъ и добродѣтели, условія, которыя могутъ оправдать такое неограниченное довѣріе Конвента и народа! Не скроемъ отъ себя, въ чемъ заключается наше благо! Побѣдимъ, въ виду явной необходимости, наше самолюбіе, зависть, отвращеніе! Не я указалъ на Робеспьера, а его добродѣтель! Не мы сдѣлаемъ его диктаторомъ, а Провидѣніе республики!“ Таковъ былъ смыслъ рѣчи Сень-Жюста.

При словѣ „диктаторъ“ всѣ лица нахмурились; никто не осмѣлился оспаривать геній или добродѣтель Робеспьера. Всѣ почтительно отклонили мысль

Сень-Жюста, какъ одну изъ грезъ, вызванныхъ лихорадкой патріотизма, которая затемняетъ разумъ и заставляетъ искать спасенія въ самоубійствѣ. „Робеспьеръ великъ и мудръ“, раздались восклицанія: — „но республика выше и болѣе премудра, чѣмъ одинъ человѣкъ. Диктатура сдѣлалась бы трономъ отчаянія и никто не сѣлъ бы на него, пока будутъ живы республиканцы!“ Сень-Жюстъ тщетно пытался настаивать; Леба тщетно пытался пояснить мысль своего сотоварища. Члены комитета разошлись взволнованные, возмущенные, но предупрежденные. Неосторожность Сень-Жюста была вмѣнена въ преступленіе Робеспьеру. „Верховную власть не вымаливаютъ, а захватываютъ: пусть онъ завладѣетъ ею, если осмѣлится!“ — сказалъ Билло своимъ друзьямъ. Съ этого дня комитеты начали питать противъ Робеспьера подозрѣнія, которые во время совѣщаній проявлялись ропотомъ и злобными восклицаніями.

12.

Однако, съ слѣдующаго же дня послѣ празднества въ честь Верховнаго Существа, Конвентъ, побуждаемый Робеспьеромъ и его друзьями, началъ издавать множество декретовъ, проникнутыхъ истиннымъ духомъ революціи. Казалось, что Конвентъ, умиротворенный на-время, хотѣлъ ознаменовать благими законами идею о братствѣ, которую онъ призывалъ на республику изъ философскихъ ученій. Издаваемые имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней законы были мягки, какъ растроганныя человѣческія сердца. Мы сгруппируемъ ихъ въ одно цѣлое, чтобы легче было судить о ихъ направленіи. Не будучи въ состояніи сразу установить демократическое равенство уничтоженіемъ и равномернымъ распредѣленіемъ собственности, Конвентъ старался создать его посредствомъ политическаго милосердія. Онъ превратилъ государство въ то, чѣмъ оно должно быть: въ видимое Провидѣніе народа. Онъ взялъ съ обладавшихъ избыткомъ подати и субсидіи, необходимыя для того, чтобы помочь, накормить и обучить неимущихъ. Онъ на практикѣ осуществилъ теорію братства, проповѣдуемую имъ, онъ сдѣлалъ изъ націи одну семью. Онъ создалъ изъ Марсовой школы учрежденіе одновременно демократическое и военное, въ которую армія должна была вербовать офицеровъ изъ всѣхъ сыновъ націи. Онъ объявилъ, что нищета является обвинителемъ противъ эгоизма собственниковъ и непредусмотрительности государства. Онъ восхвалялъ трудъ. Онъ призрѣвалъ дѣтей. Онъ воспитывалъ юношество. Онъ питалъ старость. Онъ облегчалъ немощныхъ на счетъ казны. Онъ уничтожалъ нужду. Онъ раздѣлилъ національныя земельныя имущества на мелкія части, доступныя самымъ маленькимъ капиталамъ, чтобы поощрить къ приобрѣтенію собственности и земледѣлію. Онъ классифицировалъ народонаселеніе. Онъ объявилъ убогихъ священными. Онъ открылъ убѣжища для беременныхъ женщинъ. Онъ назначилъ пособіе кормящимъ грудью своихъ дѣтей и субсидіи многочисленнымъ семьямъ, которыя не могли пропитаться на заработокъ своихъ отцовъ. Онъ регулировалъ подати съ бѣдняковъ и возложилъ бремя ихъ на состоятельныхъ. Онъ попытался создать единственно правильный и возможный коммунизмъ въ собственности, а именно жизненный семейный инстинктъ, отбирая посредствомъ налоговъ излишекъ у богатыхъ и раздавая его изъ рукъ государства, въ видѣ высокой заработной платы, про-

летаріямъ. Онъ учредилъ мастерскія для рабочихъ, не имѣющихъ работы. Онъ установилъ бесплатное посѣщеніе врачами госпиталей—этихъ казармъ для умирающихъ—больныхъ на дому, а также безвозмездный отпускъ имъ лекарствъ, чтобы не омрачать духа семьи. Онъ усыновилъ дѣтей, не имѣвшихъ отцовъ. Онъ назначилъ пенсіи и почетныя награды женамъ, матерямъ, дочерямъ защитниковъ родины, которые умерли или были ранены, борясь за націю. Онъ приказалъ обрабатывать землю. Онъ покровительствовалъ деревнѣ за счетъ городовъ—притоновъ праздности, роскоши и пороковъ, которые онъ хотѣлъ ограничить. Онъ покровительствовалъ искусствамъ и полезнымъ наукамъ. Онъ оказывалъ широкую благотворительность отъ лица націи и обратилъ ее въ обязанность, а милосердіе въ учрежденіе.

Читая эти декреты, народъ началъ надѣяться, что онъ завоевалъ свою кровью принципъ демократіи и что философія, исчезнувшая во время революціонной борьбы, явится слѣдствіемъ ихъ побѣды и начнетъ управлять народомъ. Одинъ только эшафотъ противорѣчилъ этимъ надеждамъ.

13.

Робеспьеръ все еще тайно высказывалъ желаніе уничтожить эшафотъ, но онъ прибавлялъ, что не можетъ упразднить терроръ иначе какъ посредствомъ еще большаго террора. Освѣдомленный, благодаря ропоту неудовольствія, раздавшемуся вокругъ него на праздникъ въ честь Верховнаго Существа, и сообщеніямъ Сень-Жюста и Леба о ненависти къ нему комитетовъ, онъ рѣшился наконецъ поразить своихъ враговъ дерзостью и опередить ихъ внезапностью. 22-го преріала, черезъ два дня послѣ торжества въ честь Верховнаго Существа, онъ предложилъ внезапно Конвенту, по соглашенію съ Кутономъ, проектъ декрета о преобразованіи революціоннаго суда. Этотъ драконовскій проектъ былъ сообщенъ комитетамъ только отчасти. Это былъ законъ, санкціонировавшій произволь и каравшій за всякій проступокъ смертью, приводимый въ исполненіе палачомъ.

Къ разряду враговъ народа принадлежали всѣ граждане, независимо отъ того, были они или нѣтъ членами Конвента, на которыхъ могло пасть подозрѣніе. Нація не считалась уже невиновной, а члены правительства—неприкосновенными. Это было всемогущество судебныхъ и карательныхъ мѣръ, диктатура не человѣка, а эшафота.

Руанъ (Ruamps), выслушавъ проектъ этого декрета, воскликнулъ: „Если бы этотъ проектъ прошелъ немедленно, я прострѣлилъ бы себѣ голову!“ Барреръ, котораго дерзость предложенія декрета 22-го преріала убѣдила въ могуществѣ Робеспьера, отстаивалъ его необходимость. Бурдонъ, депутатъ Уаза, рѣшился возразить. Робеспьеръ настаивалъ, чтобы его обсудили въ то же засѣданіе. „Съ тѣхъ поръ, какъ мы избавились отъ заговорщиковъ“, сказалъ онъ, кивнувъ въ сторону пустого мѣста, которое раньше занималъ Дантонъ:— „мы подаемъ голоса немедленно; просьбы объ отсрочкѣ повредятъ въ настоящую минуту!“

Неожиданность заставила вотировать декретъ. Но ночь убѣдила Конвентъ, что онъ подалъ голосъ за ножъ противъ себя. Между главными противниками

Робеспьера состоялись тайныя собранія; эти собранія происходили иногда у Куртуа, представителя умѣренной партіи, ненавидѣвшаго Робеспьера за то, что онъ погубилъ его земляка и друга Дантона.

Когда на другой день открылось засѣданіе, Бурдонъ (уазскій депутатъ) рѣшился взойти на трибуну. Онъ потребовалъ, чтобы Конвентъ отдалъ отчетъ въ томъ, что собирався сдѣлать наканунѣ, и чтобы сохранилъ за собою исключительное право отдавать своихъ членовъ подъ судъ. Мерлинъ, депутатъ Дуэ, поддержалъ мнѣніе Бурдона. Было постановлено разяснить декретъ, что должно было обезоружить Робеспьера и комитеты.

Въ слѣдующее засѣданіе Дельбрель и Маларме потребовали новыхъ разясненій, которыя еще болѣе подорвали декретъ. Трусливый Лежандръ поспѣшилъ отвергнуть эти послабленія, чтобы угодить тѣмъ, за безпокойство которыхъ онъ не могъ простить себѣ. Кутонъ энергично отстаивалъ свой трудъ, льстилъ Конвенту, ободрялъ комитеты, нападалъ на Бурдона, депутата Уазы. „Что могли бы прибавить Питтъ и Кобургъ?“ воскликнулъ онъ. Бурдонъ поспѣшилъ оправдаться, но съ достоинствомъ: „Пусть они знаютъ, эти члены комитетовъ, что если они патріоты, то и мы патріоты не менѣе ихъ. Я уважаю Кутона, уважаю Комитетъ; но я уважаю также непоколебимую партію Горы, которая спасла свободу!“

Робеспьеръ встаетъ возмущенный и говоритъ: „Рѣчь, которую вы только что слышали, вызываетъ необходимость объясниться точнѣе. Бурдонъ пытается отдѣлать Комитетъ отъ Горы. Конвентъ, Комитетъ и Гора это одно и то же. (Раздаются рукоплесканія). Граждане! когда вожди преступной партіи, разные Бриссо, Верньо, Жансонне, Гаде и прочіе негодяи, имена которыхъ французскій народъ всегда будетъ произносить съ презрѣніемъ, встали во главѣ одной части этого священнаго собранія, наступилъ моментъ, когда лучшая часть Конвента должна была сплотиться, чтобы побороть ихъ. Тогда имя Горы, служившей имъ какъ бы прибѣжищемъ среди этой грозы, сдѣлалось священнымъ, потому что оно обозначало ту часть представителей народа, которые борются противъ обмана; но съ той минуты, когда эти люди пали подъ мечомъ закона, когда честность, правосудіе, нравы пришли въ норму, въ Конвентѣ могутъ быть только двѣ партіи: добрые и злые. Если я имѣю право обратиться съ этой рѣчью къ Конвенту вообще, то, мнѣ кажется, я также имѣю право обратиться съ нею и къ знаменитой Горѣ, которой я, конечно, не безызвѣстенъ. Я думаю, что эта дань почтенія, исходящая изъ моего сердца, вполне стоитъ почтенія, исходящаго изъ устъ другого.

„Да, монтаньяры, вы всегда будете оплотомъ народной свободы, но вы не имѣете ничего общаго съ интриганами и нечестивцами, кто бы они ни были. Гора не что иное какъ вершина патріотизма. Монтаньяръ—честный патріотъ, разсудительный и выспренный. Допустить, что нѣсколько интригановъ, болѣе презрѣнныхъ, чѣмъ остальные, влѣдствіе своего большого лицемерія, попытались увлечь часть партіи Горы и сдѣлались вождями партіи, значило бы оскорбить Конвентъ“.

Бурдонъ изъ Уазы воскликнулъ, прерывая оратора: „Въ мои намѣренія никогда не входило сдѣлаться главою партіи“.

— „Было бы верхомъ позора“, продолжалъ Робеспьеръ съ все возростающимъ воодушевленіемъ: — „если бы нѣкоторые изъ нашихъ коллегъ, введенные въ заблужденіе клеветой относительно нашихъ намѣреній и цѣли нашихъ трудовъ...“

Бурдонъ изъ Уаза снова прервалъ его: „Я требую доказательствъ того, что утверждаютъ. Только что достаточно ясно сказали, что я негодяй“.

„Я требую во имя отечества, продолжалъ Робеспьеръ: — „права продолжать свою рѣчь. Я не назвалъ Бурдона. Горе называющему себя! Но если онъ желаетъ признать себя въ томъ общемъ изображеніи, набросать которое повелѣлъ мнѣ мой долгъ, то не въ моей власти воспрепятствовать ему въ этомъ. Да, говоритъ онъ болѣе угрожающимъ тономъ:—Гора чиста, она свята, но интриганы не принадлежать къ Горѣ“.

Нѣсколько голосовъ кричатъ:—„Назовите ихъ! Назовите ихъ!“

„— Я назову ихъ, когда придетъ время“, возразилъ Робеспьеръ. И онъ продолжаетъ рисовать картину интригъ, терзающихъ Конвентъ.

„Помогите намъ“, заключилъ онъ:—„не допускайте, чтобы между нами дѣлали различіе, потому что мы составляемъ часть васъ и безъ васъ мы ничто. Дайте намъ силу нести огромное бремя, почти превышающее человѣческія силы, которое вы возложили на насъ. Будемъ всегда дѣйствовать заодно, наперекоръ нашимъ общимъ врагамъ...“

Рукоплесканія большинства Конвента не даютъ ему докончить. Требуютъ, чтобы декретъ былъ вотированъ. Лакруа, Мерленъ, Таллиенъ отказываются отъ своего мнѣнія. Робеспьеръ упрекаетъ Таллиена за его якобы шпіонство за комитетами. „Фактъ ложенъ“, говоритъ Робеспьеръ: — „но вѣрно то, что Таллиенъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые съ цѣлью волновать и унижить Конвентъ“.—„Наглость Таллиена чрезвычайна“, прибавляетъ Билло-Вареннъ:—„онъ лжетъ съ невѣроятной дерзостью; но, граждане, мы останемся сплоченными, какъ и раньше; заговорщики погибнутъ, а отечество будетъ спасено!“

Комитетъ и Робеспьеръ, связанные общей опасностью, немедленно, въ это же засѣданіе, заключили союзъ, чтобы силою отнять у Конвента орудіе, которое должно было разъединить его. Торжество Робеспьера было полное. Въ тотъ же вечеръ Таллиенъ, дрожавшій за свою жизнь, написалъ Робеспьеру секретное письмо, въ которомъ онъ унижался передъ нимъ. Письмо это было найдено въ бумагахъ Робеспьера только послѣ его смерти. Оно свидѣтельствуетъ о всемогуществѣ диктатора и о рабодѣлствѣ представителя.

„Робеспьеръ“, писалъ Таллиенъ:—„ужасныя и несправедливыя слова, сказанныя тобою, еще звучатъ въ моей уязвленной душѣ. Съ откровенностью честнаго человѣка я хочу дать тебѣ нѣкоторыя разъясненія. Тебя давно уже окружаютъ интриганы, желающіе видѣть патріотовъ разъединенными, и возбуждаютъ твое предубѣжденіе противъ нѣкоторыхъ изъ твоихъ коллегъ, особенно противъ меня. Такъ ведется не впервые. Необходимо вспомнить мое поведеніе въ то время, когда я могъ бы отомстить многимъ. Суди самъ: я, Робеспьеръ, не перемѣнилъ ни убѣжденій, ни поведенія; будучи постоя-

Бappa.

нымъ приверженцемъ справедливости, истины и свободы, я ни на минуту не уклонился съ своего пути. Что касается приписываемыхъ мнѣ намѣреній, то я ихъ отрицаю. Я знаю, что въ глазахъ комитетевъ и твоихъ меня выставили, какъ безнравственнаго человѣка; итакъ, пусть явятся ко мнѣ—и явившіеся застанутъ меня съ моею старой, достойной уваженія матерью, въ томъ самомъ убѣжищѣ, которое мы занимали еще до революціи. Роскошь изгнана изъ него и, помимо книгъ, то, чѣмъ я владѣю, не прибавило къ моему достатку ни одного су. Я, безъ сомнѣнія, могъ впасть въ ошибки, но онѣ невольны и неизбежны при человѣческой слабости. Вотъ символъ вѣры моихъ убѣжденій—и я никогда не уклонюсь отъ него: тотъ дурной гражданинъ, кто замедляетъ ходъ дѣлъ революціи. Таковы мои чувства, Робеспьеръ. Живя уединенно, я имѣю мало друзей; но я всегда останусь другомъ всѣхъ истинныхъ защитниковъ народа“. Робеспьеръ не удостоилъ отвѣтить на это письмо. Онъ недостаточно уважалъ Талліена, чтобы думать, что подобное перо можетъ когда-либо обратиться въ кинжалъ. Во время революцій никогда не опасаются въ достаточной мѣрѣ подлыхъ людей. Они, однако, только и опасны.

14.

Мѣсяць спустя, въ клубѣ якобинцевъ, Робеспьеръ напалъ столь же неосторожно на человѣка, еще болѣе изворотливаго и опаснаго, чѣмъ Талліентъ: это былъ Фуше. Онъ заставилъ исключить его изъ членовъ клуба за то, что онъ проповѣдывалъ въ Неверѣ атеизмъ. „Бойтся, что ли, этотъ человѣкъ предстать предъ нами?“ спросилъ онъ:—„бойтся онъ глазъ и ушей народа? бойтся, чтобы его печальный видъ не выразилъ въ явныхъ чертахъ преступленія? чтобы шесть тысячъ глазъ, устремленныхъ на него, не обнаружили въ его глазахъ всей его души и, наперекоръ природѣ, скрывшей его мысли, не прочли ихъ въ его глазахъ?“

Ненависть, которую онъ повсюду возбуждалъ противъ себя, начала проявляться болѣе явно среди комитетовъ. Робеспьеръ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ настоятельно требовали, чтобы имъ разрѣшили, на основаніи вотированнаго декрета, отправить въ революціонный судъ лицъ, возбуждающихъ волненіе въ Конвентѣ. Главнѣйшіе изъ этихъ лицъ были: Фуше, Талліентъ, Бурдонъ изъ Уаза, Фреронъ, Тюрю, Роверъ, Лекантръ, Баррасъ, Лежандръ, Камбонъ, Леонардъ Бурдонъ, Дюваль, Андуэнъ, Карріе, Иосифъ Лебонъ. Комитеты медлили въ своей рѣшимости. Кутонъ обратился къ якобинцамъ: „Тѣни Дантоновъ, Геберовъ и Шометтовъ еще блуждаютъ среди насъ“, сказалъ онъ имъ въ засѣданіи 26-го числа:—„Онѣ стараются увѣковѣчить несчастія, причиненныя намъ этими заговорщиками. Республика возложила всю свою надежду на Конвентъ. Онъ заслужилъ этого; но въ немъ остались еще нѣсколько вредныхъ умовъ. Настало время обнаружить и наказать ихъ. Къ счастью“, прибавилъ онъ:—„число ихъ невелико, быть можетъ, оно не превышаетъ четырехъ или шести. Пусть падутъ негодяи, да погибнутъ они!“

Въ Комитетѣ общественнаго спасенія нерѣдко возникали ожесточенные споры между Робеспьеромъ и его сотоварищами. Билло-Вареннъ не скрывалъ болѣе своихъ подозрѣній относительно того, какъ триумвиры намѣревались вос-

пользоваться преріальскимъ декретомъ: „Ты хочешь, значить, отправить на гильотину весь Конвентъ?“ спросилъ онъ однажды Робеспьера. Карно и даже уолло-д'Эрбуа упрекали Робеспьера въ оскорбительныхъ выраженіяхъ за притѣсненіе, угнетавшее, по его волѣ, правительство. Карно негодовалъ противъ Сень-Жюста, который съ опрометчивостью молодого человѣка выказывалъ намѣреніе разстроить его планы войны. Вадье, предсѣдатель Комитета всеобщей безопасности, раздѣляя злобу своихъ коллегъ и выражалъ ее съ еще большей грубостью.

Наканунѣ того дня, когда Илья Лакость долженъ былъ сдѣлать докладъ о сообщникахъ Ладмираля и Сесили Рено, въ Комитетъ явился Вадье. „Завтра“, сказалъ онъ Робеспьеру: — „я сдѣлаю еще докладъ по дѣлу, имѣющему отношеніе къ этому, и предложу привлечь къ суду семейство Сентъ-Амарантъ“. — Ты этого не сдѣлаешь, надменно возразилъ Робеспьеръ. — „Нѣтъ, сдѣлаю“, отвѣтилъ Вадье: — „Всѣ доказательства у меня въ рукахъ: они подтверждаютъ измѣну, и я раскрою ее цѣликомъ“. — „Подтверждаютъ или нѣтъ, но если ты это сдѣлаешь, то тебѣ придется имѣть дѣло со мною!“ возразилъ Робеспьеръ, вставая и едва удерживая слезы гнѣва, выступившія у него на глазахъ: — „Хорошо, я избавлю васъ отъ своей тираніи. Я удалюсь. Спасите отечество безъ меня, если сможете! Что касается меня, то рѣшеніе мое непоколебимо и я не хочу повторять роли Кромвеля“. И дѣйствительно, сказавъ это, онъ удалился, и болѣе не возвращался въ Комитетъ общественнаго спасенія.

Одни смотрѣли на его уходъ и добровольное отреченіе, какъ на слабость, другіе видѣли въ этомъ хитрость. Мужество, которое Робеспьеръ выказывалъ до сихъ поръ передъ лицомъ своихъ враговъ, а впоследствии выказалъ и предъ лицомъ смерти, не допускаетъ мысли о его слабости. Съ той минуты, когда Робеспьеръ не могъ болѣе обуздывать комитеты силою своей воли и популярности, онъ считалъ, что ему благоразумнѣе удалиться открыто отъ своихъ коллегъ. Такимъ образомъ онъ освобождалъ себя отъ отвѣтственности за преступленія, которыя должны были отмѣнить его отсутствіе. Этимъ отсутствіемъ онъ объявилъ себя въ фактической оппозиціи по отношенію къ правительству. Такъ какъ онъ замышлялъ низвергнуть комитетъ, то онъ не могъ, по мнѣнію общества, принимать участіе въ его дѣйствіяхъ. Удаленіе его изъ комитетовъ служило поводомъ къ обвиненіямъ, болѣе вѣскимъ и грознымъ, чѣмъ пустыя слова. Скоро должно было выясниться, на чью сторону склонится общественное мнѣніе и кто возьметъ верхъ—одинъ человѣкъ или анархія.

15.

Но, несмотря на свое удаленіе, Робеспьеръ еще сохранилъ отчасти власть въ Комитетѣ. У него осталась невидимая рука въ самомъ очагѣ правительства. Сень-Жюсть только что уѣхалъ въ Рейнскую армію. За его отъѣздомъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія осталось вакантнымъ мѣсто президента Бюро главной полиціи. Робеспьеръ взялся замѣстить своего юнаго коллегу. Такимъ образомъ, онъ держалъ въ рукахъ нить всѣхъ заговоровъ, которые могли быть составлены противъ него, и черезъ посредство многочисленныхъ шпіоновъ полиціи могъ опутать своихъ враговъ ихъ же собственными сѣтями. Изъ найденныхъ

послѣ его паденія документовъ можно видѣть, какой надзоръ былъ установленъ имъ за всѣми казавшимися ему подозрительными членами Конвента и комитетовъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ главную пружину проскрипціоннаго правительства: доносъ. Онъ уже не былъ рукою революціоннаго правительства, но остался его соглядатаемъ. Притомъ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, къ голосу котораго прислушивался народъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что когда онъ возвыситъ его для обвиненія своихъ враговъ, то разрушить шаткій помокъ изъ ихъ злобы и интригъ, воздвигнутый противъ него. Но онъ хотѣлъ, чтобы они сильнѣе запутались въ сѣтяхъ, которыя онъ разставилъ имъ своимъ отсутствіемъ, и сами ранили себя смертельно оставленнымъ имъ въ ихъ рукахъ оружіемъ. Онъ втихомолку собиралъ секретныя донесенія о ихъ убѣжденіяхъ, записывалъ ихъ поступки, считалъ ихъ шаги, запоминалъ ихъ рѣчи, перетолковывалъ мысли. Приводимъ данныя, которыя онъ собралъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать выборъ между своими сторонниками и жертвами, когда настанетъ часъ мести.

„Лежандра видѣли вчера гуляющимъ съ генераломъ Перреномъ. Они вели таинственный и оживленный разговоръ. Они разстались въ одиннадцать часовъ. Лежандръ вошелъ въ полдень въ Конвентъ и вышелъ оттуда въ часъ дня. Замѣтили, что во время прогулки по Тюльери лицо его было озабочено и грустно. Къ нему подошелъ какой-то неизвѣстный. Они разговаривали вполголоса.

„Тюріо вышелъ въ семь часовъ изъ неизвѣстнаго дома съ женщиной. Онъ прошелъ съ этой женщиной въ садъ дворца Эгалите. Они гуляли тамъ. Они пошли въ другой домъ ужинать. Въ полночь они еще оставались въ томъ домѣ.

„Таллиенъ оставался вчера въ клубѣ якобинцевъ до конца засѣданія. Выйдя оттуда, онъ подождалъ человѣка, вооруженнаго толстой палкой, который обыкновенно провожаетъ его. Они взялись подъ руку и тихо разговаривали, идя по направленію къ саду дворца Эгалите. Тамъ они оставались до полуночи. Таллиенъ уѣхалъ въ фіакръ въ улицу Бель-Перль. Человѣкъ съ толстой палкой исчезъ такъ, что мы не могли обнаружить мѣста его жительства. На немъ былъ надѣтъ жилетъ съ широкими бѣлыми и красными полосами. Волосы у него бѣлокурые. Онъ однихъ лѣтъ съ Таллиеномъ.

„Таллиенъ не выходилъ вчера изъ дому до трехъ часовъ пополудни. Одно изъ близкихъ къ нему лицъ рассказало намъ, что на его вопросъ, почему его не слышно въ Конвентѣ, онъ отвѣтилъ, что у него пропала охота говорить съ тѣхъ поръ, какъ его упрекнули въ комитетѣ въ томъ, что онъ отправилъ недостаточно народа на гильотину во время своего пребыванія въ Бордо. У него есть надежные агенты, которые сообщаютъ ему обо всемъ происходящемъ въ комитетахъ. Когда онъ выходитъ, его постоянно сопровождаютъ, слѣдуя за нимъ издали, четыре гражданина.

„Тюріо, Шарлізъ, Фушэ, Бурдонъ (изъ Уаза), Гастонъ и Бреаръ имѣли сегодня утромъ общій секретный разговоръ въ Конвентѣ.

„Бурдона (изъ Уаза) видѣли вчера на улицѣ стоящаго въ раздумьѣ, куда бы направить свои шаги.

„Таллиенъ сегодня утромъ въ теченіе цѣлаго часа торговалъ на набережной книги у книгопродавца. Онъ все время осматривался по сторонамъ съ подозрительностью и безпокойствомъ.

Благодаря этимъ донесеніямъ Робеспьеръ получалъ ежедневно свѣдѣнія объ образѣ дѣйствій своихъ враговъ. Кутонъ дѣлалъ для него наблюденія за тѣмъ, что происходило въ нѣдрахъ Комитета общественнаго спасенія, Давидъ и Леба—за тѣмъ, что творилось въ Комитетѣ общественной безопасности, Коффингалъ наблюдалъ за революціоннымъ судомъ, Пейанъ—за Коммуной. Отъ него не могло ускользнуть ни малѣйшее движеніе. Его собственноручныя замѣтки свидѣлствуютъ о томъ, что онъ непрестанно размышлялъ о характерахъ и прежнемъ поведеніи лицъ, которыхъ намѣревался уничтожить вмѣстѣ съ комитетами или привлечь къ правленію. Въ своихъ секретныхъ замѣткахъ онъ составилъ списокъ лицъ, возбуждавшихъ подозрѣніе и достойныхъ довѣрія.

„Дюбуа-Крансе“, пишетъ онъ:—„въ случаѣ, если будетъ изданъ законъ объ изгнаніи изъ Парижа за незаконное присвоеніе себѣ фальшиваго дворянскаго титула: изгнанъ за интриги изъ Шербургской арміи. Онъ заявилъ, что слѣдуетъ истребить всѣхъ вандейцевъ до единого. Другъ Дантона. Сторонникъ Орлеановъ, съ которыми находится въ дружескихъ отношеніяхъ.

„Дельмасъ, бывшій дворянинъ, запятнавшій себя интригами, союзникъ Жиронды, другъ Лакруа, повѣренный Дантона; находится въ сношеніяхъ съ Карно.

„Тюріо всегда былъ лишь сторонникомъ Орлеановъ. Его молчаніе послѣ паденія Дантона противорѣчитъ его постоянной болтливости до этого событія. Онъ тайнѣ возбуждаетъ Гору; онъ замышляетъ заговоръ. Онъ столовался вмѣстѣ съ Дантономъ и Лакруа у Гюсмана и въ другихъ подозрительныхъ мѣстахъ.

„Бурдонъ (изъ Уаза) запятналъ себя преступленіями, содѣянными имъ въ Вандеѣ, гдѣ онъ во время оргій съ измѣнникомъ Тункомъ забавлялся тѣмъ, что собственноручно убивалъ солдатъ. Онъ соединяетъ въ себѣ трусость и жестокость. Онъ былъ самымъ ярлымъ защитникомъ атеистической системы. Въ день праздника въ честь Верховнаго Существа онъ позволилъ себѣ грубо насмѣхаться по этому поводу въ присутствіи всего народа. Онъ со злобой обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на благосклонность, выраженную мнѣ народомъ. Десять дней назадъ, находясь въ гостяхъ у Буланже, онъ встрѣтился у этого гражданина съ молодой дѣвушкой, которая приходится ему племянницей. Онъ взялъ съ камина два пистолета. Молодая дѣвушка замѣтила ему, что они заряжены. „Что жъ, если я застрѣлюсь“, сказалъ онъ:—„то скажутъ, что ты меня убила, и тебя гильотинируютъ!“ Онъ выстрѣлилъ въ молодую дѣвушку; но пистолетъ не разрядился, потому что затравочный зарядъ былъ вынутъ. Этотъ человѣкъ постоянно имѣетъ видъ убійцы, замышляющаго преступленіе. Повидимому, его преслѣдуютъ видъ эшафота и фуріи.

„Леонардъ Бурдонъ, интриганъ, издавно заслужившій презрѣніе, одинъ изъ неразлучныхъ сообщниковъ Гебера; другъ Клоотца. Ничто не можетъ сравниться по низости съ тѣми интригами, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для увеличенія числа своихъ пенсіонеровъ и захвата въ свои руки питомцевъ родины. Онъ одинъ изъ первыхъ ввелъ въ Конвентѣ обычай, унижающій его своими непристойными порядками, говорить съ покрытой головой и засѣдать въ неприличномъ костюмѣ.

„Мерленъ, прославившійся капитуляціей Майнца, находится больше не-жели подъ подозрѣніемъ въ томъ, что получилъ за это плату.

„Монто, бывшій маркизь, пытающійся отомстить за униженіе своего сословія постоянными доносами на Комитетъ общественнаго спасенія“.

17.

Въ противоположность людямъ, находившимся у него въ подозрѣніи, онъ записывалъ также и имена тѣхъ, кого намѣревался призвать на высшія должности республики. Это были: Германнъ, намѣченный въ администрацію; Пейанъ или Жюльенъ—для народнаго образованія; Флѣріо—въ Парижскую мэрію; Бюшо или Фуркадъ—для иностранныхъ дѣлъ, д'Альбарадъ—во флотъ; Жакъ, шурина Сенъ-Жюста; Коффингалъ, Сюблейрасъ, Артюрь, Дартъ и множество другихъ лицъ съ неизвѣстными именами, избранные изъ среды ремесленниковъ, но якобы отличившіяся рвеніемъ, патріотизмомъ и гражданскою доблестью.

Рядомъ съ этими именами, начертанными его перомъ съ тѣмъ, чтобы отыскать носителей ихъ въ дни всемогущества, находились сотни писемъ съ подписями и анонимныхъ, которыя одновременно обрекали тирана Конвента на апопоеозъ или смерть. Эти письма какъ своимъ энтузіазмамъ, такъ и ругательствами свидѣтельствовали объ огромномъ значеніи этого имени, останавливавшего на себѣ вниманіе столькихъ умовъ въ республикѣ.

„Ты, озаряющій вселенную произведеніями своего ума, наполняешь міръ славой своего имени“, говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ: — „истины, изрекаемыя тобою, принципы природы, твой языкъ—языкъ человѣчества; ты возвращаешь людямъ ихъ природное достоинство. Второй Создатель—Ты возрождаешь человѣчскій родъ“.

„Робеспьеръ! Робеспьеръ!“ написано въ другомъ письмѣ:—„Я вижу, что ты стремишься къ диктатурѣ и хочешь погубить свободу. Тебѣ удалось уничтожить самую твердую опору республики. Такимъ образомъ и Риншелье добился власти, проливъ на эшафотахъ кровь всѣхъ враговъ своихъ плановъ. Ты сумѣлъ предупредить Дантона и Лакруа; сумѣешь ли ты предупредить ударъ моей руки и руки двадцати двухъ Брутовъ, подобныхъ мнѣ? Уже тридцать разъ я собирался вонзить въ твою грудь отравленный кинжалъ. Я хотѣлъ раздѣлить эту честь съ другими! Ты погибнешь отъ той руки, которую не подозрѣваешь и которая сжимаетъ твою“.

„Я видѣлъ тебя рядомъ съ Петіономъ и Мирабо, отцами свободы“, гласило третье письмо: — а теперь я вижу лишь тебя, оставшагося невредимымъ среди разврата, возвышающимся среди развалинъ. Не довѣрай никому, кромѣ самого себя, приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Въ будущее вѣка на тебя будутъ смотрѣть какъ на краеугольный камень нашей конституціи!“

„Ты еще живъ, тигръ, алчущій крови Франціи, палаць своей родины! Ты еще живъ! Но часъ твой близится: рука, которую пытаются узнать твои растерянные взоры, уже поднялась противъ тебя. Я каждый день бываю съ тобою; каждый день, каждый часъ я ищу, куда бы нанести тебѣ ударъ. Прошай, сегодня же вечеромъ, глядя на тебя, я буду радоваться твоему страху!“

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Робеспьеръ, столбъ республики, душа патріо-

товъ, непорочный геній, просвѣщенный монтаньяръ, все видящій, все предусматривающій, все разрушающій, истинный ораторъ, истинный философъ, васъ, подобно Богу, я знаю только по чудесамъ; корона, триумфъ подобаютъ вамъ въ то время, какъ передъ воздвигнутымъ нами для васъ алтаремъ будетъ дымиться оиміамъ гражданъ, а потомство будетъ благоговѣть передъ вами, до тѣхъ поръ, пока люди будутъ сознать цѣну свободы и добродѣтели!“

„Вы не можете выбрать болѣе благоприятной минуты“, писалъ ему Пейанъ, самый близкій изъ его сторонниковъ въ Конвентѣ:—„чтобы поразить заговорщиковъ! Повторяю вамъ, подробный докладъ, который касался бы всѣхъ заговорщиковъ, доказалъ бы, что всѣ заговоры слились теперь въ одинъ; что въ немъ принимаютъ участіе лафайетисты, роялисты, федералисты, гебертисты, дантониисты и *Бурдоны*!.. Работайте во всю!.. Это письмо можетъ погубить меня, сожгите его!..“

18.

Кромѣ этой общественной переписки вниманіе государственнаго человѣка отвлекалось еще перепиской, касавшейся домашнихъ распрей. „Въ нашей сестрѣ“, писалъ ему младшій братъ:—„нѣтъ ни одной капли крови, похожей на нашу. Я узналъ про нее и видѣлъ съ ея стороны столько проступковъ, что смотрю на нее, какъ на нашего самого злѣйшаго врага. Она злоупотребляетъ нашей безупречной репутаціей, предписывая намъ законы и угрожая совершить неблаговидный поступокъ, который можетъ погубить насъ. Противъ нея надо предпринять что-нибудь рѣшительное, отравить ее въ Аррасъ, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ женщины, доводящей насъ всѣхъ до отчаянія. Ей хотѣлось бы, чтобы мы пользовались репутаціей дурныхъ братьевъ!“

„Итакъ, для вашего спокойствія необходимо, чтобы я жила вдали отъ васъ“, писала ему, въ свою очередь, эта сестра:—„Говорятъ даже, что ради пользы общества нужно, чтобы я не жила больше въ Парижѣ. Прежде всего я должна васъ избавить отъ ненавистнаго лица. Съ завтрашняго дня вы можете возвращаться въ свое жилище, не боясь встрѣтить меня тамъ. Пусть васъ не волнуетъ мое пребываніе въ Парижѣ. Я не хочу вовлекать въ постигшую меня опалу моихъ друзей. Мнѣ необходимо всего только нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ мои мысли и выбрать мѣсто для моего изгнанія. Кварталь, гдѣ живетъ гражданка Лапортъ, у которой я временно найду убѣжище, кажется мнѣ во всей республикѣ такимъ мѣстомъ, гдѣ на меня менѣе всего обратятъ вниманіе“.

Но если Робеспьера не отвлекали отъ наблюденій за врагами ни домашнія распри, ни крайняя нужда, ни восторги передъ нимъ, ни угрозы его корреспондентовъ, зато и комитеты также не усыпляли свою ненависть къ нему, ни свои тревоги и тайные заговоры. Билло-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа, Бареръ, Вадье, Амаръ, Илья Лакость старались усиленнымъ терроромъ оградить себя передъ Конвентомъ и якобинцами отъ обвиненій въ снисходительности, которыхъ Робеспьеръ могъ бы возбудить противъ нихъ. Съ другой стороны, они приписывали ему одному казни революціоннаго суда и выставляли его въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ какъ ненавистнаго палача своихъ сотоварищей. „Можно еще оспаривать, если

онъ потребуеть у насъ головы Талліена, Бурдона, Лежандра!“ говорилъ Барреръ:—„но если ему понадобятся головы всѣхъ внушающихъ ему безпокойство вождей Конвента, то невозможно уступить такимъ требованіямъ крови!“

Сидѣвшимъ на скамьяхъ передавались фальшивые списки лицъ, головы которыхъ требовалъ Робеспьеръ, чтобы посредствомъ страха возбудить противъ него тѣхъ, кого еще не возбудила противъ него зависть. Моисей Баиль, вліятельный членъ Комитета общественной безопасности, сознался однажды въ томъ, что Комитетъ фальшивитъ въ своихъ отношеніяхъ къ Робеспьеру. „Талліенъ“, говорилъ Моисей Баиль:—„совершилъ столько преступленій, что будь у него пять тысячъ головъ, то изъ нихъ ему не сохранить бы ни одной, если бы ему воздать за то, чего онъ заслужилъ. У Комитета есть всѣ доказательства и документы. Но достаточно Робеспьеру напасть на него, чтобы мы молчали.“

Лица, которымъ грозила опасность со стороны Робеспьера, получали предупрежденія, благодаря заботамъ Комитета. Предупреждали даже тѣхъ, къ которымъ онъ всегда относился только равнодушно. Въ ночныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ то у Талліена, то у Барраса, принимали участіе Леоантръ, Фреронъ, Баррасъ, Талліенъ, Гарнье (изъ Обы), Роверъ, Тиріонъ, Жюффруа и оба Бурдона. Въ нихъ обсуждалось, какимъ способомъ лишить популярности имя Робеспьера, обличить его честолюбіе, заклеить его тиранію. Крайняя опасность, глубокая тайна, возвышавшійся по близости эшафотъ придавали этой нарождавшейся оппозиціи характеръ, таинственность и отчаянность заговора. Душою его были Талліенъ, Баррасъ и Фреронъ. Эти три депутата, отозванные съ мѣстъ своихъ миссій въ Бордо, Марсели и Тулонъ и которымъ грозилъ страхъ строжайшаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, котораго требовалъ отъ нихъ Робеспьеръ, съ трудомъ отказались отъ всемогущества своихъ полномочій. Пробывъ долгое время самовластными консулами, верховными властелинами жизни и имущества гражданъ, они съ трудомъ могли сойти на степень простыхъ депутатовъ и дрожать предъ властью повелителя. Диктаторская власть, которой они пользовались, привычка къ битвамъ, слава побѣдъ, услуги, оказанныя ими республикѣ, мундиръ, который они носили, находясь во главѣ войскъ, придавали ихъ рѣшеніямъ отпечатокъ воинственности и внезапности. Лагери приучаютъ относиться съ пренебреженіемъ къ трибунамъ. Баррасъ, Фреронъ, Талліенъ составляли среди этихъ людей слова зерно, зародышъ военной партіи, готовой перерубить оружіемъ узелъ заговора, затягивавшійся вокругъ нихъ. Талліенъ внушалъ заговорщикамъ чувство отчаянія, Фреронъ—мести, Баррасъ—довѣрія. Эти три человека были людьми дѣла, тѣмъ болѣе способными на смѣлое предпріятіе, что они обладали меньшимъ суевѣрнымъ страхомъ передъ законами и меньшей разборчивостью въ средствахъ. Вся тактика этихъ заговорщиковъ, подобно Далтону забывающихъ во время революціи принципы и видящихъ въ ней только обстоятельства, любящихъ болѣе власть и наслажденія, тѣмъ ея учрежденія, и желающихъ во что бы ни стало спасти свои головы вмѣсто того, чтобы съ покорностью сложить ихъ на эшафотѣ,—состояла въ томъ, чтобы дѣйствовать, предупреждать и поражать.

LIX.

Термидорцы.—Терроръ усиливается.—Барерь, „Анакреонъ гильотины“.—Наклонность къ суевѣрю.—Катерина Тео.—Домъ Жерль.—Госпожа де-Сентъ-Амарантъ.—Господинъ и Госпожа де-Саргинъ.—Мадемуазель Гранмезонъ.—Г. де-Кесвремонтъ.—Триаль.—Робеспьеръ у г-жи де-Сентъ-Амарантъ.—Арестъ г-жи де-Сентъ-Амарантъ и ея семейства.—Ее обвиняютъ въ участіи въ заговорѣ, составленномъ заграницей, вмѣстѣ съ Сесиль Рено и Ладмиралемъ.—Обвиненные передъ судомъ.—Ихъ осужденіе.—Ихъ казнь.—Робеспьеръ въ клубъ якобинцевъ.—Попытка къ примиренію между членами комитетовъ.

1.

Между тѣмъ какъ эти люди, названные съ тѣхъ поръ „термидорцами“, готовили средства къ подавленію тираніи силой, комитеты изыскивали съ еще большей скрытностью способы скомпрометировать Робеспьера и уронить его въ общественномъ мнѣніи и въ Конвентѣ. Чтобы успѣшно бороться съ его вліяніемъ въ средѣ якобинцевъ, приходилось строго и жестоко примѣнять ужасный законъ 22 преріала. Никогда еще терроръ не поражалъ сразу столько виновныхъ, находившихся въ подозрѣніи и невинныхъ, какъ начиная съ того дня, когда Робеспьеръ рѣшилъ положить этому предѣлъ. Фулье-Тенвилля, присяжныхъ и палачей не хватало для приведенія въ исполненіе убійствъ, которыя ежедневно предписывали комитеты. Въ особенности Комитетъ общественной безопасности, державшійся въ сторонѣ и игравшій второстепенную роль во время господства Робеспьера, который предоставлялъ всю власть Комитету народнаго спасенія, сдѣлался ненасытнымъ въ проscriпціяхъ послѣ того, какъ удался Робеспьеръ. Между обоими Комитетами началось соревнованіе въ жестокости и казняхъ. Вадье, Амаръ, Жаго, Луи, депутатъ Нижняго Рейна, Вуланъ, Илья Лакостъ, наиболѣе вліятельные члены Комитета всеобщей безопасности, соперничали въ рвеніи съ Колло-д'Эрбуа и Билло-Варенномъ. Казнь приправляли насмѣшками. „Дѣло идетъ хорошо, жатва обильная, корзины наполняются“, говорилъ одинъ, подписывая длинные списки лицъ, отправляемыхъ въ революціонный судъ.—Я видѣлъ тебя на площади Революціи любующимся зрѣлищемъ гильотинированія, говорилъ другой.—Да, отвѣчалъ первый, я ходилъ посмѣяться надъ тѣмъ, какія лица корчатъ эти негодяи.—Они будутъ чихать въ мѣшокъ, подхватывалъ третій.—Я часто хожу смотрѣть казни. Пойдемте смотрѣть завтра, замѣчалъ самый кровожадный:—тамъ будетъ великое усѣкновеніе головъ“. Дѣйствительно, нѣкоторые ходили смотрѣть на казни изъ оконъ сосѣднихъ домовъ. Не щадившіе крови были, однако, безкорыстны въ отношеніи имущества казнимыхъ. Билло-Вареннъ, умиравшій съ голоду въ Кайеннѣ,

не могъ упрекнуть себя въ томъ, что присвоилъ себѣ хоть одинъ оболь, принадлежащій республикѣ, опустошенной имъ.

Вадье, дожившій до глубокой старости въ изгнаніи и нищенствуя заграницей, говорилъ сыну одного изъ лицъ, отправленныхъ имъ на эшафотъ: „Мнѣ девяносто два года. Сила моихъ убѣжденій продолжила мою жизнь. Въ одномъ только я могу упрекнуть себя, а именно въ томъ, что я не понималъ, кто такой Робеспьеръ, и принялъ гражданина за тирана“.

Лавассёръ, восторженный монтаньяръ, осужденный и терпѣвшій нужду въ Брюсселѣ, воскликнулъ въ присутствіи одного изъ своихъ соотечественниковъ, который только что передъ тѣмъ пожалѣлъ его преклонный возрастъ: „Скажите своимъ парижскимъ республиканцамъ, что вы видѣли, какъ старикъ Левассёръ самъ стлалъ себѣ постель, чтобы облегчить трудъ своей вѣрной восьмидесяти-четырёхъ-лѣтней подругѣ, и собственноручно снималъ пѣну съ котелка, въ которомъ варились бобы, единственная ихъ пища въ дни нужды“. — „А какого вы теперь мнѣнія о Робеспьерѣ?“ спросилъ его молодой французъ. — „О Робеспьерѣ! Не произносите этого имени! Это единственное, въ чемъ мы можемъ упрекнуть себя: Гора находилась въ затмѣніи, когда убила его“, отвѣтилъ Левассёръ. Престарѣлый Субербелье говорилъ то же самое на своемъ смертномъ одрѣ. „Самая кровавая изъ революцій—это революція совѣсти“, воскликнулъ онъ: — „Робеспьеръ былъ совѣстью Революціи. Они убили его потому, что не поняли его“. Итакъ совѣсть и убѣжденія такъ перепутались въ душѣ у людей этой эпохи, что даже много лѣтъ спустя они принимали одно за другое и, показывая свои руки, которыми они ничего не награбили, они думали, что чисты передъ Богомъ и потомствомъ, и гордились устойчивостью своихъ фанатическихъ теорій, которыя даже старость не могла ни просвѣтить, ни охладить.

2.

Но нѣкоторые изъ проскрипторовъ до того привыкли къ крови, что чередовали въ своей жизни смерть съ наслажденіями, удовольствіями и развратомъ. Жестокіе утромъ, сладострастные вечеромъ, они изъ комитетовъ, суда или съ площади, на которой возвышался эшафотъ, отправлялись на роскошные пиры, наслаждались музыкой и поэзіей въ отгороженныхъ ложахъ или же въ садахъ, окружающихъ Парижъ, находили забвеніе отъ общественныхъ дѣлъ съ легкомысленными женщинами, отдыхъ отъ усиленныхъ работъ, досугъ и миръ. Казалось, они спѣшили посвятить удовольствіямъ часы, не имѣвшіе будущаго и которые каждую минуту могли быть прерваны заговоромъ. Они равнодушно направляли противъ своихъ враговъ топоръ и съ покорностью ожидали, когда онъ будетъ направленъ противъ нихъ самихъ. Эти загородные дома служили иногда мѣстомъ тайныхъ собраній, какъ, напримѣръ, для дантонистовъ домъ въ Севрѣ.

Бареръ былъ главнымъ образомъ человѣкъ утонченный и изящный и скорѣе угодникъ Революціи, чѣмъ апостолъ республиканской добродѣтели. Его прозвали „Анакреономъ гильотины“, потому что въ своихъ докладахъ онъ изображалъ пріятныя картины, прикрашивая злобщія постановленія, точно набрасывая багровые цвѣты на кровь. Въ деревнѣ Клиши онъ отдѣлалъ увеселительный домъ.

Онъ удалялся туда дважды въ недѣлю, чтобы освѣжить свои мысли и придать силы своему перу. Рассказываютъ, что именно тамъ онъ составлялъ свои доклады, изворотливые, какъ его душа, въ которыхъ онъ приспособлялъ въ своемъ изложеніи слогъ, тонъ и формы ко всѣмъ господствующимъ партіямъ. Туда же онъ возилъ эпикурейцевъ Революціи, между прочимъ финансиста Дюпена. Дюпенъ прославился своимъ докладомъ о шестидесяти главныхъ откупщикахъ, среди которыхъ находился и знаменитый химикъ Лавуазье, котораго онъ заставилъ осудить заодно со всѣми на смерть. Онъ прославился также какъ любитель изысканнаго стола. Прекрасныя и талантливыя женщины, гордившіяся честью быть близкими къ главарямъ республики, принимали участіе въ пиряхъ въ Клиши. Легкомысленныя, какъ веселье, но безмолвныя, какъ смерть, эти женщины слышали все, но ничего не удерживали въ памяти. Амаръ, близкій другъ Дюпена, Вулланъ, Жаго, Баррасъ, Фреронъ, Коллод'Эрбуа, даже самъ суровый Ваде иногда отправлялись въ это убѣжище, чтобы переговорить съ Бареромъ и другими враждебными Робеспьеру членами Конвента. Заговоръ прикрывался тамъ предлогомъ увеселенія. Въ предающихся пиршествамъ не подозрѣвали заговорщиковъ. Между тѣмъ они соединяли въ себѣ и то и другое.

3.

Бареръ и его сотоварищи считали себя вынужденными выказывать патриотизмъ, принимавшій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мрачный характеръ, чтобы избѣжать обвиненія въ утѣренности. Они не переставали побуждать Конвентъ къ безпощаднымъ строгостямъ. Съ своей стороны Робеспьеръ, для того чтобы сохранить вліяніе на комитеты и внушить болѣе страха своими обвиненіями, считалъ себя вынужденнымъ изображать собою въ преувеличенномъ видѣ типъ непоколебимаго патриота. Повидимому, якобинцы признавали чистоту революціонныхъ убѣжденій только въ тѣхъ, кто доводилъ свою подозрительность до крайности. Та изъ двухъ партій, которая ослабила бы первая нить террора, навѣрное пала бы немедленно, обвиненная въ слабости или союзѣ съ врагами республики. Въ этомъ заключалась тайна ужасовъ политическаго убійства послѣднихъ временъ. Положеніе становилось тѣмъ болѣе крайнимъ, что оно вотъ-вотъ должно было измѣниться. Терроръ сдѣлался уже не только увлеченіемъ, но и тактикой. Чѣмъ меньше его хотѣли, тѣмъ больше съ обѣихъ сторонъ показывали видъ, что хотятъ его. Кровь неисчислимыхъ жертвъ служила лишь для того, чтобы облагрять маску этого изощреннаго ханжества патриотизма.

Мы видѣли, что послѣ покушенія на жизнь Коллод'Эрбуа и попытки покушенія на жизнь Робеспьера, раздраженные члены Комитета всеобщей безопасности рѣшили обвинить въ причастности къ преступленію Ладмирала и Сесиль Рено цѣлый рядъ мнимыхъ сообщниковъ, совершенно неизвѣстныхъ обоимъ обвиняемымъ. Такимъ образомъ они притворялись сильно озабоченными сохраненіемъ жизни Робеспьера и ужасною местью покушавшимся противъ него. Когда Илья Лакость кончилъ свой докладъ, Ваде поддержалъ его. Мы помнимъ, что Ваде привлекъ къ обвиненію множество лицъ, совершенно невинныхъ; что Робеспьеръ

энергично оспаривалъ эту часть доклада; что Вадье настаивалъ съ жестокостью инквизитора, старающагося удержать свою добычу и что это пререканіе, перейдя въ ожесточенный споръ, сдѣлалось причиной пораженія Робеспьера, его гнѣвныхъ слезъ и окончательнаго удаленія изъ Комитета. Вотъ въ какомъ видѣ представлялись обстоятельства, ихъ тайныя причины и, какъ слѣдствіе, двойной заговоръ, замышлявшійся съ одной стороны друзьями Робеспьера, а съ другой—на тайныхъ собраніяхъ обоихъ комитетовъ. Время выяснило связь событій, которыя сначала, казалось, не имѣли ничего общаго между собою.

4.

Человѣческой душѣ потребно сверхъестественное. Одного разума мало, чтобы объяснить его жалкое существованіе въ земной юдоли. Ей необходимы чудеса и тайна. Тайна—это тѣнь, принесенная изъ безконечности и наброшенная на человѣческой умъ. Она служитъ подтвержденіемъ существованія вѣчности не объясняя ея.

Человѣкъ искони стремится разсѣять этотъ мракъ. У всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка, во всѣ фазисы цивилизаціи были свои тайны. Ребяческія въ народѣ, величественныя у философовъ, онѣ доходятъ отъ Сибиллъ къ Платону, а отъ Платона переходятъ къ самымъ гнуснымъ шарлатанамъ. Съ тѣхъ поръ какъ философія восемнадцатаго вѣка разсѣяла въ умахъ Европы суевѣрія Среднихъ вѣковъ, страсть къ сверхъестественному измѣнилась не въ своей сущности и легковѣріи, а въ объектѣ. Никогда еще интеллектуальный міръ не былъ ослабленъ бѣдшимъ числомъ тайныхъ ученій, химерическихъ философій или трансцендентныхъ теософій. Сведенборгъ въ Швеціи, Вейсгауптъ—на Рейнѣ, графъ Сень-Жерменъ, Бергассъ, Сень-Мартинъ во Франціи, франмасоны, розенкрейцеры, иллюминаты и деисты повсюду основывали свои школы, вербовали приверженцевъ, грезили о тайнствахъ. Мистическіе символы вездѣ слѣдовали за народными суевѣріями. Революція, еще болѣе пошатнувъ человѣческое воображеніе, не уменьшила этой инстинктивной склонности человѣка къ чудесному. Напротивъ, она довела ее въ нѣкоторыхъ душахъ и даже въ массѣ до галлюцинацій. Чѣмъ значительнѣе событія, чѣмъ большее число людей застигаютъ катастрофы, чѣмъ трагичнѣе судьба, тѣмъ сильнѣе также и человѣкъ постигаетъ свое несовершенство и тѣмъ сильнѣе познаетъ, что рука Божія управляетъ событіями, людьми и всѣмъ, что вращается вокругъ насъ, рушится и вновь возникаетъ. Изъ этой склонности человѣческаго ума къ сверхъестественному и изъ пустоты, образующейся въ душахъ послѣ исчезновенія прежняго культа, возникла тайная религіозно-политическая секта, завербовавшая себѣ тысячи приверженцевъ среди жаждущаго новшествъ народа.

5.

Въ то время въ одномъ изъ отдаленныхъ и бѣдныхъ кварталовъ Парижа, въ улицѣ Контрэскарпъ, жила пожилая женщина Катерина Тео, или мать Божія. Эта женщина, которая всю жизнь жила воображеніемъ и умъ которой былъ ослабленъ къ тому же годами, была увѣрена или, по крайней мѣрѣ, дѣлала видъ, что увѣрена въ томъ, что она обладаетъ сверхъестественнымъ даромъ ясновидѣнія и пророчества. Престарѣлая пиеія новаго Эндора

видѣла въ Робеспьерѣ новаго Саула. Она провозглашала его избранникомъ Божиимъ. Она указывала на него его приверженцамъ какъ на спасителя Израиля, восстановителя истинной религіи, водворителя совершеннѣйшаго порядка на землѣ. Бывшій монахъ Картезіанскаго монастыря, домъ Жерль, перемѣшавшій въ своемъ недалекомъ и перепутавшемся мозгу мистицизмъ своей первоначальной религіи съ страстнымъ стремленіемъ религіознаго преобразованія міра, сошелся съ пророчицей изъ улицы Контрескарпъ благодаря той притягательной силѣ, которая влечетъ вѣрующаго къ чудесному. Домъ Жерль сдѣлался первымъ ученикомъ этой вдохновенной женщины, онъ запоминалъ и объяснялъ ея пророчества. Онъ вмѣстѣ съ нею основалъ нѣчто въ родѣ церкви, куда вѣрующіе стекались толпой, чтобы быть пріобщенными и получить откровенія новой религіи. Странная церемонія, иносказательный языкъ, вдохновеніе, сопровождающееся конвульсіями, наитіе Св. Духа, молодыя дѣвушки небесной красоты, видѣнія, пѣніе, музыка, братскія обѣщанія, тайна, окружающая святилище, придавали этой возрождающейся религіи очарованіе одухотворенности и чувственности. Во всѣхъ сверхъестественныхъ сношеніяхъ пророчицы съ вновь поступившими, революція изображалась какъ сошествіе божественнаго духа на главу народа. Священники и короли должны были исчезнуть съ лица вселенной. Робеспьеръ изображался иносказательно, какъ Мессія одновременно религіозный и политическій, который долженъ все упорядочить и все обратить къ Богу. Народъ толпами присоединялся къ новой вѣрѣ.

6.

Домъ Жерль былъ членомъ Учредительнаго собранія. Его склонность къ благочестивому легковѣрію уже проявилась тамъ: онъ уже возвѣстилъ съ трибуны этого собранія о мнимыхъ откровеніяхъ одной молодой дѣвушки, по имени Сусанны Лабруссъ. Общій смѣхъ встрѣтилъ этотъ ребяческій вздоръ. Сусанна Лабруссъ, изгнанная изъ Парижа, отправилась пророчествовать въ Римъ. Тамъ она умерла какъ невинная жертва своихъ галлюцинацій, въ темницѣ замка Св. Ангела. Домъ Жерль упорствовалъ въ своемъ заблужденіи относительно этихъ видѣній. Сидя рядомъ съ Робеспьеромъ въ собраніи и раздѣляя преобразовательныя теоріи аррасскаго депутата, онъ не переставалъ поддерживать съ нимъ близкія отношенія, доходившія до энтузіазма и поклоненія. Робеспьеръ часто принималъ бывшаго монаха живя у Дюпле. Онъ относился къ домъ Жерлю съ любовью и снисхожденіемъ, которыя геній чувствуетъ къ тѣмъ, кто поклоняется имъ. Люди охотно прощаютъ то суевѣріе, предметомъ поклоненія котораго они служатъ.

Домъ Жерль часто разсказывалъ Робеспьеру пророчества Катерины Тео о его будущемъ величіи. Робеспьеръ не былъ суевѣренъ. Религіей его была логика. Онъ считалъ умъ столь божественнымъ, что постоянно объявлялъ его единственнымъ догматомъ и единственнымъ провидѣніемъ человѣческаго рода. Цѣлью его стремленій и сущностью его учрежденій было—доѣхать ему полное и безраздѣльное господство надъ націями. Но вслѣдствіе литого, что собственное возвышеніе сдѣлало Робеспьера суевѣрнымъ относительно самого себя, или же онъ желалъ возбудить это суевѣріе въ другихъ для

того, чтобы усилить свою популярность сверхъестественнымъ вліяніемъ, или потому, что онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ расположеніе той части націи, которая сожалѣла о прежнихъ храмахъ, и дать ей надежду преобразованія христіанства, но только онъ мало того, что относился снисходительно къ собраніямъ у Катерины Тео, но даже покровительствовалъ имъ. Это была его точка соприкосновенія съ католицизмомъ и религіознымъ духомъ, въ которомъ онъ думалъ найти опору, какъ въ одной изъ социальныхъ силъ. Онъ получалъ письма отъ пророчицы и ея приверженцевъ, продиктованныя, какъ говорили, духомъ-провозвѣстникамъ. Въ провозглашеніи Верховнаго Существа, въ символахъ этой церемоніи, даже въ самыхъ именахъ, которыя даны были Богу и природѣ, было сходство съ именами и церемоніями тайной религіи. У народа возникло достаточно основательное или малоосновательное мнѣніе, что онъ хотѣлъ въ своей особѣ олицетворить верховнаго первосвященника, что попытки домъ Жерля, его повѣреннаго, были пробой религіознаго учрежденія, и принять участіе въ немъ значило угодить диктатору, лѣтя его слабости и честолюбію. Эта причина привлекала на сборища въ Контрэсарпскую улицу болѣе приверженцевъ, нежели вѣра.

7.

Въ это же самое время въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ зданій въ центрѣ Парижа, незадолго передъ тѣмъ построенномъ богатымъ философомъ Гельвеціемъ, жила молодая женщина, красота которой не имѣла бы соперницъ, если бы у нея не было дочери, столь же прекрасной и очаровательной, какъ и ея мать. Женщину эту звали госпожой де Сентъ-Амарантъ. Хотя она выдавала себя за вдову дворянина, убитаго въ дни 5—6 октября, въ то время, когда онъ защищалъ входъ въ покои королевы въ Версали, старалась держать себя съ достоинствомъ и окружала роскошью знатной особы относительно ея происхожденія и привычекъ царя тайна и сомнѣніе, такъ что общественное мнѣніе переходило отъ восхищенія ея красотой и почтенія къ ея несчастіямъ къ двусмысленности ея роли въ обществѣ.

Ея домъ, привлекательный во многихъ отношеніяхъ, соединялъ въ себѣ, благодаря любви къ искусствамъ, игрѣ и удовольствіямъ, съ начала революціи самыхъ выдающихся людей всѣхъ партій. Роялисты, члены Учредительнаго собранія, орлеанисты, жирондисты и поочередно Мирабо, Сийесъ, Петіонъ, Шапелье, Бюзо, Лувэ, Верньо постоянно посѣщали ее. Красота госпожи де-Сентъ-Амарантъ и ея увлекательный умъ сглаживали вокругъ нея всѣ различія во мнѣніяхъ и заполняли пропасти между партіями.

Тѣмъ не менѣе она явно выказывала свое расположеніе къ традиціямъ и надеждамъ роялизма. Она находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ роялистами бывшей аристократіи. Она хранила въ своихъ салонахъ, не дѣлая изъ этого особой тайны, портреты короля и королевы. Она не скрывала своего уваженія къ этимъ изображеніямъ, напоминавшимъ ей лучшее время и подвергшимся проскрипціи. Обаяніе ея красоты, казалось, удаляло отъ нея опасность, а природныя качества охраняли ее отъ эшафота.

Молодой человѣкъ, служившій при прежнемъ дворѣ, сынъ г. де-Сартина,

начальника парижской полиціи, только что женился на дочери госпожи де-Сентъ-Амарантъ. Де-Сартинъ до своей женитьбы былъ въ связи съ актрисой итальянскаго театра, мадемуазель Гранмезонъ. Хотя и покинутая своимъ любовникомъ, эта молодая актриса продолжала переписываться съ нимъ. Она сообщала ему объ усиленіи или ослабленіи террора. Сартинъ, тронутый такимъ постоянствомъ, время отъ времени прѣзжалъ въ Парижъ. Тамъ онъ тайно встрѣчался съ своей прежней возлюбленной. Черезъ нее онъ узнавалъ политическія тайны. Мадемуазель Гранмезонъ вывѣдывала ихъ у Триала, актера того же самаго театра, гдѣ служила и она, яраго патріота и друга Робеспьера.

Надежды на милосердіе, вспыхнувшія въ моментъ провозглашенія Верховнаго Существа, были западней, въ которую попались роялисты, подозрѣваемые и подвергшіеся проскрипціи. Вездѣ только и было разговора о всемогуществѣ новаго Кромвеля или новаго Монка; о его попыткахъ прекратить религіозныя преслѣдованія; о его желаніи уничтожить эшафотъ; о его намѣреніи пересоздать существующій порядокъ и тайномъ желаніи получить царскую власть самому или вообще возстановить ее, которое, по предположеніямъ нѣкоторыхъ, онъ питалъ. Разрозненные остатки партій религіозной и роялистской утѣшали себя этими мечтами. Популярность Робеспьера была въ это время, пожалуй, больше среди партіи жертвъ, чѣмъ въ партіи палачей. Госпожа де-Сентъ-Амарантъ была этимъ ослѣплена. Она хотѣла вернуться въ Парижъ и снова открыть свой домъ для празднествъ и удовольствій среди общаго траура. Она вѣрила въ гений Робеспьера. Она горѣла желаніемъ познакомиться съ нимъ, обольстить его и заставить раздѣлить ея взгляды. Тщетно мадемуазель Гранмезонъ, дрожащая за своего любовника, писала де-Сартину, что время настало роковое, что между комитетами и Робеспьеромъ происходитъ борьба, что топоръ гильотины колеблется въ выборѣ между снисхожденіемъ и болѣе дѣятельнымъ терроромъ: госпожа де-Сентъ-Амарантъ слушалась только своихъ иллюзій. Она увлекла за собою въ Парижъ свою дочь, зятя и пятнадцатилѣтняго юношу сына.

18.

Тамъ она все болѣе и болѣе убѣждалась изъ разговоровъ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей въ намѣреніяхъ, существованіе которыхъ она подозрѣвала у триумвира. Безъ сомнѣнія, это убѣжденіе было внушено ей агентами Робеспьера. Въ это время онъ стремился все связать съ своимъ именемъ, даже роялистовъ, вѣлѣдствіе неопредѣленности своихъ надеждъ.

Г. де-Кесвремонтъ, бывшій нѣкогда близкимъ лицомъ Орлеанскому дому, а теперь искавшій дружбы Робеспьера, заставилъ госпожу де-Сентъ-Амарантъ раздѣлить его восхищеніе къ чловѣку, избранному судьбой, который, по его словамъ, ожидалъ только часа, когда созрѣютъ его планы, и допускалъ терроръ творить то, въ чемъ еще не было возможности воспрепятствовать ему. Будучи фанатическимъ ученикомъ Катерины Тео, г. де-Кесвремонтъ рассказывалъ госпожѣ де-Сентъ-Амарантъ о новой религіи, въ которую глупо вѣруетъ возстановитель порядка. Онъ внушилъ ей, такъ же какъ ея дочери и зятю, желаніе присоединиться къ ней. Этимъ поступкомъ, какъ онъ

объяснять, можно было заслужить довѣріе Робеспьера. Маркиза Шатеней, ярая поклонница „матери Божіей“, окончательно убѣдила госпожу де-Сентъ-Амарантъ присоединяться къ ихъ обществу. Сартина, его тещу и жену провели ночью на чердакъ „матери Божіей“. Обѣ прекрасныя роялистки получили поцѣлуй въ лобъ отъ послѣдней изъ сибиллъ, который вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться поцѣлуемъ смерти.

Служило ли дѣйствительно расположеніе этихъ двухъ молодыхъ женщинъ залогомъ успѣха въ глазахъ Робеспьера, или онъ далъ увлечь себя чувству гордости, видя преклоняющимися передъ нимъ двухъ самыхъ извѣстныхъ красавицъ Парижа, скорѣе же всего онъ хотѣлъ воспользоваться ими какъ приманкой для подвергшихся проскрипціи партій, чтобы привлечь ихъ на сторону задуманнаго имъ правильнаго строя, но только онъ согласился на свиданіе съ обѣими своими поклонницами. Триаль, актеръ и общій другъ, сопровождалъ Робеспьера къ госпожѣ де-Сентъ-Амарантъ. Онъ былъ встрѣченъ тамъ, какъ диктаторъ, позволяющій другимъ предугадать его намѣренія. Онъ занялъ мѣсто за столомъ между гостями, которыхъ онъ выбралъ самъ. Его окружала атмосфера энтузіазма. Онъ хотѣлъ понемногу обуздать тѣ насилія, которыя слишкомъ долго допускалъ. Онъ говорилъ какъ человѣкъ, который обязанъ только однихъ виновныхъ обречь гильотинѣ, еще продолжавшей поражать столько же невинныхъ. Онъ намекалъ на свои планы, чтобы возбудить надежду.

9.

Комитетъ общественной безопасности узналъ объ этихъ свиданіяхъ и полукровеніяхъ быть можетъ вслѣдствіе болтливости хозяевъ, а можетъ и вѣроломства участниковъ собраній. Вадье уже приставилъ одного изъ своихъ агентовъ, Сенара, въ собранія „матери Божіей“, чтобы слѣдить за тѣмъ, что говорили главные ея приверженцы, и записывать ихъ имена. Вадье, зная, что Робеспьеръ былъ тамъ кумиромъ, предполагалъ, что онъ является также и подстрекателемъ. Послѣ 20-го преріала онъ подозрѣвалъ, что Робеспьеръ хочетъ привязать къ себѣ народъ посредствомъ суевѣрій, а высшій классъ общества расположить предзнаменованіями милосердія. Вадье хотѣлъ выставить Робеспьера съ смѣшной стороны и обличить его въ измѣнѣ. Онъ не рѣшался прямо напасть на человѣка, имя котораго стояло выше подозрѣній и приводило въ смущеніе всякаго желающаго причинить ему вредъ; но онъ надѣялся косвенно поднять это имя на смѣхъ, который отразился бы на его могуществѣ. Конечно, было смѣлымъ предпріятіемъ доказать Конвенту, что друзья Робеспьера нечестны, а его приверженцы не неприкосновенны.

Комитетъ общественной безопасности, войдя въ тайное соглашеніе къ Комитетомъ общественнаго спасенія и заговорщиками партіи Талліена, приказалъ арестовать Катерину Тео и ея главныхъ агентовъ. Комитеты распорядились въ то же время подвергнуть аресту маркизу де-Шатеней, де-Кесвремона, де-Сартину и все семейство де-Сентъ-Амарантъ, не исключая и ея сына, которому еще не исполнилось и пятнадцати лѣтъ. Они арестовали также мадемуазель Гранмезонъ и ея слугу Бире, рѣшили соединить всѣ эти обвиненія, не имѣвшія между собою никакой связи, въ одинъ общій обвинительный актъ, который

Илья Лакость составлялъ противъ Ладмирала и Сесиль Рено подъ неопредѣленнымъ названіемъ „Заграничный заговоръ“. На Вадье было возложено порученіе составить предварительный докладъ о сектѣ Катерины Тео. Поступая такъ, надѣялись, что хитрый старикъ сумѣетъ придать ребяческому суетвѣрію дома Жерля мрачную окраску и выставить его какъ заговорщика, а также выставить въ смѣшномъ видѣ и Робеспьера.

10.

Это имя, которое, какъ всѣ знали, скрывалось въ процессѣ, выступало тѣмъ явственнѣе, чѣмъ больше старался избѣгать произносить его Вадье. Робеспьеръ заранѣе почувствовалъ ударъ. Но кинжалъ прикрывался почтеніемъ. Онъ не могъ открыто взять на себя защиту этихъ сектантовъ въ то время, когда обвиняли его самого въ томъ, что онъ хочетъ воскресить суетвѣрія для того, чтобы освятить свою диктатуру. Онъ настоялъ, чтобы отложили чтеніе доклада Вадье въ Конвентѣ, подъ предлогомъ, что докладъ не заслуживаетъ вниманія. Вадье стоялъ на своемъ. Пришлось молча сносить сарказмы докладчика, улыбки слушателей, ядовитые намеки на его желаніе сыграть роль Магомета. Насмѣшка коснулась этого страшнаго имени, подозрѣніе набросило тѣнь на его неподкупность. Друзья Робеспьера почувствовали это. Его тайно предупреждали остерегаться Вадье, напоминавшаго собою Брута и подъ грубостью скрывавшаго ненависть. „Употребите всѣ усилія“, писалъ Пейанъ Робеспьеру:—„чтобы умалить въ глазахъ общественнаго мнѣнія значеніе, которое хотятъ придать дѣлу Катерины Тео, и убѣдить народъ, что это невинное шарлатанство, заслуживающее только смѣха и презрѣнія со стороны серьезныхъ людей“.

Наконецъ, вскорѣ затѣмъ, Илья Лакость представилъ декретъ, предлагавшій предать революціонному суду всѣхъ обвиняемыхъ. Желали привлечь, обвинивъ въ соучастіи съ убійцей Ладмиралемъ и Сесиль Рено, отца, мать и даже братьевъ этой молодой дѣвушки, а также де-Сартина, госпожу де-Сентъ-Амарантъ, ея дочь госпожу де-Сартинъ, ея сына, не достигшаго еще того возраста, когда можно сознательно совершить преступленіе, гг. де-Лаваль-Монморанси, де-Рогана-Рошфора, принца де-Сенъ-Морисъ, Сомбрѣйлей, отца и сына, которые ускользнули отъ рукъ сентябрскихъ убійцъ, де-Пона, Мишониса, муниципальнаго чиновника, служащаго въ Тамплѣ, обвиненнаго въ сострадательности и чрезмѣрной любезности къ плѣннымъ принцессамъ; г-жу де-Ламартиныеръ, вдову Депремениля, наконецъ актрису Гранмезонъ, наказанную за свою любовь къ Сартину, и даже лакея этой актрисы, который подвергся наказанію за привязанность къ своей госпожѣ. Къ числу этихъ шестидесяти обвиняемыхъ присоединили привратника дома, гдѣ Ладмираль сдѣлалъ попытку убить Коллод'Эрбуа, и его жену: „Оба виновны въ томъ“, сказалъ обвинитель:—„что не выказали достаточно радости, когда убійца былъ арестованъ!“

11.

Услыхавъ имена госпожи де-Сентъ-Амарантъ и ея семьи, Робеспьеръ промолчалъ. Онъ боялся, чтобы не подумали, что онъ хочетъ защищать контръ-

революціонеровъ. Ему прекрасно было извѣстно, что хотѣтъ запутать его имя, и онъ скромно молчалъ, чтобы не поразили его самого: печальное положеніе людей, руководствующихся въ политикѣ не совѣстью, а желаніемъ добиться популярности. Они прикрываются тѣлами невинныхъ жертвъ вмѣсто того, чтобы искать опоры въ отвѣгѣ!

Эти шестьдесятъ обвиняемыхъ, предполагаемые соучастники въ одномъ преступленіи, въ первый разъ встрѣтились въ судѣ. Ладмираль держалъ себя спокойно; Сесиль Рено была наивна и трогательна. Она просила прощенія у отца, у матери, у братьевъ въ томъ, что своимъ легкомысліемъ навлекла на нихъ обвиненіе въ соучастіи въ преступленіи, никогда не содѣянномъ ею. Она подтвердила передъ смертью, что ея мнимое намѣреніе убить было не что иное, какъ желаніе видѣть тирана.

Монморанси, Роганы, Сомбрѣйли держали себя съ достоинствомъ, присущимъ ихъ невинности, и не посрамили именъ, которыя они носили. Они не унизили передъ лицомъ смерти благородства своей крови. Они умерли такъ же, какъ сражались ихъ предки.

Госпожа де-Сентъ-Амарантъ лишилась чувствъ въ объятіяхъ своихъ дѣтей. Сартинъ, проходя мимо мадемуазель Гранмезонъ, облилъ руки актрисы слезами. Онъ просилъ ее простить ему смерть, причиной которой была ея привязанность къ нему. Жена его держала себя съ достоинствомъ, превосходящимъ ея возрастъ, и съ кротостью, превосходящей ея красоту. Она радовалась, что умереть вмѣстѣ съ матерью, мужемъ и братомъ. Она обнимала ихъ одного за другимъ. Она не оттолкнула даже мадемуазель Гранмезонъ, судьба которой, влѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ, была связана съ ихъ судьбой въ общемъ несчастіи. Ревность и разница въ общественномъ положеніи исчезли вблизи смерти. Умирающіе составляли одну семью.

29-го преріала (17 іюня) Ладмираль, Сесиль Рено и ихъ пятьдесятъ два сообвиняемыхъ были отвезены на мѣсто казни. Чтобы поразить народъ болѣе иллюзіей виновности, въ первый разъ послѣ Шарлотты Корде, на всѣхъ осужденныхъ надѣли красныя шерстяныя рубашки, одежду убійцъ. Отрядъ кавалеріи и пушки, заряженные картечью, ѣхали впереди и позади поѣзда. Онъ состоялъ изъ восьми телѣжекъ. Въ первую на переднюю скамью посадили госпожу де-Сентъ-Амарантъ и госпожу Депремилль; госпожа де-Сартинъ и мадемуазель Гранмезонъ сидѣли на второй скамьѣ,—двѣ жертвы любви къ одному и тому же человѣку! Въ слѣдующей телѣжкѣ ѣхали де-Сартинъ, его сынъ и зять де-Сомбрѣйль, съ сыномъ. Три другія телѣжки везли рядомъ съ Монморанси и Роганами бѣднаго вѣрнаго слугу мадемуазель Гранмезонъ, Бире, который плакалъ не о себѣ, какъ онъ говорилъ, а о своей госпожѣ. Поѣздъ ѣхалъ медленно, эшафотъ былъ далеко, небо было весеннее, толпа огромная. Всѣ взоры были устремлены на группу женскихъ головъ, которыя скоро должны были быть обезображены. Яркій рефлексъ, бросаемый красными рубашками, еще болѣе выдѣлялъ бѣлизну ихъ кожи и нѣжность ихъ лицъ. Толпа была опьянена ихъ ослѣпительной красотой, которая вскорѣ должна была угаснуть. Жертвы обмѣнивались грустными улыбками, отрывистыми словами вполголоса и взаимнымъ соболѣзнованіемъ. Ладмираль негодовалъ и со-

жалѣлъ объ участи своихъ мнимыхъ соучастниковъ. „Ни одинъ изъ нихъ не зналъ моихъ намѣреній“, восклицалъ онъ: — „я хотѣлъ одинъ отомстить за человѣчество“. Затѣмъ, обернувшись къ Сесиль Рено, которая горячо молилась, прибавилъ съ проницательнымъ состраданіемъ: „Вы хотѣли видѣть тирана, такъ смотрите: ихъ сотни передъ вами“.

Шестіе продолжалось три часа. Самыхъ неизвѣстныхъ убили первыми; за ними слѣдовали Сесиль Рено, мадемуазель Гранмезонъ, дворяне павшей монархіи и молодой Амарантъ. Его сестра и мать видѣли, какъ бросили въ корзину его обезглавленное тѣло. Наступилъ ихъ чередъ. Дочь и мать простились долгимъ послѣднимъ поцѣлуемъ, который былъ прерванъ палачомъ. Голова молодой дѣвушки скатилась туда же, гдѣ лежала голова ея юнаго брата. Госпожа де-Сентъ-Амарантъ умерла предпослѣдней, Сартинъ умеръ послѣднимъ. Въ теченіе казни, длившейся три четверти часа, онъ видѣлъ, какъ скатились головы его любовницы, зятя, котораго онъ любилъ какъ сына, тещи и жены. Онъ умеръ всеѣми своими привязанностями на землѣ, прежде чѣмъ умереть отъ ножа.

Эта бойня возмутила народъ противъ Робеспьера. Преступленіе его враговъ отразилось на немъ. Не вѣрили, чтобы его вліяніе въ Комитетахъ упало настолько, чтобы онъ не могъ допустить казни, которой онъ не хотѣлъ. Его не считали настолько трусливымъ, чтобы онъ могъ терпѣть преступленія, которыя онъ порицалъ. Тѣ, которые возлагали на него надежды, вознегодовали. Друзья его удивлялись. Враги — почувствовали смѣлость. Они узнали тайну его слабости и удвоили жестокость. Они въ теченіе сорока дней возлагали на него отвѣтственность за кровь, которую проливали. Онъ не осмѣливался ни признаться, ни отречься отъ причастности въ усилившейся рѣзнѣ. Онъ тщетно старался отстранить себя отъ отвѣтственности въ террорѣ. Общественное мнѣніе всецѣло приписывало его ему. Положеніе ужасное, невыносимое, заслуженное. Вѣчный урокъ людямъ популярнымъ, которыхъ справедливое потомство дѣластъ отвѣтственными за все преступленія, противъ которыхъ они не осмѣливались протестовать.

12.

По рѣчамъ, которыя Робеспьеръ говорилъ въ теченіе этихъ дней въ клубѣ якобинцевъ, можно было замѣтить, какой гнетъ тяготѣетъ надъ его душой. Онъ выражался неясно, неопредѣленно, двусмысленно, сообразно тому положенію, въ какомъ онъ находился. Невозможно было понять, обвиняетъ ли онъ комитеты въ строгости или снисходительности. То онъ бранилъ жестокость, то умѣренность. Его двусмысленныя рѣчи гремѣли безпрестанно, но никого не поражали. Онъ не зналъ, на кого обрушиться гнѣвомъ. Нельзя было угадать, нападетъ ли онъ на палачей или на жертвы. Политическій дѣятель, не осмѣливающийся высказать свои взгляды, примыкаетъ сразу къ двумъ партіямъ. „Настало время, граждане“, воскликнулъ онъ наконецъ 13 мессидора (1-го юля), за нѣсколько дней до кризиса: — „чтобы правда прозвучала въ этой залѣ такъ же свободно и мощно, какъ она раздавалась во время великихъ событій революціи. Неужели мы пойдемъ совѣщаться въ мрачные притоны, какъ заго-

ворщики (намеки на тайныя собранія въ Клиши), о способахъ защиты противъ коварныхъ происковъ злодѣевъ? Заявляю благонамѣреннымъ людямъ о существованіи плана похитить аристократовъ у національнаго суда и погубить отечество, поразивъ патріотовъ. Когда обстоятельства разовьются, я дамъ болѣе подробное объясненіе. Теперь же я сказалъ достаточно для тѣхъ, кто меня понимаетъ. Никогда ничья власть не заставитъ меня воздержаться отъ заявленія истины въ нѣдрахъ національнаго собранія и въ присутствіи республиканцевъ. Не во власти тирановъ и ихъ клеветовъ запугать мое мужество. Какія бы ни распускались противъ меня пасквили, я останусь все тѣмъ же. Даже если бы меня заставили отказаться отъ части обязанностей, которыя я несу (полицейское бюро), я всетаки останусь представителемъ народа и буду бороться на смерть съ тиранами и заговорщиками!“

Эти тираны и заговорщики, на которыхъ былъ сдѣланъ косвенный намекъ, были Вилло-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа, Бареръ, Карно, Леонардъ Бурдонъ, Вадье и всѣ члены комитетовъ. Они или совсѣмъ не осмѣливались появляться среди якобинцевъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ царилъ одинъ Робеспьеръ, или же, являясь туда, молча шпионовали за нимъ и доносили о томъ, что онъ говорить. Они обвиняли его, выходя оттуда, въ намекахъ на существованіе очага заговоровъ въ Конвентѣ и въ проповѣди о необходимости коренного и насильственнаго очищенія Конвента, каковое было совершено 31-го мая.

13.

Нѣсколько дней спустя Робеспьеръ высказался яснѣе; онъ выставилъ себя жертвой и старался возбудить къ себѣ сочувствіе, почти жалость со стороны патріотовъ: „Эти чудовища“, воскликнулъ онъ: — „стараясь навлечь позоръ на каждого, кто внушаетъ имъ страхъ строгостью своихъ нравовъ и своею неподкупной честностью. Лучше намъ было бы вернуться въ лѣса, чѣмъ добиваться такимъ образомъ почета, извѣстности и богатства въ республикѣ. Мы можемъ упрочить ее только покровительственными учрежденіями, а эти учрежденія могутъ быть созданы не иначе какъ съ уничтоженіемъ неисправимыхъ враговъ свободы и добродѣтели. Но эти изверги не восторжествуютъ“, продолжалъ онъ: — „эти низкіе заговорщики должны или отказаться отъ своего заговора или отнять у насъ жизнь! Я знаю, что они попытаются сдѣлать это. Они покушаются на это ежедневно. Но геній свободы паритъ надъ патріотами!“

Эти воззванія приводили въ сильнѣйшее возбужденіе небольшое число якобинцевъ, которые окружали его каждый вечеръ. Эти люди дѣла готовы были идти вмѣстѣ съ Робеспьеромъ къ цѣли, которую онъ имъ намѣчалъ. Они предупредили даже его. Въ своемъ нетерпѣніи они жаждали открытаго возстанія. Они заклинали своего учителя назвать имъ своихъ враговъ. Они клялись, что убьютъ ихъ за его дѣло. Буонаротти, Леба, Пейанъ, Кутонъ, Флеріо-Леско, Генрію, Сентъ-Жюсть не переставали упрекать его въ умѣренности и щепетильности. Народъ готовъ былъ возстать по его призыву и вручить ему власть и право мести. Робеспьеръ продолжалъ отказываться отъ диктатуры съ непонятнымъ упорствомъ. „Имя мятежника приводитъ меня въ ужасъ“, говорилъ онъ: — „Тѣнь Катилины всегда встаетъ передо мной. Я уважалъ въ лицѣ Конвента

отечество, законъ, народъ. Мысль сдѣлать насильственное покушеніе напредставительство и явиться такимъ образомъ нарушителемъ неприкосновенности народнаго всемогущества, которое я проповѣдывалъ всю свою жизнь, кажется мнѣ святотатствомъ. Я не хочу запятнать узурпаторствомъ ни свою добродѣтель какъ республиканца, ни память по себѣ. Я хочу власти, но власти дарованной, а не похищенной“. Онъ крѣпко вѣрилъ въ себя, во всемогущество своего слова, въ свою неприкосновенность вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ популярности. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что одной только силой правды и убѣжденія заставить Конвентъ отдать ему власть, которой онъ не хотѣлъ добиваться силой и мятежомъ. Онъ думалъ, что республика признаетъ за нимъ сама превосходство генія и неподкупности. Кумиръ народа, возвышенный и возвеличенный народомъ, въ теченіе пяти лѣтъ выслушивавшій его лесть и принимавшій его поклоненіе, онъ хотѣлъ, чтобы народъ сказалъ свое послѣднее слово и провозгласилъ его первымъ человекомъ въ республикѣ. „Горе людямъ“, часто повторялъ онъ своимъ друзьямъ:—„воплощающимъ въ себѣ отечество и захватывающимъ свободу, какъ свою собственность! Родина ихъ умираетъ вмѣстѣ съ ними, а перевороты, которые они подчинили себѣ, представляютъ не что иное какъ перемѣну рабства. Нѣтъ, не надо Кромвелей“, постоянно повторялъ онъ:—„ни даже меня!“

14.

Погруженный въ подобныя мысли, Робеспьеръ готовилъ втихомолку, вмѣсто всякаго другого оружія, рѣчь для Конвента; въ этой рѣчи онъ громилъ своихъ враговъ, рисуя предъ глазами народа ихъ интриги и свою собственную неподкупность. Онъ тщательно отдѣлывалъ эту рѣчь, столь же обширную, какъ республика, теоретичную, какъ философія, и восторженную, какъ революція. Въ ней онъ рисовалъ перомъ Тацита картину всѣхъ преступленій, подкупности, опасностей, которыя унижали, пятнали или угрожали республикѣ. Онъ постоянно намекалъ на отвѣтственность, которая падаетъ за наши несчастія на правительства и комитеты. Онъ рисовалъ такими яркими чертами пороки Конвента, что оставалось только назвать имена его враговъ. Наконецъ, въ заключеніе онъ приходилъ къ необходимости реформировать революціонныя учрежденія, не обозначая въ точности, въ чемъ должны заключаться эти реформы, и призывалъ Конвентъ подумать объ этомъ.

Это заключеніе, болѣе повелительное, чѣмъ если бы онъ самъ формулировалъ смертный приговоръ своимъ врагамъ, должно было вызвать ужасныя резолюціи противъ его завистниковъ и полномочія, болѣе неограниченныя для него, чѣмъ тѣ, которыя онъ формулировалъ. У тираніи есть свой стыдъ, надъ которымъ надо употребить насиліе. То, что ей даютъ, всегда превосходитъ то, чего она осмѣлилась бы требовать.

Эта рѣчь была раздѣлена на двѣ части и должна была занять два засѣданія. Въ первой части Робеспьеръ громилъ, не поражая никого, и указывалъ, не называя именъ. Во второй части онъ подготовлялъ возраженіе, если бы кто-нибудь имѣлъ дерзость отвѣтить ему, онъ выходилъ изъ тучъ, онъ поражалъ какъ громъ, онъ опутывалъ одного за другимъ всѣхъ враждебныхъ ему чле-

новъ комитетовъ. Онъ называлъ, клеймилъ, поражалъ, увлекалъ съ трибуны на эшафотъ виновныхъ, оставшихся до тѣхъ поръ незамѣченными. Для этой-то цѣли онъ набросалъ въ секретныхъ замѣткахъ своей полиціи портреты лицъ, предназначенныхъ быть выставленными къ этому позорному столбу. Вооружившись этими двумя рѣчами, Робеспьеръ спокойно ожидалъ битвы; его противники начали подозрѣвать его. Никто не обладалъ такой увѣренностью въ себѣ, чтобы открыто вступить въ борьбу съ кумиромъ якобинцевъ. Всѣ знали, что народъ остается ему вѣренъ. Его вліяніе внушало страхъ Конвенту. Смерть по одному его движенію могла поразить всѣ головы. Ввиду этихъ затрудненій, Бареръ предлагалъ войти съ нимъ въ соглашеніе. Колло-д'Эрбуа говорилъ о недоразумѣніяхъ. Даже Билло-Вареннъ произнесъ слово: миръ. Комитеты выражали намѣреніе уступить вслѣдствіе одного только его отсутствія. Угодливые посредники предлагали свои услуги, чтобы избѣгнуть разрыва. Лежандръ льстилъ. Баррасъ, Бурдонъ, Фреронъ, Талліенъ одни только затаили въ себѣ ненависть и пламя заговора.

15.

Однако переговоры закончились необходимостью свиданія между Робеспьеромъ и главными членами обоихъ комитетовъ. Они условились встрѣтиться въ Комитетѣ общественнаго спасенія. Кутонъ, Сень-Жюсть, Давидъ, Леба явились вмѣстѣ съ Робеспьеромъ. Лица у всѣхъ выражали смущеніе, глаза были опущены, никто не произнесъ ни слова. Чувствовалось, что обѣ партіи, идя на примиреніе, въ то же время боялись, чтобы кто-нибудь не проникъ въ ихъ мысли.

Илья Лакостъ изложилъ подробно неудовольствія комитетовъ. „Вы составляете *тріумvirатъ*“, сказалъ онъ Сень-Жюсту, Кутону и Робеспьеру. — „Тріумvirатъ“, возразилъ Кутонъ:—не составляется изъ трехъ мыслящихъ головъ, сходящихся въ одномъ мнѣніи; тріумвиры узурпируютъ всю власть, а мы предоставляемъ ее вамъ“. — „Въ этомъ-то мы и обвиняемъ васъ“, воскликнулъ Колло-д'Эрбуа:—„отказаться отъ правленія въ такое трудное время такой силѣ, какую представляете вы—значитъ измѣнить ему и предать его въ руки враговъ свободы“. Затѣмъ, обратившись къ Робеспьеру въ театральномъ тонѣ и съ умоляющимъ жестомъ, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ упасть передъ нимъ на колѣни: „Заклинаю тебя именемъ отечества и твоей собственной славы“, сказалъ онъ ему:—„позволь убѣдить себя нашей искренностью и самоотверженіемъ; ты первый гражданинъ республики, мы — второстепенные; мы чувствуемъ къ тебѣ почтеніе, которое ты заслужилъ своею честностью, краснорѣчіемъ, гениемъ; вернись къ намъ, помиримся, пожертвуемъ интриганами, которые стремятся разъединить насъ, спасемъ свободу нашимъ союзомъ!“

Робеспьеръ, казалось, былъ тронутъ убѣжденіями Колло-д'Эрбуа. Онъ жаловался на тайныя обвиненія, которые распространяли относительно его желанія якобы захватить диктатуру; онъ заявилъ, что относится совершенно равнодушно къ власти; онъ предложилъ даже отказаться отъ управленія полицейскимъ бюро, заведываніе которымъ вызывало упреки по его адресу; онъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилъ о заговорщикахъ, которыхъ прежде всего необходимо было уничтожить въ Конвентѣ.

Карно и Сент-Жюсть имѣли очень непріятное объясненіе по поводу восемнадцати тысячъ человѣкъ, которыхъ Карно отдѣлилъ отъ Сѣверной арміи и выставилъ противъ всѣхъ силъ Кобурга, намѣреваясь отправить ихъ для завоеванія Фландріи съ моря. „Вы все хотите забрать въ свои руки“, воскликнулъ Карно:—„Вы разстраиваете всѣ мои планы, казните генераловъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, сокращаете кампаніи. Я предоставилъ вамъ управленіе внутри страны, такъ оставьте же мнѣ поле битвы, а если вы хотите захватить и его, какъ и все остальное, такъ возьмите на себя отвѣтственность за границы! Что станется со свободой, если вы погубите отечество?“

Сент-Жюсть скромно оправдывался и заявилъ, что относится съ полнымъ уваженіемъ къ военному генію Карно. Бареръ лстилъ и старался привести стороны къ примиренію. Одинъ Билло молчалъ. Его молчаніе беспокоило Сент-Жюста. „Есть люди“, сказалъ юный фанатикъ:—„мрачное выраженіе лицъ и блѣдность которыхъ заставили бы Ликурга прогнать ихъ изъ Лакедемоніи.—“ „Есть люди, продолжалъ Билло:—„скрывающіе свое честолюбіе за молодостью лѣтъ и разыгрывающіе Алкивіадовъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться Пизистратами!“

При имени Пизистрата Робеспьеръ вообразилъ, что указываютъ на него. Онъ хотѣлъ удалиться. Робертъ Линде вмѣшался въ споръ и сказалъ нѣсколько разумныхъ и мягкихъ словъ. Лицо Билло прояснилось, и онъ обратился къ Робеспьеру, протягивая ему руку: „Въ сущности я упрекаю тебя только въ твоихъ вѣчныхъ подозрѣніяхъ; я охотно высказываю тѣ подозрѣнія, которыя я лично питаю противъ тебя. Въ чемъ намъ прощать другъ друга? Развѣ мы не думали и не говорили всегда одинаково во всѣхъ крупныхъ вопросахъ, которые волновали республику и совѣты?“—Это правда, сказалъ Робеспьеръ:—но вы убиваете безъ разбора виновныхъ и невинныхъ, аристократовъ и патриотовъ!—„Зачѣмъ тебя нѣтъ съ нами, чтобы ты могъ дѣлать между ними выборъ?“—Настало время, отвѣтилъ Робеспьеръ:—учредить такой судъ, который не выбиралъ бы, а поражалъ съ безпристрастіемъ закона и не руководствовался бы случайностью и предубѣжденіемъ партій.

Споръ возгорѣлся по этому поводу. Дѣло касалось жизни тысячъ гражданъ. Робеспьеръ хотѣлъ урегулировать и умиротворить терроръ, а прочіе объявили, что онъ необходимъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо для того, чтобы уничтожить и искоренить крамольниковъ. „Такъ къ чему же вы избрали законъ 22 преріала?“ спросилъ Билло:—„неужели для того, чтобы онъ покоился въ своей обложкѣ?“—Нѣтъ, возразилъ Робеспьеръ:—для того, чтобы грозить свыше всѣмъ врагамъ революціи безъ исключенія и даже мнѣ самому, если бы я поднималъ свою голову выше законовъ.

Пришли къ соглашенію, какъ говорятъ, относительно небольшого числа опасныхъ людей, волновавшихъ Конвентъ, рѣшивъ пожертвовать ими, если они окажутся виновными, ради безопасности республики и умиротворенія правительства. Условились, что Сент-Жюсть сдѣлаетъ докладъ о положеніи вещей и какимъ образомъ успокоить несогласія и доказать республикѣ, что между ними воцарилось полное согласіе. Всѣ разошлись, повидимому, примиренные.